

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2016. № 409. Август

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2016. № 409. August

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потехаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.С. Янушкевич,
д-р филол. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Aleksandr S. Yanushkevich,
Doctor of Philology, Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Белоусова Е.В.** Нравственное влияние Н.Н. Толстого
на младшего брата (по материалам дневника и переписки
Л.Н. Толстого) 5
Огудов С.А. Дискуссия о рассказе и показе в нарратологии:
проблемы и перспективы 14

ИСТОРИЯ

- Антонова Е.К.** О методике многомерного факторного
анализа, процесса включения мелкотоварного крестьянского
хозяйства Западной Сибири рубежа XIX–XX вв.
в рыночные отношения 20
Архангельская Л.В. Внеклассные занятия в женских
гимназиях Пермской губернии (вторая половина XIX –
начало XX в.) 25
Димони Т.М. Специфика демографических потерь
тылового региона в Великой Отечественной войне
(на материалах Вологодской области) 33
Добровольский А.В. Эсеры Томской губернии
в документах и материалах
сибирских органов ВЧК (1920–1921 гг.) 41
Долидович О.М. Учащиеся Барнаула в практике
благотворительной работы в годы Первой мировой войны 47
Дунбинский И.А., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф.
К вопросу о дате основания Ботанического сада
при Императорском Томском университете 55
Зиновьев В.П. Промышленность, промыслы, ремесла
и торговля в Сибири в XVIII в. – 1820-е гг. 61
Ковалевский С.А. Традиция трупобожения
в ирменской погребально-поминальной обрядности 68
Козлова Д.С. Становление института губернского комиссара
в период революции 1917 г. (на примере Томской губернии) 72
Коньков Д.С. Нужна ли идентичность истории:
к критике концепции идентичности 79
Костерин С.В. Суд Чести при Союзе русских
студентов-эмигрантов в Польше 85
Крылова Д.Д. Английский позднесредневековый памфлет
об одержимости как исторический источник 91
Морозов Д.А. Религиозность и религия в русском
революционном народничестве и терроризме
в 1870–1880-х гг. 99
Муратшина К.Г. Создание Китаем Азиатского банка
инфраструктурных инвестиций и позиция Японии и других
партнеров США в АТР 104
Никиташина С.О. Личное дело выдающегося ученого
Д.И. Мушкетова как исторический источник 110
Никитин Д.С. Британский комитет Индийского
национального конгресса: цели, задачи, итоги деятельности 115
Никсулин Д.О. Подготовка унтер-офицеров и ефрейторов
в сибирском тылу во время Первой мировой войны 118
Расколец В.В. Состав участников Съезда по организации
Института исследования Сибири в Томске 122
Соков И.А. С.Б. Ликок о формировании канадской
политической культуры в XIX – первой половине XX в. 128
Соколова Т.Л. Влияние периодической печати
на общественно-политическую жизнь региона:
опыт исследования 135

CONTENTS

PHILOLOGY

- Belousova E.V.** Moral influence of N.N. Tolstoy
on his younger brother (based on the diary
and correspondence of L.N. Tolstoy) 5
Ogudov S.E. A discussion about telling and showing
in narratology: problems and perspectives 14

HISTORY

- Antonova E.K.** On the method of multivariate factor analysis,
the inclusion of small-scale peasant economy
of Western Siberia
at the turn of the 20th century in market relations 20
Arkhangelskaya L.V. Extracurricular studies in women's
secondary schools of Perm Province (second half of the 19th –
early 20th centuries) 25
Dimoni T.M. Specifics of demographic losses
in the rear region during the Great Patriotic War
(on materials of Vologda Oblast) 33
Dobrovolsky A.V. Tomsk Province socialists-revolutionaries
in the documents and materials of the Siberian bodies
of the All-Russian Extraordinary Commission during 1920–1921 41
Dolidovich O.M. Students of Barnaul in the practice of charity
work during the First World War 47
Dunbinskiy I.A., Nekrylov S.A., Fominykh S.F.
On the foundation date of the Botanical Garden
of the Imperial University of Tomsk 55
Zinoviev V.P. Industry, crafts and trade in Siberia
in the 1700s–1820s 61
Kovalevskiy S.A. The tradition of burning corpses
in Irmen funeral and memorial rites 68
Kozlova D.S. Establishment of the Provincial Commissioner Institute
during the Revolution of 1917 (on the example of Tomsk Province) 72
Konkov D.S. Does history need identity:
the critique of identity 79
Kosterin S.V. The Court of Honor of the Union
of Russian students-émigrés in Poland 85
Krylova D.D. English early modern pamphlets about possession
as historical sources 91
Morozov D.A. Religiosity and religion
in the Russian revolutionary populism and terrorism
in the 1870s–1880s 99
Muratshina K.G. The launch of the China-initiated Asian
Infrastructure Investment Bank and the reaction of Japan
and other US allies in the Asia-Pacific Region 104
Nikitashina S.O. The personal file of the outstanding scientist
D.I. Mushketov as a historical source 110
Nikitin D.S. The British Committee
of the Indian National Congress: objectives and results 115
Nikulin D.O. The training of non-commissioned officers
in the Siberian rear during the First World War 118
Raskolets V.V. The list of delegates of the Congress
on the Foundation of the Siberia Research Institute in Tomsk 122
Sokov I.A. S.B. Leacock on the history of the Canadian political
culture in the 19th – first half of the 20th centuries 128
Sokolova T.L. The influence of periodicals
on the public political life of the region:
a case study 135

Спичак А.В. Характеристика архивных материалов по истории приходских церквей Тобольской епархии XVIII – начала XX в.	139	Spichak A.V. Classification of documentary sources on the history of parish churches of the Tobolsk eparchy in the 18th – early 20th centuries	139
Суслов А.Ю. В поисках партийного единства: Второй съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров (Париж, 1928 г.)	145	Suslov A.Yu. In search of the party unity: the Second Congress of Foreign Organizations of the Socialist Revolutionary Party (Paris, 1928)	145
Хахалкина Е.В. Великобритания, процессы деколонизации в Азии и План Коломбо (1945–1951 гг.)	152	Khakhalkina E.V. Great Britain, decolonization in Asia and the Colombo Plan (1945–1951)	152
Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. И.П. Кузнецов-Красноярский – историк и музеевед	157	Chernyak E.I., Dmitrienko N.M. I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy as a historian and museographer	157

ПРАВО

Демченко В.А. Понятие халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности в уголовном праве	164	Demchenko V.A. The concept of negligence of health workers in professional activities in criminal law	164
Зайцев А.О. Отдельные аспекты международно-правового стандарта обоснованности принятия судом решения о заключении лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, под стражу	167	Zaytsev A.O. Certain aspects of the international legal standard of the validity of the court decision about the detention of the accused (suspected)	167
Нехороших М.Е. Основания поворота к худшему в суде кассационной инстанции	171	Nekhoroshikh M.E. Grounds for a turn for the worse in courts of cassation	171
Скоревич А.С., Фоминых И.С., Ахмедшин Р.Л. О взаимосвязи между особенностями папиллярного узора и психологическими свойствами личности	178	Skorevich A.S., Fominykh I.S., Akhmedshin R.L. On the correlation between the properties of fingerprints and psychological features of a person	178
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	187	BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	187

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801. 82-6

Е.В. Белоусова

НРАВСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ Н.Н. ТОЛСТОГО НА МЛАДШЕГО БРАТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА И ПЕРЕПИСКИ Л.Н. ТОЛСТОГО)

Освещается проблема нравственного и творческого влияния на Л.Н. Толстого его старшего брата Н.Н. Толстого. Рассмотрено взаимоотношение братьев в начале 1850-х гг., когда перед Л.Н. Толстым встал вопрос выбора жизненного пути. Показаны причины разного мировосприятия братьев: старший брат – участник Кавказской войны с 1846 г., младший, Лев – светский человек, не знающий жизни, увлекавшийся призрачными идеалами. Автор обращает внимание на большое значение Кавказа в судьбах братьев Толстых, где началась их литературная деятельность.

Ключевые слова: «лучший друг»; «зелёная палочка»; взаимоотношения; противоположность мировосприятия; руководство; Кавказ; набег; творчество.

«Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, – это был лучший мой друг» [1. Т. 60. С. 356], – так писал Л.Н. Толстой о своём старшем брате Н.Н. Толстом, всестороннее влияние которого он ощущал с раннего детства до конца своих дней. Н.Н. Толстой скончался в 1860 г. в возрасте тридцати семи лет, когда Л.Н. Толстому было тридцать два года. Впереди была большая жизнь, мировая известность, множество единомышленников и почитателей, встречи и переписка со знаменитостями; многих из них писатель именoval своими друзьями. Однако эти взаимоотношения были основаны преимущественно на единстве этических, религиозно-философских, политических взглядов и не затрагивали глубинных основ взаимного притяжения.

Чем дальше в прошлое уходили воспоминания о брате, тем явственнее в представлении Л.Н. Толстого обозначался духовный облик Николеньки. В сокровенном уголке Ясной Поляны по-прежнему лежал в земле ответ на вечные вопросы бытия: «Главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня» [1. Т. 34. С. 386]. Это желание писателя, юридически закреплённое завещанием, является неопровержимым свидетельством того, насколько важно для него было всё, связанное с братом, и эта память со смертью Л.Н. Толстого простиралась уже в сферы иного бытия.

Все авторитетные исследователи творчества Л.Н. Толстого (Н.Н. Гусев, П.И. Бирюков, Л.Д. Опульская-Громова, Н.И. Бурнашева) обращали внимание на то, что личность старшего брата и всё, связанное с ним, были священны для писателя. Тем не менее жизнь, литературная деятельность Н.Н. Толстого, проблемы его нравственного и творческого влияния на Л.Н. Толстого до сих пор не стали темой отдельного исследования учёных. Одна из причин этого –

внешняя незаметность факта его воздействия на характер, мировоззрение, выбор жизненного пути Л.Н. Толстого, несмотря на то что источниковедческая база, дающая основание для такого утверждения, достаточно обширна – это 14 томов дневников и 27 томов писем Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах [1]. Записи о брате чаще всего встречаются с конца 1840-х до 1860 г. – это период взросления Л.Н. Толстого, становления характера, выработки жизненных принципов, выявления своих недостатков, и в это время советы брата-наставника были особенно необходимы. Как правило, лаконичные дневниковые заметки Л.Н. Толстого о словах, поступках Николеньки¹ имплицитно несут большой и важный для него смысл, и более конкретные размышления об этом он излагает на страницах писем родным. Сложность исследования проблемы взаимоотношений братьев состоит в том, что упоминания о брате приходится буквально по крупицам отделять от огромного эпистолярно-дневникового наследия Л.Н. Толстого.

Относительно целостное представление об облике Н.Н. Толстого дают его письма младшему брату² [4], а также его произведения, оставшиеся незаконченными. Только одно из них – очерки «Охота на Кавказе», создававшиеся в 1840–1850-е гг. и не предназначавшиеся для печати, – было опубликовано по инициативе Л.Н. Толстого в февральской книжке журнала «Современник» за 1857 г. Очерки были встречены восторженными откликами И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, И.И. Панаева, Д.В. Григорovichа, А.В. Дружинина. «Тургенев говорил про него очень верно, что он не имел только тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть писателем. Он не имел главного нужного для этого недостатка: у него не было тщеславия, ему совершенно неинтересно было, что о нем думают люди. Качества же писателя, которые были у него, было прежде всего тонкое художественное чутье, крайнее чувство меры, добродушный, веселый юмор, необыкновенное, неистощимое воображение и правдивое, высоко нравственное мировоззрение, и всё это без малейшего самодовольства» [1. Т. 34. С. 386], – так писал в 1904 г. Л.Н. Толстой в «Воспоминаниях».

Отдельное издание «Охоты на Кавказе» было подготовлено М.О. Гершензоном в 1922 г. Оставшиеся в рукописи повесть «Пластун», представляющая собой записки со слов абрека, встреченного автором в горах, и охотничьи заметки «Заяц» и «Весенние поля» были опубликованы в 1927–1928 гг. Последний раз все названные произведения увидели свет в 1987 г. [12]. Небольшое по объёму творчество Н.Н. Толстого служило первоисточником для Л.Н. Толстого при создании повести «Казачи», романа-эпопеи «Война и мир», рассказов для «Азбуки», повести «Хаджи-Мурат».

Изложенные положения о роли Н.Н. Толстого в жизни младшего брата, о влиянии его творчества на литературную деятельность Л.Н. Толстого имеют веские основания стать предметом научного исследования. Помимо этого, в наш век переоценки, а точнее – недооценки моральных абсолютов и подмены их культом индивидуализма, актуальна ещё одна проблема, открывающаяся благодаря исследованию взаимоотношений братьев – прочность родственных связей, которыми дорожили в семье Толстых.

Нравственное влияние Н.Н. Толстого его младший брат ощущал всю жизнь; масштаб творческого воздействия – полвека: от повести «Детство» до последнего шедевра, «лебединой песни» – повести «Хаджи-Мурат».

Период взросления Л.Н. Толстого и поисков применения своей жизненной энергии пришёлся на 1850-е гг. В то время Н.Н. Толстой был на Кавказе, а Л.Н. Толстой проводил время то в Ясной Поляне, то в Москве, присматриваясь к высшему свету и пытаясь найти для себя выгодное место и связи. «22 декабря 1850 года Николай Николаевич Толстой, три года не выдававшийся с братьями, приехал с Кавказа в долгосрочный отпуск. Он остановился у сестры в Покровском и немедленно написал Льву Николаевичу в Москву, прося его поскорее приехать повидаться» [2. С. 277], – писал Н.Н. Гусев.

1 января 1851 г. произошла встреча братьев. Л.Н. Толстой записал в дневнике: «Был в Покровском, виделся с Николенькой, он не переменялся, я же очень много, я мог иметь на него влияние, ежели бы он не был столько странен; он или ничего не замечает и не любит меня, или старается делать, как будто он не замечает и не любит» [1. Т. 46. С. 44]. «Человек, испытывающий себя» [Там же. Т. 59. С. 94], как называла Льва Т.А. Ёргольская, испытывал и окружающих. С последней встречи с братом в 1847 г. прошло три года; всё это время Н.Н. Толстой был в эпицентре Кавказской войны, где набеги, штурмы, атаки и осады сменяли одна другую, и везде по пятам за ним шла смерть. Перед лицом постоянной смертельной опасности неминуемо изменяется духовный мир человека, он сильнее ощущает близость Бога, напоминающего душе о Вечности. Н.Н. Толстой не вёл дневника, не испытывал себя над его страницами, и лишь он один знал, какие изменения претерпела его душа в тех условиях, в которые он себя поставил. Несомненно, он много размышлял об этом, как это делали во все века люди, жившие вневременными, Богооткровенными истинами.

Христианская аскетика устами святых Отцов и Учителей Церкви говорит о великой пользе памятования о смерти. Современник братьев Толстых и духовный наставник их тётушки и опекуны А.И. Остен-Сакен, Оптинский старец Макарий (Иванов) писал своим духовным чадам: «Иногда умственное моё око, развлечённое суетою, оставляет созерцание моей печальной участи, но едва встретится какое-либо внезапное скорбное приключение, опять быстро притекает к моему любимому поучению, как младенец к сосцам матерним, – к поучению о смерти, ибо в истинной печали сокрыто истинное утешение, и благоразумное памятование смерти расторгает смертные узы!» [3. Т. 2. С. 13]. С мировоззрением, более склонным к созерцанию и памятованию не о временных, а о вечных ценностях, приехал Николай с Кавказа. Брат не заметил этого при встрече.

Какие перемены произошли за это время в жизни Л.Н. Толстого? Усадебный уединённый образ жизни всё чаще стал нарушаться поездками в Тулу, сопровождавшимися кутежами с цыганами и карточной игрой. 4 декабря 1850 г. он уехал в Москву с такими планами: «(1) Попасть в круг игроков и, при деньгах, играть; 2) Попасть в высокий свет и, при известных условиях, жениться; 3) Найти место выгодное для службы» [1. Т. 46. С. 45]. В составленных им «Правилах для общества» важное место занимает стремление научиться «быть сколь можно холоднее и никакого впечатления не выказывать» [Там же. С. 40]. По словам биографа Н.Н. Гусева, «общение со светским обществом не привело самого Толстого к распущенной жизни» [2. С. 273]. Л.Н. Толстой считал иначе и на закате жизни в «Воспоминаниях» так писал об этом периоде: «Когда я подумал о том, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся перед тем впечатлением, которое должна была бы произвести такая биография» [1. Т. 34. С. 345].

При встрече братьев в первый день Нового, 1851 г. Л.Н. Толстого обидело невнимание брата к перемене, которая, по ощущению Льва, в нём произошла вследствие вращения в московском свете. В лице двух братьев – опытного боевого кавказца и молодого барина, учившегося светской жизни и возлагавшего большие надежды на её выгоды, столкнулись два противоположных мировосприятия. Мудрость и такт Николая, выразившиеся в позиции «не замечать» перемен не в лучшую сторону в брате, вызвали обиду. Этой причиной объясняется холодный тон дневниковой записи Л.Н. Толстого 1 января об их встрече, после которой он уехал в Ясную Поляну, а оттуда через два дня – в Москву.

17 января 1851 г. из Москвы Л.Н. Толстой писал Т.А. Ёргольской: «Письмецо ваше <...> такое неприятное, полученное мною в Туле, меня глубоко опечалило, сказал бы даже, сделало мне больно <...>. – Почему вы думаете, что здравый смысл и деликатность не подскажут мне показать своему брату, что я счастлив его видеть и расstaюсь с ним с сожалением. Уверяю вас, что, не взирая на внешнюю холодность и равнодушие в наших отношениях, он убеждён более,

чем когда-либо, что я люблю его по-прежнему, что я всегда любил его, т.е. настолько, насколько я могу любить, и что сам он лучше ко мне расположен с тех пор, как мы встретились» [1. Т. 59. С. 85]. Насколько можно судить по началу письма, тётушка была глубоко опечалена возникшим между братьями непониманием и писала об этом племяннику. Она взывала к его «здравому смыслу и деликатности», но он не желал отказываться от усвоенного им тона «внешней холодности и равнодушия». Неожиданная конфликтная ситуация, возникшая при встрече братьев, открывает ещё один – внутренний, психологический конфликт, явившийся следствием рассеянной светской жизни Л.Н. Толстого: он теряет способность открыто проявить свою любовь к брату.

На письмо племянника Т.А. Ёргольская отвечала: «По поводу Николеньки ты говоришь, что после последней встречи он кажется лучше к тебе расположенным, чем во время вашей разлуки. Я знаю его доброе сердце, знаю его дружескую о тебе заботливость, поэтому-то я и желала бы, чтобы ты с доверием и с полной откровенностью говорил с ним обо всём, что тебя касается, чтобы ты советовался с ним относительно твоих дел и службы, ведь приобрёл же он опыт от шести лет службы. Чем больше я его вижу, чем больше я прислушиваюсь к нему, тем больше нахожу в нём достоинств. Пусть он руководит твоим поведением и поступками. Ты его мало видел, но ты мог воспользоваться его присутствием, а вместо этого ты, по его словам, избегал его, отклонялся от серьёзного разговора. Казалось бы естественным, что приятно общение с братом, с которым ты не видишься четыре года, а вместо этого, в Туле ты предпочёл проиграть всю ночь в карты. Ах, Лёвочка, неужели ты не бросишь эту проклятую страсть, которая может привести тебя к беде. – Всё это происходит от праздности и безделья» [1. Т. 59. С. 87]. Слова Т.А. Ёргольской о добром сердце и заботливости её старшего племянника можно назвать психологическим портретом Николая. С колыбели она наблюдала развитие его душевных качеств, ей первой М.Н. Толстая поверяла радости и печали о первенце, и материнское сердце чувствовало, что её Николенька будет очень сердечным и в проявлении его душевной заботы будет более всех из братьев нуждаться младший, Лев. Предвидение матери о приумножении лучших сторон его души сбылось, и тётушка понимала, что их «Лёвочке» нужен только такой руководитель: любящий, мудрый, опытный и заботливый.

Преобладающая тема дневниковых размышлений Л.Н. Толстого того периода – выработка всевозможных правил действий, постоянная нехватка денег, карточная игра, балы у Закревских, Волконских, Столыпиных, Горчаковых и Колошиных, обеды «у Князя Андрея Ивановича» [1. Т. 46. С. 47], ожидания приглашений, стремление подражать влиятельным персонам – и нескрываемое недовольство собой. Сохранилось очень мало писем Л.Н. Толстого «московского» периода, продолжавшегося с января до середины апреля 1851 г.: известны четыре его письма Т.А. Ёргольской, один её ответ от 27 января, упоминавшийся выше; три письма

Н.Н. Толстого брату и одно – Л.Н. Толстому от сестры. Об этих письмах речь пойдёт ниже.

Письмо Н.Н. Толстого с редакторской датой «до 21 января 1851 г.», написанное из Тулы, наполнено беспокойством о младшем брате Сергее, влюбившемся в цыганку. «Для Сергея было бы очень хорошо, если бы он поехал в Москву, к чему я его склоняю, но он и слышать об этом не хочет» [4. С. 70], – писал Н.Н. Толстой Льву. Они чрезвычайно тревожились о брате, что можно понять из следующих слов Николая в том же письме: «Я рассказываю тебе только о Сергее, потому что в течение двух дней, которые я недавно провёл с ним, он очень заинтересовал меня, я сделал наблюдения над его характером и заметил, что ты прав. Серёжа находится в серьёзной опасности совершенно опуститься» [Там же].

7 февраля 1851 г. Н.Н. Толстой писал брату: «Когда ты приедешь в Воротынку, надо будет устроить так, чтобы выделить семью моей кормилицы. Я хочу, чтобы эта женщина принадлежала мне, я, конечно, заплачу тебе сколько следует» [4. С. 72]. Мария Николаевна, мать Толстых в письмах Т.А. Ёргольской в 1824 г. упоминала кормилицу своего первенца Николеньки и её «добронравие». Очевидно, в письме Н.Н. Толстого речь шла об этой кормилице и её семье. Они нужны были Н.Н. Толстому не в качестве рабочей силы: главным было то, что эта женщина помнила их мать, весь уклад семейной жизни Толстых, была частью далёкого детства. Неизвестно, была ли исполнена просьба Николая; Малая Воротынка Богородицкого уезда Тульской губернии, где числилось 22 души крестьян, принадлежала по Раздельному акту Л.Н. Толстому и в 1851 г. была им продана.

В середине февраля 1851 г. Н.Н. Толстой уехал в Москву к брату. «Приезд Николеньки был для меня очень приятной неожиданностью, так как я почти потерял надежду, что он ко мне приедет. – Я так ему обрадовался, что даже несколько запустил свои обязанности, вернее изменил своей привычке – в многолюдстве не рассеиваться» [1. Т. 59. С. 92], – сообщал Л.Н. Толстой Т.А. Ёргольской. Был существенный повод для того, чтобы «рассеиваться» в дни приезда Николая: 20–26 февраля была Масленица³, которую братья, судя по письму их сестры М.Н. Толстой, адресованному Льву, проводили весело: «Николенька нам рассказал, как ты был одет майским жуком, это нас очень позабавило – я бы очень хотела увидеть тебя преображённым в насекомое, не нашёл ли ты какой-нибудь хорошенькой паучихи, за которой ты ухаживал?» [4. С. 72].

«Руководство поведением и поступками» со стороны старшего брата, чего так желала Т.А. Ёргольская, вскоре отразилось в дневниковой записи Л.Н. Толстого: «Много пропустил я времени. Сначала завлёкся удовольствиями светскими, потом опять стало на душе пусто; и от занятий отстал, т.е. от занятий, имеющих предметом свою собственную личность. – Мучало (так в тексте. – Е.Б.) меня долго то, что нет у меня ни одной задушевной мысли или чувства, которое бы обуславливало всё направление жизни – всё так, как придётся; теперь же кажется мне, нашёл я

задушевную идею и постоянную цель, это – развитие воли, цель, к которой я давно уж стремлюсь; но которую я только теперь сознал не просто как идею, но как идею, сроднившуюся с моей душой» [1. Т. 46. С. 45–46], – так писал он 28 февраля 1851 г. под несомненным влиянием находившегося рядом брата. Оставшись снова в одиночестве после его отъезда, в первых числах марта 1851 г. Л.Н. Толстой писал тётушке о своих планах, несомненно, родившихся в результате советов Николая: «К концу мая приеду в Ясное, проведу там месяц или два, стараясь как можно дольше задержать там Николеньку, а потом с ним вместе съезжу на Кавказ (всё в том случае, ежели мне здесь ничего не удастся)» [Там же. Т. 59. С. 92].

С 1 марта 1851 г. дневник ведётся почти ежедневно, в отличие от предыдущих месяцев. Л.Н. Толстого занимают теперь более серьёзные проблемы: чтение и конспектирование прочитанного, занятия музыкой и гимнастикой, выработка терпения, борьба с курением. Он подвергает глубокому анализу свои поступки: «Немного стал я ослабевать, от того, главное, что мне начинало казаться, что сколько я над собой не работаю, ничего из меня не выйдет. – Эта же мысль пришла мне потому, что я исключительно занимался напряжением воли, не заботясь о форме, в которой она проявлялась. – Постараюсь исправить эту ошибку» [Там же. Т. 46. С. 46]. Под влиянием старшего брата Л.Н. Толстой, наконец, увидел невозможность реализации своих планов, с которыми он приехал в Москву. Оказалось, что «напряжение воли» устремлено к призрачным ориентирам, внутренняя работа не соответствует внешней форме. Изменяется характер «правил»: они нацелены теперь не на выработку светских привычек и поведения, а на анализ душевной и умственной деятельности. «Нахожу для дневника, кроме определения будущих действий, полезную цель – отчёт каждого дня, с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться» [1. Т. 46. С. 47], – в подобных записях, родившихся в результате общения и задушевных бесед с братом, видится зародыш всего будущего дневника писателя – самого большого его произведения-исповеди, писавшейся шестьдесят лет.

Нравственная работа над собой, усилившаяся после общения с Н.Н. Толстым, вскоре принесла свои первые плоды – очень скоро Лев увидел, что ни один из пунктов его плана не реализован: «Приехал я в Москву с тремя целями. 1) Играть. – 2) Жениться. 3) Получить место. – Первое скверно и низко <...>. Второе, благодаря умным советам брата Ник[олиньки], оставил до тех пор, пока принудит к тому любовь, или рассудок, или даже судьба, которой нельзя во всём противодействовать⁴. Последнее невозможно до 2 лет службы в Губернии» [Там же. С. 53], – писал Л.Н. Толстой 20 марта 1851 г. Он увидел причины своих неудач: «Много слабостей имел я в это время. Главное, мало обращал внимания на правила нравственные, увлекаясь правилами, нужными для успеха. Потом, имел слишком тесный взгляд на вещи; например, давал себе много правил, которые все можно было привести к одному – не иметь тщеславия. Забывая, что условием, необходимым для успеха, есть

уверенность в себе, презрение к мелочам, которое не может иначе произойти, как от моральной возвышенности» [1. Т. 46. С. 53]. Новые ориентиры не выдуманы, а увидены в брате и являются «лестницей» духовного совершенствования: начало – избавление от тщеславия; следующие ступени – развитие уверенности в себе, внимание на своём внутреннем мире, не нарушаемом суетой мира; и, наконец, – «моральная возвышенность», как называл Л.Н. Толстой вершинную ступень борьбы человека со своей греховной природой.

Изменение характера дневника весной 1851 г. отмечает и Н.Н. Гусев, однако первостепенной причиной этого биограф считает знакомство Л.Н. Толстого с романом Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских», из которого он узнал о «франклиновском журнале» [2. С. 665–666]. «В том душевном состоянии недовольства собой, в каком находился тогда Толстой, рассказ о “франклиновском дневнике” показался ему откровением. К тому же стояла весна, которая и в этом году, как и раньше, действовала на Толстого возбуждающим образом» [Там же. С. 278]. Согласно мнению Н.Н. Гусева, на Л.Н. Толстого повлияли случайно совпавшие внешние факторы – книги и весна. Однако, как отмечено выше, дневник отразил изменение отношения Л.Н. Толстого к себе гораздо раньше, в конце зимы.

В феврале 1851 г. братья сфотографировались в дагеротипной мастерской Мазера. В 46-м томе Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого этот снимок воспроизведён и датирован апрелем 1851 г. [1. Т. 46. С. 34–35], а в книге Н.Н. Гусева «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год» датировка иная: «1 мая 1851 г.» [2. С. 288–289]. Обе датировки неверны, так как уже в начале марта Н.Н. Толстой был в Покровском у сестры, о чём она 3 марта 1851 г. писала Л.Н. Толстому в Москву: «Ты не можешь себе представить удовольствие, которое ты мне доставил, заказав свой портрет, дорогой Лёвочка, вы поразительно похожи оба» [4. С. 72]. Далее она пишет, что 2 марта ей исполнился двадцать один год, и что брат Николай приехал в Покровское. В комментарии к письму, опубликованному в книге «Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями» [4], сказано, что портрет был сделан в феврале 1851 г. Эта датировка совершенно соответствует периоду пребывания Н.Н. Толстого с братом в Москве. Скорее всего, дагеротипный снимок был сделан в качестве подарка сестре.

На снимке «Лев Николаевич изображён сидящим с палкой в руках; взгляд упорный, проницательный, несколько беспокойный; волосы причёсаны неровно, борода и усы выстрижены; костюм не отличается элегантностью; у его брата, одетого в военную форму, спокойный, сосредоточенный, ясный взгляд» [2. С. 291], – таким словесным портретом двадцатидвухлетнего Л.Н. Толстого дополняет снимок Н.Н. Гусев. Ничего не сказано о сидящем рядом Н.Н. Толстом. Он выглядит очень худым, мал по сравнению с младшим братом; над узкими плечами – красивый поворот головы с высоким лбом мудреца и умными проницательными глазами. Чувствуется, что это – сложившаяся личность с

правильными принципами, отсутствием тщеславия. Военная форма ему очень к лицу. Внешняя некрасивость преобразуется его открытым взглядом. По этому лицу можно представить отчасти внешность их матери: недаром Л.Н. Толстой писал, что Николенька внешне более всех был похож на неё.

«Надо полагать, что брат Николай взял на себя некоторое руководство “пустяшным малым”, тщетно стараясь стать “практическим” и “порядочным” человеком. Очевидно, он уговорил Толстого бросить эту светскую жизнь и поехать с ним на Кавказ, к месту его службы» [5. С. 161], – писал Б.М. Эйхенбаум о начале нового этапа жизни Л.Н. Толстого, решившего порвать со старыми привычками под воздействием брата.

Убедившись окончательно, что ему ничего не удастся достигнуть, Л.Н. Толстой принимает решение ехать на Кавказ. Этому способствовало и романтическое воспоминание о золотой шашке, которой был награждён доблестный кавказский офицер и друг юности Толстых Д.А. Милютин, встреча с которым в Москве в 1844 г. поразила братьев; и всеобщий интерес в обществе к краю, где жили воинственные народы, которых никак не могли покорить царские войска; и полоса неудач московского периода; и рассказы Николеньки о Кавказе, и, конечно, осознание того, что брат – это надёжная нравственная опора. Отъезжающий на Кавказ главный герой повести «Казаки» Дмитрий Оленин очень похож на Л.Н. Толстого: «Оленин был юноша, нигде не кончивший курса, нигде не служивший (только числившийся в каком-то присутственном месте), промотавший половину своего состояния и до двадцати четырёх лет не избравший ещё себе никакой карьеры и никогда ничего не делавший» [1. Т. 6. С. 7].

В первых числах мая братья отправились в путешествие на Кавказ. Дневник Л.Н. Толстого прервался на месяц, и в дороге из Саратова в Астрахань он кратко записал все события прошедшего месяца. В начале записи – снова размышления о переломе, совершившемся с ним недавно: «Последнее время, проведённое мною в Москве, интересно тем направлением и презрением к обществу и беспрестанной борьбой внутренней» [Там же. Т. 46. С. 60].

Путь братьев пролегал через Казань. В их письме к Т.А. Ёргольской из города, где прошли студенческие годы, Николай сообщал о том, что «Лёвочка уехал к г-же Загоскиной» [Там же. Т. 59. С. 95], начальнице Казанского Родионовского института, который в 1846 г. закончила их сестра. Братья побывали в Паново, имении В.И. Юшкова, мужа их тётушки П.И. Юшковой.

Следующее письмо М.Н. Толстой братья писали из Астрахани. Это было очень подробное, на пять страниц, описание их путешествия. Из утраченных четырёх страниц сохранились несколько строк Льва о своей влюблённости в казанскую барышню З.М. Молоствову и приписка Николая, полная юмора, но ничего не сообщающая о том, как он проводил время в Казани. Однако письмо М.Н. Толстой от 18 июля 1851 г. братьям содержит некоторые намёки на знакомства Н.Н. Толстого в казанском обществе. Она писала Льву: «Николенька сообщил мне, что молодые

дамы в Казани очень плодovitы – это меня несколько не удивляет <...>. Когда-нибудь, когда он женится на Полине Протасовой, он должен быть готов каждые 9 месяцев получать красного младенца, но ему нужно поторопиться, потому что тётушка Туанетта уже послала сваху узнать, какое у этих девиц приданое» [4. С. 75]. В том же письме сестра сообщала старшему брату о другой барышне: «Знаешь, Николенька, кто сейчас находится во Мценске? Юленька-жерменка, сестра Николая Сергеевича гр. Толстого. Я поеду нарочно во Мценск, чтобы с ней видаться» [Там же. С. 76]. Эти строки с упоминанием имён двух девушек – единственное, что нам известно о женском круге знакомых Н.Н. Толстого.

27 мая 1851 г. братья писали Т.А. Ёргольской. «Проездом в Москве я абонировался, поэтому книг у меня много, и читаю я даже в тарантасе. Затем, как вы отлично понимаете, общество Николеньки весьма способствует моему удовольствию», – писал Лев, а Николай прибавлял: «Уже достаточно долго тянется наше путешествие, хотя жаловаться не на что» [1. Т. 59. С. 100].

30 мая братья прибыли в казачью станицу Старогладковскую на левом берегу Терека – там были квартиры 20-й артиллерийской бригады, в которой служил Н.Н. Толстой. «Как я сюда попал? Не знаю. Зачем? Тоже» [Там же. Т. 46. С. 60], – таково было первое, пока неясное впечатление Л.Н. Толстого от изменения условий жизни.

22 июня 1851 г. Т.А. Ёргольская получила письмо от Л.Н. Толстого, интересное содержащимися в нём портретными набросками сослуживцев брата. Его внимание привлекают командир батареи Никита Петрович Алексеев, прапорщик Николай Иванович Бумеский, капитан Хилковский. В скором времени новые знакомые станут прототипами персонажей первого кавказского рассказа Л.Н. Толстого «Набег». «Офицеры все <...> совершенно необразованные, но славные люди и, главное, любящие Николеньку» [1. Т. 59. С. 105], – такое первоначальное впечатление складывается у Л.Н. Толстого. Следуя примеру брата, он определил верную позицию отношения к офицерам их батареи: «Я нашёл подходящую середину, в которой нет ни гордости, ни фамильярности; впрочем, в этом мне только приходилось следовать примеру Николеньки» [Там же].

Вскоре после приезда братьев в Старогладковскую Н.Н. Толстой должен был уехать в укрепление Старый Юрт «для прикрытия больных в Горячеводском лагере. Недавно открылись горячие и минеральные источники различных качеств <...>. Говорят даже, что эти воды лучше Пятигорских. Николенька уехал через неделю после своего приезда, я поехал вслед за ним» [Там же], – сообщал Л.Н. Толстой тётушке.

Летописец 20-й артиллерийской бригады историк М.А. Янжул писал, что в 1851 г. на Левом фланге Кавказской линии были сформированы колонны «для охранения больных, пользовавшихся старо-юртовскими минеральными водами, и для сопровождения транспортов – роты, одна сотня и взвод орудий батареей № 4 батареи, которым командовал поручик гр. Толстой» [6. С. 83–84].

22 июня 1851 г. Л.Н. Толстой писал своему казанскому знакомому А.С. Оголину: «Я живу теперь в Чечне около Горячеводского укрепления в лагере, — вчера была тревога и маленькая перестрелка, ждут на днях похода. Нашёл таки я ощущения» [1. Т. 59. С. 109]. «Жажда испытать ощущение большой опасности прежде всего руководила Толстым, когда он отправлялся в набег. Разумеется, говорило в нём и другое желание — собственными глазами увидеть войну и всё, что с нею связано» [2. С. 304], — так понимал Н.Н. Гусев слова письма об «ощущениях». Однако поход только предстоял в будущем, а форма прошедшего времени предложения подразумевает что-то уже совершившееся.

Это произошло в ночь с 11 на 12 июня в лагере Старого Юрта. Запись Л.Н. Толстого в дневнике о необычных и неожиданных ощущениях начинается очень буднично и просто: «Я сижу на барабане в балагане, который с каждой стороны примыкает к палатке, одна закрытая, в которой спит Кноринг (неприятный офицер), другая открытая, и совершенно мрачная, исключая одной полосы света, падающей на конец постели брата» [1. Т. 46. С. 61]. Другой свет — незримый — внезапно озаряет его душу. Свои чувства он подробно записал в дневнике утром следующего дня. С ним случилось то, что он испытал близость Бога и благодатное молитвенное состояние. «Мне хотелось слиться с Существом всеобъемлющим. Я просил Его простить преступления мои; но нет, я не просил этого, ибо я чувствовал, что ежели Оно дало мне эту блаженную минуту, то Оно простило меня. <...> Чувство страха совершенно исчезло. — Ни одного из чувств Веры, надежды и любви я не мог бы отделить от общего чувства. Нет, вот оно чувство, которое испытал я вчера — это любовь к Богу. — Любовь, высокую, соединяющую в себе всё хорошее, отрицающую всё дурное. <...> Ум теряется в этих безднах премудрости, а чувство боится оскорбить Его. — Благодарю Его за минуту блаженства, которая показала мне ничтожность и величие моё. Хочу молиться; но не умею; хочу постигнуть; но не смею — предаюсь в волю Твою!» [Там же. С. 62–63], — такая запись, приведённая с большими сокращениями, сделана на исходе второй недели пребывания его на Кавказе. По впечатлению, произведённому на душу Л.Н. Толстого, она не уступает описаниям молитвенных состояний духовно опытных подвижников.

Так скоро Л.Н. Толстой получил ответ на вопросы, с которых начинаются его кавказские записи дневника 30 мая 1851 г.: «Как я сюда попал? Не знаю. Зачем? То же» [1. Т. 46. С. 60]. Брат открыл ему край, где произошло духовное взросление и рождение будущего писателя.

Вскоре начался поход, в котором Л.Н. Толстой участвовал добровольцем, а Н.Н. Толстой стоял на передовой позиции при пушках. «Летом 1851 г. войска левого фланга были собраны снова под начальством ген.-м. князя Барятинского. В составе артиллерии отряда находились, между прочим, 4 орудия батареи № 4 батареи, которыми командовали капитан Хилковский, поручик гр. Толстой и подпоручик Сулимовский, ракетная команда подпоручика Ладыжен-

ского и вся лёгкая № 5 батарея под начальством капитана Янова с поручиком Парчевским и подпоручиком Рычковым» [6. Т. 2. С. 88], — писал М.А. Янжул.

Считается, что этот поход послужил материалом для рассказа «Набег», над которым Л.Н. Толстой работал в мае–декабре 1852 г. Это не совсем верно. Первых впечатлений добровольца-наблюдателя было ещё недостаточно для того, чтобы с такой философской глубиной показать всю противоестественность истребления человека человеком. Рассказ будет написан в конце 1852 г., после участия братьев в зимней экспедиции 1851–1852 гг., которую историки называют «погромом Чечни». Л.Н. Толстой принял участие в том походе ближе к его окончанию и находился в самых опасных точках рядом с братом, бывшим неотлучно в течение двух месяцев при артиллерийских орудиях под огнём горцев. В рассказе «Набег», как и в последующих «кавказских» произведениях писателя, отразится гораздо больший военный опыт Н.Н. Толстого⁵.

После участия в набеге Л.Н. Толстой решил поступать на военную службу. «Многие мне советуют поступить на службу здесь и, в особенности, князь Барятинский, которого протекция всемогуща» [1. Т. 59. С. 115], — писал он Т.А. Ёргольской 17 августа 1851 г. Для определения на службу необходимо было ехать в Тифлис. Н.Н. Толстой взял двухнедельный отпуск, чтобы сопровождать брата, и 25 октября 1851 г. они отправились в дорогу.

По приезду в Тифлис оказалось, что недостаёт документов об увольнении Л.Н. Толстого от гражданской службы. Было решено довести дело до конца, и для этого Л.Н. Толстой оставался в Тифлисе. «Так как срок отпуска Николеньки кончился, то он уехал три дня тому назад, — сообщал Л.Н. Толстой в письме от 12 ноября 1851 г. Т.А. Ёргольской. — <...> Я так свыкся быть постоянно с Николенькой, что разлука с ним, хотя и на короткий срок, мне тяжела. — К стыду своему сознаюсь, что только теперь я научился ценить, уважать и любить своего прекрасного брата так, как он этого заслуживает. И поминутно вспоминаются мне ваши добрые советы, дорогая тётенька. Как часто вы меня останавливали, когда я небрежно отзывался о Николеньке, и как вы были правы; говорю без притворной скромности, что Николенька во всех отношениях лучше нас всех» [Там же. С. 118]. Эти строки о брате — свидетельство того, что Л.Н. Толстой наконец серьёзно осознал огромную роль брата в своей жизни. В дальнейшем в его дневнике будут нередко появляться отрицательные высказывания о нём, о компании его друзей, которые, как казалось Л.Н. Толстому, недооценивали и портили «Николеньку». К этому будут примешиваться субъективные, временные моменты обиды и недовольства, чего невозможно избежать при постоянном общении с близким человеком. Кроме этого, психологический дискомфорт, происходивший от постоянного ощущения войны, не располагал к объективным оценкам. Как только братья оказались вдали от этого, напряжение ушло и Л.Н. Толстой понял, что для него значил брат. Строки письма о любви и уважении к нему свидетельствуют и о состоянии души

Л.Н. Толстого, которая снова раскрылась для выражения искренних чувств, чего она была лишена при их встрече в Москве зимой 1851 г.

Важность письма Л.Н. Толстого к тётушке этим не исчерпывается; он сообщает ей нечто весьма судьбоносное: «Помните, добрая тётенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы; так вот я послушался вашего совета – мои занятия, о которых я вам говорю – литературные. – Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу» [1. Т. 59. С. 119]. Речь идёт о работе над второй редакцией повести «Детство». Самые первые упоминания в дневнике о творческой работе Л.Н. Толстого «сходятся на дате <...> – 2 июня 1851 года и на 3–4 июля, когда началось писание собственно романа» [8. С. 111], который автор пока называл «Записками».

Склонность к литературным занятиям была присуща и Н.Н. Толстому. Существенным основанием для этого утверждения служат его письма, представляющие собой живые и красочные зарисовки природы и нравов. В данной статье цитировались многие его письма. Приходится только сожалеть, что значительная часть эпистолярного наследия Н.Н. Толстого утрачена: в обстановке военной жизни не было условий для хранения переписки. По этой же причине он не вёл дневника, однако потребность в художественном изложении побудила его взять в руки перо, в результате чего родились очерки «Охота на Кавказе», по высокой поэтичности описаний природы, животного мира, характеров и портретов горцев не уступающие шедеврам отечественной классики. Письма младшему брату были пробой пера, способом поделиться увиденным и своеобразной творческой мастерской, в которой формировался стиль, выделялось главное из множества впечатлений. В этом отношении интересно письмо Л.Н. Толстому, написанное в конце ноября 1851 г., вскоре после возвращения Н.Н. Толстого из Тифлиса. Оно отличается ярким стилем и метким юмором. В конце октября братья вдвоём ехали по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, и при возвращении в Старогладковскую той же дорогой Н.Н. Толстой решил запечатлеть свой обратный путь. В результате получился прекрасный путевой очерк. В него вошли и впечатления от романа Л. Стерна «Сентиментальное путешествие», который он читал в дороге и под небольшим влиянием которого находился при передаче впечатления от созерцания окрестных красот. Однако в большей степени эти живописные строки письма перекликаются с очерками А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»: Н.Н. Толстой упоминает те же самые живописные грузинские селения, через которые в 1829 г. проезжал поэт.

От Гарцискалы попутчиком Н.Н. Толстого оказался дьячок, «родом туляк» [4. С. 81]. Приехав в Душети, он узнал, что дальше дорога опасна: «На днях тут случилось несчастье, а именно, выражаясь словами зрителя: у *грузинского князя неизвестные хищники украли голову*»⁶ [Там же. С. 82]. Несмотря на это, Николай поехал дальше и ночевал в Анаури. Из Паса-

наури он ехал в компании церковнослужителя и двух грузин, «из которых один, Бичо Симон, всю дорогу распевал грузинские песни. <...> Дорога превосходная, по обеим сторонам горы, осетинские аулы, с которыми перекликался наш Бичо, над нами светлое звёздное небо <...>. Когда утренний мороз меня разбудил, мы были уже на горе, имя и прозвание которой я не знаю⁷. Солнце только что выходило из-за Казбека, со всех сторон из ущелий тянулись стада, где-то вправо на горе горел огонёк. “Это праздник”, – говорил Бичо и по этому случаю затянул предлинную песню. В ущелье Чёрной речки, по которой мы ехали ночью, клубился туман, вид был так хорош, что даже понравился моему дьячку: “Вот и правду говорят, ваше сиятельство, что чудны дела Твои, Господи”» [4. С. 82].

«Мой брат Николай умнее, гораздо умнее меня, и всё, что я имею, я получил от него» [9. С. 406], – эти слова Л.Н. Толстого, записанные в 1880-е гг. его современницей и другом семьи Е.И. Сытиной, дают полное право говорить не только о том, каким большим нравственным авторитетом для него с раннего детства был Н.Н. Толстой, но и о его воздействии на становление Л.Н. Толстого как писателя. Современники братьев Толстых знали о том, что литературное дарование Н.Н. Толстого оказало большое влияние на расцвет творческого гения младшего брата, но первые и последние небольшие попытки проанализировать это воздействие были сделаны лишь в 1920-е гг.

В 1922 г. М.О. Гершензон подготовил к переизданию очерк Н.Н. Толстого «Охота на Кавказе» и сопроводил его кратким предисловием. Называя очерк «прекрасным литературным произведением», М.О. Гершензон впервые в литературоведении размышлял «о личности человека, оказавшего несомненно сильное влияние на Л[ьва] Н[иколаевича]» [10. С. 5]. Его верное мнение о способности автора «Охоты на Кавказе» «всецело погружаться в созерцание», о том, что «рассказ Н.Н. Толстого точно ровным светом освещает мирный пейзаж» [Там же. С. 6], завершается выводом: «Можно догадываться о том, как импонировала эта спокойная уверенность старшего брата неуверенному тогда, тревожному Льву Николаевичу» [Там же. С. 7]. Точку зрения М.О. Гершензона разделял другой литературовед, А.Е. Грузинский, подготовивший к изданию и напечатавший в 1926–1927 гг. незаконченные произведения Н.Н. Толстого – повесть «Пластун» [11] и охотничьи рассказы «Весенние поля» и «Заяц» [12]. Он писал: «Н. Толстой мог учить брата вдумчивости, углубленности, спокойствию, мягкости; это было как бы заменой нехватавшего Л. Толстому влияния матери; оно, конечно, не ограничивалось одним нравственным миром, а должно было известным образом давать себя чувствовать и в литературной области» [4. С. 165].

Данная статья является попыткой показать более подробно, опираясь на дневниковые записи и переписку Л.Н. Толстого, как совершался процесс воспитания духа будущего великого писателя его братом, жизнь и творчество которого имеют полное право занять своё подобающее место в контексте русской дворянской культуры [13].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С раннего детства это ласковое имя, которым называла своего первенца мать, М.Н. Толстая (рожд. княжна Волконская), закрепилось за Н.Н. Толстым на всю жизнь. Родные и друзья иначе как Николенька не называли его.
- ² Сохранилось 46 писем Н.Н. Толстого, адресованных младшему брату. Первое написано в 1838 г., последнее – в апреле 1860 г., за пять месяцев до смерти.
- ³ Праздник Воскресения Христова в 1851 г. приходился на 8 апреля.
- ⁴ В «Войне и мире» князь Андрей Болконский говорит Пьеру: «Не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, которую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно» [1. Т. 9. С. 34]. – Подспудно в этих советах угадывается мысль Николеньки о роли судьбы, записанная в дневнике Л.Н. Толстого. Это созвучие совета брата и литературного сюжета – ещё один пример того, как много в творчестве Л.Н. Толстого не только автобиографического материала, но и мельчайших житейских фактов, которые сохраняла память писателя.
- ⁵ В течение службы на Кавказе с 1846 по 1858 г. Н.Н. Толстой принял участие в двенадцати военных экспедициях. Это отражено в «Формулярном списке о службе и достоинствах Батарейной № 4 батареи 20-й Артиллерийской бригады поручика Николая Графа Толстого» [7], который хранится в Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве; в книге М.А. Янжула [см.: 6] и на страницах некоторых номеров еженедельной газеты «Кавказ», выходившей на русском языке (Тифлис, 1848–1858).
- ⁶ Курсив в тексте книги.
- ⁷ Крестовый перевал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М., 1928–1958.
2. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954.
3. Душеполезные поучения преподобных Оптиных Старцев : в 2 т. Козельск : Введенская Оптина Пустынь, 2000.
4. Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990.
5. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб., 2009.
6. Янжул М.А. Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады. 1806–1886. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе. Тифлис, 1886–1887. Т. 1–2.
7. ОР ГМТ. Москва. Ф. 54. Инв. № 39589.
8. Бунашева Н.И. «...Пройти по трудной дороге открытия...» Загадки и находки в рукописях Льва Толстого. М., 2005.
9. Сытина (Чихачёва) Е.И. Воспоминания // Литературное наследство. М., 1939. Т. 37–38.
10. Гершензон М.О. Предисловие // Гр. Н.Н. Толстой. Охота на Кавказе. [М.], [1922].
11. Толстой Н.Н. Пластун // Красная новь. М., 1926. № 5, 7.
12. Толстой Н.Н. Весенние поля. Заяц // Охотничье сердце. Альманах. М., 1927.
13. Толстой Н.Н. Сочинения. Тула, 1987.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 июня 2016 г.

MORAL INFLUENCE OF N.N. TOLSTOY ON HIS YOUNGER BROTHER (BASED ON THE DIARY AND CORRESPONDENCE OF L.N. TOLSTOY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/409/1

Elena V. Belousova, Leo Tolstoy Museum-Estate “Yasnaya Polyana” (Tula, Russian Federation). E-mail: helenyaspol@yandex.ru

Keywords: “best friend”; “green stick”; relationship; opposite perception of world; leadership; Caucasus; raid; creativity.

The article under consideration is the first attempt to study the impact of Nikolay Tolstoy’s personality on the morals and creative work of his younger brother Leo Tolstoy. Till the end of his life the outstanding writer highly appreciated such inner qualities of Nikolenka (the name he was addressed to by the members of his family and friends) as intellect and spirituality. He used to call him “a wonderful man”. After Nikolay’s death at the age of 37, Leo Tolstoy could never find a man to be so close to him spiritually as his elder brother. The life and literary work of N.N. Tolstoy have never been the subject of a thorough scientific investigation in the history of literary studies. There is a sufficient source base comprising Leo Tolstoy’s diaries and letters where the notes concerning his brother occupy much space. The epistolary heritage of N.N. Tolstoy includes 46 letters to L.N. Tolstoy and four literary works. Biographical and comparative studies of these sources contribute to the creation of the image of N.N. Tolstoy. The lessons of morality perceived from his elder brother in his youth supported the writer to the rest of his life. L. Tolstoy’s diaries and letters contain numerous recollections and considerations about the life and personality of his elder brother. The scale of the creative impact of N. Tolstoy on his brother could be measured by the period of half a century length from the novella “Childhood” till the last literary masterpiece “Hadjı Murad”, where some pages from Nikolay’s military career were reflected. The 1850s were not a simple period in the life of Leo Tolstoy. During that period of time he was longing to get into Moscow higher society, make acquaintances with influential people and get benefits of a successful marriage. Having come on holiday, his brother officer persuaded him to leave Moscow and all his worries and to go to the Caucasus together with him. An abrupt change in his mode of life had a positive influence on Leo Tolstoy. He discovered the ability to spiritual and philosophical contemplations in himself, he started to understand and love people despite their social position in the society and education. On this way his brother, who never expressed his criticism and scorn on people, served him as a vivid example. In the Caucasus he started writing his first literary work “Childhood”. It was his brother who recommended him to send the novella to the popular literary magazine *Sovremennik*. The publication of this piece was a great success and marked the beginning of his literary fame. The atmosphere of the Caucasus also stimulated Nikolay Tolstoy to try his literary pen. In 1851, on his way from Tiphlis to the settlement (stanitsa) Starogladovskaya he wrote his travel sketches in the letter. According to the style, content and places described his sketches have much in common with A. Pushkin’s ones – “Travel to Arzum”. Every day life, customs and traditions of people inhabiting the Caucasus gave him material for writing two more pieces of literature: the sketches “Hunting in the Caucasus” and the novella “Plastun”. Till the end of his life Leo Tolstoy considered his moral and exemplary brother to be the greatest inspiration of his spiritual and creative talents.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
2. Gusev, N.N. (1954) *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1828 po 1855 god* [Leo Tolstoy. Materials for the biography from 1828 to 1855]. Moscow: USSR AS.
3. Vvedenskaya Optina Pustyn'. (2000) *Dushepoleznye poucheniya prepodobnykh Optinskiikh Startsev: v 2 t.* [Edifying teachings of Venerable Optina Elders: in 2 vols]. Kozel'sk: Vvedenskaya Optina Pustyn'.
4. Kalinina, N.A. et al. (1990) *Perepiska L.N. Tolstogo s sestroy i brat'yami* [Correspondence of L.N. Tolstoy with his sister and brothers]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Eykhenbaum, B.M. (2009) *Lev Tolstoy. Issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy. Research. Articles]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts.
6. Yanzhul, M.A. (1886–1887) *Vosem'desyat let boevoy i mirnoy zhizni 20-y artilleriyskoy brigady. 1806–1886. Istoricheskiy ocherk voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [Eighty years of military and civilian life of the 20th Artillery Brigade. 1806–1886. Historical Sketch of the war and the Russian domination in the Caucasus]. Vols 1–2. Tiflis: tip. Okr. shtaba.
7. Manuscripts Department of the State Museum of L.N. Tolstoy (OR GMT). Moscow. Fund 54. Inv. 39589.
8. Burnasheva, N.I. (2005) "...Proyti po trudnoy doroge otkrytiya..." *Zagadki i nakhodki v rukopisyakh L'va Tolstogo* ["... Go along a difficult way of discovery . . ." Riddles and finds in the writings of Leo Tolstoy]. Moscow: Flinta; Nauka.
9. Sytina (Chikhacheva), E.I. (1939) *Vospominaniya* [Memories]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vols 37–38. Moscow: USSR AS.
10. Gershenzon, M.O. (1922) *Predislovie* [Foreword]. In: Tolstoy, N.N. *Okhota na Kavkaze* [Hunting in the Caucasus]. [Moscow]: Izdanie M. i PP. Sabashnikovykh.
11. Tolstoy, N.N. (1926) *Plastun. Krasnaya nov'*. 5, 7. (In Russian).
12. Tolstoy, N.N. (1927) *Vesennie polya. Zayats* [Spring fields. A hare]. In: Smirnov, N. (ed.) *Okhotnich'e serdtse. Al'manakh* [Hunting heart. Almanac]. Moscow: Moskovskoe tovarishchestvo pisateley.
13. Tolstoy, N.N. (1987) *Sochineniya* [Works]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Received: 09 June 2016

ДИСКУССИЯ О РАССКАЗЕ И ПОКАЗЕ В НАРРАТОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена актуальным в современной нарратологии категориям рассказа и показа: определению, истории изучения и различным подходам к построению классификации. Мы рассматриваем, как менялось представление об этих категориях начиная с англоязычной литературной критики рубежа XIX–XX вв. до работ Женетта и позднейшей академической нарратологии. Такие тенденции современной науки, как интермедальность, обращение исследователей к визуальным искусствам и философии, создают предпосылки для дальнейшего обсуждения сложившейся дифференциации.

Ключевые слова: показ; рассказ; модальность; нарратив; история; диегезис; мимесис.

Широкая междисциплинарная область нарратологии требует прояснения ряда используемых в ней понятий. Проблема разграничения *показа* и *рассказа* актуальна для литературоведения по нескольким причинам. Нарратология как наука, изучающая в первую очередь текстуальные нарративы и, следовательно, произведения эпического рода литературы, существенно расширила диапазон объектов, что не могло не отразиться на точности её терминологического аппарата, отсюда требование «перепроверки» ряда ключевых терминов. В то же время большое значение приобрела и тенденция критического отношения к «всевластию» нарративов, оправданная, с одной стороны, рационализацией истории (например, отказом от «больших нарративов»), с другой – различными стратегиями фрагментации текста, коллективного творчества и гибридизации форм в современном искусстве и литературе. Появление кинематографической и интермедальной нарратологии не отрицает примата языка как основного нарративного медиума, но ведет к иному пониманию его выразительных возможностей. Для освобождения литературы от жёстких повествовательных правил в рефлексиях рубежа XIX–XX вв. было предложено продуктивное разграничение рассказа и показа, в основу которого легло представление об античных категориях мимесиса и диегезиса по отношению к искусству прозы. Различие моделей показа и рассказа сохранялось на разных этапах дискуссии и потому, по всей вероятности, не сводимо к другим проблемам поэтики.

В качестве самостоятельной науки нарратология сложилась в русле французского структурализма и постструктурализма, где большое значение имела критика мимесиса, высказанная рядом исследователей (подробнее см. [1, гл. «Внешний мир»]). В своих теоретических моделях они акцентировали дискретную событийную природу повествования и подчёркивали автономию текста от «внешней реальности». Их работы были полемическими по отношению к доминировавшей в академическом литературоведении 1960-х гг. концепции мимесиса как упрощённо понятого подражания природе или воспроизведения «действительности» в литературе. А. Компаньон в книге «Демон теории: литература и здравый смысл», резюмируя рассуждения этого поколения исследователей, указывает, что критика мимесиса строилась на поверхностном понимании трудов Платона и Аристотеля и потому

сама была односторонней. Близкие Р. Барту исследователи перечитывали «Поэтику» Аристотеля под углом зрения нарратологии и полагали, что в античном трактате речь идёт скорее о репрезентации, представлении объекта при помощи языка, чем о самом объекте. Компаньон объясняет их позиции следующим образом: «Получается, что Аристотель понимал под словом “Поэтика” литературный семиозис, а не мимесис, повествование, а не описание; поэтика – это искусство создания референциальной иллюзии» [1. С. 123]. В таких интерпретациях мимесис сводился к понятиям «референт», «внешний мир» и «содержание». Барт перевёл референцию в статус иллюзии, отсюда и понятие интертекстуальности, согласно которому текст не раскрывается во внешний мир, а только в пространство других текстов. По мнению Компаньона, трактовка референции в работах Барта составляет уязвимое звено его концепции, где реализм всегда представляет собой знаковый код, пытающийся выдать себя за нечто природное. Референциальная иллюзия становится иллюзией в прямом смысле слова, «фантазмом предмета», она «скрадывает» сам язык как опосредующее звено любого выражения.

Работы, в которых формируется представление о диегезисе, т.е. «повествуемом мире», в противовес мимесису, во многом обусловили дальнейшую дифференциацию нарратологических понятий. Но в свете нового интереса к мимесису структуралистские и постструктуралистские понятия «референции», «диегезиса» и «текста» требуют пересмотра. Понятийный аппарат нарратологии нуждается в уточнении с опорой на новые философские и теоретические исследования, среди которых можно назвать работы П. Рикёра [2] и Н. Фрая [3], Линхарес-Диаса [4]. Большое значение, на наш взгляд, могут приобрести труды В.А. Подороги [5], М.Б. Ямпольского [6] и С.Н. Зенкина [7]. Эти исследователи демонстрируют возможность создания не только дискретных моделей литературного произведения (характерным примером которых являются различные формы линейности в нарративе), но и континуальных, основанных на ином понимании движения, тела и времени. В работах Женетта, которые подробнее будут проанализированы ниже, мимесис сводился лишь к эффекту повествования, некой идеологической стратегии. На наш взгляд, одним из возможных подступов к широкой проблеме мимесиса и диегезиса может быть освещение дискус-

сии по поводу теоретических категорий «показа» и «рассказа», которая сама по себе ставит под сомнение универсальность структуралистской критики мимесиса. Цель настоящей статьи в том, чтобы проследить ряд характерных мнений по этому поводу и зафиксировать изменения, которые произошли в осмыслении категорий, лежащих, как представляется, у истоков современного понимания нарратива.

Сегодня исследователи не имеют устоявшегося представления о том, как разграничивать показ и рассказ, но при этом не отказываются от данных категорий. Вероятно, первым, кто осознал потребность в их разграничении, был писатель Генри Джеймс, рефлексия которого оказалась очень значимой для последующего изучения проблемы. Джеймс не только объяснял особенности своих произведений, опираясь на представление о «показе», но и стремился непосредственно реализовать его в своей художественной практике. Примером таких рассуждений может послужить предисловие Джеймса к роману «Женский портрет» (1907–1909), где он пишет, что в его произведениях мало действия потому, что он даёт возможность персонажам проявить себя. Джеймса привлекает изображение характеров, которое он противопоставляет «хитросплетениям» интриги и сложной событийной последовательности. В поисках «объективного» повествования Джеймс обращается к драматической модели, которая раскрывала бы историю без авторского вмешательства, такого как комментарий или введение авторитетной точки зрения. Авторский голос в качестве решающего источника информации рассматривался Джеймсом как признак слабого произведения. История должна быть «показана» подобно драматическому действию, а не рассказана автором. Выводы Джеймса до сих пор действуют в качестве предписания, которое гласит: «Show, don't tell». Например, писатель Чак Паланик, следуя этой норме в эссе «Основа основ: глаголы “мысли”», не рекомендует начинающим писателям использовать «глаголы «мысли»» («thought» verbs), такие как «думать», «знать», «понимать», «хотеть», «вообразать». Вместо них должна присутствовать только особая «сенсорная деталь» (sensory detail): запах, вкус, звук и ощущение [8]. Неудивительно, что выводы Джеймса оказались значимы для кино и кинодраматургии. Исследователь кино Дэвид Бордуэлл отмечает в своём эссе, название которого цитирует упомянутое предписание, что флэшбеки ряда классических фильмов представляли собой долгие сцены, которыми прерывалось основное действие, тогда как в современном киноповествовании мы наблюдаем часто только «проблеск более ранних событий, буквально вспышки (flashes) прошлого» [9]. Бордуэлл считает, что это связано с практикой сценарного мастерства, где действует правило, сформулированное ещё Джеймсом, и рассматривает способы его преодоления.

Вслед за Джеймсом о показе и рассказе пишет Перси Лаббок в книге «Искусство прозы», изданной в 1921 г. и посвящённой типологии повествовательных форм. Разграничение становится особенно актуальным в связи с творчеством Флобера, позволившим

сформулировать основной принцип: «...искусства прозы не будет до тех пор, пока романист не начнёт думать о своей истории как об объекте, который должен быть *показан*, то есть представлен так, что расскажет о себе сам» [10]. Флобер – «обезличенный» писатель, его произведение не дробится набором фактов, а представляет собой некий единый образ. Факты являются частью всестороннего вымысла, у которого не может быть оснований за пределами книги. Мы не следуем за авторскими утверждениями, а воспринимаем эффекты и впечатления от созданной им картины или драмы. Принципу показа у Лаббока соответствует сценическая модальность, при которой действие разворачивается как бы на театральной сцене. Рассказу же соответствует панорамный принцип, предполагающий охват значительного периода времени, образующего множество сцен. С. Козлофф отмечает, что «сделанный Лаббоком анализ формального выбора вскоре отозвался в работах многих критиков и превратился в предписание» [11. Р. 37].

На сложившуюся критическую догму отреагировал Уэйн Бут в книге «Риторика художественной прозы» (впервые изданной в 1961 г.), где он выступил в защиту писателей XVIII и XIX вв., у которых авторский выбор проявлялся иначе. Обращаясь к истории литературы, Бут отмечает, что в «Илиаде» и «Одиссее» автор вмешивается в действие и даёт нарративную информацию, регулирующую отношение читателей к происходящему. Эту информацию невозможно получить о людях в реальной жизни, где всегда присутствует фактор неопределённости. Читатели «Илиады» должны полностью доверять суждениям автора о герое, что составляет необходимое условие восприятия. Гомер говорит своим читателям, что они должны больше переживать за греков, чем за троянцев: «Мы никогда не уверены в подобной информации в реальной жизни, но мы приобретаем уверенность, когда через “Илиаду” нас ведёт Гомер, строго контролирующей наши мнения, интересы и симпатии» [12. Р. 5].

Для того чтобы продемонстрировать возможность преодоления этой властной риторики, Бут приводит пример из практики современной литературы (рассказ «Стрижка» Р. Ларднера), где автор лишает себя привилегии прямого вмешательства в происходящее и его мнение может радикально отличаться от мнения того, кто говорит. В таких произведениях «история даётся без комментария, оставляя читателя без руководства по эксплицитной оценке» [Ibid. Р. 7]. Начиная с Флобера, писатели и критики полагали, что «объективные», «имперсональные», «драматические» способы повествования превосходят прямое вмешательство автора или надёжного нарратора. Сумма этих свойств обобщена понятием «показ», за которым теперь признаётся художественность, в то время как «рассказ» её лишается. Но, по мнению Бута, эта простая схема не объясняет действительной сложности произошедших изменений.

Бут обращается к «Декамерону» Боккаччо (история Федерико и монны Джованны; пятый день, новелла девять), чтобы продемонстрировать взаимодействие двух начал. Сложность заключена уже в пред-

ставлении героини: «...нарратор сначала *рассказал* нам, что о ней думать, а затем быстро её *показал* с целью поддержать свои утверждения...» [12. Р. 12]. Экономия и точность Боккаччо состоят в том, что он избегает показа развёрнутого действия, которое бы удостоверяло добродетели героини, зато рассказывает о них, дополняя рассказ короткими точно выбранными сценами. Достоинства Федерико тоже не показаны, а даны автором кратко, с учётом тех переживаний, которые присущи самому герою, и взглядов, напрямую выраженных в его словах. В итоге «...величие целого состоит в несравненной интенсивности, суть которой не в иллюзии, а в комической прелести, выраженной необыкновенно кратко» [Ibid. Р. 14]. Бут считает неприменимым к творчеству Боккаччо чёткое различие показа и рассказа: «Мастерство Боккаччо состоит не в приверженности одному крайнему способу наррации, но скорее в его способности управлять различными формами рассказа ради различных форм показа» [Ibid. Р. 16]. В главе о показе и рассказе речь идёт о конденсации повествования, устранении избыточной иллюзии, при этом фигура автора оказывается необходимой, поскольку от неё зависит сам выбор повествовательных возможностей. Представляется, что этот вывод имеет исторические предпосылки, поскольку уже основатели нарратологии Ф. Шпильхаген и К. Фридеманн в конце XIX – начале XX в. поднимали вопрос о разграничении комментария (рефлексии) и детального описания персонажей, событий и действий. Исследователи «обращались к вопросу о том, до какой степени автор (нарратор) может вторгаться в наррацию, в частности путём комментирования событий; может ли он заполнять повествовательные пробелы или занимать субъективную позицию» [13]. Например, согласно Фридеманн, нарратор вынужден нарушать эпическую иллюзию своим вторжением в повествование.

Исторический экскурс проясняет и позицию Ж. Женетта, который в своих работах атаковал ценностную иерархию показа и рассказа. По мнению П. Рабиновича, он устранил различие, «указав, что по своей природе нарратив – это всегда рассказ, поэтому показ – это всегда иллюзия» [14. Р. 531]. В статье «Границы повествовательности» Женетт, говоря о мимесисе и диегезисе, обращается к разграничению драматического и эпического у Платона и Аристотеля: «...первое у обоих философов рассматривается как более миметичное, чем второе» [15. С. 286]. Сфера диегезиса отведена для непрямого изображения. По мнению Женетта, «высказывать постулаты и слова – две совершенно различных словесных операции» [Там же. С. 287], и потому прямую речь героев в повествовательном произведении нельзя назвать совершенным подражанием (словесный дискурс подражает самому себе). «Постольку, поскольку литература есть изображение, у неё имеется лишь одна модальность – повествование, служащее эквивалентом невербальных, а также и вербальных событий» [Там же. С. 288]. Исследователь приходит к выводу: «...в конечном итоге существует только одно подражание – несовершенное. Мимесис есть диегезис» [Там же].

Статья Женетта «Границы повествовательности» демонстрирует возможность понимания литературного произведения как сугубо повествовательного, где каждый элемент нужен лишь для рассказа о чём-то. Экстраполяция таких идей за пределы литературоведения, в частности на исследования кино, вскоре проявилась достаточно широко. Например, в известной книге «Эстетика фильма» (русский перевод сделан с издания 2008 г.) Ж. Омон, А. Бергала, М. Мари, М. Верне указывают, что встреча кино и наррации происходит благодаря движущемуся фигуративному изображению: «...сам факт репрезентации, демонстрации объекта таким образом, что его можно узнать, – это акт наглядного определения, который предполагает, что мы хотим что-то по поводу этого объекта сказать» [16. С. 70]. И далее: «...любой объект уже сам по себе дискурс» [Там же]. Конечно, авторы не проводят прямой параллели между нарративом и кино и отмечают, что такие элементы фильма как цвет, затемнение или панорамирование, избегают нарратива. В то же время, по их мнению, «для того, чтобы фильм был полностью ненарративным, надо, чтобы он был полностью нерепрезентативным» [16. С. 73]. В качестве примеров ненарративного кинематографа в книге рассматриваются авангард и авторское кино, но анализ сконцентрирован всё же преимущественно на кино нарративном. На первое место выходят понятия «код», «киноречь», «диегезис», и практически отсутствуют термины, необходимые для разговора о кинематографической анарративности.

В обобщающей работе «Повествовательный дискурс» (1972 г.) Женетт снова обращается к интересующей нас проблеме. Для изучения повествования в романе Пруста он вводит категорию модальности, «включающую в себя проблемы “дистанции”, которые американская критика, следуя Генри Джеймсу, обычно рассматривает в терминах оппозиции между *showing* (“изображение”, в терминологии Тодорова) и *telling* (“наррация”), возрождающей платоновские категории *мимесиса* (чистого подражания) и *диегезиса* (чистого повествования), – разные типы изображения речей персонажа, виды эксплицитного или имплицитного присутствия повествователя и читателя в повествовании» [17. С. 67]. Женетт указывает, что оппозиция мимесиса и диегезиса стала актуальной на рубеже XIX–XX вв. в теории романа, возникнув, в частности, в работах Генри Джеймса «в виде почти дословно переведённых терминов *showing* (показ) и *telling* (рассказ)» [Там же. С. 182], а затем к ней обратились П. Лаббок и У. Бут. По сути, позиция Женетта в этой работе остаётся прежней: «...само понятие *showing*, равно как и понятие подражания и нарративного изображения (и даже более их, вследствие своего наивно визуального характера), абсолютно иллюзорно: в противоположность драматическому изображению никакое повествование не может “показывать” излагаемую историю или “подражать” ей» [Там же]. В нарративе, согласно Женетту, возможна лишь «иллюзия мимесиса», поскольку все излагаемые события опосредованы и дистанцированы с помощью языка. Мы имеем дело только с диегезисом.

Показ для Женетта является «способом рассказа» и определяется твёрдо: «...этот способ состоит в том, что автор *говорит о предмете* сколь возможно много, а *о самом факте говорения* сколь возможно мало...» [17. С. 184]. Для показа важны детализация и прозрачность повествования, обеспечивающие меньшее присутствие нарративной инстанции и ослабление темпа повествования. Парадокс романа Пруста в том, что каждая сцена романа предельно «миметична», т.е. насыщена деталями и замедлена, но в то же время она характеризуется интенсивным присутствием повествователя. Роман оказывается «одновременно на крайнем полюсе showing'a и на крайнем полюсе telling'a» [Там же. С. 185].

Резюмирующий обзор современного состояния проблемы словесного показа и рассказа представлен в работе Т. Клаука и Т. Кёппе, опубликованной в «Living handbook of narratology» (2014 г.). По мнению авторов, «разделение показа и рассказа фиксирует два разных способа презентации событий в нарративе» [13]. Речь о том, что в одном случае читатель получает впечатление, что он видит события, во втором – что ему рассказывают о событиях. Обращаясь к пространственной метафоре, исследователи отмечают, что «форму показа иначе можно назвать нарративом с “малой дистанцией”, вероятно, потому, что читатели получают впечатление о пребывании рядом с событиями истории, в то время как форма рассказа соответственно вызывает впечатление “большой дистанции” между читателями и событиями» [Там же]. Ниже приводятся данные, собранные Клауком и Кёппе для построения возможной классификации. На наш взгляд, эту информацию уместно представить в форме таблицы.

Рассказ / Показ

Критерий выделения	Признак рассказа	Признак показа
Присутствие нарратора	Присутствует	Отсутствует
Отношение нарратора к рассказанным событиям	Нарратор дистанцирован от происходящего, говорит только о том, что находит важным	Нарратор пребывает внутри «сцены»; предполагается его отношение к рассказанным событиям, включающее пространственную, темпоральную или общую эпистемическую позицию
Наличие диалога	Отсутствует	Присутствует как прямое представление
Характеристика и позиция персонажа	Представлены эксплицитно	Представлены имплицитно
Оценочность наррации	Пристрастность наррации. Комментарий и оценка здесь удостоверяют присутствие нарратора	Объективность наррации. Больше внимания уделяется истории, а не нарратору
Нарративная скорость	Скорость сравнительно высокая	Скорость более медленная. Возрастает объём деталей
Впечатления читателя	Читателю рассказывают о событиях истории	Читатель каким-то образом видит события

Последний критерий авторы предлагают сделать объединяющим для всех остальных. При таком подходе, по мнению исследователей, «...разграничение между “рассказом” и “показом” отнюдь не избыточно, поскольку оно нередуцируемо ни к каким нарративным феноменам (присутствие или свойства нарратора, скорость наррации, объективность, диалог, количество деталей), которые помогают его выявить» [13]. Речь идёт о свидетельстве читателя, противопоставленном идентификации с нарративом. Близкую позицию занимает и П. Рабинович, который в своей статье для «Routledge Encyclopedia of Narrative Theory» пишет, что «понятия рассказа и показа отсылают к различиям в презентации: показ – это относительно непосредственное введение или драматизация событий, в то время как рассказ предполагает опосредованное сообщение о них» [14. Р. 531]. Помимо названных выше критериев исследователь отмечает, что «рассказ требует рассказчика, который осознаёт представляемый им или ею факт, даже если он или она не осведомлены о его эффектах» [Ibid.]. В то время как «персонаж-отражатель, не осознающий нарративного акта, может быть понят как медиум показа». Рабинович указывает, что эту оппозицию можно переписать в терминах той активности, которая требуется от читателя: «рассказ там, где он по меньшей мере надёжен и требует менее сложных суждений со стороны читателя» [Ibid.].

Несмотря на стройность аргументации, дискуссия по поводу показа и рассказа вряд ли подошла к концу. Достоинством большинства подходов является детальная рефлексия проблемы, которая пока недостаточно освещена в отечественной нарратологии. Для того чтобы разграничить и заново определить интересующие нас категории, необходимо вновь обратиться к философскому разграничению мимесиса и диегезиса. Женетт в своих работах полемически сужает и упрощает понятие мимесиса, отсюда и представление «показа» как иллюзии. В дальнейшем продуктивным было бы установление нового соотношения нарратива и мимесиса. На этом пути полезными могут оказаться не только современные исследования, но и труды, ставшие классическими. Мы полагаем, что недостаточно изученные теории мимесиса В. Бенямина, Т. Адорно и В.А. Подороги содержат в себе потенциал пересмотра ряда важных понятий нарратологии. С.Н. Зенкин в одной из своих последних работ, статью «Распространение мимесиса: Дидро и Шенье», обращается к новой концепции мимесиса. Исследователь определяет «телесный мимесис» как «экспрессивное поведение, соединяющее в себе слова и жесты» [7]. Зенкин пишет, что «диалог Дидро представляет собой борьбу мимесиса с логосом – точнее, подрывную работу мимесиса в рационалистической культуре». Мимесис связан с шутовскими пантомимами, телесностью, жестикуляцией и кривлянием, причём «стихия мимесиса захватывает как слова, так и жесты» [Там же]. Мимесис здесь следует понимать не как подражание чему-то во внешней действительности, а как «подражание самой производящей природе». Важно отметить, что «телесные жесты задают исходные ко-

ординаты для словесной деятельности, фиксируют точку «здесь и теперь», в которой осуществляется высказывание» [7].

М.Б. Ямпольский в книге «Пространственная история» (2013 г.) обращается к предметной модели языка. По его мнению, книга Тынянова «Проблемы стихотворного языка» – это «многогранная попытка показать, что именно слово, а не изображение может быть носителем длительности и видимого» [6. С. 233]. Это парадоксальное, на первый взгляд, утверждение основано на открытии миметических слоёв языка, которые дают слову возможность «преодолеть собственную корпускулярность» [Там же]. Если метр – это всегда виртуальное членение, то ритм, напротив, актуален: нарушая ожидание абсолютной регулярности, он придаёт форме динамизм. Длительность возникает «через динамизацию формы и разрушение метрической расчленённости, регулярности первичных виртуальных членений» [6. С. 236]. Происходит несовпадение, которое ведёт к динамизации формы и немеханистическому переживанию времени. Эти выводы являются частью общей концепции пространственной истории как некоторой попытки преодоления абстрактности и линейности нарратива за счёт обращения к философским интуициям Бергсона, Делёза и многих других исследователей.

В книге «Антропограммы» (2014) В.А. Подорога, полемизируя с Рикёром, высказывает критику нарратива. Он отмечает, что произведение может состоять из «совокупности движений, которые не поддаются означиванию», и потому движение в этом смысле противопоставляется им действию: «Действия требуют понимания, а движения миметической причастности» [18. С. 16]. Движения необходимы, чтобы действие совершилось, поскольку оно представляет собой «выбор одного вида движения из множества». И

далее: «Чтобы действие свершилось, нужен субъект действия, или, иначе, субъект подражания, – тот субъект, в ком совершаемое действие находит отражение и выражение» [18. С. 17]. Подорога относит действие и нарратив к уровню внешнего мимесиса, тогда как «психомимесис» связан с движением: первичной «сонорной материей», ритмом, слухом и зрением. В работе Подороги рассказ занимает лишь небольшое место в изучении единства произведения.

Отдельного рассмотрения, которое выходит за рамки данной статьи, требует книга Р. Линхарес-Диаса «Как показывать вещи при помощи слов» (2006). Автор обращается к нарративной технике, при которой нарратор становится «свидетелем» происходящих событий. Показ переосмысливается с опорой на лингвистические понятия, такие как эвиденциальность (evidentiality) и индикативные ресурсы языка. Линхарес-Диас пишет, что два типа нормативных утверждений – о превосходстве рассказа, и наоборот, – основаны на базовом предположении, что рассказывание историй – это процесс направления иллюзии, которая возрастает при чтении художественной литературы. Позиция Женетта относительно мимесиса вызывает критический отклик Линхарес-Диаса, поскольку французский исследователь уравнивал «идею показа и концепт имитации» [4. С. 24], сведя «показ» к его тривиальному прямому значению.

Более подробный анализ описанных концепций составляет актуальную перспективу наших исследований. Дискуссия о показе и рассказе отнюдь не выглядит завершённой, поэтому различные позиции в пределах выражают действительно существующую разность точек зрения по поводу ключевых понятий нарратологии. Новое обращение к этой дискуссии может оказаться продуктивным для широкого круга нарратологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл. М., 2001. 336 с.
2. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. 313 с.
3. Frye N. Anatomy of Criticism: Four Essays. University of Toronto Press, 2006. 450 p.
4. Linhares-Dias R. How to Show Things with Words: A Study on Logic, Language and Literature. Berlin; New York, 2006. 544 p.
5. Подорога В.А. Мимесис: материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1: Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М., 2006. 688 с.
6. Ямпольский М.Б. Пространственная история. Три текста об истории. СПб., 2013. 344 с.
7. Зенкин С.Н. Распространение мимесиса: Дидро и Шенье // НЛЮ. 2015. № 136. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6780>
8. Palahniuk Ch. Nuts and Bolts: «Thought» Verbs. URL: <https://litreactor.com/essays/chuck-palahniuk/nuts-and-bolts-%E2%80%9Cthought%E2%80%9Dverbs>
9. Bordwell D. Tell, don't show. URL: <http://www.davidbordwell.net/blog/2010/01/06/tell-dont-show>
10. Lubbock P. The Craft of Fiction. URL: <http://www.gutenberg.org/files/18961/18961-h/18961-h.htm>
11. Kozloff S. Further Remarks on Showing and Telling // Cinema Comparative Cinema. Winter 2013. Vol. 1, № 3. P. 36–45.
12. Booth W.C. The Rhetoric of Fiction. The University of Chicago press, 1983. 572 p.
13. Klauk T., Köppe T. Telling vs Showing // The living handbook of narratology. Hamburg: Hamburg University, 2009. URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/telling-vs-showing>.
14. Rabinowitz P. Showing vs Telling // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory. N. Y., 2005. P. 530–531.
15. Женетт Ж. Границы повествовательности // Фигуры: в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 283–299.
16. Омон Ж., Бергала А., Мари М., Верне М. Эстетика фильма. М., 2012. 248 с.
17. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры: в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 60–282.
18. Подорога В.А. Антропограммы. Опыт самокритики. М., 2014. 124 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 июня 2016 г.

A DISCUSSION ABOUT TELLING AND SHOWING IN NARRATOLOGY: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 14–19.

DOI: 10.17223/15617793/409/2

Sergey A. Ogudov, Gosfilmofond (Moscow, Russian Federation). E-mail: ogudovs@mail.ru

Keywords: showing; telling; mode; narrative; story; diegesis; mimesis.

The article is devoted to the history of theoretical categories of showing and telling that shaped the problem field of modern narratology. As literal translations of the Greek words “mimesis” and “diegesis” in English, showing and telling turn up at the centre of discussions in literary studies after the works of H. James and P. Lubbock where showing had been made a prescription for novelists (H. James oriented himself to showing in his literary works). The prescription was that “direct”, “impersonal” “dramatical” ways of narration are superior to those where the author allows himself to interfere with the action and evaluate what is going on, thus controlling the attention of the reader. W. Booth in his book *The Rhetoric of Fiction* defends the writers of the 18th–19th centuries and their predecessors who have different creative positions. Particularly Booth pointed to the examples of Boccaccio’s stories, where telling and showing was interacting in a complex way. In his works *Boundaries of Narrative* and *Narrative Discourse* G. Genette insists that showing is always mediated and distanced through the language and, therefore, it is an illusion. Genette newly rethinks the ancient differentiation between mimesis and diegesis and claims that an epic literary work has only a narrative mode and, therefore, wholly belongs to the diegetic representation. Genette introduced the category of mode which allowed examining showing and telling in connection with a narrative distance. Genette wrote that when showing the thing comes to the fore, and when telling it is the fact of speaking itself. The paradox of Proust’s novel is that every scene is highly mimetic i.e. saturated with details and slowed down but at the same time it involves an intense presence of the narrator. A modern review of different approaches to the telling and showing distinction is provided by T. Klauk and T. Köppe. Researchers call the presence or absence of the narrator as the decisive point in this differentiation. However, they can be distinguished by the criterion of distance between the narrator and narrated events, on the basis of presence or absence of dialogue, partiality or objectivity of the narration, narrative speed and other features. All of them are compiled in a table in the article. According to researchers, a common element for all the criteria might be the evidence of the reader who perceives the events either in the aspect of telling or somehow witnesses them. In the author’s opinion in order to continue the research, it would be productive to fix the new differentiation between mimesis and diegesis. Genette polemically constricts the area of mimesis identifying an epic literary work with diegesis only. In the final part of the article, the author briefly examines the new conceptions of mimesis that indicate the incompleteness of the discussion about showing and telling. Supplementing the narratological discussion with the level of mimesis is shown on the basis of the works by S.N. Zenkin, M.B. Yampolsky, V.A. Podoroga which can be productive for a wide range of narratological research.

REFERENCES

1. Companion, A. (2001) *Demon teorii: literatura i zdravyy smysl* [Demon of theory: literature and common sense]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovoykh.
2. Ricoeur, P. (1998) *Vremya i rasskaz* [Time and narrative]. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
3. Frye, N. (2006) *Anatomy of Criticism: Four Essays*. University of Toronto Press.
4. Linhares-Dias, R. (2006) *How to Show Things with Words: A Study on Logic, Language and Literature*. Berlin; New York.
5. Podoroga, V.A. (2006) *Mimesis: materialy po analiticheskoy antropologii literatury* [Mimesis: materials on analytical literature anthropology]. Vol. 1. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
6. Yampol'skiy, M.B. (2013) *Prostranstvennaya istoriya. Tri teksta ob istorii* [The space history. Three texts on history]. St. Petersburg: Seans.
7. Zenkin, S.N. (2015) The Distribution of mimesis: Diderot and Chenier. *NLO*. 136. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/6780>.
8. Palahniuk, Ch. (2013) *Nuts and Bolts: "Thought" Verbs*. [Online] Available from: <https://litreactor.com/essays/chuck-palahniuk/nuts-and-bolts-%E2%80%9Cthought%E2%80%9Dverbs>.
9. Bordwell, D. (2010) *Tell, don't show*. [Online] Available from: <http://www.davidbordwell.net/blog/2010/01/06/tell-dont-show/>.
10. Lubbock, P. (1921) *The Craft of Fiction*. [Online] Available from: <http://www.gutenberg.org/files/18961/18961-h/18961-h.htm>.
11. Kozloff, S. (2013) Further Remarks on Showing and Telling. *Comparative Cinema*. Vol. 1: 3. pp. 36–45.
12. Booth, W.C. (1983) *The Rhetoric of Fiction*. Chicago: The University of Chicago Press.
13. Klauk, T. & Köppe, T. (2013) Telling vs Showing. In: Huhn, P. et al. (eds) *The living handbook of narratology*. Hamburg: Hamburg University. [Online] Available from: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/telling-vs-showing>.
14. Rabinowitz, P. (2005) Showing vs Telling. In: Ryan, M.-L. & Herman, D. (eds) *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*. New York: Routledge.
15. Genette, G. (1998) Granitsy povestvovatel'nosti [Narrative boundaries]. In: Genette, G. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovoykh.
16. Aumont, G. et al. (2012) *Estetika fil'ma* [Aesthetics of the film]. Moscow: NLO.
17. Genette, G. (1998) Povestvovatel'nyy diskurs [Narrative discourse]. In: Genette, G. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovoykh.
18. Podoroga, V.A. (2014) *Antropogrammy. Opyt samokritiki* [Anthropograms. The experience of self-criticism]. Moscow: Logos.

Received: 09 June 2016

ИСТОРИЯ

УДК 94:330.13(571.1) «18/19»

Е.К. Антонова

О МЕТОДИКЕ МНОГОМЕРНОГО ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА, ПРОЦЕССА ВКЛЮЧЕНИЯ МЕЛКОТОВАРНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ РУБЕЖА XIX–XX вв. В РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рассматривается применение методики многомерного факторного анализа при изучении внутреннего строя крестьянских хозяйств переходной от лесостепи к тайге природной экономической зоны Западной Сибири на основе подворной сельскохозяйственной переписи 1901 г. по Томской губернии. Экономический строй хозяйств данного региона был рыночно-мелкотоварным, рыночно-капиталистическая система в нем еще не сформировалась.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство Сибири; мелкотоварный рынок; математические методы; факторный анализ.

На рубеже XIX – начала XX в. Западная Сибирь включилась в процесс аграрной модернизации. Сибирское крестьянство, опираясь на традиционные семейные ценности, активно приобщалось к общероссийскому капиталистическому рынку [1. С. 318–319].

Процесс аграрной модернизации широко освещался в советской историографии. Рассматривались вопросы рыночно-капиталистического развития крестьянских хозяйств Сибирского региона, наемного труда, землепользования и землеустройства, а также проблемы мелкотоварного уклада крестьянских хозяйств Сибири. Освещалось общее экономическое положение сибирской деревни [2–7].

Методологической основой современной, постсоветской историографии является социокультурный подход, который рассматривает процесс исторического развития как взаимосвязь всех основных культурных компонентов. Крестьянское хозяйство Сибирского региона изучается по-новому как единая экономическая культура, в которой сочетались традиции крестьянской общины с хозяйственными и демографическими особенностями крестьянской жизни [8–10]. При изучении экономического строя земледельческого хозяйства Сибири использовался и многомерный факторный анализ [11. С. 77–82].

Рыночные отношения в крестьянских хозяйствах Сибири рубежа XIX – начала XX в. сочетались с традиционными отношениями. Земледельческие хозяйства постепенно приспосабливались и интегрировались в капиталистический рынок. Проследить уровень и степень включенности крестьянских хозяйств в аграрные отношения, исследовать их экономическую природу возможно лишь на основе системного анализа [12. С. 40]. Существенное значение в структуре системного анализа играют математические методы. Изучить внутренний строй крестьянских хозяйств Западно-Сибирского региона можно на основе таких математических методов, как корреляционный, регрессионный и факторный анализ. Корреляционный анализ оценивает степень взаимосвязи различных компонентов крестьянских хозяйств, регрессия отражает вид и влияния основных хозяйственных компонентов на тот или иной процесс в земледельческом предприятии. Внутренний строй крестьянских хозяйств более подробно раскрывает факторный анализ [13. С. 78]. Факторный анализ отражает внутренние

подсистемы земледельческого хозяйства. Они показывают влияние внутривоспроизводственных и внешних, природных и социальных факторов на социально-экономический строй земледельческого хозяйства. В результате их воздействия на внутреннюю структуру хозяйства в ней образуются экономические и социальные подсистемы, представляющие собой отдельные группы тесно взаимосвязанных групп показателей. Изучение взаимодействия и сравнительной роли данных подсистем-факторов в формировании, функционировании и развитии внутреннего экономического строя крестьянского хозяйства должно позволить более строго определить его социокультурную природу [11. С. 77].

Цель настоящей работы – выявить потенциал факторного анализа в исследованиях крестьянских хозяйств Сибири конца XIX – начала XX в. Главные задачи исследования состоят в том, чтобы показать на основе методики факторного анализа общие факторы – подсистемы во внутренней структуре крестьянских хозяйств земледельческо-скотоводческой специализации, определить степень их включенности в рыночно-капиталистические отношения и оценить научную значимость методики факторного анализа в изучении экономической природы крестьянских хозяйств Западной Сибири.

В данной статье факторный анализ применен для выборочных крестьянских хозяйств земледельческо-скотоводческой специализации типичных деревень двойной, зерновой и животноводческой специализации. В выборку вошли деревни Балтинская и Ново-Поросская Ояшинской волости Томского уезда Томской губернии. Выборка сделана на основании материалов Томской общегубернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. Исследование было проведено по случайной представительной выборке из генерального массива данных в 183 земледельческо-скотоводческих хозяйствах [14. Д. 1294, 1308, 1314, 1331]. Общее состояние и размеры хозяйства во дворах рассматриваемой выборки отражены в табл. 1.

Результаты многомерного факторного анализа внутреннего строя земледельческо-скотоводческого хозяйства представлены в табл. 2.

В результате анализа данных табл. 2 были обнаружены следующие факторы:

1 фактор. Размеры и уровень производственно-экономической базы хозяйства.

II фактор. Природно-рыночная страховая (адаптационная) подсистема. Источник накопления общих капитализированных производственных фондов.

III фактор. Природно-хозяйственная адаптационная подсистема.

IV фактор. Рыночно-мелкотоварная подсистема скотоводческой отрасли, формирующая рыночно-капиталистические производственные фонды животноводческой отрасли.

V фактор. Рыночно-мелкотоварная подсистема скотоводческой отрасли, формирующая рыночно-капиталистические производственные фонды зерновой отрасли.

VI фактор. Уровень обеспеченности крестьянской семьи рабочей силой.

VII фактор. Семейно-трудовая демографическая основа хозяйства.

Факторы представляли подсистемы традиционных, семейно-трудовых мелкотоварных крестьянских хозяйств.

Таблица 1

Размеры и уровень хозяйства в различных группах крестьянских дворов сельскохозяйственно-скотоводческой специализации

Показатель (в расчёте на 1 душу)	Группы хозяйств с посевом, дес.				Хоз-ва в целом
	0	0,1–4	4,1–7,9	8 и более	
	I	II	III	IV	
Семейные работники, чел.	0,56	0,62	0,52	0,55	0,56
Рабочий скот, голов	0,5	0,7	1,1	1,7	1,1
Продуктивный скот, голов	0,5	0,7	1,2	1,8	1,0
Весь посев, дес.	–	0,6	1,2	1,8	1,1
Число дворов в группе	15	59	59	50	183
Доля дворов в группе, %	8,3	32,2	32,2	27,3	100

Таблица 2

Общие факторы и их максимальные нагрузки на признаки во внутренней структуре крестьянского хозяйства сельскохозяйственно-скотоводческой специализации

Фактор и входящие в него признаки	Факторные нагрузки на признаки	Вклады факторов в суммарную дисперсию, %
Первый фактор. Размеры и уровень производственно-экономической базы хозяйства: 1. Рабочего скота на 1 двор 2. Коров на 1 двор 3. Продуктивного скота на 1 двор 4. Посев овса на 1 двор 5. Всего посева на 1 двор 6. Рабочего скота на 1 душу 7. Коров на 1 душу 8. Посев ржи на 1 душу 9. Посев пшеницы на 1 душу 10. Посев овса на 1 душу 11. Всего посева на 1 душу 12. Рабочего скота на 1 работника 13. Коров на 1 работника 14. Продуктивного скота на 1 работника	0,772 0,782 0,798 0,711 0,745 0,832 0,888 0,892 0,802 0,823 0,882 0,873 0,882 0,778	31,5
Второй фактор. Природно-рыночная страховая (адаптационная) подсистема. Источник накопления общих капитализированных производственных фондов: 1. Коров на 1 голову рабочего скота 2. Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота	0,913 0,921	13,8
Третий фактор. Природно-хозяйственная адаптационная подсистема: 1. Запасы хлеба, пудов на 1 двор 2. Запасы хлеба на 1 душу 3. Запасы хлеба на 1 работника 4. Запасы хлеба на 1 голову рабочего скота 5. Запасы хлеба на 1 голову продуктивного скота 6. Запасы хлеба на 1 дес. всего посева	0,986 0,969 0,975 0,985 0,985 0,986	10,8
Четвертый фактор. Рыночно-мелкотоварная подсистема скотоводческой отрасли, формирующая рыночно-капиталистические производственные фонды животноводческой отрасли: 1. Рабочего скота на 1 дес. всего посева 2. Коров на 1 дес. всего посева 3. Продуктивного скота на 1 дес. всего посева	0,778 0,933 0,825	9,4
Пятый фактор. Рыночно-мелкотоварная подсистема скотоводческой отрасли, формирующая рыночно-капиталистические производственные фонды зерновой отрасли: 1. Работников на 1 корову 2. Размер всего посева на 1 корову 3. Количество работников на 1 голову продуктивного скота 4. Размер всего посева на 1 голову продуктивного скота	0,832 0,882 0,835 0,892	7,3
Шестой фактор. Уровень обеспеченности крестьянской семьи рабочей силой: 1. Работников на 1 душу 2. Семейных душ на 1 работника	0,941 –0,963	6,3
Седьмой фактор. Семейно-трудовая демографическая основа хозяйства: 1. Размер семьи на 1 двор 2. Количество работников на 1 двор	0,850 0,883	4,9

Включение Сибири в общероссийский аграрно-капиталистический рынок породило процесс формирования в структуре хозяйства сельскохозяйственных дворов адапционных рыночно-капиталистических подсистем. Факторные нагрузки отражают тесно взаимосвязанные с факторами признаки (корреляция на уровне 0,700 и более). Вклады факторов в формирование общей структуры указаны в третьем столбце табл. 2.

В сельскохозяйственно-скотоводческой выборке преобладающее влияние первого фактора – «Размеры и уровень производственно-экономической базы хозяйства» (31,5%). Факторные нагрузки на признаки показывают, что наибольшее влияние на размер и уровень производственно-экономической мощности хозяйства принадлежит влиянию значения признаков: посев ржи на 1 душу (0,892), всего посева на 1 душу (0,882), коров на 1 работника (0,882), коров на 1 душу (0,888). В первом факторе были выше среднего факторные нагрузки признаков: рабочего скота на 1 двор (0,772), коров на 1 двор (0,782), продуктивного скота на 1 двор (0,798). Данный фактор играл основную системообразующую роль в жизни крестьянских хозяйств, он указывает на семейно-потребительскую ориентацию данных хозяйств. Вклад фактора в общую структуру составил 31,5%.

Второй фактор крестьянского хозяйства сельскохозяйственно-скотоводческой специализации – «Природно-рыночная страховая (адаптационная) подсистема. Источник накопления общих капитализированных производственных фондов» – два признака: коров на 1 голову рабочего скота (0,913); продуктивность скота на 1 голову рабочего скота (0,921). Факторные нагрузки на признаки «коров на 1 голову рабочего скота» и «продуктивного скота на 1 голову рабочего скота» (0,913 и 0,921) выражают процесс постепенного вхождения крестьянских хозяйств в капиталистический рынок путем модернизации мелкотоварного уклада. Модернизация осуществлялась за счет более быстрого развития мясного направления животноводческой отрасли и продажи мяса в европейскую часть России.

Третий фактор в крестьянских хозяйствах сельскохозяйственно-скотоводческой специализации отражает страховую природно-хозяйственную адаптационную систему. Природно-хозяйственная подсистема выражена запасами хлеба: запасы хлеба в пудах на 1 двор, запасы хлеба на 1 душу, запасы хлеба на 1 работника, запасы хлеба на 1 голову рабочего скота, запасы хлеба на 1 голову продуктивного скота, запасы хлеба на 1 дес. всего посева. Доля влияния фактора составила 10,8%. Нужно отметить, что в ней достаточно хорошо сбалансированы показатели различных производственных фондов. В хозяйствах сельскохозяйственно-скотоводческой специализации факторные нагрузки соответственно составили: 0,986; 0,986; 0,969; 0,975; 0,985; 0,986. Запасы хлеба спасали крестьян от экстремальных природных явлений – засух и неурожаев.

Четвертый фактор в домохозяйствах сельскохозяйственно-скотоводческой направленности показал вклад в суммарную дисперсию 9,4%. Он включал в себя следующие показатели: рабочего скота на 1 дес. всего посева (0,778), коров на 1 дес. всего посева (0,933),

продуктивного скота на 1 дес. всего посева (0,825). Данный фактор отражает рыночно-мелкотоварную подсистему (уклад) скотоводческой отрасли хозяйства. На ее основе формировались рыночно-капиталистические производственные факторы животноводческой отрасли.

Включенность в зерновую рыночно-мелкотоварную подсистему и формирование капиталистических производственных фондов в зерновой отрасли отражены в пятом факторе. Вклад пятого фактора составил 7,3%. В него входили четыре признака: работников на 1 корову продуктивного скота (0,832), количество работников на 1 голову (0,835), размер всего посева на 1 голову (0,882), размер посева на 1 голову продуктивного скота (0,892). Суммарная доля четвертого и пятого факторов составила в совокупности 16,7%. Это показывает роль формирующейся рыночно-капиталистической адаптационной подсистемы.

Шестой фактор – «Уровень обеспеченности крестьянской семьи рабочей силой» – во внутренней сельскохозяйственно-скотоводческой структуре отразился в признаках: работников на 1 душу (0,941) и семейных душ на 1 работника. Его вклад составил 6,3%.

Семейно-трудовая демографическая основа хозяйства отражена в седьмом факторе. В сельскохозяйственно-скотоводческих хозяйствах полученные данные указывают на трудовую силу семьи. Она определялась размерами семьи и количеством семейных работников в факторных нагрузках 0,850 и 0,883. Полученные данные указывают на то, что крестьянская семья вела свое хозяйство на основе крепких семейных традиций, опираясь на семейные источники формирования рабочей силы. Вклад данного фактора 4,9%.

Таким образом, в крестьянских хозяйствах Западной Сибири сельскохозяйственно-скотоводческой специализации преобладали две основные тенденции: во-первых, стремление сохранить семейно-потребительскую направленность экономики и, во-вторых, развитие социально-адаптационных систем, которые помогали втягивать и приспособить крестьянские хозяйства к рыночно-капиталистическим отношениям. Вклады факторов в суммарную дисперсию отражают преобладание семейно-потребительского, мелкотоварного уклада. На это в целом указывают размеры и уровень производственно-экономической мощности хозяйства, природно-хозяйственная адаптационная подсистема, $\frac{1}{2}$ от вклада, природно-рыночная страховая (адаптационная) подсистема, природно-хозяйственная адаптационная подсистема, уровень обеспеченности крестьянской семьи рабочей силой и семейно-трудовая демографическая основа хозяйства. Общий совокупный вклад указывает на преобладание семейно-потребительских основ крестьянских хозяйств ($31,5\% + 6,9\% + 10,8\% + 6,3\% + 4,9\% = 60,4\%$). Адаптационная рыночная капиталистическая подсистема, которая включала крестьянские хозяйства в товарный рынок, составила $6,9\% + 9,4\% + 7,3\% = 23,6\%$. В целом господствовала традиционная семейно-трудовая мелкотоварная система хозяйствования. Формирующаяся рыночно-капиталистическая система подчинялась задачам улучшения семейного потребления.

Внутренний строй крестьянских хозяйств Западно-Сибирского региона в конце XIX – начале XX в. отразил их включенность в хозяйственные отношения через две хозяйственно-экономические подсистемы. Традиционная семейно-потребительская система составляла основу, ядро хозяйственно-производственных отношений. Однако влияние товарно-капиталистических отношений стимулировало формирование адаптационной подсистемы крестьянских хозяйств и их постепенное вхождение в товарный общероссийский капиталистический рынок на базе мелкотоварного уклада.

Как показал многомерный факторный анализ, крестьянские хозяйства переходной от лесостепи к тайге природно-экономической зоны, располагавшиеся на

правобережье р. Оби, в 1901 г. активно входили в общероссийский аграрно-капиталистический рынок. Во внутреннем строе рассматриваемых земледельческих хозяйств формировалась адаптационная рыночно-капиталистическая подсистема. Однако данный процесс, в отличие от крестьянского хозяйства лесостепной природно-экономической зоны [11. С. 82], еще не завершился. Об этом свидетельствует тот факт, что сбалансированность компонентов производственной базы была ниже 0,7, а именно на уровне значений корреляционных коэффициентов от 0,5 до 0,62. Следовательно, производственные фонды крестьянских дворов правобережной притаежной территории продолжали функционировать на основе требований и механизмов местного мелкотоварного аграрного рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. 588 с.
2. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962
3. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
4. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1967.
5. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983.
8. Емельянов Н.Ф., Важенина Т.Г., Тарасов Н.Л. Курганская деревня при капитализме. Курган, 1993.
9. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1980-х – начало 1940-х гг.): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–76.
10. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009.
11. Никулин П.Ф. О возможностях методики многомерного факторного анализа внутреннего экономического строя крестьянского хозяйства Сибири рубежа XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 77–82.
12. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
13. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. М., 2003.
14. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 44.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 апреля 2016 г.

ON THE METHOD OF MULTIVARIATE FACTOR ANALYSIS, THE INCLUSION OF SMALL-SCALE PEASANT ECONOMY OF WESTERN SIBERIA AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY IN MARKET RELATIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 20–24.

DOI: 10.17223/15617793/409/3

Evgenia K. Antonova, Gymnasium number 1 (Strezhevoy, Russian Federation). E-mail: antonovatomsk@gmail.com

Keywords: farms of Siberia; small-scale market; mathematical methods; factor analysis.

The paper used factor analysis to sample typical farms of farming and livestock specialization of v. Baltinskaya, v. Novoporosskaya, Oyashinskaya volost of Tomsk uezd, in Tomsk Province by the materials of the Tomsk Provincial Agricultural Census 1901. Such farms were gradually included in the commodity-money relations on the basis of small-scale market. At the turn of the 20th century, Western Siberia entered the process of agricultural modernization. Siberian peasants, based on traditional family values, actively joined the all-Russian capitalist market. Gradually the material and technical base of farms, the level of marketability changed, new economic and industrial links were formed. Traditional economic relations gradually gave way to the commodity-market relations. The internal economic structure of farms gradually developed and acquired new socio-cultural traits. System analysis allows identifying the level and extent of involvement of farms in agrarian relations, exploring their economic nature. Mathematical methods play a significant role in the structure of system analysis. A study of the internal structure of farms in the West Siberian region can be based on mathematical methods such as correlation, regression and factor analysis. Correlation analysis gives the degree of connection of various components of peasant farms; regression reflects the shape and form of dependence of major economic components. Factor analysis reveals the inner structure of farms in more detail. In this article, factor analysis is applied to study the above-mentioned selected farms. Factor analysis was made on a random sample of data array of 183 farming and cattle-breeding farms. Factor analysis is based on the pair regression-correlation analysis. Pairs with the largest possible correlation coefficient were grouped into parameters. Depending on how the parameters grouped, each factor received a certain name. Thus, the internal structure of farms in the West Siberian region of the late 19th – early 20th centuries reflected their involvement in the economic relations of two economic subsystems. The traditional, family-consumer system formed the basis, the core of economic relations. However, the impact of commodity-capitalist relations stimulated the formation of an adaptive subsystem of farms and their gradual entry into the commodity market, through small-scale farming.

REFERENCES

1. Sklyarov, L.F. (1962) *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody Stolypinskoy agrarnoy reformy* [Resettlement and Land Development in Siberia in the years of the Stolypin agrarian reform]. Leningad: Nauka.

2. Stepynin, V.A. (1962) *Kolonizatsiya Eniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of Yenisei Province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk: Iz-vo KGPI.
3. Tyukavkin, V.G. (1966) *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [Siberian village on the eve of October]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
4. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX v.* [Siberian peasants at the turn of the century. The end of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
5. Goryushkin, L.M. (1976) *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)* [Agrarian relations in Siberia in the imperialism period (1900–1917)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia since ancient times to the present day]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
7. Goryushkin, L.M. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [Siberian peasantry in the epoch of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
8. Emel'yanov, N.F., Vazhenina, T.G. & Tarasov, N.L. (1993) *Kurganskaya derevnya pri kapitalizme* [Kurgan village under capitalism]. Kurgan: Kurgan Pedagogical Institute.
9. Il'inykh, V.A. (1999) *Krest'yanskoe khozyaystvo Sibiri (konets 1890-kh – nachalo 1940-kh gg.): tendentsiya i etapy razvitiya* [Farms of Siberia (the end of the 1890s – the beginning of the 1940s.): Trend and stages of development]. In: Il'inykh, V.A. (ed.) *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izucheniya* [Peasant family and households in Siberia in the twentieth century: problems of studying]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Nikulin, P.F. (2009) *Ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The economic structure of the peasant economy of Western Siberia in the early twentieth century]. Tomsk: TML-Press.
11. Nikulin, P.F. (2012) On potential of multidimensional factor analysis of peasant household economic system in Siberia in late 19 – early 20 centuries *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 361. pp. 77–82. (In Russian).
12. Blauberger, I.V. & Yudin, E.G. (1973) *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and essence of the systemic approach]. Moscow: Nauka.
13. Koval'chenko, I.D. (2003) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
14. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 3. List 44. (In Russian).

Received: 08 April 2016

ВНЕКЛАССНЫЕ ЗАНЯТИЯ В ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЯХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Статья посвящена внеклассному образованию в женских гимназиях Пермской губернии. Данный вид деятельности был направлен на повышение культурного, интеллектуального уровня и физического развития учениц. Рассмотрены различные виды мероприятий, которые должны были служить дополнением к учебной программе и барьером, ограждающим провинциальных гимназисток от неблагоприятного влияния семьи и улицы.

Ключевые слова: Пермская губерния; женская гимназия; внеклассные занятия; праздники; экскурсии.

На современном этапе реформирования среднего образования на повестку дня снова выходит поиск мер, направленных на формирование у современных школьников целостного мировоззрения, российской идентичности, уважения к обществу, государству. Духовно-нравственные, социокультурные ценности и социализация учеников определяются как задачи первостепенной важности [1]. Все это заставляет обратиться к опыту средней женской школы, которая решала проблемы, волнующие образовательные учреждения современности и где был дан яркий пример единства обучения и воспитания, лучше всего реализованного во внеклассных мероприятиях.

Анализ системы дореволюционного образования все чаще становится предметом исследований последних лет [2], при этом современными авторами большое внимание уделяется его гендерным аспектам [3, 4]. Внеклассной деятельности как важной части школьной жизни уделяется внимание в исследованиях, касающихся становления гимназического образования в России [5], в контексте повседневной жизни женской школы [6, 7] и учебно-воспитательного процесса в ней [8, 9]. Отдельные мероприятия, относящиеся к внеурочной жизни, упоминаются в связи с историей конкретных женских учебных заведений интересующего нас региона [10]. Но несмотря на ряд исследований, проблема опыта внеклассной работы дореволюционной женской школы недостаточно изучена. Указанная тема может быть рассмотрена на примере Пермской губернии, где среднее образование было достаточно эффективным, а женское особенно.

Дореволюционные женские гимназии учреждались с целью обучить и воспитать гармонично развитую «личность, проникнутую живым интересом к окружающему миру и умеющую отчетливо разбираться в задачах, какие ей может предоставить действительность» [2. С. 306]. Для достижения этой цели, как и в современной школе, использовались не только запланированные уроки, но и внеурочное время. Разделяя мнение передовой русской педагогической мысли об общечеловеческом характере женского образования и равенства его с мужским [11. С. 238], педагоги женских школ воплощали эти представления в грамотно организованном и разностороннем досуге учениц.

Несмотря на светский характер образования, укрепление религиозного чувства являлось важной задачей женского образования. Так, помимо ежедневных утренних молитв гимназисткам вменялось в обя-

занность в воскресные и праздничные дни посещать в городских соборах литургии, а по желанию родителей и всенощные. Под воскресенье и в праздничные дни в женских школах по рекомендациям Священного Синода проводились концерты духовной музыки, выступали гимназические церковные хоры [12. Л. 2; 13. Л. 42; 14. Л. 81]. Помимо Рождества и Пасхи отмечались такие знаменательные церковные события, как 900-летие Крещения Руси, 1600-летие со времени издания Миланского эдикта, 500-летие со дня кончины преподобного Стефана Пермского [15. С. 398; 16. Л. 3–4]. Без церковной службы не проходило ни одно событие, отмечаемое в женских школах, будь то закладка нового здания или юбилей учебного заведения.

Утверждение религиозно-нравственного идеала, имевшего тесную связь с верховной властью, отражалось и во внеурочных мероприятиях, связанных с царствующей династией. Примером тому могут служить торжественные акты по случаю 25-летия царствования Александра II или чудесного избавления Августейшей семьи от грозящей им опасности на Курско-Харьковской железной дороге в 1888 г. Известно, что ученицы Ирбитской Мариинской прогимназии отправили по этому поводу телеграммы на имя Ея Величества Государыни Императрицы с выражением верноподданнических чувств и просьбой прислать фотокарточку Великой Княжны Ольги Александровны. Стоит отметить, что Императрица не оставила данную просьбу без ответа [17. Л. 83; 18. Л. 382].

Во время празднования Священного Коронования в 1896 г. и 300-летия Дома Романовых женские гимназии губернии становились центрами городских торжеств. По этому случаю здания женских школ блестяще иллюминировались, украшались флагами, гирляндами и вензелями Их Императорских Величеств. Пермским гимназисткам по окончании благодарственного молебна за нового императора и исполнения народного гимна под неумолкаемое «ура!» разъяснили значение коронации для русского народа. В городских театрах учащимся показывали патристические драмы, оперы «Параша-Сибирячка», «Жизнь за Царя», разрешили бесплатно веселиться в городских садах и раздавали угощения. Три дня и три ночи празднования «прошли в неслыханном непрерывном общем ликовании», что, по мнению Попечителя учебного округа, все же не могло служить «причиной неисполнения некоторых отделов учебной программы» [19. С. 9–19; 20. Л. 18; 21. Л. 49].

После совершения гимназистками крестного хода и парада войск во время празднования юбилея царского Дома «к лучшему уяснению высокого значения» данного события на торжественных актах ими были заслушаны речи о «Смуте и начале Дома Романовых», «Главных моментах в жизни русского народа за время Царствования Дома Романовых» и др. Девочки исполняли патриотические кантаты, читали стихи, выступали с докладами, посвященными данному событию [13. Л. 14; 22. С. 179–180].

Торжества следовали по общему для всех учебных заведений порядку, который устанавливался Попечителем Оренбургского учебного округа и обязательно включал в себя богослужение и торжественную часть, проходившую в актовом зале гимназий. Например, в день ознаменования 50-летнего юбилея Освобождения крестьянства в стенах женских гимназий были отслужены панихиды по царю Александру II; младших школьниц познакомили с личностью Царя-Освободителя и его великими делами, а старшим прочли лекцию, «дающую полную картину закрепощения и раскрепощения крестьян» [23. Л. 68]. Кроме того, в честь 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года и 200-летнего юбилея Полтавской победы ученицам предлагался бесплатный проезд в Полтаву и Санкт-Петербург на предстоящие в этих городах торжества. По этому поводу в гимназиях проводились чтения, иллюстрированные световыми картинками, бесплатно раздавались брошюры, посвященные этим датам [24. Л. 173].

Руководство гимназий, стараясь сделать праздники яркими, эмоционально-окрашенными событиями в жизни гимназисток, стремилось ориентировать их на высокие идеалы и любовь к Родине, что стало особенно важным после событий 1905–1907 гг., когда в стране начало расти осознание того, что «многие негативные явления, характерные для школы, обусловлены недостаточным знакомством учащихся с великим прошлым их общего Отечества» [25. Л. 10]. Поэтому для развития и укрепления патриотических чувств, кроме чествования круглых знаменательных дат, учениц в торжественной форме знакомили с «достопамятными событиями» отечественной истории (день взятия Казани, Плевны и др.). «С целью запечатлеть в их умах его важность и вызвать в них патриотическое волнение» рассказы сопровождалась демонстрацией туманных картин и портретов исторических деятелей [12. Л. 3–4; 25. Л. 23].

Безусловно, самым распространенным способом отметить какое-либо событие было устройство в стенах гимназий литературно-музыкальных вечеров и утренников, которые чаще всего приурочивались к юбилеям писателей, музыкантов. Давая простор творческому выражению, гимназистки здесь демонстрировали свои таланты, декламируя стихи, отрывки из литературных произведений, играя на музыкальных инструментах и в небольших пьесах, выступая с докладами, как при праздновании 100-летней годовщины Н.В. Гоголя, которая широко отмечалась во 2-й Екатеринбургской гимназии совместно с другими учебными заведениями города [24. Л. 165]. На таких концертах могли участвовать и приглашенные арти-

сты. Так, в 1901 г. в 1-й Екатеринбургской гимназии выступал артист Императорских театров Бефани и певица Славянская, гастролирующие в Екатеринбурге [26. С. 11].

Инициатива проведения вечеров часто исходила от самих воспитанниц, которые самостоятельно вырабатывали для них программу «за малыми изъяснениями со стороны воспитательного персонала», которая, как и программа проведения официальных праздников, согласовывалась с Попечителем Оренбургского учебного округа [27. Л. 7].

Подобные мероприятия проводились не только в целях «доставления учащимся разумных развлечений» и развития эстетического вкуса, но и как дополнение к урокам истории и литературы, а также в благотворительных целях. Особенно важно это было во время Первой мировой войны, когда собранные на них средства шли для помощи фронту и бедным ученицам [28. Л. 23; 29. С. 3]. Такие вечера могли быть тематическими или состояли из отдельных номеров. Так, 10 февраля 1917 г., за считанные дни до падения монархии, на благотворительном литературно-музыкальном вечере кунгурские гимназистки открыли первое отделение гимном «Боже, Царя храни», затем исполнили арии из оперы «Жизнь за Царя», вальс из оперы «Фауст» в четыре руки, рапсодии Листа, романсы русских композиторов, сыграли сцену из комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся» и другие номера [30. Л. 71].

В Пермской Мариинской гимназии ученический хор пел не только молитвы перед уроками и в церкви, но принимал участие в благотворительных вокально-музыкальных вечерах для недостаточных учениц, устраиваемых в клубе Благородного собрания Почетной Попечительницей Еленой Валериановной Дягилевой. Мать знаменитого антрепренера оказала немалое влияние на подъем интереса к художественно-артистическим занятиям и развитие эстетического вкуса воспитанниц. Ею часто устраивались вокально-музыкальные вечера с декламацией поэтических произведений, костюмированными национальными танцами и др. [31. С. 20].

Программа вечеров и утренников обычно не обходилась без постановок легких детских пьес и отрывков из произведений известных писателей. В качестве актёров себя пробовали ученицы всех возрастов [32. Л. 43; 33. Л. 10–11]. Сознывая силу воздействия драматического искусства на юные девичьи души, руководство женских школ позволяло воспитанницам приобщаться к нему в местных театрах на разрешенных для просмотра пьесах по русской и зарубежной классике, а также посещать кинематограф по специальной программе вместе с учителями или классными надзирательницами [34. Л. 10]. Например, в 1916 г. кунгурские гимназистки вместе с классными надзирательницами ходили на дневные сеансы в городской электротئاتр, где смотрели картины по произведениям русских писателей: «Гранатовый браслет», «Обрыв», «Капитанская дочка» [30. Л. 55].

По уставу учебным заведениям полагалось по окончании учебного года устраивать в них годовые

публичные акты, целью которых было ознакомить родителей учениц и местной общественности с жизнью и результатами деятельности учебного заведения [35. Л. 84]. На них зачитывались отчеты о состоянии и деятельности учебных заведений, произносились речи, нравственно воздействующие на учащихся, исполнялись литературно-музыкальные номера, проводились выставки художественных и рукодельных работ учениц, окончившим курс вручались аттестаты и свидетельства. В конце вечера раздавались награды отличным ученицам, которыми обычно были книги. Так, наградными книгами первоклассниц Ирбитской гимназии в 1909 г. служили произведения Лидии Чарской, романы Л.Н. Толстого, сборники Некрасова, Белинского предназначались для старшекласниц. В Кунгурской гимназии ученицам, решившим посвятить себя преподавательской деятельности, в награду выдавали методические пособия для обучения детей грамоте, счету, письму [20. Л. 54]. После торжественной части было принято устраивать танцы: для младших школьников они обычно проводились с 5 до 8 часов вечера, для старших – с 20 до 23 часов [13. Л. 13]. Танцы в гимназиях разрешались и без повода; вне их стен девочкам они также разрешались, но только если были даны гарантии, что в них, кроме учениц, не будет принимать участие посторонняя публика [18. Л. 428; 36. Л. 35–36].

В архивах также встречаются упоминания об участии гимназисток в празднованиях юбилеев *alma mater*, различных городских мероприятиях, организованных общественными организациями, как, например, в проводимом в Екатеринбурге празднике *Древонасаждения*. Но самым любимым событием в гимназиях, безусловно, была Рождественская елка, которую обычно готовили для учениц младших классов. Любопытно, что в числе других развлекательных номеров на этот праздник ставились хороводные обрядовые танцевальные игры с пением, такие как «Заплетися, плетень», «А мы просо сеяли» и др. По окончании праздника детям дарили фрукты и сладости [20. Л. 51; 37. Л. 57].

К внеклассным занятиям, способствующим поднятию интеллектуального уровня гимназисток и непосредственно связанным с учебным процессом, относились чтение лекций и рефератов. Лекции проводились как в стенах гимназий, так и в других учебных заведениях преподавателями местных учебных заведений или приезжими ораторами. Тематика их была разнообразной, выходила за пределы обязательных учебных программ, посвящалась последним достижениям в искусстве, науке, технике и для наглядности лекции иллюстрировались волшебным фонарем с туманными картинками. Так, для учениц 1-й Екатеринбургской гимназии, кроме лекций по литературе, истории, географии, читались лекции по земледелию, природоведению, этнографии. Кроме того, гимназический врач Русских выступал с лекциями о холере, приезжий декламатор Новосельский – по искусству выразительного чтения, а путешественник Барков – об Испании и Африке [23. Л. 65; 28. Л. 23]. Лекции сопровождался показом последних технических новинок, таких как фонограф, продемонстрированный екатеринбурженкам г-ном Надлером в 1900 г. [26. С. 8].

Судя по отчетам педсоветов, лекции проводились достаточно часто. Только в феврале 1909 г. екатеринбургские старшекласницы присутствовали на трёх лекциях о Л.Н. Толстом, прочитанных преподавателем словесности мужской гимназии, лекции инспектора реального училища «О всемирном тяготении», докладах преподавателей реального училища, посвящённых истории арифметики, географии и освобождению крестьян [32. Л. 42–43]. Чтобы привить навыки исследовательской работы, гимназисткам рекомендовалось самим подготавливать рефераты по различным научным вопросам и выступать с ними перед школьной аудиторией. В 1916 г. во 2-й Екатеринбургской гимназии ученицами были составлены и заслушаны рефераты на темы «Александр I во вторую половину царствования», «Русская равнина и ее влияние на сменявшееся в стране население», «Женские типы у Тургенева и Гончарова», «Магнетизм» и т.д. [16. Л. 14 об.; 32. Л. 42–43]. Интересно, что вопрос о влиянии философских систем Гегеля, Фихте, Шеллинга на русскую интеллигенцию послужил темой для рефератов по словесности восьмикласниц Кунгурской гимназии [30. Л. 36]. Чтение рефератов проводилось «для поднятия успешности» гимназисток, и для этого использовалось не только свободное от уроков время, но даже воскресные и праздничные дни [23. Л. 65].

Безусловно, большое значение в женских гимназиях уделялось внеклассному чтению, которое служило большим подспорьем при изучении учебных предметов, особенно в старших классах. Так, в Пермской Мариинской гимназии с 1890 г. были введены меры для контроля домашнего внеклассного чтения указанных педагогами классических произведений русских и иностранных авторов, для чего каждой ученице вменялось в обязанность иметь особую тетрадь, где отмечались прочитанные ею сочинения [31. С. 20].

В праздничные дни и в свободные от уроков часы, «чтобы они не терялись для учащихся в бесполезной праздности», педагоги и их воспитанницы читали лучшие произведения отечественной словесности, «могущие содействовать развитию патриотических чувств и изящного вкуса» [25. Л. 23]. С целью приучить учениц старших классов к сознательному и толковому чтению крупных литературных произведений, выработать критерии и способность суждения, с ними отдельно устраивались литературные беседы [31. С. 20].

С конца XIX в. в уральских женских школах стали устраиваться чтения со световыми картинками. Материалами для них служили сведения по естествознанию, географии, истории и технике; для младших школьников читались рассказы, повести и сказки. Чтением руководили учителя, преподающие словесность, русский язык, историю или географию – каждый по своему предмету. Чтение книг духовно-нравственного содержания имело место во время всего учебного курса по указанию и под контролем законоучителей. В случае отсутствия учителей их могли заменять классные надзирательницы [38. Л. 14]. По окончании этих мероприятий в праздничное время организовывались игры и танцы до 7–8 часов вечера [31. С. 22].

В самых отдаленных уголках губернии, как, например, в Чердыни, воскресные чтения какого-нибудь исторического или литературного сочинения «с разбором и освещением проводимой в нем идеи» были самым распространенным видом внеклассных занятий [39. Л. 130].

Циркуляры Министерства народного просвещения (МНП) призывали учителей гимназий принимать более деятельное участие в руководстве при выборе и чтении книг, обращать серьезное внимание на индивидуальные способности учениц и обязательно выдавать книги на каникулярное время [35. Л. 70–71; 40. Л. 8–9]. По мнению же учебного начальства, именно внеклассное чтение должно было дополнить общее развитие девушек, что было особенно важно в уездных женских школах, выпускающих значительное количество преподавательниц в местные начальные училища, большинство из которых «не соответствовали своему назначению по недостаточности интеллектуального развития» [41. Л. 27]. К тому же в уездных городах гимназия зачастую являлась единственным местом, где девочки могли бесплатно пользоваться литературой, подходящей для их возраста [20. Л. 3].

На лето, кроме чтения книг, ученицам задавались каникулярные работы (сочинения). Например, ученицы младших классов писали работы на темы «Труд кормит, а лень – портит», «Лето в жизни крестьянина», «Мои первые школьные воспоминания», «Золото не золото – коли не было под молотом», «Значение березы в жизни русского народа» [24. Л. 191]. Сочинения старшеклассниц предлагалось приурочивать к прочитанным ими книгам или же к самостоятельной обработке по первоисточникам какого-нибудь несложного научного вопроса. За такие работы назначалась премия от 20 до 30 руб., которую выдавали книгами или деньгами (последнее – преимущественно для бедных учениц, отправляющихся в вузы) [35. Л. 70–71].

Еще одним распространенным путём расширения кругозора учениц были экскурсии. Организованные в виде прогулок и путешествий, они проводились с целью проверить, объяснить, вспомнить и закрепить теоретические знания, полученные учащимися на уроках, и являлись незаменимым пособием при изучении школьных предметов. МНП с конца XIX в. обращало особое внимание на такие мероприятия, когда, основываясь на жалобах педагогов и родителей, в ряду недостатков средней школы указывалось на слабое ознакомление учащихся с окружающей действительностью [42. С. 711].

Начиная с 1900 г. ученические экскурсии стали приобретать все большую популярность и по примеру европейских стран стали включаться в школьную программу. «Местные» экскурсии вносили заметное разнообразие в школьную жизнь и поэтому нравились ученицам, а так как они не были сопряжены с большими расходами, то приветствовались педагогами женских школ, которые предлагали придать им обязательный характер в средней школе [43. Л. 254]. Судя по гимназическим отчетам, учителя старались водить учениц повсюду, где они могли бы увидеть что-либо новое и поучительное. Для приобретения необходи-

мых знаний о природе родного края совершались выезды и прогулки в соседние леса, реки, горы. Эти экскурсии приносили несомненную пользу здоровью учениц, воздействовали на склад ума, учили детей быть предусмотрительными и внимательными в различных ситуациях, невольно воспитывали дисциплину, развивали дух товарищества и способствовали сближению учительского персонала с учащимися [31. С. 26]. Немаловажным считалось и ознакомление девочек с промышленным производством края. Так, екатеринбургских учениц регулярно водили на Верх-Исетские заводы смотреть процесс сплавки чугуна и в Императорскую гранильную мастерскую, а пермячек – на соляные варницы [26. С. 6–7; 31. С. 26; 44. Л. 14].

По программе отдельных предметов экскурсии проводились самими преподавателями. Например, осмотр пчеловодного музея, Ледяной пещеры, оранжереи известного мецената М.С. Грибушина и посудного завода Федорова кунгурскими гимназистками служил дополнением к уроку естественной истории. Внимание привлекают экскурсии, проводимые учителями физики: гимназисток водили на электростанции, железные дороги, типографии, пароходы и т.д., где они могли увидеть то, о чем им рассказывали на уроках. В мужских гимназиях и реальных училищах, где физические кабинеты были хорошо оснащены, девочкам демонстрировали физические и химические опыты [30. Л. 36; 45. Л. 39; 46. Л. 59]. Благодаря таким занятиям педагоги добивались развития интереса у девочек как к естественным предметам, так и к научно-техническому прогрессу, притом что количество часов на естественные предметы в женских гимназиях не уступало таковому в мужских [11. С. 214], а при 1-й Екатеринбургской гимназии даже действовал физико-математический кружок [47. С. 3].

Экскурсии служили вспомогательным средством даже для уроков Закона Божия: законоучителя знакомили учениц с устройством храмов, показывали предметы служения, церковную утварь и пр. [44. Л. 43].

Конечно, не все женские гимназии края обладали равными возможностями в организации экскурсий. Архивные источники свидетельствуют, что в жизни гимназисток Перми и Екатеринбурга данный вид внеклассной работы не был случайным эпизодом, а носил регулярный и самый разнообразный характер. Из отчетов Екатеринбургской 1-й гимназии известно, что только в 1908/09 учебном году ее воспитанницы совершили экскурсии: в местную обсерваторию, ясли, главную лечебницу, в музей общества любителей естествознания, физический кабинет и химическую лабораторию Реального училища и мужской гимназии, на метеорологическую станцию, электростанцию, в типографию газеты «Уральская жизнь», на мукомольную мельницу Борчанинова и прядильную фабрику бр. Макаровых, наблюдали за звездами и планетами на ночном небе и смотрели генеральную репетицию оперы «Садко», поставленной местным вокально-музыкальным кружком. К тому же в городских начальных школах старшеклассницы знакомились на практике с обучением детей грамоте [28. Л. 23].

Помимо финансового вопроса препятствием для организации экскурсий в маленьких уездных городках являлись климатические условия края. Так, в Чердыни долгое время научные экскурсии за город не практиковались из-за того, что с октября до мая окрестности города были покрыты снегом. Ученицам приходилось ограничиваться посещением городского музея, устроенного земством, в котором имелся достаточный материал по всем предметам курса, особенно по естествознанию [39. Л. 130, 156].

Во время Первой мировой войны МНП призвало обращать еще более серьезное внимание на данный вид внеклассной деятельности. Но такая рекомендация не всегда встречала поддержку в педагогических коллективах гимназий. Так, председатель Педсовета Пермской Александровской гимназии считал, что экскурсии, особенно выездные, бывают слишком утомительными и учащиеся приучаются скорее к верхоглядству, чем к внимательному и детальному изучению предметов и явлений [43. Л. 254].

Возможность совершать путешествия в различные места осложнялась еще и тем, что уездные города Пермской губернии стояли далеко от железной дороги, проезд же на лошадях был сопряжен с большими расходами [13. Л. 42]. Тем не менее поездки в другие города практиковались. Известно, что екатеринбургские гимназистки с учителем географии ездили в соседнюю Пермь для осмотра достопримечательностей и производства на Мотовилихинских заводах, а в рождественские каникулы 1910–1911 гг. столицу посещали девочки из Ирбита и Екатеринбурга [23. Л. 67–69; 26. С. 6–7; 48. Л. 11].

Об экскурсии девочек из Ирбита, состоявшейся по инициативе начальницы гимназии, уроженки Санкт-Петербурга, подробно описано в годовом отчете гимназии. Для 19 учениц это было целое событие, так как многие из них даже железной дороги никогда не видели. Прибыв в столицу, экскурсантки первым делом отправились на всенощную в Казанский собор. Невский проспект сразу произвел на них сильное впечатление своими красивыми зданиями, блеском великолепных магазинов и оживлением, непривычным для их глаза и уха. «Девочки увидели все способы передвижения до автомобилей включительно, электрическое освещение повсюду. Все это произвело неизгладимое впечатление на экскурсанток и указывало на успехи науки, техники, промышленности и торговли» [38. Л. 13]. Экскурсантки осмотрели здания, храмы, памятники культуры и архитектуры. С целью познакомить учениц с драматическим искусством начальницей гимназии были заранее исходатайствованы билеты в Мариинский театр на оперу «Майская ночь», в Консерваторию – на оперу «Русалка», в Александринский театр – на драму «Дети Ванюшина». В Народном доме девочки смотрели популярную пьесу Метерлинка «Синяя птица». «Для подтверждения развития идей и направлений в искусстве, указываемых на уроках рисования», экскурсантки посетили Эрмитаж, музей им. Александра III, панораму «Оборона Севастополя», а чтобы пополнить и закрепить сведения по природоведению, сходили в Зоологиче-

ский музей при Академии наук [23. Л. 67–69]. За восемь дней пребывания в столице девочки посетили почти все культурные и достопримечательные места столицы.

К категории внеклассных занятий относились меры, принимаемые не только «в целях поднятия интеллектуальных способностей, но и для улучшения физических сил учениц» [28. Л. 23]. Протоколы педсоветов подтверждают, что здоровье учениц небезосновательно являлось предметом особой заботы руководства уральских гимназий, если учесть, что суровые климатические условия Урала вынуждали детей находиться в течение 9 месяцев в закрытых помещениях. В связи с этим окружное руководство рекомендовало раньше, не позднее 15 мая, оканчивать занятия и экзамены [24. Л. 57–58].

В садах при гимназиях имелись площадки, где в свободное от уроков время на свежем воздухе девочки играли в подвижные игры: крокет, лаун-теннис, серсо и др. [38. Л. 13]. Зимой в садах гимназий заливались катки, бедным ученицам разрешалось бесплатно пользоваться городскими катками [44. Л. 11]. Обычно их проводили учителя гимнастики или другие обученные этому лица, как, например, классная надзирательница 2-й Екатеринбургской гимназии О.И. Двинянинова, обучавшаяся у профессора П.Ф. Лесгафта в Петербурге и имевшая практику проведения детских игр в Манеже при Адмиралтействе и Александровском саду [49. Л. 11].

Свои успехи в гимнастике, являвшейся с начала века обязательным предметом, уральские гимназистки могли продемонстрировать на ставших популярными в начале века гимнастических *Сокольских* праздниках, проводившихся в Перми и Екатеринбурге перед Первой мировой войной. На екатеринбургском ипподроме воспитанницы трех женских гимназий в специальных спортивных костюмах исполняли под музыку ряд гимнастических номеров с цветными флажками и обручами, что вызвало у публики восторг [22. С. 243–246; 50. С. 3].

Чтобы ежегодно укреплять свои силы и иметь возможность пользоваться нормальными условиями жизни в период физического роста и «этим положить основание для воспитания из них энергичных и деятельных членов общества и семьи», для дочерей малолетних родителей, сирот, перенесших болезни, считалось желательным устройство в летнее время загородных дач (колоний). Известно, что такие колонии имелись при Пермской Мариинской гимназии в местечке Нижние Курьи, а 2-я Екатеринбургская гимназия до Первой мировой войны ежегодно помещала бедных учениц на дачу, содержащуюся местным семейно-педагогическим кружком [31. С. 27; 44. Л. 10].

Таким образом, архивные данные показывают, что внеурочное время уральских гимназисток было достаточно насыщенным различными мероприятиями просветительского и развлекательного характера, которые, усиливая интерес к изучаемому, способствовали раскрытию творческого и интеллектуального потенциала девочек. Нельзя сказать, что внеклассные

мероприятия в женских гимназиях содержали в себе типично женские элементы. Наоборот, можно заключить, что преподаватели женских гимназий способствовали развенчанию гендерных стереотипов, существовавших в русском обществе, поощряя девочек через внеклассную работу заниматься естественными науками, спортом и другими так называемыми муж-

скими предметами. Это было особенно важно в губернии, где большинство гимназисток были представительницами крестьянского сословия и происходили из неграмотных семей. Кроме того, разумное времяпрепровождение ограждало девочек от влияния той негативной среды, которая окружала их, особенно в каникулярное время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования / А.А. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков ; Рос. акад. образования. М., 2009.
2. Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880–1930-е годы). М., 2012.
3. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность (Два века изучения женской темы русской и зарубежной наукой). М., 2002.
4. Кузьмин К.В. Основные тенденции в развитии женского образования в России в XIX–XX вв. // Гендерная педагогика и гендерное образование в странах постсоветского пространства. Иваново, 2002.
5. Рыболова Е.А. История женских гимназий в России во второй половине XIX – начале XX в. (По материалам Московского учебного округа) : дис. ... канд. ист. наук. М. 2004.
6. Журавлева Н.Н. Женское образование в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.
7. Котлова Т.Б. «...Много хороших воспоминаний осталось от гимназии» (женское образование в России сто лет назад) // Социальная история. Ежегодник. М. 2005. С. 254–277.
8. Козлова Г.Н. «Образ жизни» отечественной гимназии конца XIX – начала XX в. // Педагогика. 2000. № 6. С. 71–77.
9. Логинова О.А., Логинов О.Н. Учебно-воспитательный процесс в гимназиях дореволюционной России (на примере гимназий Пензенской губернии). 2009.
10. Елисафенко М.К. Педагогическое образование на Урале и деятельность Екатеринбургской второй женской гимназии: 1908–1918 гг. // Очерки истории педагогического образования в Екатеринбурге (1870–1930): к 140-летию пед. образования на Урале. Екатеринбург, 2011. С. 61–80.
11. Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Женское образование в России. М., 2010.
12. Городской архив г. Кунгура (далее – КГА). Ф. 558. Оп. 1. Д. 34.
13. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 458. Оп. 2. Д. 32.
14. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 693. Оп. 1. Д. 41.
15. Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 5.
16. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 82.
17. ГАСО. Ф. 458. Оп. 1. Д. 5.
18. ГАСО. Ф. 458. Оп. 1. Д. 27.
19. Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1897 год. Пермь, 1897. С. 9–19.
20. КГА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 38.
21. ГАСО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 7.
22. Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 4. С. 179–180.
23. ГАСО. Ф. 458. Оп. 2. Д. 55.
24. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
25. ГАСО. Ф. 458. Оп. 1. Д. 4.
26. Отчет о состоянии Екатеринбургской 1-й гимназии за 1902 год. Екатеринбург, 1902.
27. ГАСО. Ф. 458. Оп. 2. Д. 30.
28. ГАСО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 18.
29. «Ученический вечер» // Зауральский край (Екатеринбург). 1916. № 11 (15 янв.).
30. КГА. Ф. 587. Оп. 1. Д. 40.
31. Мариинская женская гимназия в Перми к 50-летию юбилею. 1861–1910. Пермь, 1913.
32. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 223.
33. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 325.
34. ГАСО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 24.
35. ГАСО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 9.
36. ГАСО. Ф. 458. Оп. 1. Д. 98.
37. ГАСО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14.
38. ГАСО. Ф. 458. Оп. 2. Д. 39.
39. ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 3.
40. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 236.
41. ГАСО. Ф. 458. Оп. 1. Д. 3.
42. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.
43. ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 3.
44. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4.
45. КГА. Ф. 587. Оп. 1. Д. 9.
46. ГАСО. Ф. 458. Оп. 1. Д. 105.
47. «В 1-й женской гимназии» // Зауральский край. 1916. № 40 (14 фев.).
48. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12.
49. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 193.
50. Екатеринбургские молодые соколы // Зауральский край. 1914. № 96 (1 мая).

Статья представлена научной редакцией «История» 25 апреля 2016 г.

EXTRACURRICULAR STUDIES IN WOMEN'S SECONDARY SCHOOLS OF PERM PROVINCE (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 25–32.

DOI: 10.17223/15617793/409/4

Larisa V. Arkhangel'skaya, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: arhangel'lar@gmail.com

Keywords: Perm Province; women's secondary school; extracurricular studies; secondary education; educational district.

The article is concerned with activities during non-study time of Perm Province women's secondary school schoolchildren. This refers to the extracurricular study which was oriented not only on educational but on personal development mission. The article considers the main extracurricular activities such as holy days, national holidays, landmark events of the past and contemporaneity. All these concurred to religious sensitivities and patriotic education of high-school girls. School holidays were organized as literary and musical evenings or early morning events. The latter were held, as a rule, for different age groups and for entertainment and charitable purposes. Dancing, visiting theatre and cinema were allowed for entertainment during the out-of-school time upon special program approved by the school authority. In addition to the curriculum they organized schoolchildren's reports on different scientific questions. Lectures of visiting orators and teachers of city universities were especially popular. The subject of reports and lectures was beyond the compulsory school program and was devoted to the best achievements of modern research in science, arts and other areas. The most serious attention was paid to extracurricular reading. It was to enhance the general development of girls as intending teachers. For this purpose, reading in different subjects and literary discussions upon read books were arranged for high-school girls of different age on holidays, weekends and during the non-study time. Such pastime fostered principles of thinking and deepened the knowledge of schoolchildren. Educational excursions concurred to personal enrichment and allowed to know the world around children. Excursions were held pretty often in the form of walks and visits to local sights and manufactures. Travels to other towns and to the capital of the Empire were rare due to the territorial remoteness of the region. In addition to extracurricular work concurring to personal enrichment and fostering aesthetic beauty, field-sports at all seasons also referred to extracurricular study. Thanks to extracurricular studies the leisure time of high-school girls of even small towns of Perm Province was full of effective things which protected them against negative external influences and increased their interest in the study, their cultural level and self-fulfillment. In summary, the example of Perm Province women's secondary schools shows that pre-revolutionary all-girls high-school was a shining example of education and fostering implemented best in extracurricular studies.

REFERENCES

1. Danilyuk, A.Ya., Kondakov, A.M. & Tishkov, V.A. (2009) *Kontsepsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii v sfere obshchego obrazovaniya* [The concept of spiritual and moral development and education of an individual Russian citizen in the sphere of general education]. Moscow: Prosveshchenii.
2. Dmitriev, A.N. (ed.) (2012) *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880–1930-e gody)* [Schedule of Change: Essays on the history of education and science policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s–1930s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Pushkareva, N.L. (2002) *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost'* (Dva veka izucheniya zhenskoy temy russkoy i zarubezhnoy naukoy) [A Russian Woman: Past and Present (Two centuries of studying the female topic in Russian and foreign science)]. Moscow: Ladimir.
4. Kuz'min, K.V. (2002) [Major trends in the development of women's education in Russia in the 19th and 20th centuries]. *Gendernaya pedagogika i gendernoe obrazovanie v stranakh postsovet'skogo prostranstva* [Gender and gender education in post-Soviet countries]. Proceedings of the International Summer School. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian).
5. Rybolova, E.A. (2004) *Istoriya zhenskikh gimnaziy v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (Po materialam Moskovskogo uchebnogo okruga)* [The history of women's high schools in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (Moscow School District)]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Zhuravleva, N.N. (2005) *Zhenskoe obrazovanie v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Female education in Tomsk Province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Barnaul.
7. Kotlova, T.B. (2005) "...Mnogo khoroshikh vospominaniy ostalos' ot gimnazii" (zhenskoe obrazovanie v Rossii sto let nazad) ["... A lot of good memories of the gymnasium" (education for women in Russia a hundred years ago)]. In: *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social History. A Yearbook]. Moscow. pp. 254–277.
8. Kozlova, G.N. (2000) "Obraz zhizni" otechestvennoy gimnazii kontsa XIX – nachala XX v. ["Lifestyle" of the domestic gymnasium in late 19th – early 20th centuries]. *Pedagogika*. 6. pp. 71–77.
9. Loginova, O.A. & Loginov, O.N. (2009) *Uchebno-vospitatel'nyy protsess v gimnaziakh dorevolutsionnoy Rossii (na primere gimnaziy Penzenskoy gubernii)* [The educational process in the public schools of pre-revolutionary Russia (based on high schools of Penza Province)]. Penza: Penza State University.
10. Elisafenko, M.K. (2011) *Pedagogicheskoe obrazovanie na Urale i deyatel'nost' Ekaterinburgskoy vtoroy zhenskoy gimnazii: 1908–1918 gg.* [Teacher education in the Urals and the activities of the Yekaterinburg second girls' school: 1908–1918]. In: Igoshev, B.M. & Popov, M.V. (eds) *Ocherki istorii pedagogicheskogo obrazovaniya v Ekaterinburge (1870–1930): k 140-letiyu ped. obrazovaniya na Urale* [Essays on the history of teacher education in Yekaterinburg (1870–1930): to the 140th anniversary of pedagogical education in the Urals]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
11. Dneprov, E.D. & Usacheva, R.F. (2010) *Zhenskoe obrazovanie v Rossii* [Female education in Russia]. Moscow: Drofa.
12. City Archive of Kungur (KGA). Fund 558. List 1. File 34. (In Russian).
13. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 2. File 32. (In Russian).
14. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund 693. List 1. File 41. (In Russian).
15. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. (1913) 5.
16. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 4. List 1. File 82. (In Russian).
17. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 1. File 5. (In Russian).
18. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 1. File 27. (In Russian).
19. Popov, R. (ed.) (1897) *Adres-kalendar' i Pamyatnaya knizhka Permskoy gubernii na 1897 god* [Address-calendar and memorial book of Perm Province in 1897]. Perm: Tipo-Litografiya Gubernskogo Pravleniya.
20. City Archive of Kungur (KGA). Fund 558. List 1. File 38. (In Russian).
21. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 70. List 1. File 7. (In Russian).
22. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. (1913) 4. pp. 179–180.

23. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 2. File 55. (In Russian).
24. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 4. List 1. File 3. (In Russian).
25. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 1. File 4. (In Russian).
26. Anon. (1902) *Otchet o sostoyanii Ekaterinburgskoy 1-y gimnazii za 1902 god* [Report on the status of the Yekaterinburg 1st gymnasium for 1902]. Yekaterinburg.
27. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 2. File 30. (In Russian).
28. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 70. List 1. File 18. (In Russian).
29. Zaural'skiy kray. (1916) Uchenicheskiy vecher [Student Night]. *Zaural'skiy kray*. 11 (15 January).
30. City Archive of Kungur (KGA). Fund 587. List 1. File 40. (In Russian).
31. Anon. (1913) *Mariinskaya zhenskaya gimnaziya v Permi k 50-letnemu yubileyu. 1861–1910* [Mariinsk female gymnasium in Perm on the 50th anniversary]. Perm.
32. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 4. List 1. File 223. (In Russian).
33. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 4. List 1. File 325. (In Russian).
34. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 70. List 1. File 24. (In Russian).
35. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 70. List 1. File 9. (In Russian).
36. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 1. File 98. (In Russian).
37. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 70. List 1. File 14. (In Russian).
38. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 2. File 39. (In Russian).
39. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund 693. List 1. File 3. (In Russian).
40. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 4. List 1. File 236. (In Russian).
41. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 1. File 3. (In Russian).
42. Rozhdestvenskiy, S.V. (1902) *Istoricheskiy obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902* [Historical overview of the activities of the Ministry of Education. 1802–1902]. St. Petersburg: Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya.
43. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund 172. List 1. File 3. (In Russian).
44. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 4. List 1. File 4. (In Russian).
45. City Archive of Kungur (KGA). Fund 587. List 1. File 9. (In Russian).
46. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 458. List 1. File 105. (In Russian).
47. Zaural'skiy kray. (1916) V 1-y zhenskoy gimnazii [In the 1st women's gymnasium]. *Zaural'skiy kray*. 40 (14 February).
48. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 4. List 1. File 12. (In Russian).
49. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 4. List 1. File 193. (In Russian).
50. Zaural'skiy kray. (1914) Ekaterinburgskie molodye sokoly [Yekaterinburg young falcons]. *Zaural'skiy kray*. 96 (1 May).

Received: 25 April 2016

СПЕЦИФИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ ТЫЛОВОГО РЕГИОНА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00341-а «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания».

Выясняется величина демографических потерь одного из тыловых регионов страны – Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Данный регион считается одним из наиболее демографически пострадавших в СССР от последствий военного времени. Причины данной ситуации и исследуются в статье. На основе впервые публикуемых статистических данных из Государственного архива Российской Федерации анализируются сведения о рождаемости, смертности, естественном приросте, брачности и разводимости населения Вологодчины. Главный вывод заключается в том, что основными составляющими сокращения численности населения в годы войны были потери на фронтах и резкое падение рождаемости. Ранее существовавшее предположение о высокой смертности тылового коренного населения региона в военные годы не получило подтверждения.

Ключевые слова: Вологодская область; тыловой регион; демография; рождаемость; смертность; численность населения.

Определение численности человеческих потерь военных лет до сих пор вызывает у историков и демографов серьезные затруднения. И если потери комбатанта более-менее известны, то число умерших в тылу труднее поддается исчислению. Дело здесь и в особенностях статистического учета населения тех лет, и в перемещениях больших масс народа, когда учитывать численность, особенно в период непосредственного следования к месту эвакуации, было крайне трудно. Численность фактического населения региона, в свою очередь, зависела от масштабов прямых человеческих потерь в ходе военных действий, сверхсмертности, вызванного войной сокращения рождаемости, результатов миграционных перемещений и некоторых других событий.

Часть демографов настаивает на исчислении не только прямых, но и косвенных демографических потерь. Так, Б.Ц. Урланисом косвенные военные потери определяются «как несбывшиеся возможности или упущенные демографические выгоды». К ним он относит разницу между фактической и гипотетической численностью населения на даты начала и окончания войны. Под гипотетической численностью населения принимается та, которая могла бы быть, не случись война [1, 2]. А.Я. Кваша говорит о трех видах потерь, относя к третьему виду «вторичные последствия войны» [3]. По его мнению, данные потери носят преимущественно социально-психологический характер и количественно трудноопределяемы. К вторичным потерям, или последствиям войны, демографы относят деформацию возрастно-половой структуры населения за счет гибели, прежде всего, молодых мужчин, и, частич-

но, женщин, находившихся в репродуктивном возрасте (призывных, трудоспособных); образование демографической волны вследствие резкого падения рождаемости во время войны особенно в 1943 г.; ухудшение здоровья населения, в первую очередь той его части, которая родилась и формировалась в военные и первые послевоенные годы; территориальное перераспределение населения, вызванное его эвакуацией из районов боевых действий и др. Часть этих демографических последствий может быть количественно оценена, но с еще большей степенью условности, чем демографические потери, независимо от того, прямые они или косвенные.

О прямых демографических потерях Вологодской области в годы Великой Отечественной войны сегодня общепринятым является мнение профессора В.Б. Конасова, который писал: «Вологодская область, на территории которой не велось широкомасштабных боевых операций, не свирепствовал жестокий оккупационный режим, потеряла более 220 тыс. мирных граждан ...Если к 220 494 приплюсовать боевые потери наших земляков (178 811 не вернувшихся с фронта солдат), то получится, что к концу войны область недосчиталась почти 400 тыс. своих земляков. Эта цифра... существенно превышает среднестатистический показатель по СССР. На начало войны в стране проживало 195 млн человек, погибло и умерло 27 млн человек, в Вологодской области проживало 1 млн 580 тыс. человек, погибло и умерло 400 тыс. человек. Можно смело констатировать, что Вологодская область оказалась в десятке наиболее пострадавших в годы войны регионов» (табл. 1).

Таблица 1
Сведения о количестве умерших в Вологодской области в 1941–1945 гг. (чел.), предложенные профессором В.Б. Конасовым

Год	Умерло		
	на селе	в городе	всего в области
1941	35 313	9 870	45 183
1942	71 102	15 009	86 111
1943	31 681	11 319	43 000
1944	19 951	6 044	25 995
1945	15 424	4 781	20 205
Итого	173 471	47 023	220 494

Источник: История Вологодского края XIX – начала XXI века : учеб. пособие. Вологда, 2009. С. 174.

Однако данные, предложенные профессором В.Б. Конасовым, не показывают, какую часть умерших составляло собственно население Вологодчины, а какая часть потерь была связана с гибелью эвакуированного населения и смертями в госпиталях области. Кроме того, важно вычлнить уровень «естественной» смертности и «недорода» жителей данной территории.

Остановимся на демографических вопросах Вологодчины в военные годы. Статистические данные ста-

ти базируются на сведениях из выявленной автором «Объяснительной записки статуправления Вологодской области к годовым отчетам о естественном движении населения за 1945 г.», составленной в 1945 г. и отложившейся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359).

Прежде всего обратимся к анализу изменений численности населения Вологодской области в 1941 – 1945 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Средняя численность населения Вологодской области (исключая Вохомский и Павинский районы), чел.

Год	В городских поселениях	В сельской местности	Всего
1941	300 500	1 401 300	1 701 800
1942	310 300	1 293 300	1 603 600
1943	311 700	1 045 700	1 357 400
1944	306 400	994 600	1 301 000
1945	306 700	967 450	1 274 150

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 285.

Согласно переписи населения 1939 г. в Вологодской области проживали 1 599 тыс. человек [4]. Таким образом, резкое увеличение численности населения в 1941 г. – на 100 тыс. человек по сравнению с 1939 г., – скорее всего, связано с прибытием на Вологодчину эвакуированного населения. Об этом свидетельствуют и данные документов. В конце июля 1941 г. в докладной записке Вологодского обкома ВКП(б) председателю Совета по эвакуации Н.М. Швернику сообщалось, что в Вологодскую область прибыли из г. Ленинграда, Карело-Финской ССР и других районов прифронтовой зоны 30 976 человек [5. С. 174]. Особенность эвакуации, как отмечалось, заключалась в том, что «шла одновременно по всем направлениям и всеми видами транспорта и пешим порядком» из прибалтийских республик, Белорусской ССР, юго-западных районов Вологодской области [Там же. С. 204]. Кроме того, в документах отмечалось, что «одновременно появились баржи и пароходы с людьми и оборудованием из Карело-Финской ССР». Всего, по данным Вологодского областного переселенческого отдела, к концу зимы 1943 г. в Вологодской области было размещено около 165 160 человек эвакуированных [Там же. С. 205]. На 1 января 1944 г. временно проживающих и эвакуированных среди сельского населения Вологодской области было 92 110 человек [6].

Таким образом, резкий рост численности населения области в 1941 г. был связан с притоком эвакуированного населения. Начиная с 1942 г. численность населения Вологодской области ежегодно сокращалась. С 1941 по 1942 г. она сократилась на 98,2 тыс. человек, с 1942 по 1943 г. – на 246,2 тыс., с 1943 по 1944 г. – на 56,4 тыс., с 1944 по 1945 г. – на 26,9 тыс. человек. На сокращение численности населения области оказывали влияние такие факторы, как мобилизация на фронт, отъезд эвакуированного населения после 1943 г., рост смертности и сокращение рождаемости.

При анализе демографического развития Вологодчины нельзя обойти вниманием такой фактор, как начавшийся в 1930-е гг. демографический переход, харак-

теризующийся, в числе прочего, переходом от «среднедетности» семей к «малодетности». Однако пятилетний период войны был слишком малым для окончательного формирования данного тренда. В связи с этим обстоятельством произошедшее в 1941–1945 гг. изменение динамики рождаемости следует связывать с влиянием войны, а не с иными историческими факторы.

Войны практически всегда влияли на сокращение рождаемости. Л.Е. Поляков в опубликованной в 1985 г. монографии обобщил отечественные и зарубежные данные о влиянии войн на уровень рождаемости населения. Приводимые им относительно России сведения охватывают период войн XIX – первой половины XX вв. Так, в Отечественную войну 1812 г. снижение рождаемости составило 14%, в Крымскую – 10%, в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. – 3%, в Первую мировую – вдвое [7]. Сведения о снижении рождаемости в СССР в результате войны 1941–1945 гг. опубликованы Б.Ц. Урланисом, Д.И. Валентеем, А.Я. Квашей, В.С. Гельфандом, Л.Л. Рыбаковским, В.А. Исуповым и др. По сути, основные выводы данных авторов сводились к итоговой цифре сокращения рождаемости в СССР в период войны в два раза по сравнению с предвоенным периодом (с примерно 6 млн человек, рожденных в 1940 г., до 3 млн человек, рожденных в 1943 г.) [2]. По расчетам В.С. Гельфанда, снижение числа родившихся в период Великой Отечественной войны определяется в 46–49,5%, по мнению Л.Л. Рыбаковского – в 40% [8, 9]. Демографы отмечали также наименьшее число рождений в 1943 г. Однако в некоторых публикациях оценки «дефицита рождаемости» военных лет гораздо выше. В. Исупов считает, что дефицит рождаемости в РСФСР в годы Великой Отечественной войны составил 7,5–8 млн нерожденных [10].

Рассмотрим важнейшие демографические показатели рождаемости и смертности на территории Вологодской области в период Великой Отечественной войны (табл. 3–11).

Таблица 3

**Динамика рождаемости в Вологодской области (исключая Вохомской и Павинский районы)
в годы Великой Отечественной войны, чел.**

Год	Число родившихся		
	в городских поселениях	в сельской местности	всего
1941	11 209	47 070	58 279
1942	6 070	23 125	29 195
1943	3 169	8 871	12 040
1944	4 149	10 822	14 971
1945	5 454	13 615	19 069
Итого	30 051	103 503	133 554

Составлено и рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 284–285.

Таблица 4

Рождаемость в Вологодской области в 1941–1945 гг. на 1 тыс. человек населения в год, чел.

Год	Городские поселения	Сельская местность	Всего по области
1941	37,3	33,6	34,2
1942	19,6	17,9	18,2
1943	10,2	8,5	8,9
1944	13,5	10,9	11,5
1945	17,8	14,1	15,0

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 286. (В пояснении к таблице сказано, что «относительно наиболее высокую рождаемость в 1945 г. на 1 000 чел. населения имеют районы, расположенные в центре области: Грязовецкий – 20,3%, Чебсарский – 19,7%, Пришекснинский – 19,2%, Лежский – 17,6%. Наименьшая рождаемость имела в районах – Бабушкинском – 10,2%, Петриневском – 10,1%, Борисово-Судском – 11,1%, Тотемском – 11,2%».)

Таблица 5

Распределение родившихся в 1945 г. по месяцам, чел.

Месяц	Всего по области	В том числе	
		в городских поселениях	в сельской местности
Январь	111,5	100	116,2
Февраль	90,4	93,3	89,2
Март	96,1	93,3	97,7
Апрель	82,7	86,7	81,1
Май	88,5	86,7	89,2
Июнь	98,1	86,7	102,7
Июль	117,3	113,3	116,9
Август	111,5	113,3	110,8
Сентябрь	119,2	126,7	113,5
Октябрь	107,7	106,7	110,8
Ноябрь	98,1	93,3	97,2
Декабрь	86,5	100	81,1

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 287.

Таблица 6

Смертность населения в Вологодской области в 1941–1945 гг., чел.

Год	Численность умерших		
	в городе	в сельской местности	всего
1941	9 870	33 527	43 397
1942	29 851	53 010	82 861
1943	9 460	30 812	40 272
1944	5 289	19 202	24 491
1945	3 986	15 878	19 864
Итого	58 456	152 429	210 885

Составлено и рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 287.

Таблица 7

Динамика ряда эпидемиологических заболеваний в Вологодской области в 1940–1945 гг. (на 10 тыс. чел.)

Заболевание	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Сыпной тиф	2,9	2,4	77,1	4,4	4,5	7,5
Брюшной тиф	3,7	3,2	9,8	4,2	2,5	7,5
Дизентерия	54,7	37,1	41,2	15,2	6,5	6,3

Источник: Ильина О.В. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. Вологда, 2011. С. 48.

Таблица 8

Сравнительная частота смертности в Вологодской области на 1 тыс. чел. населения, чел.

Год	Городские поселения	Сельская местность	Всего
1941	32,8	23,9	25,5
1942	96,2	41,0	51,7
1943	30,3	29,5	29,7
1944	17,3	19,3	18,8
1945	13,0	16,4	15,6

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 288.

В Вологодской области в 1940 г. родились 51 тыс. младенцев (без мертворожденных) [11], в 1941 г. – 58,2 тыс. Если считать эти данные обычными для начала 1940-х гг., то в результате Великой Отечественной войны дефицит рождаемости составил на Вологодчине в 1942 г. – 29 тыс. человек, в 1943 г. – 46,2 тыс., в 1944 г. – 43,3 тыс., в 1945 г. – 39,2 тыс. человек. Всего за годы Великой Отечественной войны Вологодская область недосчиталась более 150 тыс. малышей, скорее всего, родившихся, если бы не экстремальные военные условия. Без войны Вологодская область имела бы около 280 тыс. рожденных в 1941–1945 гг. детей, на деле же родилось лишь 47% от этой цифры. Как видим, данный показатель вполне соотносится с расчетами В.С. Гельфанда. Наименьшее число рождений в военные годы на территории Вологодской области приходится на 1943–1944 гг., что в целом соответствует показателям по СССР.

Качественные характеристики изменения процессов рождаемости можно проследить по показателю частотности рождаемости в расчете на 1 тыс. человек.

Анализ табл. 4 показывает, что снижение рождаемости началось в 1942 г., достигло дна в 1943 г., в 1944 и 1945 гг. рождаемость несколько выросла, однако даже не приблизилась к уровню 1941 г. Данные табл. 4 также позволяют выявить, что уровень рождаемости в сельской местности за период войны был ниже, чем в городах Вологодчины, – разрыв достигал 3–4 промилле. Такой несвойственный для деревни отрыв от города в степени рождаемости связан с высочайшим уровнем мобилизации мужчин именно из сельских местностей Вологодчины. Не случайно военное лихолетье породило множество частушек, где девушки и молодые женщины горевали о своей одинокой доле: «До чего ж мы, девочки, / Тепере доживаем / Только то и делаем – / В солдаты провожаем»; «С неба звездочка упала / На железны провода / Тяжело проходит молодость / В военные года» [12. С. 183].

Статистические данные позволяют увидеть, как распределялось количество рождений по месяцам (табл. 5). В качестве времени исследования Вологодским областным статуправлением был выбран последний год войны – 1945.

Из табл. 5 видно, что наибольшее число рождений падало в 1945 г. на январь, июль, август, сентябрь и октябрь. Наименьшее в городах Вологодской области приходилось на апрель, май, июнь; в сельской местности – на апрель, май, декабрь. Сравнивая эти данные с динамикой помесечной рождаемости в дореволюционной России и в первое десятилетие советской власти, когда в стране имело место два максимума рождаемости (июль и октябрь), связанные с постами и брачностью (основная часть браков заключалась в ноябре и январе) [13. С. 859–861], можно утверждать, что сезонность рождений в 1945 г. уже практически никак не была связана с религиозными правилами. Секуляризация семейно-брачных отношений в конце Великой Отечественной войны практически полностью завершилась.

Война – это время повышенной смертности гражданского населения страны. Рассмотрим, каков был уровень смертности населения Вологодской области в 1941–1945 гг. (табл. 6). Эти данные учитывают потери

населения, проживающего и прописанного (даже временно) на территории области. Погибшие на фронтах в данном случае статистикой не учитывались.

В 1940 г. количество умерших в области составляло 42,9 тыс. человек [14]. И если 1941 и 1943 гг. примерно равны по показателям «обычной» смертности вологжан (около 40 тыс. человек в год), то в 1942 г. было зарегистрировано двукратное увеличение смертности по сравнению с довоенным уровнем (82,9 тыс. смертей). При этом показатель смертности в 1942 г. возрос в городах почти в 3 раза (с 9,9 тыс. в 1941 г. до почти 30 тыс. человек, т.е. на 20 тыс. смертей), в сельской местности – почти на треть (с 33,5 тыс. в 1941 г. до 53 тыс. человек в 1942 г., т.е. на 20 тыс. смертей). Вологодское областное статуправление указывало, что резкое увеличение смертности в 1942 г. произошло главным образом за счет эвакуированных больных (в основном из Ленинграда) [15. Л. 289]. Известно, что за годы войны, по неполным данным, в Вологодской области умерло 10,8 тыс. эвакуированных [16. С. 4]. Многие потери было довольно трудно учесть – например, известно, что умерших нередко снимали с поезда, хоронили вдоль железнодорожных путей [Там же]. К повышенной смертности второго года войны привела эпидемия сыпного тифа в Вологде. Заведующая Вологодским горкомхозом К.М. Смирнова вспоминала: «Трупов скапливалось много, бывало до 100–120 в день; от сыпного тифа умирало по 20–25 горожан» [16. С. 29]. Динамика эпидемиологических заболеваний вологжан в годы Великой Отечественной войны представлена в табл. 7.

Данные табл. 7 показывают, что, кроме вспышки сыпного тифа в 1942 г., серьезных эпидемий в военные годы удалось избежать. Некоторый подъем заболеваемости брюшным тифом и дизентерией приходился также на 1942 г., в 1943–1944 гг. ее уровень был невысоким, а вот 1945 г. дал некоторый рост заболеваемости тифом, связанный, по всей видимости, с массовой демобилизацией из армии, когда долгий путь домой не давал солдатам возможности соблюдать требования гигиены.

В 1944–1945 гг. показатели смертности вологжан были ниже обычного довоенного уровня. Сказались усилия врачей по предотвращению эпидемий, организация жизни эвакуированных, пайкового питания и т.д. Таким образом, военное лихолетье в Вологодской области среди коренного мирного населения в целом не увеличило смертность выше показателей «обычного» довоенного уровня. Высокий же показатель смертности 1942 г. связан с большими потерями эвакуированного населения, прежде всего ленинградцев-блокадников.

Анализируя показатели смертности в области, вологодские статистики в 1945 г. отмечали, что «обычно общая смертность женщин ниже, чем мужчин. Превышение женской смертности над мужской наблюдается только среди населения, состоящего в браке. В Вологодской области из общего числа умерших в 1945 г. – 19 864 человек в целом по области, мужчины составляли 9 716 человек и женщины 10 148 человек (по сельской местности 15 878 всего, мужчин – 7 729, женщин – 8 149). Превышение числа умерших жен-

щин над числом умерших мужчин объясняется условиями войны, а именно отвлечением мужского населения на фронт» [15. Л. 288].

Сравнительная частота смертности и сезонность смертности среди населения Вологодчины представлена в табл. 8, 9.

Данные табл. 8 показывают, что наиболее высокая частота смертности населения Вологодской области приходилась опять же на 1942 г., при этом в городе она была более чем в 2 раза выше, чем в сельской местности. Превышение городской смертности над сельской наблюдалось и в 1943 г. Как уже говорилось выше, такая динамика была связана с размещением эвакуированных преимущественно в городах. Два заключительных года войны демонстрировали снижение сравнительной частоты смертности, по сравнению с 1942 г., почти в 3–3,5 раза.

Наибольшая смертность населения области в 1945 г., по данным табл. 9, была отмечена в январе–мае 1945 г. Это период, когда запасы продовольствия, сделанные в летний период, подходили к концу. Плохо питавшиеся люди тяжело переживали холодные вологодские зимы. Однако с наступлением теплого периода, появлением первого урожая, улучшением питания и снабжения витаминами смертность снижалась. Наименьшие показатели смертности фиксировались в период с июня по октябрь.

Важно проследить данные о младенческой смертности, так как мы видели, что одна из серьезных демографических деформаций была связана с сокращением количества рождений в военное время (табл. 10, 11). Кроме того, младенческая смертность является важнейшим показателем уровня жизни и состояния здравоохранения в стране.

Таблица 9

Сезонность смертности в Вологодской области в 1945 г.
(среднесуточное число смертей в % к среднесуточному числу смертей за год)

Месяц	Всего по области	В городских поселениях	В сельской местности
Январь	111,1	109,0	97,2
Февраль	124,4	118,1	110,2
Март	125,9	118,1	112,1
Апрель	118,5	127,2	104,0
Май	107,0	109,0	87,7
Июнь	83,3	81,8	81,6
Июль	85,1	100,0	71,4
Август	90,7	81,8	81,6
Сентябрь	88,8	90,9	77,5
Октябрь	85,1	81,8	81,6
Ноябрь	90,7	90,9	79,5
Декабрь	98,1	90,9	87,7

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 289.

Таблица 10

Смертность детей до одного года в Вологодской области в 1941–1945 гг., чел.

Год	В городских поселениях	В сельской местности	Всего
1941	2 791	9 569	12 360
1942	3 618	11 305	14 923
1943	548	2 338	2 886
1944	499	1 334	1 833
1945	740	1 653	2 393
Итого	8 196	26 199	34 395

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 290.

Таблица 11

Количество умерших детей до одного года на 1 тыс. родившихся в Вологодской области в 1941–1945 гг.

Год	В городских поселениях	В сельской местности	Всего
1941	249	202	210
1942	596	478	501
1943	204	266	251
1944	120	123	122
1945	131	121	125

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 290.

В 1940 г. в Вологодской области умерло 14,5 тыс. детей до года, что в расчете на 1 тыс. человек составило 284 промилле (253 в городе и 291 в селе). Показатели военного времени демонстрируют некоторый прирост младенческой смертности в 1942 г. В остальной же период военного времени – 1941, 1943–1945 гг. – показатели детской смертности находились на уровне довоенной младенческой смертности или ниже.

Итак, в целом за 1942–1945 гг. показатель естественного прироста населения в Вологодской области давал отрицательную величину: родилось 133 тыс. и умерло 210 тыс. человек (–70 тыс.).

Война ухудшила и без того деформированную половую структуру населения. Несмотря на то что в результате сражений, артобстрелов, бомбежек, карательных операций, голода и т.д. гибли и мужчины и женщины, тем не менее война оставалась в основном мужским делом.

Это серьезно сказалось на количестве заключенных браков, которое уменьшилось в 1942 г. по сравнению с 1941 г. более чем в три раза и возросло до уровня, превосходящего довоенный, лишь в 1945 г. (табл. 12, 13).

Резкое сокращение количества мужчин вследствие мобилизации в армию особенно четко сопрягалось с числом заключенных браков в расчете на 1 тыс. человек.

Таблица 12

Число заключенных браков в Вологодской области в 1941–1945 гг.

Год	В городских поселениях	В сельской местности	Всего
1941	2 295	4 950	7 245
1942	1 046	1 549	2 595
1943	1 202	1 881	3 083
1944	2 010	3 356	5 366
1945	3 356	5 398	8 754

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 293.

Таблица 13

Число заключенных браков на 1 тыс. человек населения в Вологодской области в 1941–1945 гг.

Год	В городских поселениях	В сельской местности	Всего
1941	7,6	3,5	4,3
1942	3,4	1,2	1,6
1943	3,9	1,8	2,3
1944	6,6	3,4	4,1
1945	10,5	5,6	6,9

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 293, 294.

В 1942 г. число браков в расчете на 1 тыс. человек сократилось более чем в два раза и оставалось низким до 1944 г. В 1944 г. число заключенных браков в расчете на 1 тыс. человек достигло уровня 1941 г., а в 1945 г. превысило его. В сельской местности Вологодской области уровень брачности в 1942 и 1943 гг. был катастрофически низким. Да и в 1945 г., как отмечало Вологодское статуправление, прирост уровня брачности во многом был связан со вступлением в брак мужчин и женщин молодых возрастов. Из числа мужчин, вступивших в брак в 1945 г., 7,7% в городской, 11,3% в сельской местности были в

возрасте до 20 лет. Из числа вступивших в 1945 г. в брак женщин 14,7% были до 20 лет [15. Л. 293]. О невозможности найти суженого для женщин и девушек послевоенного времени свидетельствует множество горьких частушек тех лет: «Девочки, война, война / Девочки, победа! Девочки, кого любить – / осталось три деда?!»; «Говорят, что не гуляю, – / Удивительного нет: / У нас всего четыре мальчика / На целый сельсовет!» [12. С. 190].

Количество разводов является одной из важнейших демографических характеристик и требует отдельного анализа (табл. 14).

Таблица 14

Число разводов в Вологодской области в 1941–1945 гг. (в абсолютных цифрах)

Год	В городских поселениях	В сельской местности	Всего
1941	241	327	568
1942	189	223	412
1943	245	293	538
1944	236	250	486
1945	24	3	27

Источник: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 293, 294.

Число разводов в 1941–1944 гг. в целом по области было довольно стабильным – в пределах 400–500 в год. Несколько выше численность разводов была в сельской местности, однако нужно помнить, что основная часть населения Вологодчины в тот период проживала в деревне.

Резкое снижение количества разводов произошло в 1945 г. – всего зарегистрировано 27. На сельскую местность приходилось 3 развода, в городской местности развелись 24 семейные пары. Главная причина резкого снижения числа разводов крылась в изменениях в порядке юридического оформления разводов в 1944 г. [17]. Анализируя новую ситуацию, органы областной статистики отмечали, что число разводов было более значительным, пока развод находился в ведении загсов, и его можно было оформить там же по желанию только одной стороны. Когда же развод был изъят из компетенции загсов и передан в ведение суда и для возбуждения дела о разводе потребовалось соблюдение определенных «юридических формальностей и не-

которые материальные затруднения», численность разводов резко сократилась [18].

Говоря о долгосрочных демографических последствиях Великой Отечественной войны правомерно выделить главные, поддающиеся числовым характеристикам: деформация возрастно-половой структуры и возникновение демографической волны. Хотя прошло уже две трети века со времени окончания войны, влияние того и другого на демографическое развитие России полностью не закончилось. В 1959 г. в Вологодской области проживало 740 тыс. женщин и 566 тыс. мужчин, диспропорции полов ярко наблюдались во всех возрастах старше 35 лет [19. С. 62–63]. Война 1941–1945 гг. столь существенно деформировала половую структуру, что лишь к середине 1990-х гг. соотношения численности мужчин и женщин в Вологодской области приблизились к довоенному периоду. Демографическая волна возникла в результате катастрофического падения рождаемости в 1941–1945 гг., а затем, после 1945 г., постепенного ее подъема, но довоенный уровень рождаемости в Вологодской области так и не был

достигнут. Образование демографической волны, которая возникла в годы Великой Отечественной войны,

повлияла на воспроизводство населения Вологодской области, что проявилось уже в 1960-е гг. (табл. 15).

Таблица 15

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения Вологодской области в 1940–1980-е гг., чел.

Год	На 1 тыс. человек населения		
	число родившихся	число умерших	естественный прирост
1939	36	24	12
1940	30	25	5
1950	29	12	17
1955	29	11	18
1960	24	9	15
1965	16	9	7
1970	12	10	2
1975	15	11	4
1980	16	12	4
1985	18	16	5
1986	17	11	6

Источник: Развитие Вологодской области за 50 лет (1937–1987 гг.). Вологда, 1987. С. 3.

Как видно из табл. 15, в первой половине 1950-х гг. довоенное поколение, вступив в возраст создания семьи, дало увеличение рождаемости в расчете на 1 тыс. человек, военное же поколение, достигнув детородного возраста (1960-е гг.), продемонстрировало довольно низкую рождаемость – 12–16 промилле. Внуки довоенного поколения в 1980-е гг. показали несколько увеличившуюся рождаемость – 16–18 промилле.

Итак, в годы Великой Отечественной войны Вологодская область потеряла потенциально возможных 150 тыс. человек в связи с сокращением рождаемости. В свою очередь деформация возрастно-половой

структуры отрицательно сказалась на характере воспроизводства населения в течение второй половины XX в., возникла демографическая волна, на которую наложившись процессы демографического перехода, усугубив непростую демографическую ситуацию. Уровень же смертности мирного тылового населения Вологодчины военного времени в целом не вышел за обычные довоенные рамки. На смягчение демографической ситуации в годы войны повлиял большой приток эвакуированных. Вместе с эвакуированными, неродившимися младенцами, погибшими на фронтах и в тылу Вологодчина потеряла около 400 тыс. человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. 136 с.
2. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. 565 с.
3. Кваша А.Я. Демографические потери СССР во Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Сер. Экономика. 1993. № 4. С. 38–47.
4. Народное хозяйство Вологодской области за годы советской власти : стат. сб. Вологда, 1967. 168 с.
5. Вологодская область в годы Великой Отечественной войны. Архангельск : Сев.-Зап. книж. изд-во, 1971. 272 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 205. Л. 6 об.
7. Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985. 160 с.
8. Гельфанд В.С. Население СССР за 50 лет (1941–1990) : стат. справочник. Пермь, 1992. 284 с.
9. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М., 2001. 192 с.
10. Исупов В. Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3–18.
11. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1436. Л. 63.
12. Частушки / сост. Ф.М. Селиванов. М., 1990. 656 с.
13. Докладная записка начальника Отдела актов гражданского состояния НКВД СССР М.М. Алиевского нарком Внутренних дел СССР Н.И. Ежову о резком падении влияния сезонности на рождения и браки в СССР. 26 октября 1936 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы. Т. 4 : 1934–1936. М. : РОССПЭН, 2002. С. 859–861.
14. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1431. Л. 63.
15. ГАРФ. А-374. Оп. 11. Д. 359.
16. Акиньев Г.В. Эвакуация. Вологда, 1992. 111 с.
17. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.
18. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 295.
19. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. 456 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июля 2016 г.

SPECIFICS OF DEMOGRAPHIC LOSSES IN THE REAR REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON MATERIALS OF VOLOGDA OBLAST)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 33–40.

DOI: 10.17223/15617793/409/5

Tatiana M. Dimoni, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: dimonitm@yandex.ru

Keywords: Vologda Oblast; rear region; demography; fertility; mortality; population.

The article is aimed to clarify the magnitude and factors of demographic losses of one of the rear parts of the country – Vologda Oblast – during the Great Patriotic War. Vologda Oblast has a great specificity: its territory had almost no military operations (except

Oshinski area), but the level of mobilization here, in the frontline region, was one of the highest in the country. In addition, Vologda Oblast is a region with a predominantly rural population, so the process of demographic transition is reflected rather poorly. The region is considered one of the most demographically affected by the effects of war in the Soviet Union. In 1941, the region totaled 1.7 million people, in 1945 less than 1.3 million. Reasons for this situation are investigated in the article. On the basis of the first-time published statistics from the State Archive of the Russian Federation data are analyzed on births, deaths, natural increase, marriage and divorce rates of the population of Vologda Oblast during the war. Attention is drawn to an important demographic factor of the war years, the presence of evacuees to the Vologda land. In fact, this fact most seriously affected the increase in the frequency of deaths in 1942: the majority of the evacuees were Leningrad blockade survivors. The demographic data of the region showed that the population dynamics trends are broadly in line with the movement of the number of the rear population of the USSR. 1942 and 1943 were the most intense years in terms of natural increase – births were extremely small, and the number of deaths has increased. In connection with the mass mobilization of the male population to the front, the number of marriages during 1942–1944 was low (2.5–3 times lower than in 1941). The number of divorces was generally low, and in 1945 it seriously reduced. The main conclusion is that the main components of the population decline during the war were losses at the front and a sharp decline in fertility during the war years. During the period of 1941–1945, the area “lacked” 150 thousand children, who were likely to have been born if not for the extreme wartime conditions. The earlier assumption of the high mortality of the rear population of Vologda Oblast in the war was not confirmed.

REFERENCES

1. Uralnis, B.Ts. (1963) *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR* [The birth rate and life expectancy in the USSR]. Moscow: Gosstatizdat.
2. Uralnis, B.Ts. (1960) *Voiny i narodonaselenie Evropy* [Wars and the population of Europe]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury.
3. Kvasha, A.Ya. (1993) Demograficheskie poteri SSSR vo Vtoroy mirovoy voyne [Demographic losses of the USSR during World War II]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Ekonomika*. 4. pp. 38–47.
4. Statistics Department of Vologda Oblast. (1967) *Narodnoe khozyaystvo Vologodskoy oblasti za gody sovetskoj vlasti* [The national economy of Vologda Oblast in the years of Soviet power]. Vologda: Statistika.
5. Malkov, V.M. (ed.) (1971) *Vologodskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voiny* [Vologda Oblast during the Great Patriotic War]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 205. Page 6 rev. (In Russian).
7. Polyakov, L.E. (1985) *Tsena voiny. Demograficheskiy aspekt* [The price of the war. The demographic aspect]. Moscow: Finansy i statistika.
8. Gel'fand, V.S. (1992) *Naselenie SSSR za 50 let (1941–1990): stat. spravochnik* [The population of the USSR for 50 years (1941–1990): a statistics directory]. Perm: Perm State University.
9. Rybakovskiy, L.L. (2001) *Lyudskie poteri SSSR i Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Casualties of the USSR and Russia in World War II]. Moscow: Katalog.
10. Isupov, V. (2015) Rozhdaemost' naseleniya Rossii v 1939–1945 gg. [The birth rate of the Russian population in 1939–1945]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 3–18.
11. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 1300. List 1. File 1436. Page 63. (In Russian).
12. Selivanov, F.M. (1990) *Chastushki* [Ditties]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
13. Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. (eds) (2002) Dokladnaya zapiska nachal'nika Otdela aktov grazhdanskogo sostoyaniya NKVD SSSR M.M. Alievskogo narkomu Vnutrennikh del SSSR N.I. Ezhovu o rezkom padenii vliyaniya sezonnosti na rozhdeniya i braki v SSSR. 26 oktyabrya 1936 g. [A report of the Chief of the Department of Civil Status Acts of the USSR NKVD M.M. Aliyev to the USSR People's Commissar of Internal Affairs N.I. Yezhov on the sharp drop in the impact of seasonality on the birth and marriages in the USSR. October 26, 1936]. In: *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dispossession: documents and materials]. Vol. 4. Moscow: ROSSPEN.
14. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 1300. List 1. File 1431. Page 63. (In Russian).
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 359. (In Russian).
16. Akin'khov, G.V. (1992) *Evakuatsiya* [Evacuation]. Vologda: Vologda Regional Institute of Advanced Training and Retraining of Teachers.
17. Supreme Soviet of the USSR. (1944) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 8 iyulya 1944 “Ob uvelichenii gosudarstvennoy pomoshchi beremennym zhenshchinam, mnogodetnym i odinokim materiyam, usilenii okhrany materinstva i detstva, ob ustanovlenii pochetnogo zvaniya “Mat'-geroinya” i uchrezhdenii ordena “Materinskaya slava” i medali “Medal' materinstva” [Decree of the Supreme Soviet of the USSR from July 8, 1944 “On increase of state aid to pregnant women, large families and single mothers, strengthening maternal and child health, establishment of the honorary title “Heroine Mother” and establishment of the order “Maternal Glory” and the medal “Medal of Maternity”]. *Vedomosti VS SSSR*. 37.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund Fund A-374. List 11. File 359. Page 295. (In Russian).
19. Gosstatizdat. (1963) *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 g. RSFSR* [The results of the All-Union census of the population in 1959 in the RSFSR]. Moscow: Gosstatizdat.

Received: 03 July 2016

ЭСЕРЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ СИБИРСКИХ ОРГАНОВ ВЧК (1920–1921 гг.)

На основе документов и материалов сибирских органов ВЧК раскрывается нелегальная деятельность эсеров на территории Томской губернии после восстановления советской власти в Сибири. Показаны основные направления деятельности правых эсеров в этот период, формы и методы их работы среди различных слоев населения. Автор пришел к выводу, что с началом нэпа социалисты-революционеры предприняли попытку активизировать свою работу и это побудило партийно-советские органы власти, местные структуры ВЧК осуществить карательные меры, которые парализовали деятельность немногочисленных организаций правых эсеров на территории губернии.

Ключевые слова: Сибирь; Томск; советская власть; эсеры; нэп; сводки; органы ВЧК.

Документы и материалы органов ВЧК являются одним из важных источников по исследованию деятельности партии социалистов-революционеров в советский период. Они помогают конкретизировать направления и формы нелегальной деятельности эсеров, дают представление о численности и персональном составе партийных структур, дополнительные сведения о членах партии, вставших на путь борьбы с большевистской властью. В современной исторической литературе высказано мнение, что в формировании негативного образа социалистических партий особую роль сыграли органы ВЧК, которые в своих сводках и обзорах давали собственное представление о деятельности эсеров и меньшевиков [1. С. 105]. На наш взгляд, следует принять во внимание, что нельзя полностью доверять этим документам, так как информация местных органов ВЧК часто основывалась на сведениях секретных сотрудников и зачастую преувеличивала масштабы, возможности и реальную работу эсеров.

После освобождения Сибири от колчаковских войск и восстановления советской власти партийная деятельность эсеров была вначале ограничена, а потом и запрещена на всей территории. Однако, несмотря на изменившуюся ситуацию, эсеры оставались на своих прежних идейных позициях. Так, накануне освобождения Томска, губернская организация партии социалистов-революционеров (ПСР) 9 декабря 1919 г. выпустила листовку, в которой призывала к борьбе за «создание однородно-социалистической государственной власти, опирающейся до созыва Учредит[ельного] Собрания на земства и объединения демократии», за автономию Сибири и созыв Сибирского учредительного собрания [2. Л. 80]. После освобождения Томска правозероветская организация распространила письмо, в котором они заявили, что «члены партии с.-р. никакого участия в Военно-революционном комитете не принимали и в качестве членов такового не состояли. То же самое относится и к военно-революционному штабу, действующему при комитете» [Там же. Л. 28]. В письме пояснялось, что данная ситуация сложилась в силу того, что коммунисты приняли решение об образовании военно-революционного комитета без участия правых эсеров, а также членов комитета Военно-социалистического союза. Якобы представитель большевистской партии

заявил эсерам, что «о них разговора быть не может» [2. Л. 28].

Политические позиции Томской губернской организации ПСР в новых общественно-политических условиях обозначились в листовке губкома от 20 декабря 1919 г., отпечатанной большим тиражом. Эсеры заявили, что в отношении советской власти они занимают положение лояльной оппозиции, намерены участвовать в работе Советов, если их практическая деятельность не будет идти в разрез с основными требованиями демократии: «Партия социалистов-революционеров считает для себя возможным говорить о сотрудничестве с этой властью, считает для себя возможным дать свою санкцию на участие партийных товарищей в работе отдельных Советских учреждений, за исключением занятия должностей, связанных с политическим представительством центральной власти» [Там же. Л. 79]. Бывший член партии эсеров В.Е. Никитин в показаниях в губчека писал: «Первые дни при Советской власти они (эсеры. – А.Д.) выглядели лояльными и покорными...» [3. Л. 4]. А победители смотрели на эсеровские планы и намерения уже иным образом.

Партийные структуры РКП(б) начали подготовку к выборам в Советы. В начале февраля 1920 г. Томское временное губернское бюро РКП(б) рассматривало на своем заседании вопрос «О политике ЧК» и поручило члену бюро А.И. Галунову в кратчайший срок подготовить доклад о политических партиях. Вопрос об отношении к различным политическим группировкам запланировали обсудить на заседании губбюро, а затем сделать «доклад на собрании ответственных работников РКП» [4. Л. 10]. В марте 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) приняло решение о проведении в Сибири выборов в городские Советы рабочих и красноармейских депутатов [5. С. 153]. Это известие породило определенное оживление и надежды в эсеровских кругах. На заседании Томского парткома РКП(б) 9 марта 1920 г. было рассмотрено письмо о легализации инициативной группы социалистов-революционеров и принято решение: «Ввиду того, что власть в Сибири принадлежит революционным комитетам, образование каких-либо партийных групп параллельно РКП, считать невозможным...» [6. С. 71]. Вскоре Томский губернский революционный комитет официально запретил правым эсерам и меньшевикам устра-

ивать свои собрания в городе [7. С. 115]. В ответ на это Томский губком партии эсеров выпустил прокламацию, в которой констатировал, что круг лиц, которым предоставляется избирательное право, сужен томской избирательной комиссией «до размеров предоставления голоса совершенно незначительному числу трудящихся»; что большевистский политический режим сделал невозможной организацию предвыборной агитации и общение с массами, чем «сводится на нет основное содержание партийной работы при всяких выборах»; что при таких условиях выставление партийных списков неосуществимо, а «персональное прохождение в Совет отдельных членов партии при невозможности в самом Совете вести политическую работу и даже использовать Советы, как трибуну, теряет всякий смысл» [2. Л. 81; 6. С. 132]. Губком ПСР предложил всем членам партии и сочувствующим отказаться в Томске от выставления своих кандидатов в члены Совета, а также от участия в голосовании. В прошедших выборах участвовали около 70% избирателей, в городской Совет были избраны только коммунисты [8. С. 21]. Бескомпромиссная позиция правящей большевистской партии не оставляла эсерам никакой надежды на лояльное отношение к социалистическим партиям, тем более сотрудничеству. Они уходят в подполье.

В апреле 1920 г. в Томске состоялась нелегальная партийная конференция, в которой принял участие член Всесибирского краевого комитета ПСР С.А. Кудрявцев. Оперативным путем чекисты выявили, что в конференции принимали участие П.Г. Лихачев, П. Копогоров, Ф.А. Вольфович, Д.В. Сипягин-Соболев. В документах Кудрявцева и Лихачева, изъятых при обысках, оказалась записка, которая раскрывала суть принятого решения: «1. Военно-партийная диктатура нынешней советской власти по-прежнему является неприемлемой и, казалось бы, не может быть долговременной и прочной, так как не соответствует интересам и правосознанию масс. 2. От саботажа и вооруженной борьбы с советской властью в Сибири приходится отказаться, не предвещая дальнейшего поведения. 3. Необходимо работать в советских органах, стараясь корректировать вредные для населения мероприятия, всячески сохраняя связь с населением» [6. С. 79]. В последующей сводке губЧК отмечалось: «Связь с центром у них, по-видимому, очень плохо налажена, т.к. они все еще ждут указания из центра» [Там же. С. 134].

На пленуме Томского губкома РКП(б) 11–12 мая 1920 г. были заслушаны доклады с мест, в том числе представителей ЧК, в которых озвучили, что в большинстве уездов заметно оживление работы эсеров: в Щегловском уезде обнаружена и арестована эсеровская организация «в составе 43 человек»; в Мариинском уезде эсеровская группа работает при кооперации, «во главе которой стоит бывший эсер», по Анжеро-Судженскому району особое беспокойство вызвало «пополнение РКП эсерами, которые, пользуясь случаями отсутствия необходимых вещей, поднимают демагогию, говорят о бюрократизме и т.п.» [9. Л. 1–3]. К лету 1920 г. сибирские органы ВЧК выявили ряд

крупных и мелких эсеровских организаций и групп, действующих на нелегальном положении. Подпольные структуры партии эсеров (губкомы, горкомы) активизировали деятельность во всех губернских городах: Омске, Томске, Новониколаевске, Красноярске, Иркутске.

В Томске развернула свою работу подпольная организация, созданная на основе бывшего Военно-социалистического союза, имевшая паспортное бюро, шифры, оружие, типографию [10. С. 289]. На основании агентурных данных 9 мая 1920 г. был арестован эсер Д.В. Сипягин-Соболев, осуществлявший связь между Томской организацией социалистов-революционеров и офицерской организацией А.И. Гавриловича [6. С. 153]. В ночь на 14 мая подпольная организация А.И. Гавриловича была ликвидирована: спустя несколько недель 44 чел. расстреляны, остальные приговорены к различным срокам заключения [7. С. 115]. Д.В. Сипягин 25 июня 1920 г. был приговорен ТомгубЧК к расстрелу, но приговор не привели в исполнение ввиду принадлежности его к партии социалистов-революционеров. В июне 1920 г. в г. Томске был раскрыт губернский комитет партии правых эсеров. После его ликвидации документы и материалы Томской организации ПСР за 1918–1920 гг. оказались в руках чекистов, что существенно облегчило их работу по разоблачению «идейной» оппозиции [11].

В ночь на 11 июля 1920 г. в Томске были арестованы более 100 членов подпольной офицерской организации, о чем председатель Томского губчека М.Д. Берман информировал Сибревком. Организаторы планировали поднять восстание в Томске с помощью надежных воинских частей, занять несколько сел и волостей губернии [12. Л. 22–23; 13. Л. 2]. ГубЧК установило причастность ряда эсеров к готовящемуся заговору: они предоставляли свои конспиративные квартиры, принимали участие в ряде совещаний [14. С. 90–91]. Сиббюро ЦК РКП(б) постановило всех социалистов-революционеров, арестованных по Томскому заговору, перевести в Омск «для более детального дознания тов. Павлуновским. Над остальными арестованными провести дознание и, если будет достаточно материала, создать процесс» [15. Л. 2; 16. С. 16]. В августе 1920 г. 25 активных участников неудавшегося заговора, в основном офицеров, были расстреляны по приговору Томской губернской ЧК [6. С. 288–291; 17. 26 авг.]. Карательные меры большевистской власти вынудили социалистов-революционеров Сибири уйти в глубокое подполье. Во второй половине 1920 г. сибирские чекисты не фиксируют активной работы эсеров на территории Томской губернии.

С началом новой экономической политики анти-советская деятельность оппозиционных партий оживляется. Социалисты-революционеры попытались использовать возможности нэпа для активизации своей партийной работы. В связи с этим в марте 1921 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия направила своим органам секретную телеграмму, в которой устанавливался порядок взаимного обмена информацией центральных и местных органов государствен-

ной и партийной власти через структуры ВЧК. В первой сводке из Томска (март 1921 г.) отмечалось, что по службам управления Сибирской железной дороги заметно оживление со стороны эсеров и меньшевиков: «Каждая группа начинает по своему истолковывать распоряжения рабоче-крестьянского правительства, затемняет головы обывательски настроенным рабочим. Так налоговая система взамен разверстки объясняется превратно, пускаются слухи, что это уловка коммунистов, чтобы после посева забрать хлеб от деревни побольше» [18. Л. 7]. В двухнедельной сводке дорожно-транспортной ЧК Томской железной дороги за период с 1 по 15 мая указывалось, что в Томске побывали руководители Мариинской эсеровской организации Е. Ковалевский, Н. Хлебников, «которые на квартире эсера Веселовского – служащего бухгалтерии губпродкома, вели какие-то разговоры» [Там же. Л. 40]. В информационной сводке Томской губЧК за июль 1921 г. сообщалось: на учет поставлены 280 эсеров, 40 меньшевиков, 65 кадетов и 6 анархистов [Там же. Л. 65]. Секретные сотрудники ЧК писали в своих донесениях, что среди всех антисоветских партий наибольшим авторитетом у населения пользуются эсеры, так как «они используют каждое собрание, каждую беспартийную конференцию и вообще каждую трибуну для подрыва авторитета власти» [Там же].

Сводки органов ВЧК позволяют уточнить социальный состав эсеровских организаций. «Большинство членов политических группировок по социальному положению студенты или служащие», – сообщалось в июле 1921 г. «Внутреннего осведомления по политическим группировкам не имеется, хотя довольно продолжительное время принимались меры, чтобы оно было. Для имеющегося осведомления (нами. – А.Д.) используются бывшие члены этих партий, комячейки и, наконец, аппарат информации по учреждениям и ВУЗам» [Там же]. В очередной сводке за август 1921 г. Томское губЧК сообщало, что «политические партии, как организации, по Томской губернии не выявлены. Существование различных комитетов этих организаций выявить затруднительно, т.к. осторожность и конспирация у антисоветских политических партий становится в настоящее время на первое место. Имеются на учете отдельные члены партии, из которых многие видные старые работники» [18. Л. 172]. Там же сообщалось, что более активно работают молодые члены партии эсеров: «Они развивают работу среди учащейся молодежи и по мере возможности среди красноармейцев, среди рабочих стараются устраивать забастовки, но осторожно, чтобы не скомпрометировать себя» [Там же]. В этой же информации приведены сведения, что к 1 сентября 1921 г. по губернии на учете стояли 175 эсеров. Расхождение данных в 105 чел., приведенных в июльской сводке по эсерам, чекисты не поясняют. В очередной информационной сводке ТомгубЧК за сентябрь 1921 г. сообщалось: «Несмотря на то, что в Томске по предположениям должны существовать политические партии, как организации, таковые не раскрыты по настоящее время. Более активно работают эсеры и духовенство» [Там же. Л. 201].

В августе 1921 г. Сибревком по просьбе президиума Томского губернского исполкома Советов отменил военное положение на территории Томской губернии. Приказом ВЧК № 300 от 14 сентября 1921 г. по стране вводилась единая система государственной информации, определялись составы госинфтройки (губчека, губкомы, губисполком), утверждались сроки предоставления информации – 3-дневные сводки, 2-недельные бюллетени [19. С. 23]. В органах ВЧК подобного рода сводки представлялись в центральный аппарат от различных подразделений. Информационные сводки дорожно-транспортных органов ЧК (ДТЧК), курировавших транспорт, позволяют сравнить сведения территориальных и ведомственных подразделений органов ВЧК, перепроверить факты, получить дополнительные материалы о деятельности эсеров по сибирским губерниям.

В сентябре 1921 г. сибирские чекисты докладывали по инстанциям, что эсеры пытаются попасть в государственные органы, общественные и хозяйственные организации, и особенно в кооперативные. «Разъезжающие среди крестьян эсерствующие лица, – писалось в сводке Томской губЧК, – ведут усиленную агитацию в пользу партии эсеров, против Советской власти, ее распоряжений и действий. Авторитет эсеров все увеличивается среди крестьян» [18. Л. 202]. Томские чекисты акцентировали внимание представителей органов власти, что местные эсеры проявляют особый интерес к государственным учреждениям и предприятиям связи.

В связи с активизацией эсеровской деятельности сибирские органы ВЧК осенью 1921 г. решили осуществить аресты наиболее активных членов партии социалистов-революционеров. В этой акции особо отличилась Томская губерния, где, по предположениям чекистов, находился ряд членов Всесибирского краевого комитета партии эсеров. В начале сентября 1921 г. за антисоветскую пропаганду в г. Томске были арестованы четыре служащих томского губернского союза потребительской кооперации: Г.П. Белошицкий – управляющий делами Томского единого потребительского общества (член партии эсеров с 1916 г., товарищ председателя Томского горкома ПСР в 1918 г.), А.Т. Лобачев – председатель исполнительного бюро Рабочего кооператива губсоюза (член партии с 1904 г.), Г.М. Гальченко – делопроизводитель губсоюза (член партии с 1910 г., член горкома ПСР в 1918 г.), Ф.И. Сорокин – заведующий Томской конторой распределения губсоюза (член партии с 1917 г.) [20. С. 260]. В этот же день, 7 сентября, были арестованы три студента Томского университета: Б.Б. Тушик (член ПСР с 1917 г.), Р.А. Блох (партстаж с 1913 г.), Л.К. Белкин (член партии с 1917 г.) [Там же. Л. 264]. Вскоре все арестованные были переданы в ведение Представительства ВЧК по Сибири.

В меморандуме № 5 Томской губЧК от 10 октября 1921 г. сообщалось, что получены достоверные сведения о том, что служащий губернского кооперативного союза эсер М.У. Липик хранит много оружия, а также «собирает у себя на складе разных лиц», в связи с чем 21 октября были арестованы еще восемь слу-

жащих губсоюза: М.У. Липик, И.Т. Мяздринов, Л.Я. Потеряев, М.У. Дзидин, П.В. Снегирев, Н.Н. Досенин, Е.А. Петухов, Н.Д. Иванов [18. Л. 332]. Интересно то, что все арестованные лица никогда не фигурировали в качестве активистов городской или губернской организации эсеров, а трое (Снегирев, Досенин, Потеряев) вообще не состояли в членах этой партии. В это же день, 10 октября, чекисты арестовали еще пять членов партии, которых, по прошлой партийной деятельности, действительно можно отнести к категории эсеров-активистов: Н.В. Ульянов – завхоз Томского университета (бывший лектор губкома в 1918 г.), Н.И. Портнягин – инструктор речной милиции, Л.Н. Перелешин – преподаватель инженерной школы (бывший член губкома ПСР в 1918 г.), П.Е. Генерезов – управляющий делами гублескома, В.И. Портнягина – фельдшер городской хирургической клиники [Там же].

В информационной сводке дорожно-транспортной ЧК за период с 1 по 15 ноября 1921 г. указывалось, что эсеровские группировки правого течения обращают на себя внимание в районе Кольчугинской железнодорожной ветки. На Тайгинском участке зарегистрированы 15 эсеров. Среди них особенно выделялась группа из контролеров поездов и движенцев (6 чел.), которые «часто собирались вместе, вели разговоры антикоммунистического характера» [Там же]. В ночь на 7 ноября были арестованы пять эсеров из Мокрушинской и четыре члена Топкинской организации ПСР. У эсера Т.Н. Колокольцева (Мокрушино) сотрудники ДТЧК нашли записку следующего содержания: «Тимофей Николаевич, постарайтесь избрать штаб вашего... (так в документе. – *А.Д.*), у которого должны стоять лица, хорошо знающие военную тактику, а также демократически развитые. Разбейте на группы от 5 до 10 человек, как я вам говорил, установите хорошую дисциплину и делайте подготовку» [20. С. 60].

В октябре–ноябре 1921 г. аресты эсеров были проведены во всех губернских городах Сибири. В результате операций сибирских органов ВЧК в тюрьмах оказался почти весь состав Иркутского губернского комитета ПСР, члены Омского губкома партии эсеров. Сиббюро ЦК РКП(б) информировало вышестоящие органы: «Что касается эсеров, то все активные эсеры Сибири изъяты и содержатся в тюрьмах» [21. Л. 52].

Тем не менее в годы нэпа оппозиционные социалистические партии, даже находящиеся на нелегальном положении, существенно расширили свою работу. Бывшие и действующие члены партии эсеров, имеющие за плечами богатый опыт кооперативной работы, оказались востребованы, особенно в кооперативных организациях. Они стали активно занимать руководящие должности в среднем и первичном управленческом звене сибирской кооперации, устраиваться на работу в должностях инструкторов, курато-

ров, контролеров. Материальная база сибирской кооперации стала активно использоваться для нужд партийной работы: помещения, почтовая и курьерская связь и даже типографии.

В свое время томский историк Л.И. Боженко писал, что после перехода к нэпу эсеры Сибири «жили полной партийной жизнью, со своими центральными, краевыми, областными и местными комитетами партии, с регулярными советами, совещаниями и т.п.» [14. С. 91]. По нашему мнению, это не относится к социалистам-революционерам Томской губернии. После самороспуска Сибирской областной думы (1918 г.), переезда в Иркутск Всесибирского краевого комитета ПСР (1919 г.) Томск оказался на периферии партийной жизни. В числе партийных функционеров и эсеров-активистов 1920–1921 гг. не видно ярких фигур, сыгравших заметную роль в жизни Томской организации ПСР в предшествующие периоды. Регулярные сводки, сведения, информации партийных структур РКП(б), местных органов ВЧК также не подтверждают широко организованной работы эсеров среди населения. Немногочисленные факты «вредительской» деятельности эсеров, скорее всего, относятся к личной инициативе бывших и действующих членов партии, нежели к официальным руководящим директивам и решениям партийных комитетов, организаций.

Своеобразный «расцвет» нелегальной деятельности сибирских эсеров пришелся на начало 1922 г. На рубеже 1921–1922 г. активизировал свою деятельность Всесибирский краевой комитет ПСР: повсеместно обновлялись подпольные руководящие структуры эсеров губернского (городского) уровня, возобновились контакты между регионами. Существенными факторами стали наличие и близость Дальневосточной республики: с территории ДВР доставлялась партийная литература, газеты, листовки, поддерживалась связь с зарубежными центрами. Но Томская губерния не относилась к числу регионов, где правым эсерам удалось наладить и широко развернуть партийную работу. И в этом существенную роль сыграли томские органы ВЧК, которые заблаговременно нейтрализовали активных эсеров, и они вплоть до середины 1922 г. находились в местах заключения [22. Л. 7].

После судебного процесса над социалистами-революционерами (август 1922 г.) чекисты вновь предметно занялись эсерами: одних они склонили к сотрудничеству через так называемое ликвидаторское движение, других направили по отработанной схеме: арест – тюрьма – высылка за пределы губернии (или ссылка). Сибирские органы ЧК, следуя партийным директивам РКП(б) и указаниям ВЧК, осуществляли политику превентивных карательных мер в отношении политической оппозиции, проводили жесткую линию на подавление любого сопротивления советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суслов А.И. Социалисты в Советской России: проблемы историографии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 103–107.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 23.
3. Центр документации новейшей истории Омской области (далее – ЦДНПО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 238.

4. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 22.
5. История Сибири. Т 4 : Сибирь в период строительства социализма. Л. : Наука, Ленинград. отд-е, 1968.
6. Из истории земли Томской. 1917–1921. Народ и власть : сб. док. и материалов. Томск, 1997.
7. Макаручук С.В. Экстремизм в политической культуре большевизма: установление советской власти на Востоке России (1919–1922 годы) // Вестник КемГУКИ. 2015. № 31. С. 112–118.
8. Гагарин А.В. Первые выборы Советов в Сибири после разгрома колчаковщины // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины : материалы науч. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. Вып. 2. С. 19–23.
9. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 84.
10. Томская область: исторический очерк. Томск, 1994.
11. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. 83 л.
12. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20.
14. Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне. Томск, 1968.
15. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 3.
16. Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. Новосибирск, 1997.
17. Дело революции. 1920. 26 авг.
18. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
19. Измозик В.С. Политический контроль в Советской России (1918 – 1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
20. Из истории земли Томской. 1921–1924. Народ и власть : сб. док. и материалов. Томск, 2000.
21. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 155.
22. Протокол заседания совещания секретарей губкомов РКП(б) Сибири 19–20 июня 1922 г. // ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 339.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

TOMSK PROVINCE SOCIALISTS-REVOLUTIONARIES IN THE DOCUMENTS AND MATERIALS OF THE SIBERIAN BODIES OF THE ALL-RUSSIAN EXTRAORDINARY COMMISSION DURING 1920–1921

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 41–46.

DOI: 10.17223/15617793/409/6

Anatoly V. Dobrovolsky, Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dobr@sgups.stu.ru

Keywords: Siberia; Tomsk; Soviet power; socialist-revolutionaries; NEP; briefs; bodies of the Cheka.

The article first presents the activity of the right social revolutionaries in Tomsk Province after the restoration of the Soviet power in Siberia during 1919–1921. The position of the provincial body of the Socialist Revolutionary Party before and after its transition to the illegal status is described on the basis of the documents and materials included in the disposal of the Siberian All-Russian Extraordinary Commission authorities. The publication illustrates the main activities of the right social revolutionaries during 1920–1921, as well as the forms and methods of their work among various social groups. An effort was undertaken to assess the influence of right socialist revolutionaries on the social and political life of the province. Comparing the reports of different departments of the Cheka bodies, private information letters of the Russian Communist Party of the Bolsheviks organizations and some Socialist Revolutionary Party documents allow reconstructing the picture of the right social revolutionaries during their underground activities in Tomsk Province. The analysis of these sources, including comparative, structural and logical methods of research, allowed receiving new information regarding the organizational structure, the composition parameters of the revolutionary organizations in that period. The study of the materials shows that the Bolshevik authorities did not initially volunteer to cooperate with the socialist opposition and initiated a number of measures restricting and then suppressing activities of the social revolutionary rights on the territory of Tomsk Province. The author provides information showing that the local bodies of the All-Russian Extraordinary Commission had sufficiently detailed information about the illegal activities of socialist revolutionaries, with the exception of intra-party information. Conspiracy of Socialists-Revolutionaries significantly complicated the work of the Cheka bodies, forcing chekists and their confidential colleagues to provide unverified and sometimes false information, exaggerating the scale of work and the real influence of the right social revolutionaries. Regular information of the party structures of the Russian Communist Party of the Bolsheviks, of the local All-Russian Extraordinary Commission does not confirm the widely organized social revolutionaries among the population. The author concludes that illegal activities of the Socialists-Revolutionaries in Tomsk Province during 1920–1921 were primarily episodic in nature and did not represent special danger for the dominant Bolshevik regime. The activities of the right socialists-revolutionaries activated noticeably with the beginning of the new economic policy, prompting the Soviet party authorities and the local structures of the Cheka bodies to implement punitive measures that effectively paralyzed the activities of the few right social revolutionary organizations on the territory of Tomsk Province.

REFERENCES

1. Suslov, A.I. (2008) Sotsialisty v Sovetskoy Rossii: problemy istoriografii [The socialists in the Soviet Russia: problems of historiography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 103–107.
2. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 274. List 1. File 23. (In Russian).
3. Documentation Center of the Modern History of Omsk Oblast (TsDNIOO). Fund 19. List 1. File 238. (In Russian).
4. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 1. List 1. File 22. (In Russian).
5. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia since ancient times to the present day]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
6. Markov, V.I. (1997) *Iz istorii zemli Tomskoy. 1917–1921. Narod i vlast': sb. dok. i materialov* [From the history of the Tomsk land. 1917–1921. People and Power: documents and materials]. Tomsk: Vodoley.
7. Makarchuk, S.V. (2015) Extremism in political culture of Bolshevism: the establishment of Soviet power in Eastern Russia (1919–1922). *Vestnik KemGUKI – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 31. pp. 112–118. (In Russian).
8. Gagarin, A.V. (1970) [The first elections to the Soviets in Siberia after the defeat of Kolchak]. *K 50-letiyu osvobozhdeniya Sibiri ot kolchakovshchiny* [On the 50th anniversary of the liberation of Siberia from the Kolchak rule]. Proceedings of the conference. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 19–23. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund r-1. List 1. File 84. (In Russian).

10. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1994) *Tomskaya oblast': istoricheskiy ocherk* [Tomsk Oblast: a historical sketch]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 274. List 1. File 23. 83 p. (In Russian).
12. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 1. List 1. File 4. (In Russian).
13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 2. File 20. (In Russian).
14. Bozhenko, L.I. (1969) *Sootnoshenie klassovykh grupp i klassovaya bor'ba v sibirskoy derevne* [The ratio of the class groups and the class struggle in the Siberian village] Tomsk: Tomsk State University.
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 3. File 3. (In Russian).
16. Dobrovol'skiy, A.V. (1997) *Sotsialisty-revolutsionery Sibiri: ot raspada k samolikvidatsii* [The Socialist-Revolutionaries of Siberia from decay to self-destruction]. Novosibirsk: SB RAS.
17. *Delo revolyutsii*. (1920) 26 August. (In Russian).
18. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 1. List 1. File 55. (In Russian).
19. Izmozik, V.S. (1995) *Politicheskiy kontrol' v Sovetskoy Rossii (1918 – 1920 gg.)* [Political control in Soviet Russia (1918– 1920)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
20. Bondarenko, A.A., Markov, V.I. & Trenin, B.P. (2000) *Iz istorii zemli Tomskoy. 1921–1924. Narod i vlast': sb. dok. i materialov* [From the history of the Tomsk land. 1921–1924. People and Power: documents and materials]. Tomsk: Vodoley.
21. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1. List 2. File 155. (In Russian).
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). *Protokol zasedaniya soveshchaniya sekretarey gubkomov RKP(b) Sibiri 19–20 iyunya 1922 g.* [Minutes of the meeting of secretaries of provincial committees of the meeting of the RCP (b) in Siberia on 19–20 June 1922]. Fund P-1. List 1. File 339.

Received: 09 June 2016

УЧАЩИЕСЯ БАРНАУЛА В ПРАКТИКЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается вопрос о вовлечении учащихся начальных и средних учебных заведений Барнаула в практику благотворительной работы в годы Первой мировой войны. На материалах Государственного архива Алтайского края и местной периодической печати показано, что городские общественные организации активно вовлекали детей и подростков в мероприятия по оказанию помощи пострадавшим от военных действий – сиротам, инвалидам, семьям мобилизованных, беженцам, военнопленным. Для благотворительных ассоциаций это был один из способов получения в свое распоряжение дополнительных кадровых и финансовых ресурсов. Но в целом данная общественная инициатива отражала настроения горожан, была направлена на социализацию подрастающего поколения в военный период, формирование патриотического сознания молодежи.

Ключевые слова: Барнаул; благотворительность; дамские комитеты; Первая мировая война; учащиеся.

В годы Первой мировой войны благотворительные общественные организации Российской империи начали привлекать учащихся мужских и женских учебных заведений всех уровней к работе по оказанию помощи пострадавшим от военных действий. Изучение этого исторического сюжета позволяет понять, каким образом благотворительная деятельность отражала уровень общественной солидарности населения в отдельных городах и регионах. Его разработка важна также для понимания того, как взрослые видели задачи воспитания подрастающего поколения в условиях военного времени. Кроме того, он относится к широкому спектру вопросов, связанных с различными аспектами повседневной жизни детей в годы войны.

Источниковую базу исследования составляют делопроизводственные документы благотворительных организаций города Барнаула, сосредоточенные в Краевом государственном казенном учреждении «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Большого внимания заслуживают материалы местной периодической печати. Ежедневная газета «Жизнь Алтая» детально фиксировала все сколько-нибудь значимые экономические, общественные, культурные события, происходившие в Барнауле и Барнаульском уезде. В ней отражены уникальные материалы по истории благотворительности города, не представленные в местном архиве. Источники позволяют реконструировать процесс вовлечения учащихся начальных и средних учебных заведений общественными организациями города в систему социальной работы.

О том, что в годы Первой мировой войны юноши и девушки инициативно работали в благотворительных союзах, делали денежные и материальные пожертвования, бесплатно трудились в ученических дружинах, как правило, упоминается в исследованиях по истории общественной благотворительности в годы Первой мировой войны, о динамике общественных настроений различных социальных групп населения [1, 2]. Но до настоящего времени проблема системно не разрабатывалась ни в трудах по истории благотворительности, ни в русле военной антропологии. Сложности в изучении темы связаны как с недостатком источников (статистических, личного происхождения), так и тем, что в отечественной историографии

перечисленные исследовательские направления получили свое развитие относительно недавно (с 1990-х гг.).

Вопрос о формах и масштабах проявления детского и подросткового патриотизма в годы Первой мировой войны разрабатывается в нашей стране лишь в последние полтора десятилетия. На современном этапе историки изучают особенности детского восприятия и детской памяти [3], патриотические настроения гимназистов [4], бегство несовершеннолетних на фронт в качестве добровольцев, их участие в разведывательной деятельности и др. [5–7].

Анализ литературы показывает, что вопрос о работе учащихся по оказанию помощи пострадавшим от военных действий привлекает внимание исследователей [8, 9]. Но имеющиеся исследования не дают целостного представления о патриотических настроениях учащейся молодежи в тыловых губерниях страны, формах их проявления, о направлениях и особенностях воспитательной работы с ними.

В начале XX в. Барнаул был уездным городом Томской губернии. В 1915 г. в нем проживало 70 416 человек [10. С. 4]. До Первой мировой войны в Барнаульском уезде развивалось кожевенное, свечное, кирпичное, пивоваренное, содовое, шубное, лесопильное и другие производства. Здесь работали крупные купеческие компании И.Ф. Смирнова, Второвых, И.И. Полякова, Суховых, А.Г. Морозова, отделения крупных банков – Сибирского торгового, Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли, Государственного. Город был одним из крупнейших центров скупки зерна и сливочного масла, продажи сельскохозяйственной техники в Сибири.

Первая мировая война затронула все сферы жизни местного общества: начался призыв в регулярные войска, Барнаульский уезд поставлял для армии сельскохозяйственную продукцию, местный военнопromышленный комитет отправлял на фронт одежду и боеприпасы, жители принимали прибывавших беженцев, раненых, военнопленных.

Горожане патриотично подключилась к решению социальных проблем, вызванных военным временем. В Барнауле были созданы разнообразные общественные благотворительные организации: Барнаульский отдел Российского общества Красного Креста (РОКК), Сибирское общество помощи больным и ра-

ненным воинам, Городское попечительство о семьях призванных, Алтайский комитет по оказанию агрономической помощи семьям призванных в войска, дамские комитеты и др.

С первого же месяца войны местные благотворительные организации начали привлекать детей к проведению кружечных сборов. Успех кружечного сбора зависел от количества сборщиков, обычно довольно сложно было найти достаточное число добровольцев, которые согласились бы бесплатно, в любую погоду ходить по улицам города. Дети же работали с энтузиазмом, не стеснялись стоять с кружками, тогда как многие взрослые чувствовали себя неловко в роли просителей.

Во второй половине 1914 г., в начальный период войны, кружечные сборы в Барнауле проходили практически еженедельно. Наибольшую активность благотворительные организации разворачивали в преддверии праздников рождества и пасхи, когда собирали средства на подарки солдатам. Во всех сборах принимали участие учащиеся мужских и женских учебных заведений: «По городу рассыпалась совершенно необычная армия сборщиков: девушек, юношей и детей, которые, не считаясь ни с холодом, ни с погодой, бодро, радостно и от души делали порученное им дело. Для устроителей было может быть несколько беспокойно снарядить эту шумную живую армию в поход: выдать кружки, значки, повязки; установить сменны; но в то же время было чрезвычайно приятно видеть, с каким воодушевлением и как серьезно выполняла она свою задачу» [11. С. 3].

Министерство народного просвещения было встревожено массовостью этого явления, получившего широкое распространение по всей стране, поскольку оно оказывало негативное воздействие на успеваемость и мешало учебному процессу. В результате уже с начала 1915 г. вводятся разного рода ограничения на участие детей в благотворительных сборах. Так, 6 февраля 1915 г. в Барнауле местный благотворительный кружок организовал «День подарков», т.е. день продажи флажков с изображением красного пасхального яйца. Однако организаторы не смогли получить разрешение на участие в сборе гимназистов, и он фактически не состоялся. На 13 февраля 1915 г. был назначен второй день продажи флажков. На этот раз к участию были допущены лишь ученики двух старших классов мужских гимназий и 8-го педагогического класса женских гимназий.

Многие представители барнаульской общественности не были согласны с такой позицией Министерства просвещения, о чем свидетельствует эмоциональная анонимная заметка в ежедневной газете «Жизнь Алтая» за 11 февраля 1915 г.: «Узко понятые интересы “учебы”, видимо, сохраняют свое превалирующее значение для министерства и даже в переживаемый нами исключительный исторический момент, оттесняя на задний план широкие воспитательные задачи» [12. С. 4].

По мнению педагогов, вовлечение детей в решение общих для всей страны социальных проблем имело воспитательное значение. В педагогических жур-

налах, методической литературе прямо перечислялись виды работ, к которым рекомендовалось привлекать детей: «Помощь раненым, уход в очагах за детьми запасных, раздача пищи на питательных пунктах, шитье белья, изготовление подарков для действующей армии, участие в сборах денег и вещей, пожертвования из собственных средств и имущества, и тому подобные проявления личного участия в громадном деле составляют арену приложения детских сил» [13. С. 21–38].

Особенно активно привлекали учащихся к сотрудничеству женские благотворительные ассоциации – дамские комитеты. Во-первых, потому что в их составе было много учительниц, которые работали в начальных и средних учебных заведениях города. Дети обращались к ним с разнообразными вопросами о военных событиях: «Война не могла не затронуть детскую душу даже там, где она не коснулась прямым образом населения. Независимо от того, что едва ли есть много семейств, которые не связаны никакими личными нитями с войной (через родных или знакомых, ушедших на войну), – постоянные разговоры о войне, забота о раненых, о пострадавших от войны – все это врывается в детское сознание, ставит новые вопросы, раскрывает новые стороны жизни, вызывает напряженную работу души» [14. С. 38–67]. Во-вторых, дамские комитеты сибирских городов занимались теми видами благотворительных работ, которые были полезны для детей и подростков (изготовление подарков, пошив белья для госпиталей и солдат и т.п.).

В годы Первой мировой войны в Барнауле работали пять дамских комитетов и кружков: Дамский комитет при местном отделе Российского общества Красного Креста, Барнаульский отдел благотворительного кружка дам духовного звания Томской епархии, Алтайский дамский комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам, Дамский кружок при местном отделе Сибирского общества для подачи помощи раненым и больным воинам, Барнаульский дамский комитет Судебного Ведомства. Формально неправительственные и негосударственные, все они пользовались покровительством и поддержкой местных властей и церкви.

Постоянную работу с учащимися города вел Дамский комитет Барнаульского отдела Российского Общества Красного Креста (РОКК). Ученицы местных школ обратились в дамский комитет с просьбой позвать им принять участие в работах по пошиву белья в выходные и праздничные дни. За первые полтора месяца работы, с 16 сентября по 2 ноября 1914 г., комитет отправлял посылки на фронт 7 раз, всего 109 ящиков и 4 тюка. Среди вещей было 4 592 кисета с вложенными подарками – дар учениц местных учебных заведений [15. С. 4].

Через ежедневную газету «Жизнь Алтая» Дамский комитет РОКК обращался к заведующим начальных школ города со следующей просьбой: «Барнаульский комитет, как вам, вероятно, известно, уже отправил на войну целый транспорт от детей – это кисеты с вложенными в них табаком, чаем, сахаром и другими мелкими предметами солдатского обихода <...> И, если вы были бы любезны организовать подобную

помощь от детей в заведываемой вами школе, надо полагать, что успех дела был бы несомненен» [16. С. 4]. Понимая, что такая помощь со стороны детей все же предполагала некоторые материальные затраты, которые они не могли осуществлять самостоятельно, дамский комитет делал пояснение для родителей: «Со своей стороны комитет думает, что учащиеся городских школ не принадлежат к категории бедняков, т.к. главную их массу составляет ремесленное и торговое мещанство. И, вероятно, для родителей этих детей не будет обременительной какая-нибудь небольшая трата на всеми сознаваемые нужды войны» [Там же].

Наиболее активно на этот призыв откликнулись девочки и девушки. Дамские комитеты быстро оценили перспективы сотрудничества с гимназистками. Дамы специально обращались к выпускницам местных гимназий с приглашением вступить в дамский комитет: «К юным гражданкам обращается местный Комитет Красного Креста с призывом принять участие в общей работе помощи защитникам родины, приглашая всех девушек, оканчивающих ныне курс учения, вступить в состав Комитета, где так много дела – по дежурству в Комитете, по шитью белья, по сборам и проч[ему]» [17. С. 4].

Барнаульские гимназистки не только принимали участие в мероприятиях различных благотворительных организаций города, но и проводили самостоятельные. Так, в феврале 1915 г. был создан временный Кружок по сбору пасхальных подарков для стрелков 44-го и 56-го Сибирских полков. В первой женской гимназии принимались пожертвования вещами и деньгами, а заготовка белья для солдат осуществлялась в частной женской гимназии М.Ф. Будкевич. Осенью того же года временный кружок собирал пожертвования на рождественские подарки [18, 19]. Кружок продолжал работу в 1916 и 1917 гг. Ученицы казенной женской гимназии 12 апреля 1915 г. организовали выставку-базар собственных работ. Сбор предназначался в пользу Комитета Ее Императорского Величества Великой княжны Татьяны Николаевны на оказание временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 20 декабря 1915 г. состоялся базар рукоделий учениц гимназии М.Ф. Будкевич в пользу семей беженцев [20].

Организацию благотворительных мероприятий в женских гимназиях постоянно курировали две сотрудницы Дамского комитета РОКК: М.И. Сухова – в первой, казенной, гимназии, К.Г. Мельникова – во второй, частной. В других учебных заведениях города этим обычно занималась заведующая или учительница рукоделия. Сотрудницы Дамского комитета особо отмечали работу учительницы рукоделия Александринской школы А.А. Пирожковой: «Дети Вашей школы сделали для Красного Креста так много, что мы не находим слов для выражения нашей благодарности Вам и им. За все, за Вашу неизменную преданность святому делу помощи воинам, за Ваше доброе влияние на детей, за ваши личные труды мы просим Вас принять глубочайшую признательность» [11. С. 3].

В феврале 1915 г. в Барнауле был основан Алтайский дамский комитет по оказанию помощи больным

и раненым воинам. В него входили жены чиновников Кабинета его величества, Алтайского округа, землеустройства, отделения контроля, кассы Министерства императорского двора, председателем стала жена начальника Алтайского округа М.В. Михайлова [21. Л. 59–59 об.].

В марте 1915 г. сотрудницы Алтайского дамского комитета выступили с инициативой проведения сбора детских пожертвований в пользу Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны в Петербурге. Сбор проходил под лозунгом «Привет от детей Алтая». Планировалась организация «Базара детских изделий и детских вечеров» (с продажей рисунков, раскрашенных пасхальных яиц, предметов детского творчества, вещей домашнего обихода, изготовленных детьми), после базара – концерт и танцы. Комитет обращался к детям всех возрастов с призывом принять участие: «Дети! <...> Комитет обращается к вам: если имеете желание – помогите устроить базар и вечер: несите свои готовые изделия, сработайте что-нибудь новенькое, не стеснясь, все, что можете и что умеете, нарисуйте, выжгите, слепите, вышейте; составляйте группы, украсьте сами столики и витринки, продекламируйте стихи, спойте песенку, сыграйте на музыкальном инструменте. Комитет в лице устроительниц и своих членов придет вам на помощь советом, указаниями, материалом и т.п.» [22. С. 4].

На призыв откликнулось 166 детей в возрасте от 7 до 15 лет, учащиеся начальных школ Барнаула, реального училища, мужской гимназии и торговой школы, женской гимназии М.Ф. Будкевич, прогимназии Н.Н. Красулиной, духовного училища. Экспонаты выставки направлялись в отделы: художественный, изделий из дерева, рукоделий, картонажей и цветов. 27 марта, в день проведения базара, было выставлено 693 предмета, которые продавались от 5 копеек до 6 рублей за штуку. Доход составил 710 рублей. Дамский комитет постановил добавить из собственных средств 290 рублей и отправить 1 000 рублей от имени детей Алтая в один из передовых отрядов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. На эти деньги в течение нескольких дней солдатам выдавалось продовольствие и подарки [23].

Дамы остались довольны результатом мероприятия: «Устроительницы полагают, что первый почин привлечения самих детей к помощи нашим воинам можно считать удавшимся. Конечно, не так много откликнулось детей, как это ожидалось при возникновении мысли о базаре, но устроительницы считают, что это лежит уже вне их влияния, указывая на краткость времени, в которое собрался базар и на неизбежный предпраздничный перерыв в работах» [24. С. 4].

Наибольшее количество благотворительных мероприятий с участием детей проводилось в преддверии и во время празднования рождества и нового года. Так, в течение декабря 1914 – января 1915 г. в Барнауле состоялись следующие мероприятия: по инициативе М.М. Морозовой, жены председателя барнаульского отдела Сибирского общества для подачи помо-

щи раненым и больным воинам, прошли Детская елка и маскарад, сбор с которых предназначался в пользу городского Попечительства о семьях запасных; В.А. Кулева, жена гласного городской думы, организовала «Вечера сказок» в пользу Красного Креста на устройство больницы; ученицы 6-го класса 2-й Барнаульской женской гимназии провели благотворительный вечер в пользу Общества вспомоществования на нужды средне-учебных заведений г. Барнаула – для детей мобилизованных; ученицы 8 класса 1-й женской гимназии под руководством учительницы З.И. Юферовой – «Литературно-музыкально-вокальный вечер» для детей и учащихся – на оборудование и содержание койки в одном из лазаретов Сибирского общества помощи больным и раненым воинам; ученицы 1-й женской гимназии под руководством З.И. Юферовой и С.Д. Юхневой устраивали спектакль-феерию «Спящее царство» в пользу раненых Сербии [25–29].

Благотворительные организации Барнаула стремились собрать как можно больше средств за счет организации детских спектаклей и вечеров. Это привело к тому, что мероприятия совпадали по времени проведения, в них были заняты одни и те же лица, что затрудняло как распространение билетов, так и поиск исполнителей. Местные учителя выступили с идеей о необходимости заранее согласовывать очередность проведения такого рода мероприятий всеми городскими организациями. Для этого представителей благотворительных ассоциаций пригласили на ближайшее заседание учительского общества. И вот, уже с марта 1915 г. объявления о проведении благотворительных мероприятий в газете «Жизнь Алтая» шли строго по графику, без совпадений: «23 марта ученицами 8 класса гимназии Будкевич устраивается “Пасхальный вечер”, сбор с которого назначается в пользу Сибирского общества и Общества вспомоществования учащимся в средних учебных заведениях. Программа вечера: “На лоне природы”, ком[едия] в 1 д[ействие]. И.Н. Потапенко, живые картины, пение и танцы. 25 марта Алтайским дамским комитетом по оказанию помощи больным и раненым воинам устраивается “Вечер миниатюр”, сбор с которого назначен в пользу патроната. Программа вечера: пьеса-миниатюры, дивертисмент, интермедии, балет. 26 марта Обществом вспомоществования нуждающимся учащимся средне-учебных заведений г. Барнаула устраивается спектакль. Поставлено будет “Снежинки”, балет и “Люлли-музыкант” феерия» [30. С. 4].

Летом, в период каникул, отпусков учителей, выезда многих горожан на загородные дачи, деятельность многих благотворительных учреждений приостанавливалась. В начале 1915/16 учебного года в Барнауле спектакли и вечера с участием детей возобновились. И снова наибольшее количество таких мероприятий пришлось на рождественский и новогодний период (декабрь 1915 – январь 1916 г.): ученицы первого высшего женского начального училища под руководством учительницы Л. Блудовой провели благотворительный вечер в пользу Дамского комитета РОКК на теплую одежду для раненых; силами уча-

щихся мужской гимназии был организован любительский спектакль «Бедность не порок» по мотивам комедии Н. Островского; по инициативе воспитанниц женской прогимназии Н.Н. Красулиной состоялся детский спектакль в пользу детей беженцев; ученицы казенной женской гимназии организовали благотворительный вечер памяти Пушкина в пользу русских пленных в Германии [31–34].

В течение следующего учебного года, несмотря на то, что в городе начались рост цен и продовольственные затруднения, благотворительные спектакли и вечера проводились не реже. В декабре 1916 – январе 1917 г. ученицы Барнаульского первого женского высшего начального училища под руководством заведующей училища Л. Блудовой организовали благотворительный вечер на устройство стипендии для сирот и детей георгиевских кавалеров; воспитанницы частной прогимназии Н.Н. Красулиной организовали благотворительный спектакль в помещении Народного дома, сбор с которого поступил на создание денежного фонда для помощи ученицам-сиротам погибших воинов; ученицы первой женской гимназии под руководством начальницы гимназии З. Юферовой провели благотворительный вечер в помещении Народного дома, сбор от которого поступил на организацию денежного фонда для выдачи стипендий учащимся-дочерям георгиевских кавалеров; ученицы 4-го класса частной женской гимназии устраивали оперу «Снегурочка» в пользу Общества вспомоществования учащимся в средних учебных заведениях [35–38].

Хотя учащиеся начальных и средних школ не располагали сколько-нибудь серьезными денежными средствами, кроме карманных денег от родителей, многие из них делали пожертвования в пользу пострадавших от военных действий. Как правило, такие случаи были организованы взрослыми и проходили под лозунгом «дети помогут детям». Пресса широко освещала такие сюжеты как свидетельство единства и сплоченности русского народа для укрепления боевого духа призванных на фронт. Так, в 1916 г. Романовский комитет обращался с призывом к учащимся всех учебных заведений Российской империи собрать денежные средства для нуждающихся сирот, родители которых погибли на фронте [39].

В течение войны «Жизнь Алтая» публиковала много объявлений о подобных случаях в Барнаульском уезде. Так, заведующий Родинским двухклассным сельским училищем в апреле 1915 г. писал в редакцию: «26 февраля, во время моей беседы с учащимися о текущей войне, дети изъявили желание послать “хоть сколько-нибудь” денег в пользу населения, пострадавшего от войны, особенно в пользу детей этого населения. Был произведен сбор, который дал 5 рублей и 50 копеек. Этот подарок от детей к детям я решил переслать в редакцию вашей уважаемой газеты и обратиться к вам с покорнейшей просьбой направить пожертвование по Вашему усмотрению. Может быть, и еще какие-нибудь дети последуют примеру родинских и пошлют свою лепту детям разоренных войною местностей» [40. С. 4].

В Алтайском дамском комитете даже возникла идея открыть отдел по сбору денежных пожертвований от

детей Алтая: «Зная, с каким удивительным вниманием и охотой дети отдают свои сбережения и досуг на помощь солдату, и с какой любовью получает в окопах наш доблестный воин подарки от детей и их милые письма, комитет предполагает под девизом “Привет воину от детей Алтая” направлять все денежные пожертвования, получаемые от имени детей, и их подарки на передовые продовольственные пункты, устраиваемые Сибирским обществом, и просит общество относить довольствие в некоторые дни за счет этих средств, раздавая в это время подарки всем получающим довольствие воинам». Организацию этого отдела комитет поручил двум дамам, С.Д. Юхневой и Л.И. Ламоновой [41].

Из-за мобилизации на фронт мужчин промышленные предприятия начали испытывать недостаток рабочих рук. С 1916 г. в промышленных центрах страны создавались школы для обучения взрослых и подростков для работы на оборонных предприятиях, которые должны были заменить призванных на войну рабочих. Но в Сибири промышленные предприятия были немногочисленны. Гораздо большую нехватку рабочих рук испытывали крестьянские хозяйства. В течение первого года войны посевные площади в Алтайском округе сократились на 20%, зерно урожая 1914 г. признавалось негодным для следующего сева. Горожане были обеспокоены тревожными слухами о том, что недосев в деревне повлечет голод в уезде. Местные газеты пестрели сообщениями о необходимости оказывать помощь селянам в весенних и осенних полевых работах, делать пожертвования в пользу семей запасных и т.п.

Обязанность оказывать помощь солдатским семьям в осуществлении сельскохозяйственных работ законом 1912 г. была возложена на местные волостные управления. Семьи, нуждавшиеся в помощи, просто приписывали к тем или иным родственникам или односельчанам, в некоторых местах в их пользу делалась общественная запашка. Однако фактически такая помощь на общественных началах оказывалась редко. Как правило, солдатки могли рассчитывать лишь на ссуду семенами из хлебозапасных магазинов.

В сентябре 1915 г. при Алтайском сельскохозяйственном обществе в Барнауле был образован Алтайский комитет по оказанию агрономической помощи семьям призванных в войска, председателем которого стал Начальник Алтайского округа В.П. Михайлов. В комитете действовало три секции: по обследованию положения семей солдаток и определению масштабов необходимой помощи, изысканию семян и земледельческих орудий, сбору благотворительных средств. Комитет разослал более 600 обращений к кредитным товариществам, артелям, волостным и церковно-приходским попечительствам, мировым судьям Барнаульского уезда с просьбой организовать посильную помощь солдаткам. В том числе Алтайский комитет выступил с инициативой привлечения учащейся молодежи города к оказанию помощи семьям призванных в проведении сельскохозяйственных работ. Уездный съезд крестьянских начальников поддержал это начинание.

Первые трудовые отряды учащихся, которые помогли семьям мобилизованных на фронт в уборке урожая, начали создаваться в стране с конца 1914 г. Аналогичное движение развернулось в Алтайском округе. По инициативе Алтайского комитета по оказанию агрономической помощи семьям призванных в войска в Барнауле были организованы Монтерские курсы по изучению сельскохозяйственной техники и орудий для тех, кто хотел оказать помощь. 17 декабря 1914 г. на курсы записалось 60 учеников местной торговой школы, 14 учеников первого высшего начального училища под руководством преподавателей И.А. Нешумова и Н.В. Новикова, 34 воспитанника мужской гимназии, по 100 учениц первой и второй женских гимназий, воспитанники учительской семинарии, духовного училища, второго мужского начального училища. Организаторы предполагали, что во время каникул к ним присоединятся приезжавшие на каникулы студенты и курсистки, учителя и учительницы [42].

Алтайский комитет обратился к частным коммерческим конторам города, имевшим склады сельскохозяйственных машин, с просьбой пожертвовать машины и инвентарь для курсов. Откликнулось несколько фирм, которые в апреле 1915 г. подарили 8 сенокосилок. Местные учебные заведения предоставили помещения для проведения занятий. Переселенческое ведомство и частные фирмы направили на курсы монтеров, которые вели занятия.

Весной 1916 г. 104 монтера с сенокосилками поехали в деревни Барнаульского уезда для оказания помощи солдаткам в сельскохозяйственных работах. Из них 10 человек работали бесплатно, 11 человек получали по 10 рублей в месяц на питание, те, у кого не было денег на сапоги и одежду для работы на поле, получили по 30–35 рублей в месяц [43]. Сразу возникала масса проблем, связанных с транспортировкой машин и орудий по селам, с размещением, проживанием и питанием монтеров, с оплатой их труда. Многие из них оказались не готовы к условиям крестьянского быта и тяжелой работе на пашне.

Монтеры ехали помогать беднейшим солдаткам, но оказалось, что те не имели собственных лошадей для работы с сенокосилками или их лошади были настолько слабы от бескормицы, что могли работать лишь с легким однолемешным плугом. Юноши не обладали ни достаточной физической силой, ни необходимыми навыками для работы с плугом, поэтому им приходилось работать в более благополучных хозяйствах, у которых были и лошади, и семена для посева. В мае 1916 г. один из учеников реального училища Дмитрий Гусев писал директору Г.Н. Антонову: «Для беднейших солдаток наша работа не только не нужна, а даже в тягость, и их приходится заставлять. И что же, где же помощь? <...> Я хочу собрать некоторую сумму денег и посеять на свой счет самым бедным. Мы здесь между собой можем собрать рублей 10. Но это так мало, и я решил обратиться к Вам с просьбой собрать между учениками и знакомыми сколько-нибудь денег и выслать нам. Этим Вы спасете несколько семейств от нищенства. Кроме того, мы заслужим признатель-

ность крестьян к ученикам, и они будут гораздо доверчивее к нам относиться, и это очень важно. А то выходит не помощь, а демон страшной помощи» [44. С. 4].

В основном же приехавших в деревню подростков крестьяне воспринимали в качестве городских специалистов по сельскохозяйственной технике и обращались с просьбами отремонтировать машины и механизмы.

Под руководством одной из учительниц 18 учениц частной женской гимназии М.Ф. Будкевич создали трудовую дружину. В одной из деревень Барнаульского уезда девушки организовали ясли и занимались огородными работами [45. С. 283].

При подведении итогов летней кампании члены Алтайского комитета были разочарованы тем, что масштабы работы учащихся оказались гораздо скромнее, чем это ожидалось в начале 1915 г. Большинство учеников, работавших в деревнях, признавали, что на деле это была скорее демонстрация помощи, чем реальная поддержка беднейших семей призванных. Было принято решение о закрытии монтерских курсов и в дальнейшем об отправлении в деревни уже обученных монтеров, если будут запросы с мест. В феврале 1917 г. в помещении мужской гимназии состоялось заседание представителей Алтайского сельскохозяйственного общества, городских учебных заведений. Составлялись списки желающих работать в деревне еще один сезон. По подсчетам общества, для работы в Барнаульском уезде требовалось 300 монтеров. Обсуждался вопрос о том, чтобы в более широких масштабах привлекать учениц старших классов женских гимназий и учительниц городских и сельских школ к организации дневных ясель. Но вопрос о материальной поддержке трудовых ученических дружин в Барнауле больше не поднимался. Основные усилия Алтайский комитет по оказанию агрономической помощи семьям призванных в войска с 1917 г. направлял на то, что-

бы добиться более широкого использования труда военнопленных.

Инициатива привлечения учащейся молодежи города к оказанию помощи семьям призванных в проведении сельскохозяйственных работ не оправдала ожиданий местного общества. Такого рода помощь требовала серьезных финансовых расходов (на приобретение и содержание лошадей, техники, обучение монтеров и т.д.), тогда как общественные организации, выступавшие с данной инициативой, располагали только благотворительными средствами. Но в то же время она показала готовность сибирской молодежи работать в интересах своего народа, чувство ответственности за судьбу страны и высокие моральные качества.

Период Первой мировой войны продемонстрировал, что в начале XX в. в российском обществе формировалось новое понимание благотворительной деятельности, которое заключалось в осознании человеком самого себя частью гражданского общества, в личной ответственности за будущее общества и страны. Благотворительная помощь означала не просто расставание с некой суммой денег, не особенно значимой для человека, а оказание поддержки тому, кто в ней нуждался, со стороны каждого члена общества. Это новое понимание своей гражданской роли участники добровольческих филантропических ассоциаций прививали в том числе детям и подросткам.

В уездных городах Сибири благотворительные общества испытывали недостаток финансовых и кадровых ресурсов, поэтому идея привлечения учащихся начальных и средних учебных заведений города к организации благотворительных мероприятий была воспринята здесь с особенным интересом. Добровольческие ассоциации (преимущественно женские) поставили участие детей и подростков в социальной работе на постоянную основу, а также поддерживали их организационно и финансово.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М. : АИРО – XXI, 2011. 288 с.
2. Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск : Красноярск. гос. аграр. ун-т, 2003. 152 с.
3. Сальникова А.А. «Великая», «святая», «далекая»... Первая мировая война в восприятии детей-современников // Россия и современный мир. 2009. № 2 (63). С. 134–150.
4. Ватник Н.С. Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 94–102.
5. Пархоменко В. «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию»: юные добровольцы на фронтах Первой мировой // Родина. 2013. № 8. С. 142–145.
6. Канаев И.Н., Щербинин П.П. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914–1917 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 8 (64). С. 207–212.
7. Родигина Н.Н. Дети о войне / детям о войне: репрезентация войн и революций начала XX в. в журнале «Задуманное слово» // Сибирь и войны XIX – XX вв. : тез. Всерос. науч. конф. (с междунар. участием), г. Новосибирск, 8–10 июня 2014 г. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. С. 135–137.
8. Самович А.Л. Патриотическое движение среди учащейся молодежи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1 (15). С. 29–38.
9. Букалова С.В. Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодежной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 141–147.
10. Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск : Типография Губернского управления, 1915. 212 с.
11. Работа детей и учащихся в Красном Кресте в Барнауле // Жизнь Алтая (Барнаул). 1915. 15 июля. № 154.
12. Продажа флажков // Жизнь Алтая. 1915. 11 фев. № 31.
13. Володкевич Н.Н. Современная война и задачи воспитания // Дети и война : сб. ст. Киев : Издание Киевского Фребелевского Общества, 1915. С. 21–38.
14. Зеньковский В.В. О влиянии войны на детскую психику // Дети и война : сб. ст. Киев : Издание Киевского Фребелевского Общества, 1915. С. 38–67.
15. Деятельность дамского кружка // Жизнь Алтая. 1914. 4 дек. № 230.
16. Местный дамский комитет Красного Креста // Жизнь Алтая. 1914. 15 окт. № 190.
17. К юным гражданкам // Жизнь Алтая. 1915. 25 апр. № 89.

18. Прием пожертвований // Жизнь Алтая. 1915. 19 фев. № 38. С. 1.
19. Рождественские подарки солдатам-барнаульцам // Жизнь Алтая. 1915. 26 ноя. № 261. С. 1.
20. Вторая женская гимназия // Жизнь Алтая. 1915. 20 дек. № 282. С. 1.
21. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края». Ф. 143. Оп. 1. Д. 1.
22. Привет от детей Алтая // Жизнь Алтая. 1915. 8 марта. № 53.
23. В Алтайском дамском комитете // Жизнь Алтая. 1915. 8 апр. № 74. С. 4.
24. Итоги «Привета от детей Алтая» // Жизнь Алтая. 1915. 16 апр. № 81.
25. Детская елка // Жизнь Алтая. 1914. 23 дек. № 245. С. 1.
26. Вечера сказок // Жизнь Алтая. 1915. 4 января. № 3. С. 1.
27. Вечер в пользу Общества вспомоществования на нужды средне-учебных заведений // Жизнь Алтая. 1916. 14 янв. № 10. С. 1.
28. Литературно-музыкально-вокальный вечер // Жизнь Алтая. 1915. 23 янв. № 18. С. 1.
29. «Спящее царство» // Жизнь Алтая. 1915. 15 фев. № 35. С. 1.
30. Хроника // Жизнь Алтая. 1915. 22 марта. № 63.
31. Благотворительный вечер // Жизнь Алтая. 1915. 26 нояб. № 261. С. 1.
32. «Царевна горошина» // Жизнь Алтая. 1915. 10 дек. № 273. С. 1.
33. Детский спектакль // Жизнь Алтая. 1915. 3 дек. № 267. С. 2.
34. Барнаульский клуб // Жизнь Алтая. 1915. 23 дек. № 284. С. 1.
35. Отчет по устройству благотворительного вечера // Жизнь Алтая. 1916. 27 окт. № 237. С. 4.
36. Народный дом // Жизнь Алтая. 1916. 25 нояб. № 261. С. 1.
37. Вечер // Жизнь Алтая. 1916. 25 дек. № 285. С. 2.
38. Детская опера «Снегурочка» // Жизнь Алтая. 1917. 9 фев. № 32. С. 3.
39. Пожертвования учащихся // Трудовая помощь (Пр.). 1916. № 5. С. 500.
40. От детей детям // Жизнь Алтая. 1915. 1 апр. № 68.
41. В Алтайском дамском комитете // Жизнь Алтая. 1915 г. 25 фев. № 43. С. 4.
42. Молодежь за работой // Жизнь Алтая. 1915 г. 19 дек. № 281. С. 4.
43. Посевная помощь // Алтайский крестьянин (Барнаул). 1916. 7 мая. № 18. С. 8.
44. Голос монтера // Жизнь Алтая. 1916. 13 мая. № 104.
45. Сулимов В.С. Трудовые дружины учащихся школ Алтайского края в 1916 г. // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 5 (30). С. 282–284.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 июня 2016 г.

STUDENTS OF BARNAUL IN THE PRACTICE OF CHARITY WORK DURING THE FIRST WORLD WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 47–54.

DOI: 10.17223/15617793/409/7

Olesya M. Dolidovich, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dolidovich@mail.ru

Keywords: Barnaul; charity; First World War; Ladies' Committee; students.

The article discusses the involvement of students of primary and secondary educational institutions of Barnaul in the practice of charity work during the First World War. Evaluation of the psychological mood of the people, the study of the socio-economic and cultural aspects of life of the population of provincial Russian cities during the war is impossible without an analysis of the degree of involvement of children and adolescents in the system of measures for the protection and defense of the country. Materials of the State Archive of Altai Krai and local periodicals shows that the city's public charity organizations involved students in different kinds of work to help victims of the hostilities (mug fees, tailoring and manufacture of clothes and gifts for soldiers, organization and holding of charity performances and parties, field work in the farms of the mobilized, etc.). For charitable associations it was one of the ways to get possession of additional human and financial resources. In the Siberian cities the number of persons engaged in charity had always been small, and in the war period, with more people in need, the personnel issue was exacerbated. Women's charitable organizations actively collaborated with students. Ladies' committees made the participation of children in social work permanent and broad, supported it organizationally and financially. Many educational institutions were a kind of branches of women's committees. A significant part of charity employees were teachers, so in their work they sought to combine philanthropic and educational goals. The involvement of the youth to help families of the mobilized, orphans, the disabled, refugees, prisoners of war through the educational system was part of the military-patriotic education, one of the forms of socialization of the younger generation. The local press reported extensively on these stories as evidence of the unity and cohesion of the Russian people to strengthen the fighting spirit of the people at the front. It was not a forced measure of general mobilization of the civilian population in the rear, as in the years of the Great Patriotic War when the practice of encouraging students to different types of work through the system of educational institutions was widely used at the state level. Thus, the period of the First World War demonstrated that in the early 20th century a new understanding of charity was formed in the Russian society which consisted in the realization of a person as part of the civil society, in personal responsibility for the future of their family, country, society. Charity assistance did not just mean parting with a certain amount of money, not particularly significant for a person, but providing possible support to those who needed it by every member of society.

REFERENCES

1. Belova, I.B. (2011) *Pervaya mirovaya vojna i rossiyskaya provintsia. 1914 – fevral' 1917 g.* [The First World War and the Russian province. 1914 – February 1917]. Moscow: AIRO – XXI.
2. Pavlova, I.P. (2003) *Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Social care in Russia during the First World War]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University.
3. Sal'nikova, A.A. (2009) "Velikaya", "svyataya", "dalekaya"... Pervaya mirovaya vojna v vospriyatii detey-sovremennikov ["Great", "holy", "distant"... The First World War in the perception of contemporary children]. *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the Contemporary World*. 2 (63), pp. 134–150.
4. Vatnik, N.S. (2014) Povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya srednikh shkol Moskovskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [The daily life of students in secondary schools in Moscow Province during World War I]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 9, pp. 94–102.

5. Parkhomenko, V. (2013) "Proshchayte, dorigie roditeli, ya edu oboronyat' Rossiya": yunye dobrovol'tsy na frontakh Pervoy mirovoy ["Goodbye, dear parents, I'm going to defend Russia": young volunteers at the fronts of the First World War]. *Rodina*. 8. pp. 142–145.
6. Kanaev, I.N. & Shcherbinin, P.P. (2008) Deti-shpiony i russkaya kontrazvedka v period Pervoy mirovoy voyny 1914–1917 gg. [Children-spies and Russian counterintelligence during the First World War of 1914–1917]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Series Humanities*. 8 (64). pp. 207–212.
7. Rodigina, N.N. (2014) [Children about the war / to children about the war: the representation of war and revolutions of the beginning of the 20th century in the Zhushevnoe slovo journal]. *Sibir' i voyny XIX–XX vv.* [Siberia and wars of the 19th and 20th centuries]. Theses of the All-Russian conference with international participation. Novosibirsk. 8–10 June 2014. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russian).
8. Samovich, A.L. (2015) The Patriotic Movement Among Students in Minsk Province during World War I. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1 (15). pp. 29–38. (In Russian).
9. Bukalova, S.V. (2015) Labor squads of students as a form of realization of youth policy during the World War I. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2. pp. 141–147. (In Russian).
10. Tomsk Province Statistics Department. (1915) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1915 god* [The memorial book of Tomsk Province in 1915]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya.
11. Zhizn' Altaya. (1915) Rabota detey i uchashchikhsya v Krasnom Krete v Barnaule [Employment of children and schoolchildren with the Red Cross in Barnaul]. *Zhizn' Altaya*. 15 July. 154.
12. Zhizn' Altaya. (1915) Prodazha flazhkov [Sale of flags]. *Zhizn' Altaya*. 11 February. 31.
13. Volodkevich, N.N. (1915) Sovremennaya voyna i zadachi vospitaniya [Modern war and education tasks]. In: *Deti i voyna* [Children and War]. Kiev: Izdanie Kievskogo Frebelevskogo Obshchestva.
14. Zen'kovskiy, V.V. (1915) O vliyani voyny na detskuyu psikhiku [The effect of war on children's psyche]. In: *Deti i voyna* [Children and War]. Kiev: Izdanie Kievskogo Frebelevskogo Obshchestva.
15. Zhizn' Altaya. (1914) Deyatel'nost' damskogo kruzhka [Activities of the ladies' circle]. *Zhizn' Altaya*. 4 December. 230.
16. Zhizn' Altaya. (1914) Mestnyy damskiy komitet Krasnogo Kresta [The local ladies' Committee of the Red Cross]. *Zhizn' Altaya*. 15 October. 190.
17. Zhizn' Altaya. (1915) K yunym grazhdankam [For young citizenesses]. *Zhizn' Altaya*. 25 April. 89.
18. Zhizn' Altaya. (1915) Priem pozhertvovaniy [Acceptance of donations]. *Zhizn' Altaya*. 19 February. 38. p. 1.
19. Zhizn' Altaya. (1915) Rozhdestvenskie podarki soldatam-barnaulytsam [Christmas gifts to soldiers from Barnaul]. *Zhizn' Altaya*. 26 November. 261. p. 1.
20. Zhizn' Altaya. (1915) Vtoraya zhenskaya gimnaziya [The second female gymnasium]. *Zhizn' Altaya*. 20 December. 282. p. 1.
21. State Archive of Altai Krai. Fund 143. List 1. File 1. (In Russian).
22. Zhizn' Altaya. (1915) Privet ot detey Altaya [Greetings from the children of the Altai]. *Zhizn' Altaya*. 8 March. 53.
23. Zhizn' Altaya. (1915) V Altayskom damskom komitete [In the ladies' committee of the Altai]. *Zhizn' Altaya*. 8 April. 74. p. 4.
24. Zhizn' Altaya. (1915) Itogi "Priveta ot detey Altaya" [The results of the "Greetings from the children of the Altai"]. *Zhizn' Altaya*. 16 April. 81.
25. Zhizn' Altaya. (1914) Detskaya elka [The Children's Christmas Tree]. *Zhizn' Altaya*. 23 December. 245. p. 1.
26. Zhizn' Altaya. (1914) Vechera skazok [Nights of fairy tales]. *Zhizn' Altaya*. 4 January. 3. p. 1.
27. Zhizn' Altaya. (1916) Vecher v pol'zu Obshchestva vspomoshchestvovaniya na nuzhdy sredne-uchebnykh zavedeniy [Evening in favor of the Company on the welfare needs of secondary schools]. *Zhizn' Altaya*. 1916. 14 January. 10. p. 1.
28. Zhizn' Altaya. (1915) Literaturno-muzykal'no-vokal'nyy vecher [Literary and musical-vocal evening]. *Zhizn' Altaya*. 23 January. 18. p. 1.
29. Zhizn' Altaya. (1915) "Spyashchee tsarstvo" ["Sleeping kingdom"]. *Zhizn' Altaya*. 15 February. 35. p. 1.
30. Zhizn' Altaya. (1915) Khronika [Chronicle]. *Zhizn' Altaya*. 22 March. 63.
31. Zhizn' Altaya. (1915) Blagotvoritel'nyy vecher [Charity Evening]. *Zhizn' Altaya*. 26 November. 261. p. 1.
32. Zhizn' Altaya. (1915) "Tsarevna goroshina" ["Princess the Pea"]. *Zhizn' Altaya*. 10 December. 273. p. 1.
33. Zhizn' Altaya. (1915) Detskiy spektakl' [Children's play]. *Zhizn' Altaya*. 3 December. 267. p. 2.
34. Zhizn' Altaya. (1915) Barnaul'skiy klub [Barnaul Club]. *Zhizn' Altaya*. 23 December. 284. p. 1.
35. Zhizn' Altaya. (1916) Otchet po ustroystvu blagotvoritel'nogo vechera [A report on the organization of the charity evening]. *Zhizn' Altaya*. 27 October. 237. p. 4.
36. Zhizn' Altaya. (1916) Narodnyy dom [The People's House]. *Zhizn' Altaya*. 25 November. 261. p. 1.
37. Zhizn' Altaya. (1916) Vecher [Evening]. *Zhizn' Altaya*. 25 December. 285. p. 2.
38. Zhizn' Altaya. (1917) Detskaya opera "Snegurochka" [Children's opera "The Snow Maiden"]. *Zhizn' Altaya*. 9 February. 32. p. 3.
39. Trudovaya pomoshch'. (1916) Pozhertvovaniya uchashchikhsya [Donations of students]. *Trudovaya pomoshch'*. 5. p. 500.
40. Zhizn' Altaya. (1915) Ot detey detyam [From children to children]. *Zhizn' Altaya*. 1 April. 68.
41. Zhizn' Altaya. (1915) V Altayskom damskom komitete [In the ladies' committee of the Altai]. *Zhizn' Altaya*. 25 February. 43. p. 4.
42. Zhizn' Altaya. (1915) Molodezh' za rabotoy [Youth at work]. *Zhizn' Altaya*. 19 December. 281. p. 4.
43. Altayskiy krest'yanin. (1916) Posevnaya pomoshch' [Sowing assistance]. *Altayskiy krest'yanin*. 7 May. 18. p. 8.
44. Zhizn' Altaya. (1916) Golos montera [Voice of a fitter]. *Zhizn' Altaya*. 13 May. 104.
45. Sulimov, V.S. (2011) Trudovye družiny uchashchikhsya shkol Altayskogo kraya v 1916 g. [Labor squads of students of the Altai Krai schools in 1916]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*. 5 (30). pp. 282–284.

Received: 08 June 2016

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ БОТАНИЧЕСКОГО САДА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», № 14.B25.31.0009.

На основании архивных документов, хранящихся в Национальном музее Республики Татарстан в фонде В.М. Флоринского, а также в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, реконструируется первая попытка создания Ботанического сада при Томском университете в 1880–1881 гг. Рассматривается вклад в это дело члена Строительного комитета от Министерства народного просвещения В.М. Флоринского и хранителя строительных материалов при Строительном комитете М.А. Шестакова. Приводятся результаты их деятельности. Уточняется дата основания Ботанического сада при Императорском Томском (Сибирском) университете.

Ключевые слова: Ботанический сад; В.М. Флоринский; М.А. Шестаков; Томск.

Как известно, 16 (28) мая 1878 г. указом императора Александра II в Томске был учрежден Сибирский университет. С марта 1880 г. Строительным комитетом по возведению зданий Императорского Сибирского университета началось строительство первого в Азиатской России высшего учебного заведения, а также его учебно-вспомогательных учреждений. Одним из таких учреждений, появившихся еще до начала занятий, был Ботанический сад, сыгравший впоследствии важную роль не только в учебном процессе, но и в научном изучении и освоении Сибирского края. В литературе его создание традиционно связывают с именем П.Н. Крылова, который в 1885 г. был приглашен из Казани В.М. Флоринским, устройтелем Томского университета и попечителем Западно-Сибирского учебного округа [1, 2]. Однако документы, хранящиеся в фонде В.М. Флоринского в Национальном музее Республики Татарстан, позволяют более полно реконструировать этот сюжет из истории Томского университета, доказывая, что первая попытка создания Ботанического сада относится к 1880–1881 гг. Идеологом организации Ботанического сада стал член Строительного комитета от Министерства народного просвещения, впоследствии попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский [3. С. 12].

В 1875 г., еще за три года до учреждения Императорского Томского университета, на одной из его первых схем В.М. Флоринским была запланирована постройка Ботанического сада. Первоначально он наметил разместить его за главным корпусом университета, между двумя его флигелями [4. Л. 64]. В 1879 г. во время составления чертежей и смет для будущего университета архитектор Томского университета А.К. Бруни, составив смету на Ботанический сад, выделил на его возведение 20 914 руб. 97 коп. [5], что составило около 5% от общей стоимости главного университетского корпуса.

Однако уже 3 июня 1880 г., на первом заседании Строительного комитета по возведению зданий Сибирского университета, учрежденного в марте того же года, членами комитета было обращено внимание на то, что на территории общей площадью в 54 510 саж².

(250 746 м²) [6. С. 16], которая 26 июня 1877 г. была пожертвована Томской городской думой, расположить обсерваторию, Ботанический сад с оранжереями и теплицами было невозможно без ущерба для территории. Как записано в журнале, «пришлось бы вырубить всю [городскую] рощу», а «здания [университета] были бы очень скучены, [и] при разбитии ботанического сада осталось бы слишком мало пространства» [7. 1880. 3 июня].

В связи с этим и, принимая во внимание, что «город располагает пустопорожней местностью, примыкающей к университетской земле и весьма удобной для устройства Ботанического сада с оранжереями и теплицами, а также обсерватории» [Там же], по предложению В.М. Флоринского Строительный комитет направил прошение в Томскую городскую управу об уступке дополнительной территории [8. С. 157].

26 июля 1880 г. Томская городская управа на основании постановления Томской городской думы передала Строительному комитету в «вечную и неотъемлемую собственность Сибирского университета» [7. 1880. 10 июня] городское место, расположенное в Юрточной части города Томска на углу Большой Садовой улицы и Московского тракта [9. С. 4]. По плану, составленному городским землемером Дягилевым, с востока эта территория ограничивалась Большой Садовой улицей; с запада – Московским трактом, городским выгоном и кузнечным переулком; с севера – Московским трактом, Богоугодными заведениями Томского приказа общественного призрения, городской оброчной статьей и пустопорожним местом городской земли, а с юга – Буткевской улицей и лазаретным переулком [7. 1880. 18 авг.]. Вся площадь, переданная университету, составила 15 десятин, или свыше 16 га.

В своем отчете Министерству народного просвещения о командировке в Томск летом 1880 г. для закладки главного здания будущего университета В.М. Флоринский писал: «Сибирскому университету городом уступлено около 15 десятин земли, т.е. такое количество земли, какое не имеет ни один из садов наших университетов. Место, избранное мною, представляет собой все удобства для древесных, кустар-

ных, цветочных и других растений как по своему гористому с низменностями и оврагами расположению, так и потому, что на означенной местности находятся уже: довольно большой пруд и колодец, требующие некоторой очистки и родник для орошения растений» [10]. Все это позволило осенью 1880 г. приступить к началу работ на территории, отведенной под Ботанический сад.

21 октября 1880 г., после своего отъезда из Томска в Казань, В.М. Флоринский, являясь в то время профессором Казанского университета, писал делопроизводителю Строительного комитета А.С. Белявскому, на которого в осенне-зимнее время в отсутствие самого Василия Марковича в Томске, возлагались обязанности последнего: «Относительно оранжереи я думаю ее лично выстроить будущим летом на строительный капитал, так как она полагается по проекту. Хорошо бы было выстроить при этом и дом для садовника, да и все ботанические здания (кроме оранжереи) лучше было бы построить деревянные, а не каменные, как предположено в проекте (А.К. Бруни. — *Прим. авт.*). Может быть, при представлении в Министерство это обстоятельство примут во внимание для удешевления общей стоимости построек» [11. 1880. 21 окт.].

Позднее, освещая планы строительных работ на 1881 г., В.М. Флоринский уточнил свои намерения: «Было бы очень желательно будущим летом возвести: 1) весь фундамент и цоколь; 2) оранжереи; 3) мост в ботанический отдел и, может быть, еще какие-либо деревянные постройки, по мере того, сколько удастся заготовить нового леса» [Там же. 1881. 13 янв.].

Поскольку место, выбранное В.М. Флоринским для Ботанического сада с оранжереями и теплицами и расположенное рядом с университетской рощей, было отделено небольшим оврагом, то им было предложено построить мост через него для удобной перевозки строительных материалов [Там же. 2 фев.].

Предложение В.М. Флоринского получило поддержку членов Строительного комитета. А.С. Белявский в своем письме В.М. Флоринскому, развивая идеи последнего, предлагал также построить из дерева не только ботанические постройки, но и оранжереи, «в тех же размерах, что и в проекте, но на каменном бутовом фундаменте с подставкой с уровня земли каменной кладки на 5 четвертей» [12. 1881. 13 янв.].

К январю 1881 г. Строительный комитет начал поиск подрядчиков на заготовку леса для возведения деревянных зданий астрономической обсерватории и Ботанического сада с оранжереями и теплицами [7. 1880. 15 янв.].

Однако стоит отметить, что официальное разрешение на строительство деревянной обсерватории от Министерства народного просвещения было получено В.М. Флоринским лишь к началу февраля 1881 г., а на строительство деревянных ботанических построек позднее [11. 1881. 2 фев.]. По всей вероятности, настаивая на постройке оранжерей из дерева, В.М. Флоринский исходил из учета суровой сибирской зимы и трудностей с отоплением каменных помещений [6. С. 17–19].

Начались работы по расчистке ботанического участка. В.М. Флоринский писал в своем дневнике: «На ботаническом участке появились уже первые признаки жизни. Через овраг построен мост и вырублен кустарник для дороги. Начинаем проводить и саму дорогу, по которой уже подвозится лес и другие строительные материалы для астрономического дома. Вот такая живая деятельность в моем вкусе: задумано, решено и тотчас же к делу, без раздумья и проволоочки» [13. Л. 30 об.].

К лету 1881 г. мост через овраг «по направлению от рощи в ботанический участок», необходимый для подвоза строительных материалов, был «перекинут». Под руководством архитектора Томского университета П.П. Нарановича (1881–1888) была проложена от моста «постоянная» дорога шириной в три сажени «вплоть до места, предназначенного для постройки дома для профессора астрономии» [7. 1881. 14 июля].

Наряду с этим В.М. Флоринский уже летом 1880 г. задумался о разбивке самого Ботанического сада. Во-первых, он «признал полезным устроить семенные школы и питомники с тем, чтобы выращенными в них растениями засадить впоследствии Ботанический сад». Во-вторых, В.М. Флоринский предложил вместо ограды для сада из дерева использовать живую изгородь, поскольку она не должна была требовать постоянных расходов, «при условии, что питомники этих растений будут устроены там же». В-третьих, он настаивал на том, чтобы сразу же после устройства питомника «безотлагательно заняться акклиматизацией весьма многих растений под руководством опытного в этом деле лица».

В своем отчете в Министерство народного просвещения В.М. Флоринский подчеркнул, что благодаря этому, «еще до открытия университета, через 3–4 года, Ботанический сад был бы на первое время вполне обеспечен нужными ему разного вида растениями». При этом, как отметил он, возможно было бы сделать ряд «наблюдений, полезных не только для науки, но и для развития садоводства и огородничества в Сибири в целом» [10].

Осматривая в Томске «значительный участок казенной земли, прилегающий к Степановке», В.М. Флоринский отмечал в своем дневнике, что «хорошо бы было выпросить этот участок у Министерства государственных имуществ в свою собственность (в собственность университета. — *Прим. авт.*) или взять его в долгосрочную аренду. Здесь можно было бы развести, как отделение Ботанического сада, питомники для акклиматизации плодовых деревьев и кустарников, а потом, когда осуществится открытие при физико-математическом факультете технических специальных отделений, здесь же, на Степановке, можно было бы основать учебно-образцовые заводы для практического изучения необходимейших в Сибири технических производств» [8. С. 168]. Стоит отметить, что эта задумка В.М. Флоринского была реализована в 1960–1970 гг., когда началось освоение этого участка как «интродукционно-экспериментальной территории» Ботанического сада площадью в 116 га [9. С. 17].

Наряду с этим В.М. Флоринский просил у министерства, помимо 24 тыс. руб. в год на планировавшиеся в будущем ученые командировки, предприятия и разные пособия, предоставить единовременный кредит в 500 руб. «на постройку не большой оранжереи с погребками для растений, и ежегодно, впредь до открытия университета, по 500 руб. на обработку земли, покупку семян, инструментов и других предметов для Ботанического сада Сибирского университета» [10].

В целях реализации задуманного В.М. Флоринский принял предложение бывшего управляющего Иркутской образцовой фермой и акклиматизационным садом М.А. Шестакова, переехавшего в Томск, заняться «устройством питомников и школ для растений и последующим уходом за ними без особой платы при условии, что расход на содержание питомников и школ до 500 руб. в год возьмет на свой счет казна» [10].

Этот бескорыстный поступок, по мнению А.С. Белявского, объяснялся тем, что М.А. Шестаков с открытием Сибирского университета надеялся занять место ученого садовника при Ботаническом саду [12. 1880. 22 нояб.]. 18 августа 1880 г. он занял должность смотрителя строительных материалов с жалованьем 15 руб. в месяц [7. 1880. 18 авг.]. С 1 июня 1881 г. за отлично-ревностное исполнение обязанностей по просьбе В.М. Флоринского оплату М.А. Шестакова увеличили до 900 руб. в год [Там же. 1881. 17 июня].

Летом 1880 г. В.М. Флоринским и М.А. Шестаковым была распланирована территория южнее главного университетского здания, намечены участки под оранжереи, питомники и другие строения. Поскольку Строительный комитет к 1880 г. не располагал какими-либо ботаническими постройками, то М.А. Шестаков безвозмездно уступил для нужд Ботанического сада старую архиерейскую оранжерею, переданную ему в пользование местным епископом сроком на 5 лет для «воспитания растений» [12. 1880. 22 нояб.].

К концу осени 1880 г. М.А. Шестаковым был сооружен «тын изгороди с тремя воротами» протяженностью в 345 погонных саж. (621 м) по 50 коп. за одну сажень. Помимо этого им было «очищено от мелкого кустарника, сорных трав и обработано троекратным паханием плугом около трех десятин (3,27 га) новой земли, необходимой для посева и пересадки растений в будущих годах» за 90 руб. Он также обработал в «два заступа участок земли для питомника и посева боярышника для получения 20 тыс. кустов для живой изгороди». На обработанном таким способом участке земли было посеяно 135 сортов различных древесных и кустарных растений, которые могли выдержать климат Томска. За вскопку грядок для кустарных семян и за рассадку М.А. Шестаков заплатил, «по его объяснению», 70 руб. [10]. Оценивая сделанную М.А. Шестаковым работу, А.С. Белявский писал В.М. Флоринскому: «Плетень вокруг Ботанического сада сделан Шестаковым и хорошо и недорого, гряды на вид сделаны также изящно. Шестаков в службе очень усерден и справляется с тем и другим делом успешно» [12. 1880. 24 сент.].

Семена самих растений были собраны М.А. Шестаковым частично в окрестностях Томска и в самом

Томске. Однако большая их часть (всего 543 вида семян) была безвозмездно получена от Императорского Ботанического сада [10].

Осенью 1880 г. М.А. Шестаков обратился к директору Императорского Ботанического сада Э.Л. Регелю с просьбой о высылке семян для Ботанического сада Томского университета. В ответ в письме от 8 октября 1880 г. Э.Л. Регель отвечал: «Относительно высылки для Сибирского университета семян, черенков и луковиц потрудитесь сообщить Комитету по постройке этого университета, чтобы он вошел в Императорский Ботанический сад официально» [14. Л. 1].

Уже в конце ноября 1880 г., по поручению Строительного комитета, А.С. Белявский официально обратился к Э.Л. Регелю с просьбой о посылке для нужд Ботанического сада Сибирского университета черенков, лоз (плодовых), а равно мелких растений (черенками же), луковиц, семян и прочего, безденежно и с пересылкой на казенный счет [Там же. Л. 2–2 об.; 12. 1880. 22 нояб.]. 6 февраля 1881 г. тюк семян, присланных из Императорского Ботанического сада, был получен Сибирским университетом [Там же. 1881. 6 фев.].

11 февраля 1881 г. А.С. Белявский проинформировал В.М. Флоринского о том, что «некоторые заграничные Ботанические сады отнесли в Сибирский университет с запросом: не желает ли наш университет получить безденежно разные семена». В связи с этим А.С. Белявский поручил М.А. Шестакову выбрать из каталогов необходимые семена, а затем лично обратиться с просьбой об их высылке в Томск [Там же. 11 фев.]. 3 августа 1881 г. на адрес Сибирского университета пришел тюк семян, подаренных Королевским Великобританским Ботаническим садом [14. Л. 5].

Работа М.А. Шестакова по разбивке Ботанического сада была принята Строительным комитетом в октябре 1880 г. За это ему были выплачены 295 руб. 10 коп., израсходованные на организацию питомника [12. 1880. 17 окт.].

Однако после 10 ноября М.А. Шестакову в Строительном комитете прекратили выплаты, поскольку председатель Строительного комитета томский губернатор В.И. Мерцалов настаивал на том, что его отчет о проделанной работе необходимо выслушать на заседании комитета [Там же. 2 дек.]. Тем не менее А.С. Белявский продолжал выплачивать М.А. Шестакову запрашиваемые им суммы. Например, в декабре 1880 г. он из остатков денег оплатил М.А. Шестакову покупку садовых инструментов: ножей, ножниц, заступов, лопат и др. [Там же. 18 дек.], а в феврале 1881 г. им из собственного аванса было выдано 60 руб. «на покупку цветников» [Там же. 1881. 12 фев.].

Заметим, что, будучи хранителем материалов, М.А. Шестаков занимался не только приемом и охраной строительных материалов, но и участвовал в их закупке, что в дальнейшем приведет к его конфликту с председателем Строительного комитета В.И. Мерцаловым. Так, в январе 1881 г. им было закуплено 2 927,5 пуд. (47,9 т.) на сумму 464 руб. 90 коп. [7. 1881. 25 янв.], а в августе 1881 г. В.М. Флоринский поручил М.А. Шестакову покупку до 1 500 пуд.

(24,57 т.) сена для лошадей Строительного комитета [Там же. 4 авг.].

Сам конфликт возник, по словам А.С. Белявского, потому, что «В.И. Мерцалов задался мыслью выгнать из Комитета и из постройки всех тех людей, которые ему не по душе, и окружить себя своими людьми» [12. 1881. 4 окт.]. Еще в сентябре 1880 г. М.А. Шестаков получил выговор от В.И. Мерцалова за то, что тот ослушался его приказа. Губернатор поручил ему заказать железные закрепы на концы моста, однако М.А. Шестаков убедил владельца кузницы Кускова сделать закрепы безвозмездно. Когда губернатор об этом узнал, то М.А. Шестаков получил выговор, а сам В.И. Мерцалов пошел лично в кузницу «приказал снять с моста железо и сделать новые пояса на его счет по данному рисунку» [12. 1880. 28 сент.].

В марте 1881 г. В.И. Мерцалову поступило донесение от бухгалтера П.В. Ольшевского, из польских ссыльных, о том, что М.А. Шестаков и десятник Н.Я. Максимов «неверно принимают известь и вместо полученных с воза 15 пудов извести выдают квитанцию на 25–28 пудов». В связи с этим губернатор распорядился о проверке, направив двух полицейских чиновников. Однако проверка нарушений не выявила [Там же. 1881. 25 марта].

Апогей конфликта наступил в сентябре 1881 г., когда В.И. Мерцалов и П.В. Ольшевский самолично, вместо М.А. Шестакова, занялись расчетами с рабочими, потребовав от них предъявления паспортов. В связи с этим трое из рабочих за своей заработной платой «не явились из опасения попасть в острог», а двое других перед этим были отправлены в больницу. Из этого В.И. Мерцалов «вывел заключение, что на этих пяти человек вытребованы деньги излишне, и отнес это к злоупотреблениям» М.А. Шестакова. Более того, как писал А.С. Белявский, «ночью с 6 на 7 число сентября воры разобрали закладку и украли медную доску (положенную при закладке главного здания. – *Прим. авт.*)». И хотя об этом Шестаков утром же доложил Мерцалову, «который сделал ему выговор, за то, что он будто бы далеко живет от роши», тот, тем не менее, «уволит его от службы своею властью» [Там же. 8 сент.].

Официальное же увольнение М.А. Шестакова состоялось на заседании Строительного комитета 18 сентября 1881 г. в связи с ухудшившимся состоянием здоровья и «отсутствием его на месте построек» [7. 1881. 18 сент.]. В конце сентября 1881 г. закладная доска все-таки нашлась в доме «двух бедных девушек», проживавших в Солдатской слободке. Одна из девушек нашла ее «против ботанического сада через дорогу, около кустарников» и, принеся ее домой, стала использовать вместо столешницы для самодельного стола [12. 1881. 29 сент.].

Узнав об увольнении М.А. Шестакова, В.М. Флоринский обратился в Министерство народного просвещения к товарищу министра народного просвещения П.А. Маркову и директору Департамента народного просвещения Э.Е. Брадке с просьбой «причислить М.А. Шестакова к Министерству народного просвещения» для того, чтобы последний продолжил работу в Ботаническом саду [11. 1881. 1 окт.]. Однако получил отказ, поскольку «прикомандировать Шестакова без содержания было возможно, но прикомандировать можно только к существующему учреждению, либо к Строительному комитету, либо к Министерству народного просвещения», но только при наличии действующего учебного округа, который будет создан лишь в 1885 г. Сумму в 600 руб. в год, необходимую на содержание Ботанического сада, министерство также отказалось выделять [Там же. 1882. 20 янв.].

Вскоре после увольнения М.А. Шестакова к томскому губернатору В.И. Мерцалову обратились крестьяне из села Вовулина Золотовской волости Камышинского уезда Саратовской губернии Я.К. Мухин и И.Е. Брюшков с предложением принять на себя работу по разбивке сада при Сибирском университете. Однако их обращение так и не получило развития [14. Л. 6–7].

Таким образом, первая попытка разбить Ботанический сад при Сибирском университете была предпринята в 1880–1881 гг. по инициативе В.М. Флоринского. М.А. Шестаковым как садовником была проделана определенная работа по формированию будущих питомников для растений, сбору семян в окрестностях Томска, установлению связей с российскими и иностранными Ботаническими садами. В связи с этим можно утверждать, что начало закладки Ботанического сада при Императорском Томском университете было положено в 1880–1881 гг., а не в 1885 г., как это принято считать в отечественной историографии.

В июле 1885 г. П.Н. Крылов приехал в Томск; к тому времени имелась уже определенная как семенная, так и материальная база в виде начатой постройки оранжерей [15. С. 15]. В 1885–1888 гг. под непосредственным наблюдением уже П.Н. Крылова работы были продолжены. В порядок были приведены не только ботанический участок, но и университетский сквер: выровнена территория вокруг университетского комплекса, привезен дерн, установлены дорожки, клумбы, высажены деревья, кустарники и живые изгороди из боярышника. Благодаря этому Ботанический сад и прилегающая к нему Университетская роща превратились к открытию университета в одно из красивейших мест Томска [16. С. 92].

ЛИТЕРАТУРА

1. Прикладов Н.В. П.Н. Крылов – основатель первого в Сибири ботанического сада // Труды Томского государственного университета. 1951. Т. 116. С. 79–85.
2. Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева: Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. 487 с.
3. Астафурова Т.П., Прокопьев А.С., Беляева Т.Н. Сибирский ботанический сад Томского государственного университета: современные направления деятельности // Проблемы изучения растительного покрова Сибири : материалы V Междунар. науч. конф., посв. 130-летию Гербария им. П.Н. Крылова и 135-летию Сибирского ботанического сада Томского государственного университета. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 12–14.

4. Национальный музей Республики Татарстан (далее – НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822. Подшивка писем и черновых набросков В.М. Флоринского.
5. Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников (далее – НБ ТГУ. ОРКП). Смета на постройку деревянной на каменном фундаменте оранжереи с каменным домом для помещения профессора ботаники, с аудиторией и кабинетом для занятий студентов при университете в г. Томске, на сумму 20 914 руб. 97 коп.
6. Томские музеи : сб. докл. и ст. / под ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 232 с.
7. НБ ТГУ. ОРКП. Журналы Строительного комитета.
8. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 508 с.
9. Сибирский Ботанический сад ТГУ к 135-летию со дня основания / под ред. Т.П. Астафуровой, А.С. Прокопьева, С.Ф. Фоминых, Е.М. Игнатенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 70 с.
10. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-277. Отчет профессора Казанского университета В.М. Флоринского по командировке его в г. Томск летом 1880 г.
11. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-869. Письмо В.М. Флоринского А.С. Белявскому из Казани в Томск.
12. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-409. Письмо А.С. Белявского В.М. Флоринскому из Томска в Казань.
13. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-103. В.М. Флоринский «От Екатеринбурга до Томска». Дневниковые записки 1881 г. Подлинник.
14. Государственный архив Томской области. Ф. 103 (Комитет по постройке зданий Сибирского университета в г. Томске). Оп. 1. Д. 5.
15. Зленко К.В. П.Н. Крылов – основатель сибирской ботанической школы : автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. 26 с.
16. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 мая 2016 г.

ON THE FOUNDATION DATE OF THE BOTANICAL GARDEN OF THE IMPERIAL UNIVERSITY OF TOMSK

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 55–60.

DOI: 10.17223/15617793/409/8

Ilya A. Dunbinskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Sergei A. Nekrylov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Sergei F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Keywords: Botanical Garden; V.M. Florinsky; M.A. Shestakov; Tomsk.

On the basis of archival documents stored in the National Museum of the Republic of Tatarstan in V.M. Florinsky Fund, as well as in the Department of Manuscripts and Book Monuments of the TSU Research Library, the first attempt to establish the Botanical Garden at the University of Tomsk in 1880—1881 is reconstructed. It is noted that this educational and subsidiary part of the Imperial Tomsk University, which had appeared before classes at the university began, later played an important role not only in training but also in the scientific study and development of the Siberian region. The ideologist of the organization of the Botanical Garden was a member of the Construction Committee of the Ministry of Education, later a trustee of the West Siberian Educational District V.M. Florinsky. In 1875, three years before the establishment of the Siberian Tomsk University, V.M. Florinsky planned the construction of the Botanical Garden. Originally, he planned to place it behind the main building of the university, between its two wings. However, at the beginning of the works by the Construction Committee it became clear that the land for the construction of the Botanical Garden of the University was not enough. At the initiative of V.M. Florinsky Tomsk city government donated an additional area of 16 hectares to accommodate the Botanical Garden with greenhouses and an observatory. This allowed beginning works on the territory allocated for the Botanical Garden already in the fall of 1880. Since January 1881, the Construction Committee began the process of finding contractors for the erection of wooden buildings for an astronomical observatory and a botanical garden with greenhouses and hothouses, as well as for cleaning the territory allotted for the Botanical Section. At the same, in the summer of 1880, V.M. Florinsky thought about the layout of the Botanical Garden. In order to implement it, V.M. Florinsky accepted an offer to make a free-of-charge “arrangement of nurseries and schools for plants” from M.A. Shestakov who hoped to become a gardener after the opening of the Botanical Garden. In August 18, 1880, M.A. Shestakov was appointed superintendent of building materials. By the end of autumn 1880, M.A. Shestakov built a “fence with three gates” whose length was 345 linear fathoms. About three acres of land needed for planting and transplanting plants were cultivated. 135 varieties of trees and artisanal plants were planted that could survive the climate of Tomsk. However, in the process of works a conflict aroused between M.A. Shestakov and Chairman of the Building Committee V.I. Mertsalov that led to the dismissal of M.A. Shestakov. Thus, in July 1885, when P.N. Krylov came to Tomsk, the seeds and some constructions of greenhouses were already there.

REFERENCES

1. Prikladov, N.V. (1951) P.N. Krylov – osnovatel' pervogo v Sibiri botanicheskogo sada [P.N. Krylov, the founder of the first Botanical Garden in Siberia]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 116. pp. 79–85.
2. Zaychenko, P.A. (1960) *Tomskiy gosudarstvennyy universitet imeni V.V. Kuibysheva: Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880–1955)* [Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev: Essays on the history of the first Siberian university for 75 years (1880–1955)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Astafurova, T.P., Prokop'ev, A.S. & Belyaeva, T.N. (2015) [The Siberian Botanical Garden of Tomsk State University: Current activities]. *Problemy izucheniya rastitel'nogo pokrova Sibiri* [Problems of studying Siberian vegetation]. Proceedings of the V International scientific conference dedicated to the 130th anniversary of P.N. Krylov Herbarium and the 135th anniversary of the Siberian Botanical Garden of Tomsk State University. Tomsk: Tomsk State University. pp. 12–14. (In Russian).
4. The National Museum of the Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. N 117959-822. *Podshivka pisem i chernovykh nabroskov V.M. Florinskogo* [Letters and rough drafts of V.M. Florinsky].
5. Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Literary Monuments (NB TGU. ORKP). *Smeta na postroyku derevyannoy na kamennom fundamente oranzherei s kamennym domom dlya pomeshcheniya professora botaniki, s auditoriey i kabinetom dlya zanyatiy studentov pri universitete v g. Tomске, na summu 20 914 rub. 97 kop.* [The estimate for the construction of wood on a stone foundation of the greenhouse with a stone house to place a professor of botany, with a room and study for student classes at the University of Tomsk, in the amount of 20,914 rubles 97 kopecks].

6. Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) (2010) *Tomskie muzei* [Tomsk museums]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Literary Monuments (NB TGU. ORKP). *Zhurnaly Stroitel'nogo komiteta* [The Journal of the Building Committee].
8. Fominykh, S.F. et al. (2014) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Astafurova, T.P. et al. (eds) (2015) *Sibirskiy Botanicheskiy sad TGU k 135-letiyu so dnya osnovaniya* [The Siberian Botanical Garden of TSU: to the 135th anniversary of the founding]. Tomsk: Tomsk State University.
10. The National Museum of the Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. N 117959-277. *Otchet professora Kazanskogo universiteta V.M. Florinskogo po komandirovke ego v g. Tomsk letom 1880 g.* [A report of the Kazan University Professor V.M. Florinsky on his business trip to the city of Tomsk in the summer of 1880].
11. The National Museum of the Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. N 117959-869. *Pis'mo V.M. Florinskogo A.S. Belyavskomu iz Kazani v Tomsk* [A letter of V.M. Florinsky to A.S. Belyavsky from Kazan to Tomsk].
12. The National Museum of the Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. N 117959-409. *Pis'mo A.S. Belyavskogo V.M. Florinskomu iz Tomska v Kazan'* [A letter of A.S. Belyavsky to V.M. Florinsky from Tomsk to Kazan].
13. The National Museum of the Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. N 117959-103. V.M. Florinskiy *"Ot Ekaterinburga do Tomska"*. *Dnevnikovye zapiski 1881 g. Podlinnik* [V.M. Florinsky "From Yekaterinburg to Tomsk". Diary notes of 1881. The original].
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 103 *Komitet po postroyke zdaniy Sibirskogo universiteta v g. Tomske* [Committee for the construction of the Siberian University buildings in Tomsk]. List 1. File 5.
15. Zlenko, K.V. (2006) *P.N. Krylov – osnovatel' sibirskoy botanicheskoy shkoly* [P.N. Krylov, the founder of the Siberian Botanical School]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
16. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk State University as the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 04 May 2016

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ПРОМЫСЛЫ, РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ В СИБИРИ В XVIII в. – 1820-е гг.

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Представлен очерк развития промышленности, промыслов и торговли в Сибири в XVIII в. – первой четверти XIX в., когда регион ощутил первые результаты перехода в индустриальную эпоху. Еще преобладало ремесло, но мануфактуры уже стали обычным явлением. Особенностью мануфактурной промышленности Сибири было полное господство феодального предпринимательства казны, Кабинета, дворянства и монастырей, вытеснение частного капитала в сферы торговли и промыслов.

Ключевые слова: промышленность; промыслы; ремесла; торговля; Сибирь.

В постсоветский период отечественной историографии серьезно продвинулось изучение истории экономики региона в XVIII – первой половины XIX в. Опубликованы глубокие монографические исследования по истории предпринимательства, промышленности, торговли, промыслов [1–12]. Возникла необходимость обобщения результатов исследований. Автор статьи предлагает опыт такого синтеза.

Индустриальное освоение Сибири прошло следующие этапы: 1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства в весьма скромных масштабах; 2) вторая четверть XVIII – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодального предпринимательства казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности; 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства в транспорте, промышленности, господство капиталистической мануфактуры в золотодобыче, начало промышленного переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – первая половина 90-х гг. XIX в. – крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота в ней, утверждение пароходства, начало железнодорожного строительства; 5) вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации [5. С. 18].

Крестьянское и мещанское население, как и в XVII в., продолжало обеспечивать себя всем необходимым посредством домашнего и кустарного производства. Города были центрами ремесла. В 1720 г., по данным ремесленно-промышленной переписи, в крупных городах Сибири насчитывалось 1 878 ремесленников, занимавшихся в основном обработкой животного и растительного сырья, металлов [2. С. 513]. По данным Комиссии о коммерции, в городах Сибири в 1760-е гг. насчитывалось 6 555 ремесленников-хозяев и 3 512 наемных работников [13. С. 42–43]. Далее их число только росло. Но немногие из ремесленников вырастали до мануфактуристов, большинство, накопив средства, переключалось на торговлю, так как путь прямой эволюции в предприниматели был для них практически закрыт в условиях Сибири [2. С. 516].

Особенность индустриального развития Сибири заключалась в том, что, взяв старт как частнокапиталистическое в XVII в., когда действовали 15–20 железоделательных, солеваренных, винокуренных, кожевенных мануфактур [14. С. 28–32; 15. С. 294–315], оно продолжилось в XVIII в. как государственно-феодальное предпринимательство Кабинета, казны, дворянства, монастырей. Наряду со скудостью трудовых ресурсов, транспортными трудностями и отсутствием кредита положение мануфактурной промышленности в крае усугублялось ее слабыми связями с рынком. Крупная промышленность Сибири XVIII в., обслуживала, как правило, казенные нужды (монетный двор, географические экспедиции, Кабинет е.и.в., воинские команды, канцелярии) и потребности небольшого слоя чиновничества и купечества. На широкого потребителя, конкурируя с корчемством, выходили только две отрасли – винокурение и солепромышленность. Все это обуславливало неустойчивость частных мануфактур, их полную зависимость от казны и произвола властей. В течение XVIII в. в Сибири действовало два-три десятка мануфактур в обрабатывающих отраслях, из них пять наиболее крупных – Туринская бумажная фабрика Панаевых (1760 г. основания), стекольный завод Матегоровых (1723 г.), полотняная фабрика Куткина (1797 г.), Тальцинский (1784 г.) и Тельминский (1733 г.) комплексы – были в руках дворян и казны [2. С. 528–529]. В этих условиях лидерство в промышленном освоении Сибири перешло к государству, которое монополизировало наиболее важные и прибыльные горнодобывающие отрасли и винокурение.

В большинстве отраслей промышленности и на транспорте использовались традиционные российские технологии, которые приносили в Сибирь переселенцы. Но для организации цветной металлургии были приглашены греческие и германские специалисты. Поиски полиметаллических месторождений, начатые в Томском уезде и в Забайкалье в конце XVII в., привели к открытию руд цветных металлов [16. С. 108–110]. В 1676 или 1677 гг. бронный мастер Кузьма Новгородец выплавил в Нерчинске первый свинец из местных руд, на Аргунском заводе Александр Левандиан и Спиридон Манойлов в 1704 г. начали плавку свинца и серебра, а в 1708–1711 гг. Семен Грек

начал плавку меди. В 1720-х гг. был построен Нерчинский завод, в 1740-х гг. – Куренселинский медеплавильный, 1760-е гг. – Дучарский, Кутомарский, Екатерининский, в 1770-х гг. – Газимурский и Екатерининский, в 1790-х гг. – Александровский сереброплавильные, в 1790 г. – Петровский железоделательный [17. С. 12–14]. Заводы и рудники обслуживались сначала служилыми людьми, а затем казенными мастеровыми и приписными крестьянами.

Поиски руд в Томском уезде после первых неудач завершились находкой в горах Алтая богатейших месторождений цветных металлов. Первый медеплавильный Колывано-Воскресенский завод был основан Акинфием Демидовым в 1726 г. по привилегии, выданной Берг-коллегией, с правом использовать труд гулящих и других наемных людей. Однако в 1738 г. работники были закреплены за предприятиями навечно. В 1744 г. были заложены Барнаульский и Шульбинский заводы, открыты около сотни рудников, из них крупнейший – Змеевский. В 1760-е гг. вместо остановленного Колыванского и недостроенного Шульбинского был открыт Павловский сереброплавильный завод, а также Сузунский медеплавильный и монетный, в 1770–1790-е гг. – Алейский, Локтевский, Гавриловский, Змеевский сереброплавильные, в 1816 г. – Гурьевский, преобразованный в 1826 г. в железоделательный. В 1771 г. был основан Томский железоделательный завод. Постоянно расширялась рудная база заводов. В 1796 г. Филипп Риддер открыл богатейший рудный район, названный его именем, в 1790 г. стало разрабатываться Бухтарминское месторождение. В 1791 г. Герасим Зырянов открыл месторождение золотистого серебра, получившее его имя. К концу XVIII в. на Алтае действовали 10 рудников. В начале XIX в. стали разрабатываться Салаирские серебросвинцовоцинковые рудники [18. С. 114–117, 120–122]. Алтайские и Забайкальские горнозаводские районы стали главными поставщиками цветных металлов в России. Их успешное функционирование в течение XVIII–XIX вв. объяснялось уникальным сочетанием трех факторов – районов богатейших руд, лесных массивов для топлива и строительных материалов и плодородных земель, способных привлекать и концентрировать крестьянское население, которое использовалось в качестве рабочей силы [4. С. 318].

Горные заводы Сибири в XVIII – начале XIX в. были централизованными мануфактурами, которые обслуживались трудом двух видов работников. Специальные заводские и горные работы выполнялись мастеровыми, особым сословием, сформировавшимся из разного рода гулящих и служилых людей и пополнявшимся за счет рекрутов. Вспомогательные работы (лесные, транспортные) исполнялись приписанными к заводам крестьянами, образовавшими особый тип феодально-зависимого населения. Заводы технически соответствовали своему времени, управлялись высшим слоем горных специалистов, которые формировались из наиболее талантливых представителей горнозаводского сословия через систему горного образования. Первоначально среди них была высока доля выходцев из германских государств. На заводах

сформировался слой технических специалистов, известных своими открытиями и изобретениями. Достаточно назвать изобретателя первого универсального парового двигателя И.И. Ползунова, механиков И.И. Черницына, П.М. Залесова, М.С. Лаулина, Ф.В. Стрижкова, гидротехников К.Д. и П.К. Фроловых, металлургов В.С. Чулкова и П.П. Аносова, членов-корреспондентов академии наук П.И. Шангина, Г.И. Спасского [1].

Алтайские заводы сразу же стали предметом пристального внимания столицы. В 1735 г. начальник Уральских и Сибирских заводов В.Н. Татищев приказал их взять в казну, но тогда А. Демидову удалось их сохранить за собой. В 1747 г. императрица Елизавета, воспользовавшись фискальными долгами Демидовых, повелела округ со всем имуществом и людьми взять «на нас», т.е. в собственность короны [19. С. 230–232], превратив Алтайский горный округ в важнейший источник своего дохода.

Подобным же образом было ликвидировано крупнейшее в Сибири XVIII в. частное горнозаводское дело М.В. Сибирякова, который в 1759 г. заключил с казной договор о поиске и добыче руд в Сибири и Даурии. Им были найдены 23 месторождения серебросвинцовых руд, в том числе богатейший Михайловский рудник, давший за 1760–1790 гг. серебра на 2,5 млн руб. На рудниках и Воздвиженском заводе Сибиряковы использовали труд крепостных (48 душ) и до 300 работников с Нерчинских казенных заводов. В 1779 г. «Сенат велел рудники Сибирякова отобрать, а прочее имение взять в секвестр» на основании инструкции командора Нерчинских рудников В.И. Суворова о запрещении строить частные заводы близ казенных. В 1782 г. имущество Сибиряковых было им возвращено по представлению Берг-коллегии, но заводчик не имел средств восстановить сгоревший и обрушившийся Михайловский рудник. В 1790 г. предприятия Сибирякова прекратили действие, а в 1797 г. были взяты за долги в казну с выплатой владельцам 2,7 тыс. руб. ежегодной ренты. В 1803 г. рудники Сибиряковых перешли вместе с Нерчинскими заводами в ведение Кабинета, а с 1811 г. объявлены выморочными, и поступили в казну (на самом деле – в Кабинет) [20. Л. 2–15; 21. С. 41–46].

Казна в течение XVIII в. также монополизировала солепромышленность. В 1705 г. Петром I была введена соляная государственная монополия. С 1722 г. добыча соли стала сдаваться с торгов на откуп. В 1751 г. в Сибири было учреждено соляное комиссионерство для добычи и развоза соли. С 1797 г. действовали Алеусское, Боровое, Коряковское, Красноярское комиссионерства. До 1817 г. оптовая продажа соли осуществлялась через казенные магазины и стойки по фиксированным ценам. В 1817 г. в Западной Сибири введена продажа соли по рыночным ценам. В начале XVIII в. главным источником соли стало Коряковское озеро (до 1 млн пуд в год), для охраны которого и организации перевозки соли был основан в 1720 г. одноименный форпост (г. Павлодар с 1861 г.). В 1768 г. ломка самосадочной соли стала производиться на Бурлинском озере Алеусской группы озер (до

75 тыс. пуд в год), а в 1771 г. – на Боровых соляных озерах Алтайского округа Кабинета (до 80 тыс. пуд в год). В Восточной Сибири добыча самосадочной соли началась позднее и велась в меньших масштабах. Из Вилуйских источников (Кемпендйского и Багинского ключей) с 1747 г. (до 1 тыс. пуд в год), из Борзинского озера (Забайкалье) с 1766 г. (до 85 тыс. пуд в год), из Степного и Тагарского озер Минусинского уезда – с конца XVIII в. (до 60 тыс. пуд в год) [22. С. 127–140; 23]. Ломщиками соли на озерах Западной Сибири трудились вольнонаемные рабочие из крестьян, казаков, а с середины XIX в. – из киргизов (казахов), на Вилуйских источниках – казаки, на Борзинском озере – казеннорабочие из ссыльнопоселенцев, недоимщиков крестьян и тунгусов.

В XVIII в. все солеваренные заводы Восточной Сибири перешли в руки казны, которая сдавала их в содержание с торгов. Точно известно, что Селенгинский завод сдавался с торгов с 1719 г., Усть-Кутский – с 1751 г., Спасский (закрыт в 1785 г.) и Троицкий поступили в казну в 1764 г., а Иркутский – в 1765 г. Охотский завод был построен в 1733 г. за казенный счет. Производительность заводов была невелика: Иркутского – 100–120 тыс. пудов, Троицкого и Спасского – до 40 тыс., Усть-Кутского – 12–16 тыс., Селенгинского – 20–60 тыс., Охотского – 1–2 тыс. пудов. Технология выварки соли была обычной для такого производства – выпарка рассолов в чренах. При казенном управлении заводы работали трудом ссыlnокаторжных [24. С. 50–51].

В 1756 г. сенатским указом на Сибирь была распространена дворянская монополия на выкурку и поставку вина. Число заводов с 31 сократилось до 8, которые оказались в руках откупщиков-дворян – графа П.И. Шувалова и обер-прокурора А.И. Глебова. Убытки казны от злоупотреблений последних заставили правительство вернуться к сдаче откупов с аукциона, в том числе и купцам в 1665 г. и к казенной выкурке в 1774 г. В 1891 г. казна скупала винокуренные заводы откупщиков А.И. Глебова и М.М. Похлядина [2. С. 480–481; 14. С. 40].

Сферой вольного найма были мелкие городские предприятия, строительство, речной транспорт, добыча соли на степных озерах, рыбные промыслы. Выяснить точное число работников, занятых в отраслях производства, невозможно, таких данных просто не сохранилось. Однако косвенные и отрывочные сведения позволяют думать, что счет таковых должен вестись на сотни и тысячи. Только в Тобольской губернии, судя по материалам, найденным Д.И. Копыловым, в 1760-е гг. было занято до 4 тыс. работников на строительстве казенных судов. С переходом на вольнонаемные подрядные работы число работников в судостроении уменьшилось, так как 5–7 наемных работников заменяли 15–20 обязанных. В Западной Сибири в середине XVIII в. строилось до 300 крупных судов в год, следовательно, на строительстве было занято до 1,5–2 тыс. работников. В Восточной Сибири во второй половине XVIII в. строилось не менее 200 крупных судов в год, значит, этим занимались, по крайней мере, 1 тыс. человек. Суда строились кре-

стьянскими артелями. Однако есть свидетельства, что появились в XVIII в. предприниматели, соорудившие суда по заказам. Так, томский купец А.М. Шумилов в 1788 г. построил для контрагента Казанцева 10 судов за 10 тыс. руб., а всего за 1785–1790 гг. построил наемными людьми 59 судов на Долоновском плотбище и в д. Спириной.

Приблизительный подсчет числа работников, занятых в судоходстве Сибири, показывает, что это была, как и в Европейской России, наиболее развитая сфера найма. По Сибири во второй половине XVIII в. насчитывалось не менее 8,5 тыс. судорабочих [5. С. 21–22]. В Сибири обычным было применение одноразовых судов – барок и плотов для сплава груза (леса, хлеба, соли). Вверх по течению суда (дошаники, павозки, карбасы) вели лямочные рабочие (бурлаки), лодки и каюки шли на гребях. Общий объем водных перевозок в 1812 г. составил около 2 млн пуд [25. С. 29–54]. Зимой передвижение пассажиров и грузов обеспечивалось гужевым транспортом по трактам, которые связывали крупные города. Московско-Сибирский тракт сформировался как главная дорога Сибири во второй половине XVIII в. Местами он был обустроен для передвижения летом. Для обслуживания казенных почт с начала XVII в. по первую четверть XIX в. существовало сословие сибирских ямщиков (17 тыс. душ м. п. в 1824 г.), частные грузы двигались по зимникам силами крестьянских артелей и тех же ямщиков по вольному найму. Грузы через Сибирь двигались медленно, по 50–70 верст в день. От Томска до Иркутска, например, – около 30 дней. Для развоза соли комиссионерам отводилось два года. В начале XIX в. объем транзитных перевозок стал быстро расти. Через Томск в 1802 г. прошло 10 тыс. пудов, а в 1825 г. – 102 тыс. пудов [7. С. 75, 124, 137].

Повсеместными в Сибири были охотничьи и рыбные промыслы. Для коренных жителей Сибири эти промыслы являлись основным средством пропитания и источником предметов для участия в товарно-денежных отношениях. Ценные породы рыб, меха, мамонтовая и моржовая кость шли в обмен на хлеб, свинец, порох, чай, вино, мануфактуру. Для русского крестьянского и мещанского, коренного скотоводческого населения добывающие промыслы были подсобными в их комплексных хозяйствах. На рынок шли небольшие излишки.

Значение товарных охотничьих промыслов в XVIII в. стало падать по мере истребления ценных меховых зверей. Последним всплеском масштабной хищнической охоты была деятельность Русско-американской компании, которая объединила купеческие предприятия, посылавшие промысловые экспедиции на острова Тихого океана и на Аляску с 1740-х гг. Компания, образованная в 1797 г., пользовалась государственной поддержкой и имела монополию на торговую и промысловую деятельность в американских колониях. С 1797 по 1821 гг. она вывезла около 73 тыс. шкур морского бобра (калана), 34 тыс. шкур речного бобра, 1,2 млн шкур котиков, 17 тыс. соболей, 40 тыс. песцовых шкурок [26. С. 11–17; 27. С. 240–248].

Значение же рыбных промыслов росло. Капиталистические предприятия на наемном труде в отрасли отмечены источниками с начала XVIII в. В низовьях и среднем течении Оби, Енисея, на Байкале, Барабинских озерах к началу XIX в. сложилась система многолетних договоров об аренде рыбопромысловых мест у коренных жителей для лова с сотнями наемных людей. В первой половине XIX в. товарной рыбы вылавливалось в Сибири до 600 тыс. пуд при 3 тыс. работников. В замороженном, соленом виде рыба шла в города Сибири и на заводы Урала [2. С. 371–397; 28. С. 119–120]. В целом на 9 тыс. подневольных работников в Сибири в летнюю пору в 60–70-е гг. XVIII в. приходилось около 13 тыс. наемных работников. В зимнее же время индустриальная сфера края обходилась преимущественно принудительным трудом.

В первые десятилетия XIX в. сфера феодального предпринимательства в Сибири продолжала расти. Кабинет полностью монополизировал горнорудное производство. Появились в крае и обычные для Европейской России помещичьи винокуренные заводы Панаевых и Базилевских. В Тобольске, Томске, Иркутске, Верхнеудинске были основаны для утилизации труда ссыльных ремесленные (работные) дома. В Иркутской пересыльной тюрьме, на Омской войсковой фабрике арестантов приспособили к сукноделию. Тельминская фабрика на рубеже XVIII и XIX вв. из захудалого купеческого заведения была преобразована казной в крупный промышленный комплекс, действовавший трудом ссыlnорабочих и приписных крестьян. Хотя грандиозный проект кригсшталмейстера Новицкого не был осуществлен и вместо 6 тыс. работников было набрано 2,3 тыс., а затем оставлено менее тысячи, Тельминская фабрика включала суконное, стекольное, мукомольное, кирпичное, поташное, писчебумажное, кожевенное, свечное и мыловаренное производства почти на 68 тыс. руб. продукции в год и являлась крупнейшим промышленным предприятием Сибири [5. С. 22–23].

Ссыльные были также основными работниками на винокуренных и солеваренных заводах, использовались в строительстве зданий и дорог. Так, Иркутское губернское правление в 1801 г. сообщало Сенату, что «все казенные работы в его ведомстве как, например, устройство дорог, постройка каменного тюремного замка и казарм и проч., производятся ссыльными, число коих, однако далеко недостаточно». На устройстве дорог в этот момент в Восточной Сибири было занято 400 чел. ссыlnопоселенцев, на казенных верфях в 1801 г. трудилось 182 колодника. В 1820-е гг. власти попытались сформировать постоянные военнорабочие команды из ссыльных для устройства путей сообщения. В 1825 г. числилось по штату 1 150 таких строителей.

Распространение сферы феодального предпринимательства на новые отрасли промышленности не означало, однако, его перспективности. Экономическая целесообразность применения принудительного труда исчезала с расширением рынка наемной рабочей силы и ее удешевлением вследствие роста ссылки и переселений. Принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был дорог, так как был малоэффективен (ниже по

производительности в 2–3 раза вольнонаемного). Кроме того, он требовал больших расходов на стражу, строительство острогов и казарм. Сначала от услуг каторжников отказалось судостроение, затем были распущены военнорабочие команды, сократилось употребление каторжного труда в солеварении.

Общая структура в индустриальном секторе Сибири в начале XIX в. представлена в таблице.

Структура занятости в промышленности и на транспорте Сибири в 1820-е гг. [5]

Отрасли производства и промышленные районы	Предприятий	Работников	
		подневольных	наемных
Алтайский горный окр.	60	16 540	
Нерчинский горный окр.	24	5 291	
Солеварение	7	761	
Ирбинский железодельный завод	1		240
Казенное винокурение	13	3 600	
Суконные фабрики казны и ремесленные дома	7(5)	1 356	
Военно-строительная рабочая команда	–	1 150	
Частная обрабатывающая промышленность	271	755	1 400
В т.ч. мануфактурная	30	755	566
Рыбная промышленность	–		3 000–3 500
Судостроение	–		2 000
Водный транспорт	428 судов		10 000–11 000
Итого		28788	17 140–18 140

При внешнем благополучии нарастали кризисные явления в кабинетском хозяйстве. Падение естественной производительности руд возмещалось ростом числа занятых рабочих. Тысяча пудов серебра выплавлялась в 1770 г. силами 4 тыс. мастеровых и 25 тыс. крестьян, в 1819 г. – 17 тыс. мастеровых и 96,7 тыс. крестьян, а в 1860 г. – 20 890 мастеровых и 134 029 приписных крестьян [29. Л. 188–189; 30. С. 30–34]. М.М. Сперанский констатировал в своем «Отчете об обозрении Сибири»: «Можно решительно утверждать, что ни в какой стране на свете не будут обрабатывать серебро, добывая 2 золотника из пуда. Сие могло бы быть только там, где нужно бы было истребить леса и чем-нибудь занять совершенно излияние и ни к чему другому не способные руки». Еще более уничтожающей критике он подверг хозяйство Нерчинского округа Кабинета, которое держалось за счет почти дарового труда приписных крестьян, мастеровых и каторжных, принудительного скупа хлеба за бесценку, а также бесплатного пользования природными ресурсами обширного края. Кабинетское хозяйство оставалось выгодным делом для императора, пока обменный курс серебряных денег составлял 1 руб. к 4 ассигнационным. Финансовые операции с серебром превращали миллионные убытки в 4 млн руб. прибыли ежегодно [29. Л. 175, 176, 209]. Кабинет модернизировал заводы, управлял и охранял свои владения за счет государственных средств, государственными специалистами и полицией. При всем этом серебросвинцовое производство на Алтае переживало застой, а в Нерчинском округе – упадок.

Частное предпринимательство, потесненное в промышленности, развивалось в основном в сфере

торговли. Торговля в Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. существовала в трех формах – сезонной (ярмарки), периодической (базары), стационарной (лавки и гостиные дворы). Обмен товарами между Европейской Россией и Сибирью осуществлялся через сеть ярмарок купцами-оптовиками. Промышленные товары, закупленные на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, купцы-гильдейцы продавали или раздавали в долг на региональных городских ярмарках, с которых, в свою очередь, они поступали на уездные и местные торги в более-менее крупных селениях. Взамен собиралось сибирское сырье, пушнина. Первые местные ярмарки были учреждены в Сибири в 1760-е гг., в конце XVIII в. их насчитывалось 121. В XVIII в. большое значение имели северные пушные ярмарки, в XIX в. – южные сельскохозяйственные. В течение XVIII в. торговля в Сибири демонстрировала позитивную динамику, на рубеже XVII–XVIII вв. оборот торговли составил 250–300 тыс. руб. В 1750-х гг. были отменены внутренние таможи, поэтому оборот внутренней торговли подсчитать невозможно. Но оборот сибирских ярмарок в 1817 г. составил 5 млн руб., в 1830-х гг. – 10 млн руб., соответственно 1 и 2% общероссийского оборота. О темпах роста торговли в Сибири свидетельствует объем товаров, проданных на главной для Западной Сибири Ирбитской ярмарке: 1703 г. – 20,7 тыс. руб., 1750 г. – 140 тыс. руб., 1817 г. – 10 млн руб. [2. С. 138–144].

Крестьянский товар (хлеб, дрова, мясо, сено, рыба, кустарные произведения из дерева, кожи и др.) сбывался обычно по воскресным дням на базарах оптом и в розницу. Для обеспечения горожан существовала стационарная торговля в лавках и гостиных дворах. В купеческих лавках продавался любой товар, в гостиных дворах лавки нередко специализировались, выделялись мясные, рыбные ряды, харчевни, хлебные, щепные, сенные рынки. Первый каменный гостинный двор – Тобольский – был построен в 1706 г., в 1743 г. – Енисейский, в 1750-е гг. – Томский, в 1803 г. – Верхнеудинский, в 1808 г. – Ирбитский, в 1820 г. – Красноярский. В каждом дворе насчитывалось до 200 лавок. Насыщенность торговыми заведениями в сибирских городах была высокой. В Иркутске одна лавка приходилась на 22 жителя, в Томске – на 31, в Тобольске – на 57 [31. С. 37–41].

Помимо свободной рыночной торговли в Сибири существенное значение имела государственная монопольная торговля квасом, пивом, вином, табаком. В 1714 г. казенные кружечные дворы, имевшие исключительное право варить и продавать хмельные напитки, в Сибири сменили кабацкие сборы, взимаемые городскими ратушами и магистратами с лиц, желающих курить вино свободно. На городские общества это легло тяжким бременем, так как сумму оклада сборов нужно было вносить в казну, а недоимки взимались с выборных от общества служителей. Выход был найден в передаче кабацких сборов на откуп или «верным» сборщикам. До 1750-х гг. эти виды продажи хмельных напитков сосуществовали параллельно в разных уездах Сибири при постепенном расширении и укрупнении откупов. С распространением на

Сибирь дворянской монополии на винокурение сборы казны упали, и с 1765 г. откупы стали сдаваться с торгов, сумма сборов утроилась. Рост откупной платы вскоре сделал участие в откупных торгах невыгодным для крупных дельцов, поэтому с 1782 г. право винной торговли сдавалось часто мелким предпринимателям, которые содержали питейные дома, с выплатой поведенных сборов на «сидельческом праве». В начале XVIII в. в Сибири продавалось ежегодно около 11 тыс. ведер вина, в 1755 г. – 71,5 тыс., в 1823–1827 гг. – 620 тыс. ведер при средней цене от 2 до 3 руб. за ведро. Потребление на душу населения выросло с 0,12 до 0,67 ведра в год, прибыли откупщиков составляли в среднем до 6% откупной суммы [2. С. 474–495].

В XVIII в. серьезное значение в экономике Сибири стала играть торговля с Китаем и Степным краем. По Кяхтинскому договору 21 октября 1727 г. были установлены два пункта для торгового обмена на границе двух империй – Цурухайтуй и Кяхта. Если первый пункт не получил большого развития, то Кяхта вошла в историю русской торговли. Через нее направлялись в Пекин казенные торговые караваны, практика посылки которых в 1762 г. была прекращена за невыгодностью. С этого момента Кяхта-Маймачен стала местом свободного обмена товарами русских и китайских купцов [32. С. 207–209]. Основными русскими товарам были пушнина, сукна, кожи, металлические изделия, китайскими – чай, ткани, фарфор. В 1744 г. было обменено товаров на 287 тыс. руб., в 1755 г. – 0,8 млн руб., в 1800 г. – 8,3 млн руб. Кяхтинская торговля оказала глубокое влияние на экономику Сибири. Она давала транзитные грузы, которые поддерживали транссибирский путь, а также работу ремесленникам и возчикам, капиталы купцам. Иркутск стал торговым и культурным центром Сибири благодаря кяхтинской торговле. Торговля эта имела и большое государственное значение. В 1775 г. Кяхта дала почти 40% таможенных сборов России [31. С. 38–39].

Серьезное значение для Сибири в XVIII – начале XIX в. имела торговля с центрально-азиатскими странами, казахской степью. Бухарские купцы торговали в Сибири сначала беспошлинно, затем – с выплатой 10% пошлины. Они образовали в сибирских городах особый слой «юрточных бухарцев». Первоначально центрами их торговли был Тобольск, затем – Тара, Ямышевская крепость, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Казахи торговали с русскими по крепостным линиям, были посредниками в русско-китайской торговле. Степь предлагала китайские товары, сырые кожи, сало, скот, волос в обмен на мануфактуру и хлеб. Объем торговли составлял, по оценке 1840 г., 2,5 млн руб. [33. С. 8–11]. В конце XVIII – начале XIX в. получил развитие новый внешнеторговый путь – по Чуйскому тракту с Монголией.

В XVIII – первой четверти XIX в. в регионе начался переход от ремесленного производства к мануфактурному. Особенности мануфактурной промышленности Сибири были полное господство феодального предпринимательства казны, Кабинета, дворянства и монастырей, вытеснение частного капитала в сферы

торговли и промыслов. Однако в начале XIX в. появились признаки кризиса феодального предпринимательства. В торговой сфере Сибирь выполняла роль по-

средника между Европейской Россией и Китаем. Внутренняя торговля оставалась периодической – ярмарочной вследствие сезонности путей сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаев В. Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999. 256 с.
2. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. 660 с.
3. Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001. 504 с.
4. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005. 324 с.
5. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. 256 с.
6. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв. Томск, 2007. 424 с.
7. Катанов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2008. 372 с.
8. Дятчин Н.И. Промышленность Алтая: история развития, проблемы и перспективы. Барнаул, 2008. 376 с.
9. Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск, 2011. 254 с.
10. Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития Российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 212. 260 с.
11. Ведерников В.В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. 186 с.
12. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). Барнаул, 2014. 214 с.
13. Рафиев Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в. // Бахрушинские чтения 1966 года. Вып. 2: Сибирь периода феодализма и капитализма. Новосибирск, 1968. С. 53–67.
14. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 459 с.
15. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. 370 с.
16. Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX века. М., 1978. 376 с.
17. История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922 гг.). Иркутск, 1981. 334 с.
18. История Алтая. Часть I: С древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 1995. 184 с.
19. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л. 1968. Т. 2. 538 с.
20. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 37. Оп. 13. Д. 52.
21. Озерский А. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. СПб., 1867. VIII, 90 с.
22. Краткое начертание о солях в России находящихся // Сибирский журнал. 1807. № 2. С. 127–140.
23. Михельсон О. Очерк истории и разработки соляных озер Алтайского округа // Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Омск. 1902. Кн. XXIX. 25 с.
24. Зиновьев В.П. Солепромышленность Сибири в XVII–XX вв. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2. С. 50–56.
25. Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век. Новосибирск, 1991. 216 с.
26. Гринвальдт П. Меховая торговля в России и за границею (история ея и статистика, отделка мехов и товароведение). Рига, 1872. С. 11–17.
27. Ермолаев А.Н. Российско-Американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово, 2013. 619 с.
28. Галажинский Э.В., Зиновьев В.П. Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири XIX – начала XX в. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 119–130.
29. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2.
30. Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863. 467 с.
31. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.) Барнаул, 2010. 214 с.
32. История внешней политики России. XVIII век. М. : Международные отношения, 1998. 304 с.
33. Зиновьев В.П. Торговый обмен Сибири и Центральной Азии в XVI – начале XX в. // Сибирь в системе международных связей. Томск, 2001. С. 8–12.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 июня 2016 г.

INDUSTRY, CRAFTS AND TRADE IN SIBERIA IN THE 1700S–1820S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 61–67.

DOI: 10.17223/15617793/409/9

Vasily P. Zinoviev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Keywords: industry; crafts; trade; Siberia.

The study of history of the region's economy in the 18th – first half of the 19th centuries seriously advanced in the post-soviet Russian historiography. Profound monographic studies on the history of business, industry, trade and crafts were published. There was a need for generalization of research results. The author offers a synthesis of the experience. The article presents an outline of the development of industry, crafts and trade in Siberia in the 18th century – the first quarter of the 19th century, when the region experienced the first results of the transition to the industrial era. At this time crafts predominated, but factories became commonplace. A feature of the manufacturing industry of Siberia was the complete domination of the feudal entrepreneurship of the Treasury, the Cabinet, the nobility and the monasteries, the displacement of private capital in the sphere of trade and crafts. The imperial family took possession of the most profitable non-ferrous metallurgy, depriving plants and mines to private entities for fiscal debts. Mining areas of Altai and Transbaikalia became major suppliers of non-ferrous metals in Russia. During the 18th and 19th centuries their successful operation was due to a unique combination of three factors: the area was rich in ores, in forests for fuel and building materials and in fertile land that could attract and concentrate the peasant population which was used as a workforce. Salt plants that belonged to monasteries were confiscated by the state, iron works were taken over by the Treasury for debt. Distilleries provided for the state wine monopoly. Extraction and production of salt was also the subject of official monopoly. For maintenance of military units, there worked a textile factory in Omsk, Telminsky and Taltzy industrial complexes near Irkutsk. Feudal industry operated on the forced labor of convicts, exiled workers, workmen and bonded peasants. At the beginning of the 19th century, there were signs of the feudal business crisis. Private capital, which worked with the use of hired labor, concentrated in the marine industry, in fishing and fur trade, in craft and trade. Large private capital could only be formed in trade. The exchange of goods between European Russia

and Siberia was carried out through a network of fair traders, wholesalers. Merchants sold or lent industrial goods purchased at the Nizhny Novgorod and Irbit fairs at regional urban fairs, from which, in turn, they went to county and local trades in more or less large settlements. Instead, Siberian raw materials and furs were gathered. Domestic trade remained in the form of fairs due to the seasonality of tradeways. In foreign trade, Siberia served as a mediator between European Russia and China. Trade with China through Maimaicheng was of great significance for the Russian trade.

REFERENCES

1. Grishaev, V. (1999) *Altayskie gornye inzhenery* [Altai mining engineers]. Barnaul: Den'.
2. Razgon, V.N. (1999) *Sibirskoe kupechestvo v XVIII – pervoy polovine XIX v. Regional'nyy aspekt predprinimatel'stva traditsionnogo tipa* [Siberian merchants in the 18th – first half of the 19th centuries. The regional dimension of the traditional type of business]. Barnaul: Altai State University.
3. Shcheglova, T.K. (2001) *Yarmarki yuga Zapadnoy Sibiri v XIX – nachale XX veka. Iz istorii formirovaniya i razvitiya vserossiyskogo rynka* [Fairs of Southwestern Siberia in the 19th – early 20th centuries. From the history of the formation and development of the nationwide market]. Barnaul: Altai State University.
4. Zheravina, A.N. (2005) *Kabinetnoe khozyaystvo v Sibiri (1747–1861 gg.)* [The Cabinet farms in Siberia (1747–1861)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Zinov'ev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial personnel of old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Boyko, V.P. (2007) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII – XIX vv.* [Merchants of Western Siberia at the end of the 18th and in the 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kationov, O.N. (2008) *Moskovsko-Sibirskiy trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri XVIII–XIX vv.* [Moscow-Siberian highway as the main land transport communication in Siberia in the 18th and 19th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
8. Dyatchin, N.I. (2008) *Promyshlennost' Altaya: istoriya razvitiya, problemy i perspektivy* [Altai Industry: history of development, problems and prospects]. Barnaul: Altai State Technical University.
9. Shakherov, V.P. (2011) *Ekonomika sibirskogo doreformennogo goroda (na materialakh gorodov Baykal'skoy Sibiri)* [The economy of a Siberian pre-reform city (on materials of cities of Baikal Siberia)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
10. Soboleva, T.N. et al. (2012) *Ekspluatatsiya prirodnkh resursov Altaya imperatorskim Kabinetom kak faktor razvitiya Rossiyskoy monarkhii (XVIII – nachalo XX v.)* [The exploitation of natural resources of the Altai Imperial Cabinet as a factor of development of the Russian monarchy (18th – early 20th centuries)]. Barnaul: Azbuka.
11. Vedernikov, V.V. (2012) *Kabinetnaya tsvetnaya metallurgiya Sibiri v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [The Cabinet nonferrous metallurgy in Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries]. Barnaul: Altai State University.
12. Startsev, A.V. & Goncharov, Yu.M. (2010) *Predprinimatel'stvo v Sibiri: istoricheskiy opyt (XVII – nachalo XX v.)* [Entrepreneurship in Siberia: the historical experience (17th – early 20th centuries)]. Barnaul: Azbuka.
13. Rafienko, L.S. (1968) Funktsii i deyatelnost' sibirskikh magistratov v 40–70-kh gg. XVIII v. [The functions and activities of the Siberian magistrates in the 1740s–1770s]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Bakhrushinskie chteniya 1966 goda* [Bakhrushin Readings 1966]. Vol. 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
14. Blinov, N.V. (ed.) (1982) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [The working class of Siberia before the October Revolution]. Novosibirsk: Nauka.
15. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in late 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
16. Artobolevskiy, V.V. (1978) *Ocherki istorii tekhniki v Rossii s drevneyshikh vremen do 60-kh godov XIX veka* [Essays on the history of technology in Russia from ancient times to the 1860s]. Moscow: Nauka.
17. Archives Department of the Chita Oblast Executive Committee, State Archive of Chita Oblast. (1981) *Istoriya rabochego klassa Vostochnogo Zabaykal'ya (1707–1922 g.)* [The history of the working class of East Transbaikalia (1707–1922)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
18. Anashkin, A.P. et al. (1995) *Istoriya Altaya* [History of Altai]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University.
19. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia since ancient times to the present day]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
20. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 13. File 52. (In Russian).
21. Ozerskiy, A. (1867) *Ocherk geologii, mineral'nykh bogatstv i gornogo promysla Zabaykal'ya* [Essay on geology, mineral resources and mining in Transbaikalia]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
22. Sibirskiy zhurnal. (1807) Kratkoe nachertanie o solyakh v Rossii nakhodnyashchikhsya [Brief essay on the salts in Russia]. *Sibirskiy zhurnal*. 2. pp. 127–140.
23. Mikhel'son, O. (1902) Ocherk istorii i razrabotki solyanykh ozer Altayskogo okruga [Essay on the history and development of the Altai district salt lakes]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo rossiyskogo geograficheskogo obshchestva*. XXIX.
24. Zinov'ev, V.P. (2008) *Solepromyshlennost' Sibiri v XVII–XX vv.* [Salt industry in Siberia in the 17th–20th centuries]. In: Skubnevskiy, V.A. (ed.) *Sovremennoe istoricheskoe sibirvedenie XVII – nachala XX vv.* [Modern historical Siberia studies of the 17th–20th centuries]. Vol. 2. Barnaul: Azbuka.
25. Bol'shakov, V.N. (1991) *Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri. XIX vek* [Essays on the history of river transportation in Siberia. The 19th century]. Novosibirsk: Nauka.
26. Grinval'dt, P. (1872) *Mekhovaya trgovlya v Rossii i za granitseyu (istoriya eya i statistika, otdelka mekhov i tovarovedenie)* [Fur trade in Russia and abroad (its history and statistics, finishing furs and merchandising)]. Riga: Tip. L. Veyde.
27. Ermolaev, A.N. (2013) *Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1799–1871 gg.)* [Russian-American Company in Siberia and the Far East (1799–1871)]. Kemerovo: INT.
28. Galazhinskiy, E.V. & Zinov'ev, V.P. (1990) *Formirovaniye kapitalisticheskikh otnosheniy v rybopromyshlennosti Sibiri XIX – nachala XX v.* [Formation of capitalist relations in the fishing industry in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. In: Skubnevskiy, V.A. et al. (eds) *Problemy genezisa i razvitiya kapitalisticheskikh otnosheniy v Sibiri* [Problems of genesis and development of capitalist relations in Siberia]. Barnaul: Altai State University.
29. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1264. List 1. File 2. (In Russian).
30. Poletik, I. & Lamanskiy, Ya (eds) (1863) *Pamyatnaya knizhka dlya russkikh gornykh lyudey na 1863 god* [The memorial book for the Russian mountain people in 1863]. St. Petersburg: tipografiya Gosafata Ogrizko.
31. Startsev, A.V. & Goncharov, Yu.M. (2010) *Predprinimatel'stvo v Sibiri: istoricheskiy opyt (XVII – nachalo XX v.)* [Entrepreneurship in Siberia: the historical experience (17th – early 20th centuries)]. Barnaul: Azbuka.
32. Sanin, G.A. (ed.) (1998) *Istoriya vneshney politiki Rossii. XVIII vek* [The history of Russian foreign policy. The 18th century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
33. Zinov'ev, V.P. (2001) *Torgovyy obmen Sibiri i Tsentral'noy Azii v XVI – nachale XX v.* [Trade exchange of Siberia and Central Asia in the 16th – early 20th centuries]. In: Zinov'ev, V.P. et al. (eds) *Sibir' v sisteme mezhdunarodnykh svyazey* [Siberia in the system of international relations]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 30 June 2016

ТРАДИЦИЯ ТРУПООБОЖЖЕНИЯ В ИРМЕНСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Рассмотрен обряд трупобожжения, практиковавшийся у древнего населения ирменской культурно-исторической общности, существовавшей на территории юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (начало I тыс. до н.э.). Рассматриваются особенности, географическое распространение и истоки данного обряда в культурах развитой и ранней бронзы Западной Сибири. Устанавливается взаимосвязь трупобожжений с другими элементами ирменской обрядности (ритуально-жертвенные комплексы, вторичность большинства погребений). Делается предположение о применении данного обряда в отношении женской части ирменских коллективов. В заключении предлагается гипотеза о том, что наличие подобных погребений является результатом брачных контактов ирменского населения с инокультурными группами и отражает процесс инкорпорации их представителей в ирменскую общность.

Ключевые слова: трупобожжение; погребение; погребально-поминальный обряд; культурно-историческая общность; культурогенез.

В эпоху поздней бронзы (начало I тыс. до н.э.) на территории юга Западной Сибири существовала ирменская культурно-историческая общность. География расселения ирменских коллективов была обширной. К настоящему времени археологами исследовано достаточно большое количество ирменских памятников (включая могильники). Как известно, в погребально-поминальном обряде ирменской культурно-исторической общности стабильно фиксируются следы использования огня [1. С. 105–110]. В настоящее время можно говорить об их следующих разновидностях: 1) разведение кострищ на периферии могильного пространства; 2) разведение кострищ рядом с могилами; 3) использование содержимого поселенческих зольников (вместе с подвергшимися воздействию огня костями животных и фрагментами поселенческой посуды) для оформления сакрального могильного пространства (включая сами погребения); 4) обжигание площадки перед совершением погребения; 5) обожжение черепов (реже скелетов) животных; 6) трупобожжение на месте погребения; 7) кремация на стороне.

В данной работе рассматривается один из вариантов использования огня, а именно трупобожжение на месте погребения. Суть обряда заключалась в том, что над могилой разводился костер, от воздействия которого происходило обугливание останков погребенного (полное или частичное). Костер мог разводиться и рядом с погребением. В этом случае раскаленные угли сдвигались на погребенного. В процессе горения могила засыпалась землей, что не приводило, как правило, к полной кремации трупа.

Обряд трупобожжения известен почти на всех территориях проживания ирменского населения. На территории Томского Приобья обряд трупобожжения фиксируется достаточно часто. По информации В.И. Матюшенко, в ирменском могильнике ЕК-II/5 насчитывается 15 случаев использования огня по отношению к погребенному. «Из них 8 случаев трупосожжений, совершенных на стороне; 5 случаев обожжения, при котором огонь, видимо, разводился на теле погребенного; и 2 случая, когда в могиле зафиксировано присутствие огня, хотя природу его в этих случаях установить не удалось» [2. С. 21]. По нашим

подсчетам, случаев трупобожжения в могиле насчитывается 13 (22%) в восьми курганах. Половина этих курганов содержала «следы» ритуально-жертвенных действий (кости животных, керамика, скопление древесных углей, бронзовые предметы). В.И. Матюшенко отмечал, что кости обожженных скелетов либо найдены в беспорядке, либо плохо сохранились [2. С. 6–21]. В качестве сопроводительного инвентаря в могилах находились: керамические сосуды (пять могил); черепа и кости животных (четыре могилы); бронзовые вещи (браслет, бляшки, лезвие ножа, кольцо). Достоверно только одна могила в могильнике ЕК-II/5 может быть определена как женская.

На других территориях обряд трупобожжения применялся реже. На территориях Омского Прииртышья и Барабинской лесостепи этот обряд применялся в могильниках Преображенка-III, Калачевка-II, Батаково-XXI и Боровянка-XXVII [3. С. 135; 4. С. 125–201; 5. С. 72–78; 6. С. 112–125; 7. С. 69–77]. В наиболее представительном по количеству ирменских погребений могильнике Преображенка-III 9,9% погребенных имеют следы трупобожжения. Под насыпями семь (из восьми) курганов с трупобожжениями зафиксированы «следы» ритуально-жертвенных действий (прокалы от кострищ, керамические сосуды или их фрагменты, кости животных). В семи погребениях кости имеют следы разрубания. Пять погребенных определены как «вторичные». Семь погребенных (из 11) были снабжены керамическими сосудами, а в двух могилах с погребенными находились женские украшения (гвоздевидные подвески, наконечники). Находки позволяют предполагать, что это были женщины или дети. Во всех трех могильниках Омского Прииртышья такие погребения были зафиксированы в курганах с квадратными ровниками и следами ритуальных действий в пределах курганного пространства (керамика, кости животных, прокалы).

На территории Кузнецкой котловины погребенные со следами трупобожжения известны только в двух могильниках – Сапогово-I и Заречное-I [8. С. 80–81; 9. С. 72–86]. Кроме того, в могильнике Танай-VII золистые пятна, перекрывавшие погребения, зафиксированы в четырех курганах [10. С. 224–230; 11. С. 4–34]. Вместе с тем этот элемент погребального обряда здесь

достаточно заметен (Сапогово-I – 9,23%, Заречное-I – 8%). Наиболее ярким примером является курганный могильник Сапогово-I, где семь погребенных были подвергнуты трупобожжению. Интересно, что подобные захоронения присутствовали только в так называемых многомогильных «длинных» курганах (курганы 7 и 19), под насыпями которых фиксировались «следы» ритуально-жертвенных обрядов (ямы, кости животных, среди которых челюсти лося, коровы, развалы керамических сосудов, угли и прокалы, отдельные бронзовые вещи). При этом останки почти всех погребенных находились в анатомическом порядке. Можно утверждать, несмотря на отсутствие антропологических определений, что почти все эти погребения были женскими. Это подтверждается наличием сосудов в четырех могилах и типично женским набором вещей (крупные бляхи, накосники, браслеты), наряду с кольцами и бляшками-пуговицами.

Стоит отметить, что курган 7 могильника Сапогово-I представляет собой целый комплекс женских и детских захоронений. И именно здесь нашли свое проявление огненные ритуалы, выраженные не только в обряде трупобожжения, но и в кремации на стороне, а также наличие кострищ на площади кургана. В целом можно сказать, что женские захоронения, имеющие следы трупобожжения, являются наиболее снабженными инвентарем, «богатыми» (могильник Сапогово-I, курган 7, могилы 9, 10; курган 19, могила 12).

В настоящее время на территории Алтайского Приобья вскрыто более 200 погребений на 16 памятниках, относимых исследователями к ирменской культуре. И здесь также погребения со следами трупобожжения единичны. Наиболее типичен данный элемент погребально-поминального обряда для могильника Телеутский Взвоз-I (три могилы из семи). Исследователи как особенность памятника справедливо отметили особую роль огня в погребально-поминальном обряде [12. С. 93–103].

Встречены трупобожжения и в могильнике Плотинная-I (6,25%). А.П. Уманский в одной из первых публикаций материалов могильника Плотинная-I упоминает только об одном случае трупобожжения (из 48 погребений) [13. С. 22–26]. Однако описание погребений этого могильника позволяет говорить уже о трех таких могилах (могилы 9, 12, 13, не считая двух обожженных черепов животных из коллективной могилы 26). Во всех трех случаях над могилой был разведен костер, следы которого в виде обугливания фиксируются на костяках погребенных. Единичны такие погребения в могильниках МГК-I/5 и Фирсово-XIV [14. С. 79–84; 15. С. 131]. Аналогична ситуация на территории Новосибирского Приобья, где трупобожжения эпизодически встречены в могильниках Милованово-I, Спирино-I и Ордынское-I [16. С. 41–51; 17. С. 139; 18. С. 92].

Таким образом, учитывая значительное количество исследованных к настоящему времени ирменских некрополей (включая достаточно крупные), представляется, что обряд трупобожжения нельзя считать типичным для ирменской обрядности. Встречаясь на всех территориях распространения ирмен-

ской культурно-исторической общности, он локализуется в небольшом количестве могильников, составляя, впрочем, заметную черту погребально-поминального обряда. Наиболее характерным данный обряд является для некрополей тех районов, где происходило этнокультурное взаимодействие ирменского населения и населения так называемых андронидных культур (сузгунской, еловской, корчажкинской), либо традиции этих культур оказали значительное воздействие на ирменский культурогенез.

Сама традиция трупобожжения для территории Западной Сибири является автохтонной и зафиксирована специалистами, занимавшимися исследованием различных культур ранней, развитой и поздней бронзы (слунинской, кротовской, самусьской, еловской). На территории Томско-Нарымского Приобья данная традиция оказалась довольно устойчивой и сохранилась до этнографической современности. Г.И. Пелих в монографическом исследовании «Происхождение селькупов», анализируя древние элементы в материальной культуре нарымских селькупов, приводит информацию о том, «что этнографические сведения о данном обычае (обжигание трупа сверху) нам удалось собрать даже в середине XX века» [19. С. 8, 224, 242]. Обычай заключался в том, что умерших селькупов (как томские и саянские карагасы) подвешивали на деревьях в берестяных конвертах или мешках. Через определенное время, после разложения мягких тканей, останки погребали в земле, перед этим обжигая их прямо в могиле.

Проведенный анализ погребений с трупобожжениями показал, что абсолютное их большинство представляет собой разрушенные либо так называемые вторичные погребения. Впрочем, это не исключает вариативности данного обряда. Так, в могильнике Сапогово-I, напротив, почти все погребенные, обожженные прямо на месте захоронения, сохранили анатомический порядок. Причем обращает на себя внимание и такая вариация этого обряда, как частичное трупобожжение. В этом случае лишь отдельные кости скелета имеют «следы» воздействия огня.

Интересно и то, что большая часть таких погребений обнаружена в курганах, под насыпями которых зафиксированы следы различных ритуально-жертвенных действий (кости, черепа и зубы животных, кострища, керамическая посуда, бронзовый инвентарь). При этом большая часть таких курганов содержала более трех погребенных. Вероятно, такие погребальные площадки функционировали значительный период времени для совершения новых захоронений. Важно отметить и то, что имеющиеся палеоантропологические определения, а также достаточно условные определения по сопроводительному инвентарю демонстрируют принадлежность таких погребений преимущественно женской части ирменских коллективов. Однако, что заставляло «ирменцев» применять по отношению к ним этот обряд, пока не ясно. В качестве гипотезы можно предположить, что наличие подобных погребений является результатом брачных контактов ирменского населения с инокультурными группами и отражает процесс инкорпорации их представительниц в ирменскую общность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалевский С.А. О роли огня в погребально-поминальной обрядности населения ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири // *Известия Алтайского государственного университета. Сер. История*. 2010. № 4–2 (68). С. 105–110.
2. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.
3. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
4. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-III – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // *Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири*. Новосибирск : Наука, 1988. С. 125–201.
5. Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачевка-II // *Древние погребения Обь-Иртышского междуречья*. Омск : Изд-во ОмГУ, 1991. С. 72–78.
6. Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков А.В. Курганный могильник Батаково-XXI – новый погребальный памятник сузгунской культуры // *Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова*. Омск : ОмГУ, 1997. С. 121–125.
7. Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника Боровянка-XXVII) // *Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы*. Барнаул : Концепт, 2008. С. 69–77.
8. Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ села Сапогово // *Труды ККАЭЭ. Кемерово : Кузбассвуиздат*, 1996. Т. 1. 206 с.
9. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск : Наука, 1997. 132 с.
10. Бобров В.В., Мыльников Л.Н., Мыльников В.П. Изучение курганного могильника Танай-VII в полевой сезон 2001 г. // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : ИАиЭт СО РАН, 2001. С. 224–230.
11. Бобров В.В., Мыльников Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // *Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы*. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004. С. 4–34.
12. Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-I // *Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы*. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004. С. 93–103.
13. Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // *Археология и краеведение Алтайа*. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1972. С. 22–26.
14. Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I // *Проблемы изучения древней и средневековой истории*. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2001. С. 56–68.
15. Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Новые материалы эпохи поздней бронзы из могильника Фирсово-XIV (предварительное сообщение) // *Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : материалы Всерос. науч. конф.* Омск : ОмГУ, 2000. С. 130–132.
16. Новикова О.И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // *Археология вчера, сегодня, завтра*. Новосибирск : НГПУ, 1995. С. 41–51.
17. Зубова А.В., Галямина Г.И., Шишкин А.С., Волков П.В., Назарова Л.В. Посмертные трепанации у носителей ирменской культуры (по материалам могильника Спирино-I) // *Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях*. Новосибирск : НГПУ, 2015. С. 136–142.
18. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 182 с.
19. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 423 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 июня 2016 г.

THE TRADITION OF BURNING CORPSES IN IRMEN FUNERAL AND MEMORIAL RITES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 68–71.

DOI: 10.17223/15617793/409/10

Sergey A. Kovalevskiy, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: koval71@mail.ru

Keywords: burning of corpses; funeral; burial and funeral rites; cultural-historical community; cultural genesis.

The article studies the corpse burning ceremony of the ancient population of Irmen cultural-historical community that existed in the southern territory of Western Siberia during the Late Bronze Age. Specific features, the geographical range and sources of this ceremony in the cultures of the developed, Early and Late Bronze of Western Siberia are considered (Eluninskaya, Krotovskaya, Samus, Elovskaya). A conclusion that the ceremony of corpse burning is autochthonic for the territory of Western Siberia is drawn. In the territory of Tomsk and Naryn Ob this tradition was quite steady and was preserved until the ethnographic modernity, which is confirmed by the research of G.I. Pelikh. Considering the significant number of the Irmen necropolises investigated so far (including rather large ones), the ceremony of corpse burning cannot be considered typical for Irmen ceremonialism. The ceremony is observed in all territories of the Irmen cultural-historical community, yet it is localized in a small number of burial grounds as a noticeable feature of burial and funeral rites. The ceremony is most characteristic for necropolises of areas where there was an ethnic and cultural interaction of the Irmen population and the population of the so-called andronoid cultures (Suzginskaya, Elovskaya, Korchazhkinskaya), or traditions of these cultures made a considerable impact on the Irmen cultural genesis. The analysis of burials with burnt corpses has shown that their absolute majority represents destroyed or so-called “secondary” burials. It is established that most part of such burials is found in barrows in which traces of various ritual and sacrificial actions are fixed (bones, skulls and teeth of animals, campfires, ceramic ware and bronze stock). At the same time, most part of these barrows contained more than three buried bodies. It is suggested that such funeral platforms functioned as sites for new burials for a considerable period of time. It is important to note that the available paleoanthropological definitions and rather conditional definitions by the accompanying stock show that burials with burnt corpses mainly belong to the female part of the Irmen people. However, what forced the Irmen people to conduct this ceremony with females is not clear yet. A hypothesis is suggested that the existence of such burials is the result of marriage contacts of the Irmen population with foreign culture groups, and it reflects the process of incorporation of their representatives in the Irmen community.

REFERENCES

1. Kovalevskiy, S.A. (2010) Role of Fire in Funeral Ceremonies of the Population of Irmenskaya Cultural and Historical Community in the South-Western Siberia. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – The News of Altai State University. Ser. History*. 4–2 (68). pp. 105–110. (In Russian).

2. Matyushchenko, V.I. (2006) *Elovskiy arkheologicheskiy kompleks. Chast' tret'ya. Elovskiy II mogil'nik. Kompleksy irmeni i rannego zheleznogo veka* [Elovskaya archaeological complex. Part Three. Elovskaya II cemetery. Complexes of Irmen and Early Iron Age]. Omsk: Omsk State University.
3. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
4. Molodin, V.I. & Chikisheva, T.A. (1988) Kurgannyi mogil'nik Preobrazhenka-III – pamyatnik kul'tur epokhi bronzy Barabinskoy lesostepi [Burial mounds Preobrazhenka-III as a cultural monument of the Bronze Age of the Baraba forest-steppe]. In: Alekseev, V.P. (ed.) *Paleoantropologiya i arkheologiya Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri* [Paleoanthropology and Archaeology of Western and Southern Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
5. Trufanov, A.Ya. (1991) Irmenskiy kurgan mogil'nika Kalachevka-II [Irmen burial mound Kalachevka-II]. In: Matyushchenko, V.A. (ed.) *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya* [Ancient burials of the Ob-Irtysh interfluvium]. Omsk: Omsk State University.
6. Pogodin, L.I., Polevodov, A.V. & Pleshkov, A.V. (1997) Kurgannyi mogil'nik Batakovo-XXI – novyy pogrebal'nyy pamyatnik suzgunskoy kul'tury [Burial mound Batakovo-XXI as a new funerary monument of Suzgun Culture]. In: *Chetvertye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [The fourth historical readings in memory of M.P. Gryaznov]. Omsk: Omsk State University.
7. Polevodov, A.V. (2008) K kharakteristike pogrebal'nogo obryada naseleniya lesostepnogo Priirtysh'ya v epokhu pozdney bronzy – kanun rannego zheleznogo veka (po materialam kurgannogo mogil'nika Borovyanka-XXVII) [On the characterization of the funeral rite of the population of the Irtysh forest-steppe in the late Bronze Age – the eve of the early Iron Age (based on burial mound Borovyanka-XXVII)]. In: Shamshin, A.B. (ed.) *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy* [Ethno-cultural processes in the Upper Ob and neighboring regions at the end of the Bronze Age]. Barnaul: Kontsept.
8. Ilyushin, A.M., Kovalevskiy, S.A. & Suleymenov, M.G. (1996) Avariynye raskopki kurganov bliz sela Sapogovo [Emergency excavation of mounds near village Sapogovo]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Trudy KKAEE* [Works of Kuznetsk complex archaeological ethnographic expedition]. Vol. 1. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
9. Zakh, V.A. (1997) *Epokha bronzy Prisaial'ya (po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo mikrorayona)* [The Bronze Age of Trans-Salair (based on archaeological Izylinskiy district)]. Novosibirsk: Nauka.
10. Bobrov, V.V., Myl'nikova, L.N. & Myl'nikov, V.P. (2001) Izucheniye kurgannogo mogil'nika Tanay-VII v polevoy sezon 2001 g. [The study of burial mound Tanai-VII in the field season of 2001]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAE, SB RAS.
11. Bobrov, V.V., Myl'nikova, L.N. & Myl'nikov, V.P. (2004) K voprosu ob irmenskoy kul'ture Kuznetskoy kotloviny [On the question of Irmen culture in Kuznetsk basin]. In: Koryushin, Yu.F. (ed.) *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [Arid Zone of the south of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University.
12. Papin, D.V. & Grushin, S.P. (2004) Irmenskiy kompleks na pamyatnike Teleutskiy Vzvoz-I [Irmen complex at the monument Teleut vzvoz-I]. In: Koryushin, Yu.F. (ed.) *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [Arid Zone of the south of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University.
13. Umanskiy, A.P. (1972) Mogil'nik karasukskogo vremeni u st. Plotinnaya po avariynym raskopkam 1968 goda [Burial of the Karasuk time near station Plotinnaya in emergency excavations in 1968]. In: Sergeev, A.D. & Umanskiy, A.P. (eds) *Arkheologiya i kraevedenie Altaya* [Archaeology and Regional Studies of the Altai]. Barnaul: Altai State University.
14. Kungurov, A.L. & Papin, D.V. (2001) Mogil'nik-5 arkheologicheskogo kompleksa Malyy Gon'binskiy Kordon-I [Burial-5 of the archaeological complex Malyy Gonbinskiy Cordon-I]. In: Koryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii* [Problems of studying ancient and medieval history]. Barnaul: Altai State University.
15. Shamshin, A.B. & Tsivitsina, O.A. (2000) [New materials of the Late Bronze Age from burial Firsovo-XIV (preliminary report)]. *Pyatye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [The fifth historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk: Omsk State University. pp. 130–132. (In Russian).
16. Novikova, O.I. (1995) Mogil'nik irmenskoy kul'tury Milovanovo-I [Burial Milovanovo-I of the Irmen culture]. In: Molodin, V.I. et al. (eds) *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra* [Archaeology yesterday, today and tomorrow]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
17. Zubova, A.V. et al. (2015) Posmertnye trepanatsii u nositeley irmenskoy kul'tury (po materialam mogil'nika Spirino-I) [Posthumous trepanation of the Irmen culture representatives (based on burial Spirino-I)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh* [Archaeological surveys in Western Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
18. Matveev, A.V. (1993) *Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e* [Irmen culture in the forest-steppe Ob]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
19. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [Origin of Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 16 June 2016

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ГУБЕРНСКОГО КОМИССАРА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Рассматривается проблема становления института губернского комиссара в период революционных событий 1917 г. через призму противостояния партий (эсеро-меньшевистский блок и кадеты), отягощенного борьбой между центральным правительством и региональными элитами. Подчеркивается исключительное место Томской губернии в процессе становления новых органов власти. Делается вывод о несостоятельности выбранного пути широкой демократизации власти в кризисных условиях.

Ключевые слова: Февральская революция; Сибирь; Томская губерния; региональная власть; губернский комиссар.

Период революции – это переломный этап в жизни общества и государства. Вместе с тем это динамичный процесс, одним из проявлений которого является борьба различных общественных сил (групп интересов), отстаивающих те или иные пути дальнейшего развития. Наиболее ярким проявлением общественно-противостояния является политическая борьба. Февральская революция в России в этом отношении не стала исключением.

Свержение самодержавия в Петрограде дало толчок процессу становления власти на местах на новых основаниях и принципах. Формирование властных органов на уровне губернии и уезда представляется особенно важным, так как именно региональная власть являлась основной опорой центра, от успешности ее действий зависел авторитет и дальнейшая судьба режима в целом. Особый интерес представляют сибирские практики по формированию институтов местной власти. Именно в Сибири, в Томской губернии, в этот период развернулось масштабное противостояние региональных политических и общественных элит центру по вопросу о форме устройства местной власти. Ведущую роль в этом противостоянии играли эсеро-меньшевистский партийный блок и местные политические элиты, придерживающиеся областнических взглядов. Наиболее ярко в Томской губернии проявились тенденции к особому пути автономизации и демократизации власти.

Многие вопросы истории революции в Сибири получили подробное рассмотрение в работах как советских историков, так и современных авторов. Отдельные аспекты проблемы формирования местной власти в Сибири после Февральской революции исследованы в трудах В.А. Соловьевой, Е.Н. Бабиковой, в коллективной монографии под редакцией И.М. Разгона, работах Н.С. Ларькова, В.И. Шишкина, В.М. Шиловского [1–6]. Однако проблема становления институтов губернской администрации в переходный период не была предметом специального изучения. В данной работе автор ставит цель реконструировать процесс становления института губернского комиссара в Томской губернии и выявить его особенности, что позволит определить факторы, повлиявшие на принятие ключевых решений в сфере организации местной власти, которые в конечном итоге привели к несостоятельности агентов центральной власти на губернском уровне и, как следствие, слабости всего полити-

ческого режима Временного правительства. Данный подход позволит взглянуть на проблему взаимоотношения центральной и региональной власти под новым углом, даст возможность выявить общие механизмы взаимодействия центра и регионов в переходные периоды.

Известия о Февральской революции в Петрограде дали толчок процессу создания новых органов управления в Томске. Уже в начале марта, до официального постановления Временного правительства об организации власти (4 марта 1917 г.) и без его активного участия, в городе начали создаваться общественные комитеты. 2 марта 1917 г. на совещании гласных городской думы и представителей различных общественных организаций был сформирован Томский Временный комитет общественного порядка и безопасности. В комитет вошли представители практически всех политических партий, а также Государственной думы, различных ведомств и учреждений города. Одновременно с созданием комитета в городе были организованы Совет рабочих и солдатских депутатов, а также Совет офицерских депутатов. Однако в первые месяцы своего существования советы не выступали в качестве самостоятельных органов власти и не противопоставляли свою деятельность комитету. Стремительный процесс самоорганизации власти в Томске можно объяснить тем, что к моменту революции в городе уже сложилась определенная политическая элита, проявившая себя за годы Первой мировой войны посредством работы в Военно-промышленном комитете, отделении Всероссийского союза земств и городов, различных кооперативных и общественных организациях. После свержения царской администрации эти люди стремительно заняли ключевые посты на политической арене. Этому также способствовало отсутствие рекомендаций по организации власти со стороны Временного правительства.

Вскоре после образования, уже 4–5 марта, Томский Временный комитет объявил себя губернским органом власти, руководящую роль в нем заняли эсеры и меньшевики, а также выступающие в союзе с ними областники. В социальном отношении в комитете преобладали представители интеллигенции (преподаватели, учителя, врачи, юристы, инженеры, студенты). Согласно постановлению Временного комитета от 7 марта 1917 г. он объявлялся представителем государственной власти на местах и отвечал за поря-

док: «Всякое противодействие Временному правительству и его представителю Временному комитету является изменой и будет пресекаться самым решительным образом» [7. Л. 2]. Председателем нового властного органа стал известный в городе юрист Борис Митрофанович Ган. Вскоре из состава комитета был избран комиссариат по управлению губернией, состоящий из трех человек. В комиссариат вошли известные в городе общественные и политические деятели: неперенный член Томского губернского управления А.А. Барок, помощник заведующего переселенческим управлением М.А. Воскобойников и присяжный поверенный П.В. Вологодский. Председателем комиссариата также стал Б.М. Ган. Можно говорить о том, что актом образования комиссариата комитет стремился закрепить свою власть и стать посредником в отношениях с центральным правительством и тем самым получить всю полноту власти в губернии.

Однако такое положение дел на местах не соответствовало намерениям центральной власти, которая, несмотря на заявления о широкой демократизации управления, не решилась оставить ситуацию на местах без контроля. Будущий комиссар Временного правительства по Томской губернии Е.Л. Зубашев по этому поводу замечал следующее: «Предоставляя большую самостоятельность местным самоуправлениям, Временное правительство считало, тем не менее, необходимым назначать правительственных комиссаров из местных общественных деятелей, выдвинутых на эти посты местной общественностью» [8. С. 94]. Постановлением Правительства от 4 марта 1917 г. [9. С. 293] утверждался институт губернских и уездных комиссаров как орган, представляющий центральную власть на местах. Губернские комиссары должны были следить за правильностью исполнения распоряжений правительства и содействовать общественным комитетам. В тех губерниях, где существовали органы земского самоуправления, на должности губернских и уездных комиссаров были назначены соответственно председатели губернских и уездных земских управ. В губерниях, где земство не было учреждено (в том числе и в сибирских), вопрос об административном управлении оставался открытым. Ситуацию планировалось разрешить в ходе консультаций Правительства и местных общественных организаций. Однако многие сибирские губернии столкнулись с трудностями в выборе комиссара, другие не признавали необходимости в этом. Правительство, пытаясь решить эту проблему, направляло в такие губернии своих представителей (комиссаров Временного правительства), основной задачей которых была помощь в организации местной власти, в частности избрание губернского комиссара из представителей местной общественности. Подробной инструкции действий правительственных комиссаров разработано не было. Временное правительство следующим образом разъясняло их функции: «Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить по-

средствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить вопрос их организационного оформления» [10. Л. 45]. Правительственные комиссары фактически не были наделены властными полномочиями, а должны были лишь консультировать общественность на местах и направлять процесс организации власти.

Преимущество в выборе правительственных комиссаров отдавалось тем общественным и политическим деятелям, которые имели связь с местным населением, были хорошо знакомы с особенностями губернии. Комиссаром по Томской губернии был назначен Ефим Лукьянович Зубашев, хорошо известный городу общественный и политический деятель. С 1899 г. Е.Л. Зубашев был директором Томского технологического института, также возглавлял его строительный комитет. С открытием института занимался преподавательской и общественной работой. С 1905 г. Зубашев входил в состав комитета томского отделения кадетской партии, возглавлял правления Сибирского товарищества печатного дела, Томское отделение Русского музыкального общества. С 1910 г. входил в состав гласных городской думы Томска. Он также был избран на пост городского головы, но его кандидатура не была утверждена Министерством внутренних дел. В 1912 г. Е.Л. Зубашев был избран членом Государственного Совета от Барнаульского биржевого комитета и покинул Томск.

В марте 1917 г. Е.Л. Зубашев получил назначение на пост комиссара Временного правительства по Томской губернии. До отъезда в Томск Ефим Лукьянович встретился в Петрограде с некоторыми членами Правительства для получения более подробных указаний относительно своей деятельности на новом посту. Основные указания Г.Е. Львова, который одновременно занимал пост главы Правительства и министра внутренних дел, по заключению Зубашева, состояли в следующем: «...необходимо, чтобы все Правительственные учреждения продолжали спокойно работу, а потому временно старый административный аппарат должен быть сохранен в целостности...» [8. С. 95]. На вопрос Е.Л. Зубашева об организации низового уровня управления на местах (уезда, села, волости) глава правительства ответил следующее: «Все это будет предусмотрено новым положением; положение будет через месяц не более, опубликовано, а до тех пор как-нибудь просуществуют» [Там же]. Такие указания, по словам Е.Л. Зубашева, смущали его: «Не мог же я, в случае, если предложат мне вопрос как организовать уездное управление, ответить “как-нибудь просуществуете”» [Там же]. Правительство переоценивало уровень правосознания народных масс и оставляло ситуацию с организацией низового уровня управления без своего контроля. Однако такое положение дел вносило определенную долю хаоса в развитие политической ситуации на местах, а также позволяло местным политическим лидерам действовать в выгодном для них направлении.

В новой должности правительственного комиссара Ефим Лукьянович прибыл в Томск 19 марта 1917 г. [11. 25 марта]. По данным «Голоса Свободы» – офи-

циального печатного органа Томского Временного комитета общественного порядка и безопасности, встреча комиссара проходила на торжественном уровне. По распоряжению Временного комитета на вокзал были отправлены почетный караул, эскорт казаков, оркестр, также комиссар был встречен представителями распорядительного и исполнительного бюро комитета, воинским начальником, городским головой, начальником железной дороги и другими чиновниками.

По приезду Е.Л. Зубашев получил краткий доклад о положении дел в городе от Б.М. Гана, встретился с городским головой и некоторыми членами городской управы. Как позже Зубашев отметил в своих воспоминаниях о поездке в Сибирь, «они жаловались на самочинные действия Распорядительного бюро комитета». Также в день приезда Ефима Лукьяновича в «Доме Свободы» состоялось его знакомство с начальниками местных государственных учреждений и самоуправлений, организованное Временным комитетом. Е.Л. Зубашев выступил на совещании в бывшем губернаторском доме с докладом о ситуации в Петрограде. Он также разъяснил цель своего приезда – выяснение желательных для местной общественности кандидатов на посты Томского и Енисейского правительственных комиссаров, которые должны быть назначены вместо отстраненных губернаторов. В этот же день комиссар посетил офицерское собрание и Совет солдатских депутатов.

На следующий день Е.Л. Зубашев познакомился с членами Распорядительного бюро Временного комитета. Вот как он описывал эти события: «При первом же знакомстве с членами бюро я получил ясное представление о значении отдельных его членов. По правую руку от Гана сидели три социал-революционера, а по левую – три большевика. Сам Ган хотел себя видеть независимым беспартийным деятелем, но это ему плохо удавалось» [12]. В последующие дни комиссар занимался изучением ситуации в губернии, определением полномочий и законности вновь созданных органов власти. В середине апреля Е.Л. Зубашев отправил в Министерство внутренних дел обстоятельный доклад о политической ситуации на местах. Доклад практически не содержал оценочных характеристик тех или иных событий, а ограничивался лишь описанием произошедших в губернии перемен.

20 апреля 1917 г. в городе было открыто Томское губернское народное собрание. Основную часть депутатов составляли представители партии эсеров (61,3%). Из 522 выбранных представителя 70% составляли крестьяне, примерно 20% мест получила интеллигенция, 10% – солдаты и рабочие [1. С. 71]. Создававшаяся система управления губернией была призвана в дальнейшем заменить собой временные комитеты, городские думы, сельские и волостные правления и отдельные государственные учреждения города. Стоит отметить, что этот процесс шел вне центрального законодательства. С началом работы собрания отношение его депутатов к правительственному комиссару Зубашеву значительно ухудшилось. Местные политические деятели всячески стремились

подчеркнуть свою самостоятельность, показать более глубокое понимание нужд и проблем губернии. Открывая Томское губернское народное собрание, Б.М. Ган заявлял: «Революция выдвинула на поверхность Томской губернии небольшую группу людей, которой пришлось взять в свои руки исключительную власть и исключительную ответственность» [13]. Стремления к независимости от центральной власти также подчеркивались в одном из сообщений «Голоса Свободы». Говоря о первостепенных задачах Народного собрания, газета отмечала: «Охрана свобод, их углубление и, в союзе с другими общественными организациями и партиями, давление в известном направлении на центральную власть, – все это явится для Народного Собрания основными пунктами их реальной деятельности» [11. 11 апр.]. Эти же идеи отчетливо звучали в приветственных речах на открытии собрания. Уездный комиссар М.П. Рудаков, обращаясь к депутатам, заявлял: «Вы достаточно сильны, чтобы создать новые законы местного самоуправления. За начальниками и управителями вы не пошлете в Петроград – сами будете управляться. ...Мы верим, что Вы сами будете все делать, – и кроме Вас нет другой власти» [13].

В первые дни работы собрание обсуждало насущные для губернии вопросы, которые касались обеспечения населения продовольствием, регулирования цен и т.д. Е.Л. Зубашев в своих воспоминаниях так описывал атмосферу, царившую в Томском губернском народном собрании: «В губернском собрании особенно порядка не наблюдалось. Говорились агитационные речи, поднимались вопросы не местного значения, вопросы в которых большинство собравшихся даже не разбиралось; так, напр., одним с.-д. меньшевиком был поставлен на очередь вопрос “об отделении церкви от государства”» [8. С. 107]. Неорганизованность работы губернского собрания отмечал также П.В. Вологодский. Как писала «Голос Свободы», «перед открытием собрания председательствующий П.В. Вологодский обращается к депутатам с указанием на то, что собрания проходят при крайне нежелательной обстановке. В виду важности и большого количества вопросов, требующих своего разрешения, просит депутатов серьезнее отнестись к своим обязанностям, не перебивать друг друга, не употреблять обидных слов и занимать свои места по первому звонку» [11. 26 апр.]. Подобные выводы о работе собрания делала также либеральная газета «Сибирская жизнь»: «Слишком много слов, речей, взаимных приветствий и почти полное отсутствие решенных практических мероприятий» [12. 28 апр.].

Первое выступление Е.Л. Зубашева в народном собрании состоялось 25 апреля. Он приветствовал депутатов от имени Временного правительства, а также обозначил первостепенную для местного самоуправления задачу – выборы губернского и уездного комиссаров. Говоря о должности комиссара, Зубашев отмечал: «Правительство считает, что самоуправление должно быть организовано на широких общественных началах. Представители на местах должны быть представителями правительства, но они являют-

ся только органом следящим за законностью, облеченным доверием и правительства и народа» [11. 28 апр.]. Однако Томское губернское народное собрание видело идеал будущего устройства власти в губернии в демократическом коллективном управлении. Идеи Зубашева не нашли широкой поддержки среди депутатов собрания. 26 апреля он выступил на открытии уездного народного собрания. Это выступление он считал вполне успешным, в своих воспоминаниях отмечал следующее: «Я посетил уездное собрание, приветствовал его, сделал маленькое сообщение и указал на необходимость избрания уездного правительственного комиссара. После краткого обмена мнений собрание признало необходимость выбора такого комиссара, но самые выборы решило отложить на конец съезда, когда собравшиеся делегаты более ознакомятся между собою» [8. С. 107].

Ситуация в губернском собрании складывалась сложнее. На заседании 30 апреля был представлен доклад комиссии о народных собраниях и исполнительных комитетах губернии. Согласно этому докладу вся полнота власти в губернии принадлежит только губернскому народному собранию и его исполнительному комитету. Институт комиссаров в эту концепцию не вписывался. Однако, выступая на заседании 9 мая, Е.Л. Зубашев вновь пытался убедить местную общественность в необходимости выбора правительственного комиссара: «Временным правительством предоставлено Народным собраниям право самим организовывать и устраивать свою власть, но, не смотря на это, губерния не должна представлять отдельной республики. Правительство считает, что для объединения действий местных органов и для надзора за законностью их действий необходимо на местах избрать лицо, являющееся представителем центральной власти. В Европейской России такими лицами — комиссарами явились представители земств, в Сибирь же — пришлось комиссаров назначать», — говорил Е.Л. Зубашев [11. 16 мая]. Он также настаивал на том, что именно народное собрание, состоящее из представителей населения всей губернии, должно избрать кандидата, подходящего на пост губернского правительственного комиссара. Однако после обсуждения этого вопроса собрание единогласно постановило: «Донести до сведения времен. правительства о том, что губ. нар. собрание решило признать должность губернского комиссара в Томской губернии излишней что сносится с правительством и представлять его в губернии должен губернский исполнительный комитет» [Там же]. Собрание также высказалось против представителей правительства в уездах и волостях. Обращаясь к демократической риторике, представители местной власти находили законное объяснение своих действий. Возражая такому решению, Е.Л. Зубашев говорил о необходимости поддерживать тесную связь с центром для получения средств на содержание многочисленных учреждений города.

Заявления Зубашева были встречены собранием крайне негативно. Председатель Совета солдатских депутатов большевик Н.Н. Яковлев выражал свое открытое недовольство тем фактом, «что Временное

Правительство командировало в Томск хотя и известного Томску общественного деятеля, Зубашева, но все таки представителя буржуазии, а не социалиста...» [8. С. 108]. Яковлев также решительно заявлял: «Никакого Правительственного комиссара нам не нужно, мы САМИ сумеем управлять своими делами, мы просим г-на Зубашева также уехать из Томска: он сюда приехал с полномочиями прежнего буржуазного правительства, а не настоящего, в которое вошли также и социалисты (правительство 2 мая)» [Там же].

В поддержку идеи о неприятии должности губернского комиссара в «Голосе Свободы» была опубликована статья Петроградской меньшевистской газеты «Новая жизнь». Авторы статьи допускали возможность существования института комиссаров временно, до создания демократических органов местного самоуправления, таких как земства и думы, а также в исключительных случаях, если «правительство не знает, кому доверять на местах» [11. 18 мая]. Все полномочия губернских комиссаров считалось возможным исполнять городским головам и председателям земских управ. Надзор же за законностью постановлений предполагалось поручить судам разных уровней.

После инцидента в народном собрании, согласно воспоминаниям Е.Л. Зубашева, состоялась его встреча с главой томской эсеровской партии и председателем уездного народного собрания М.Д. Михаловским, который был возмущен решением губернского народного собрания относительно неприятия должности губернского комиссара. Как отмечал Зубашев, Михаловский, узнав о решении собрания, собрал свою партию, «...на собрании они “высекли” (так он выразился) своих представителей в губернском собрании, баллотировавших против выборов губернского комиссара, или отнесшихся пассивно к этому вопросу, и предложил им настоять на пересмотре этого вопроса» [8. С. 108–109]. Идею о пересмотре данного решения поддержали еще ряд делегатов, не присутствовавших на собрании, как отмечал Зубашев. Через несколько дней вопрос был вновь поднят на заседании губернского собрания. После недолгих обсуждений было принято решение выборы комиссара все-таки произвести, но отложить их на конец съезда. Зубашев вскоре вернулся в Петроград, считая свою задачу выполненной. Уезжая, он отмечал, что «проводжали его не так торжественно, как встречали. На вокзал приехали известный в городе общественно-политический деятель, просветитель — П.И. Макушин, и несколько профессоров Технологического института» [8. С. 109]. Г.Г. Тельберг — управляющий делами Совета министров колчаковского правительства, позже характеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Е.Л. Зубашев, при самых лучших намерениях, оказался поставленным в столь безвластное положение, что не мог помешать вопиющему беззаконию в виде произвольной системы выборов в городские и земские собрания, и в столь беспомощное, что даже собственные его телеграфные сношения с центральной властью находились под цензурным контролем местного “комитета общественной безопасности”» [14]. Е.Л. Зубашев не был принят местной об-

щественностью, несмотря на то что был хорошо знаком городу и его жителям. Такое назначение «из центра» воспринималось на местах как попытка ограничить самостоятельность, нарушить демократические процессы. Местная политическая элита, закрепив власть в своих руках, стремилась к диалогу с центром только на равных условиях, как партнер.

Можно предположить, что в период марта – апреля 1917 г. вокруг института губернского комиссара в Томске шла борьба двух политических сил – центра и региона. Эсеро-меньшевистский блок при поддержке региональных элит выступал против самого института губернского комиссара, о чем свидетельствуют решения Томского губернского народного собрания от 9 мая. Ситуация изменилась после Апрельского кризиса Временного правительства, в результате которого в его состав вошли министры-социалисты. Народное собрание, эсеровское по составу, далее не могло сопротивляться политике центра. На заседании 10 мая была принята резолюция по вопросу об отношении к Временному правительству: «Признавая, что Временное Правительство пополнено в настоящее время представителями от социалистических партий и что оно приняло программу, отвечающую требованиям демократии, томское губ. нар. собрание выражает обновленному правительству свое доверие до тех пор, пока оно пользуется поддержкой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [11. 20 мая]. Так, после разговора Зубашева с главой томского отделения эсеровской партии Михаловским собрание пересмотрело свое решение. Институт губернского комиссара был принят.

После отъезда Ефима Лукьяновича на очередном заседании губернского народного собрания, 18 мая, было принято решение «предложить Правительству утвердить своим губернским комиссаром Председателя Томского губернского исполнительного комитета» [Там же. 25 мая]. Представлениям местных политических лидеров гораздо больше соответствовала кандидатура местного общественного деятеля, придерживающегося тех же взглядов и преследующего те же цели. Однако ответом на самостоятельность томских политиков было назначение комиссара из центра. 19 мая председателем собрания Б.М. Ганом была получена телеграмма от министра внутренних дел Временного правительства Г.Е. Львова. Министр заявлял: «...нежелание считаться с решениями правительства лишит возможности Министерство внутренних дел признать местные организации законно действующими и имеющими право пользоваться средствами государственного казначейства» [Там же. 21 мая]. Также в этой телеграмме Львов говорил о том, что обязанности губернского комиссара временно поручены управляющему казенной палатой в Томске – Маршангу. Гану же было предложено принять такие решения к руководству.

Однако ситуация в губернии сложилась таким образом, что назначенный комиссаром Маршанг так и не вступил в должность, столкнувшись с сильным противодействием исполнительного комитета народного собрания. Прежде всего, исполнительный коми-

тет возмущало то, что комиссар был управляющим казенной палатой, чиновником царской власти, бюрократом. Вот как комментировали ситуацию члены комитета: «Исходя из точки зрения революционного момента, мы, несомненно, должны допустить, что Временное правительство не только имеет право, но и имеет обязанность назначить комиссаров, т.е. сотрудников, на началах демократического управления на местах. И вот с этой точки зрения мы приветствуем их назначение. Но мы, несомненно, должны протестовать, когда Временное правительство хочет нас взять в ежовые рукавицы путем назначения представителя старого правительства» [15. Л. 46.]. Маршанг описывал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Губернский исполнительный комитет фактически вступил в управление губернией, о чем уведомил меня отношением от 24 мая. Председателем Губернского исполнительного комитета избран присяжный поверенный Ган. Совет солдатских депутатов и организации социалистов-революционеров и социал-демократов выразили губернскому исполнительному комитету доверие. При таких условиях не считаю возможным вступить в исполнение обязанностей комиссара» [11. 26 мая].

Местные политические лидеры (члены исполнительного комитета народного собрания) использовали настроения народных масс и демократическую риторику, чтобы «отстоять» своего кандидата. Основной упор в своих заявлениях они делали на то, что Б.М. Ган – «лидер демократический сил», избранный и поддерживаемый народом и с этой точки зрения вполне легитимный. Маршанг же чиновник старого, ушедшего и непопулярного в народе порядка. Эсеро-меньшевистский блок занял в этом противостоянии ведущую роль. Так, местные партийные комитеты социалистов-демократов и социалистов-революционеров отправили телеграмму в Петроград министру-председателю А.Ф. Керенскому и копии министрам-социалистам: И.Г. Церетели, В.М. Чернову, М.И. Скобелеву, А.В. Пешехонову, П.Н. Переверзеву, а также председателю совета рабочих и солдатских депутатов. Телеграмма была направлена в Правительство, минуя его главу – Г.Е. Львова. В телеграмме они заявляли: «Считая указанные меры недопустимыми, и подрывающими авторитет, как местной выборной народной власти, так и центрального революционного Правительства, мы, от лица представляемых нами организаций, настаиваем на отмене указанного правительственного распоряжения и на незамедлительном утверждении комиссаром председателя губернского исполнительного комитета Гана».

После данных событий Б.М. Ган был вызван в столицу. Е.Л. Зубашев в своих воспоминаниях относительно этого события отмечал: «Ган, приехавши в Петроград, прежде всего, отправился в Совет солд. и раб. депутатов с докладом о Томских делах и с разъяснением цели своего приезда. И только, получив ответственное одобрение, явился в Министерство. Такой окольный путь произвел в Министерстве не совсем приятное впечатление...» [8. С. 109]. Можно предположить, что комиссар отправился в Совет с

благодарностью за поддержку своей кандидатуры, а также для согласования своих дальнейших действий. Только после этого он посетил Правительство. Однако такие действия комиссара Правительством были приняты, и после ряда переговоров Ган был утвержден в должности Томского губернского комиссара (7 июня 1917 г.). Данный сюжет позволяет говорить об утрате влияния правой части правительства на процессы, происходящие в провинции.

Утверждение Б.М. Гана в должности комиссара свидетельствовало о росте влияния эсеро-меньшевистского блока в центре страны и на местах (после апрельского кризиса Правительства). После достижения данного компромисса между Правительством и местными политическими элитами ситуация в губернии стабилизировалась. Уже в июле 1917 г. Б.М. Ган в одном из своих официальных заявлений отмечал: «Комиссар, опираясь в своей деятельности на объединенные демократические органы, является, прежде всего, представителем власти центрального правительства и обязан руководствоваться указаниями Временного правительства и проводить его политику, не допуская никаких отклонений от нее в чью либо пользу» [11. 30 июля]. В конце лета – осенью 1917 г. отмечалось усиление позиций губернского комиссара, его политика становилась более самостоятельной. В своей деятельности глава губернии все больше опирался на государственные институты. В этом отношении наблюдался парадокс: укрепление власти губернского комиссара Б.М. Гана сопровождалось одновременным ослаблением влияния партийного (эсеро-меньшевистского) блока, который привел его к власти. Однако реальная власть в губернии ослабевала, что могло быть связано с ростом популярности боль-

шевиков и нарастанием народной стихии как центре, так и на местах. Радикальные идеи постепенно проникали в Советы, профсоюзы и другие общественные организации города.

Подводя итог, необходимо отметить, что становление губернской власти в Томске в период марта – сентября 1917 г. представляло собой сложный процесс, тесное переплетение партийной борьбы эсеро-меньшевистских сил, преобладающих в Комитете общественного порядка, затем в Народном собрании, и умеренного блока, представленного в высших правительственных органах власти. В эту борьбу также были вовлечены региональные элиты, которые стремились сохранить власть в своих руках и, в то же время, не подчиниться центральному правительству, а выстроить договорные отношения с ним. В начальный период организации власти эсеры и меньшевики, как наиболее активные и многочисленные политические силы губернии, сумели утвердить свою модель губернской власти – губернский комиссар, опирающийся на демократические силы. Однако такая модель вскоре доказала свою неустойчивость и, как следствие, нежизнеспособность. Губернский комиссар при опоре на местную демократию в действительности не имел реальных и независимых от политической конъюнктуры и народных масс механизмов проведения своего курса в жизнь. Такую ситуацию также усугубляло отсутствие продуманного политического курса центрального правительства. Можно говорить о том, что совокупность всех этих факторов привела в конечном итоге к падению власти Временного правительства. Действия большевиков оказались более эффективными, они сумели повлиять на народную стихию и, вместе с тем, подчинить ее своим целям, направить в нужное русло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьева В.А. Томский комитет общественного порядка и безопасности в 1917 г. // Материалы научной конференции по истории Сибири, посвященной 50-летию Великого Октября. Томск. 1967.
2. Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 159 с.
3. Победа Великого Октября в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. Ч. 1. 256 с.; Ч. 2. 320 с.
4. Шиловский В.М. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 427 с.
5. Ларьков Н.С. Милитаризация Томской власти в годы гражданской войны // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 12. С. 109–114.
6. Шишкин В.И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Сибирская Заимка. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-government/>
7. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 23.
8. Зубашев Е.Л. Моя командировка в Сибирь // Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник. Прага : Изд. Общества сибиряков в ЧСР, 1927. № 2.
9. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 1997. 470 с.
10. ГАТО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 8.
11. Голос Свободы (Томск). 1917.
12. ТПУ. URL: <http://portal.tpu.ru/person/zubashev/education>
13. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 22 апр.
14. Сибирская жизнь (Томск). 1918. 7 авг.
15. ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 34.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2016 г.

ESTABLISHMENT OF THE PROVINCIAL COMMISSIONER INSTITUTE DURING THE REVOLUTION OF 1917 (ON THE EXAMPLE OF TOMSK PROVINCE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 72–78.

DOI: 10.17223/15617793/409/11

Dina S. Kozlova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dina.my-mail@yandex.com

Keywords: February revolution; Siberia; Tomsk Province; provincial authority; provincial commissioner.

The period of revolution is a critical stage in the life of a society and a state. The most forcible display of this period is a political struggle of various interest groups that defend one or another way of national development. The February revolution in Russia was not an exception. The overthrow of autocracy in Petrograd gave momentum to the fast pace of developments in provinces. It was the beginning of the formation of local governments on new bases and principles. The process of public authority formation in provinces and counties is particularly important. Regional government was the main power basis of central authorities. The future and prestige of the whole political regime depended on the success of regional government actions. In the article the process of formation of the institute of the provincial commissioner in Tomsk Province and its special aspects are reconstructed. Siberia, especially Tomsk Province, had particular practices of forming of local government institutes during this period. Massive confrontation on the question of the local authority structure between the regional political and public elite and central authorities took place in Tomsk Province. The leading role in this confrontation belonged to the coalition of the Socialist Revolutionary, Constitutional Democrat and Menshevik parties, as well as the regional political elite who tried to stay in power. These interest groups dominated in the Tomsk Committee of Public Order and Security, then in the National Assembly. They lobbied for the institute of the provincial commissioner relying on democratic forces. At the initial stage of the local government formation the Social Revolutionaries and the Mensheviks, having great popularity, approved of this model of the provincial authority. It was Tomsk Province that showed such a tendency to a special way of autonomy and democratization of power. However, the democratic model of the organization of local government soon proved its instability and, as a result, frailty. The provincial commissioner supported by the local democracy actually had no real and independent mechanisms to pursue a policy. This situation was also complicated by the deficiency of a well-weighed political course of central authorities. All these factors finally led to the overthrow of the Provisional government regime. The Bolsheviks' actions proved to be more effective. They managed to affect the public sentiment and to bent people to its will and political course.

REFERENCES

1. Solov'eva, V.A. (1967) [Tomsk committee of public order and safety in 1917]. Proceedings of the scientific conference on the history of Siberia, dedicated to the 50th anniversary of the Great October Revolution. Tomsk. (In Russian).
2. Babikova, E.N. (1980) *Dvoevlastie v Sibiri* [Dual power in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Razgon, I.M. (ed.) (1987) *Pobeda Velikogo Oktyabrya v Sibiri* [The victory of the Great October Revolution in Siberia]. Vols 1, 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Shilovskiy, V.M. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political processes in Siberia during the social upheavals of 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
5. Lar'kov, N.S. (2002) Militarizatsiya Tomskoy vlasti v gody grazhdanskoy voyny [The militarization of the Tomsk government during the Civil War]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 12. pp. 109–114.
6. Shishkin, V.I. (2013) *Gosudarstvennoe upravlenie Sibir'yu v kontse XIX – pervoy trety XX v.* [State Administration of Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/shishkin-government/>.
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 166. List 1. File 23. (In Russian).
8. Zubashev, E.L. (1927) Moya komandirovka v Sibir' [My trip to Siberia]. In: Yakushev, I.A. (ed.) *Vol'naya Sibir'.* *Obshchestvenno-ekonomicheskiy sbornik* [Free Siberia. A socio-economic collection]. Vol. 2. Prague: Izd. Obshchestva sibiryakov v ChSR.
9. Titov, Yu.P. (1997) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [Readings on the history of the Russian state and law]. Moscow: Prospekt.
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 166. List 1. File 8. (In Russian).
11. *Golos Svobody*. (1917).
12. *TPU*. [Online] Available from: <http://portal.tpu.ru/person/zubashev/education>.
13. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) 22 April.
14. *Sibirskaya zhizn'*. (1918) 7 August.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-166. List 1. File 34. (In Russian).

Received: 26 June 2016

НУЖНА ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИСТОРИИ: К КРИТИКЕ КОНЦЕПЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

Рассматривается проблема использования концепции идентичности при анализе жизненных стратегий исторических фигур в свете критики этой концепции, осуществленной Р. Брубейкером. На примере деятельности Сидония Аполлинария, галло-римского аристократа V в. н.э., предпринята попытка раскрыть эпистемиологические возможности концепции идентичности. Сделан вывод, что концепция идентичности обладает объяснительным потенциалом при исследовании жизненных стратегий и интенций исторических персонажей.

Ключевые слова: идентичность; историческая наука; методология истории; исторический источник; Сидоний Аполлинарий.

В 2004 г. профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, социолог Роджерс Брубейкер опубликовал книгу, получившую впоследствии широкую известность, – «Ethnicity without groups». Среди прочих дискуссионных вопросов современной социологии и социальной антропологии в фокус его внимания в этом исследовании попала концепция идентичности. Анализируя место и роль этой концепции в современной исследовательской культуре, Р. Брубейкер указал на то, что «слово “идентичность”... обыкновенно означает слишком много (когда понимается в сильном смысле) или слишком мало (когда понимается в слабом смысле) или вообще ничего не означает (из-за его полнейшей неопределенности)». Под сильным и слабым смыслами исследователь подразумевает соответственно эссенциалистскую и конструктивистскую трактовки идентичности. Если недостатки первой достаточно очевидны – они происходят от объективации умозрительной концепции, – то вторая (конструктивистская), с точки зрения Р. Брубейкера, обладает неявным, но также существенным изъяном. Конструктивизм как панацея от эссенциалистского понимания привел к тому, что ведущими характеристиками идентичности стали бескрайнее умножение и динамическая текучесть. Из-за этого утратился эпистемиологический смысл самой концепции, поскольку идентичность – это соотнесение с жестким набором характеристик, открывающим возможность генерализации. Принцип конструирования идентичности делает эти характеристики переменными, ситуативными, индивидуализированными. Соответственно, это отрицает любые обобщающие выводы [1. С. 61–63].

Размывая характеристики конкретных идентичностей, «слабый» подход делает неопределенными и рамки самого понятия. Как пишет Р. Брубейкер, «кризисы становятся хроническими (хотя это оксюморон); и мнимые кризисы идентичности становятся столь частыми, что этим разрушается всякий смысл, какой когда-либо могло иметь это понятие. <...> Библиографическая выборка показывает, что “кризисы идентичности” приписывались не только обычным подозреваемым – более всего этнической, расовой, национальной, гендерной и сексуальной идентичностям – но также таким разнородным вещам, как Галлия V века, профессия лесничего, гистологи, французский

медицинский корпус времен Первой мировой войны, интернет, качари, специальное образование в Индии, специальное образование для маленьких детей, медсестры французских больниц, воспитатели детских садов, телевидение, социология, группы японских потребителей, Европейское космическое агентство, Министерство международной торговли и промышленности Японии, Китай Пасифик Эйрвейз, пресвитериане, ЦРУ, университеты, Клорокс, Шевроле, юристы, компания San Francisco Redevelopment Agency, черная теология, шотландская литература XVIII века, а также наши любимцы – шерстокрылые ископаемые» [1. С. 67]. В контексте данной статьи интересно упомянуть Р. Брубейкером в приведенном перечислении Галлии V в. Он имеет в виду коллективную монографию «Fifth-Century Gaul: Crisis of Identity?» под редакцией Дж. Дринкуотера и Х. Элтона [2]. Но если обратиться к самой книге, то можно заметить, что идентичность как понятие в ней встречается не столь часто. Показателен тот факт, что из двадцати восьми статей, составляющих данный сборник, только одна использует в заглавии этот термин, рассматривая галло-римскую идентичность на примере Илария Арльского [3]. Остальные посвящены разнообразным проблемным вопросам Галлии V в. вообще, не фокусируясь на идентичности как таковой. В данном случае понятие «кризис идентичности» использовано как зонтичный термин, отсылающий к вопросу самоопределения жителей Галлии в условиях распада Западной Римской империи и формирования новых, варварских королевств. При этом предполагается, что именно концепция кризиса идентичности наилучшим образом характеризует состояние общественного сознания в этот период. Редакторы этой коллективной монографии Дж. Дринкуотер и Х. Элтон не определяют, что же, собственно, они подразумевают под кризисом идентичности, предполагая только, что доминирующим процессом для Галлии V в. являлось стирание границ между римскостью и варварством, в частности в отношении провинциальной знати [2. Р. 2]. Отсутствие проработки концепции идентичности говорит о ее привычности и конвенциональности для исследователей. Кроме того, очевидно, что на самом деле данная коллективная монография концентрируется не на идентичности, а на проблеме преемственности

между Римской империей и варварскими королевствами. Идентичность же в этом контексте понимается как самоопределение в рамках оппозиции римлянин-варвар.

Таким образом, следует согласиться с Р. Брубейкером в том, что термин «идентичность» в настоящее время прочно вошел в научный тезаурус, используется очень широко – и зачастую нерелективно. Конвенциональность концепции идентичности, выше показанная на примере, предполагает герметизацию дискурса [4], т.е. принятие концепции без анализа ее истоков и сущности. Это и имеет в виду Р. Брубейкер, когда говорит о разрушении смысла понятия. Возникает вопрос, насколько оправдано в таких условиях использование концепции идентичности как методологической опоры в историческом исследовании. Цель данной статьи – выявить методологические рамки применения концепции идентичности в исторических исследованиях, посвященных поздней Античности.

Для того чтобы определить эти рамки, необходимо обратиться к истокам формирования концепции идентичности. Данное понятие было введено в широкий научный оборот Э. Эриксоном в контексте его работ о кризисе идентичности. Э. Эриксон определяет идентичность как «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности», формирующееся через «процесс одновременного отражения и наблюдения [себя и других]... постоянной дифференциации [идентификаций]... в постоянном изменении и развитии [личности]» [5. С. 28, 32]. Таким образом, идентичность – психоэмоциональное состояние человека, заключающееся в предельном переживании позитивной самости через идентификацию с группой. Э. Эриксон видит идентичность как индивидуальный феномен, полностью зависящий от актуального социального опыта. В таком понимании идентичность представляет собой описание экзистенциального переживания. Однако наиболее востребованной оказалась другая сторона этой концепции – определение личности через ее связь с социумом. Идентичность из ощущения тождества превращается в собственно тождество.

В этом смысле показательно развитие идеи идентичности в работах И. Гоффмана, который выделил три ее вида: социальную, личную и эго-идентичность. При этом только последняя представляет собой идентичность в понимании Э. Эриксона, остальные же аккумулируют качества, предписываемые человеку другими (социальная идентичность) и отличающие человека от других (личная идентичность) [6. Р. 127–130]. Это структурирование хотя и делает понятие идентичности более предметным и формализованным, но смещает его смысл с субъективного ощущения на социальное перформативное, оставляя в стороне индивидуальные интенции как определяющие поведение человека [7. Р. 54].

Как пишет Т. Лукман, идентичность – это то, что индивид «думает о самом себе, каков он есть» [8. С. 244], что подразумевает фокус на субъективном самоопределении. Но в то же время «особые исторические социальные структуры порождают *типы* идентичности, которые опознаются в индивидуальных

случаях» [8. С. 280]. Тем самым указывается на связь идентичности не только с обществом, но и с историческими трансформациями, а также на диалектическую реификацию индивидуального и социального в ходе этих трансформаций. Благодаря этим замечаниям идентичность становится диахронной и историчной, что открывает возможность использовать эту концепцию для анализа процессов в режиме долгого времени.

Н. Глэйзер и Д. Мойниган сосредоточились на явлениях, связанных с формированием и оперированием идентичностями в современном обществе. С их точки зрения, существенную роль в формировании или принятии определенной идентичности играют интересы и выгоды индивидуумов [9. Р. 18–19]. Эта инструменталистская трактовка идентичности как самоидентификации с целью получения выгод получила развитие во взглядах В.А. Тишкова, обратившего внимание на так называемый дрейф идентичности, т.е. «путешествие индивидуальной / коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем» [10. С. 123]. При этом В.А. Тишков указывает на то, что фактически варианты выбора определяет на данный момент государство через официальную риторику. Таким образом, хотя принятие определенной идентичности происходит произвольно, но рамки конфигураций или типов идентичностей для такого принятия заданы не только исторически, но и политически, с позиций максимальной реализации власти в государстве.

Эта точка зрения находит поддержку и у Р. Брубейкера [1. С. 35–40]. Однако он (как и Б. Латур в несколько ином контексте) рассматривает не только государственную формализацию, но и общественные отношения в целом, указывая, что культурные конфигурации – этничность, раса, нация – «должны быть осмыслены... в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах»; Р. Брубейкер предлагает в этом смысле пользоваться понятием «групповость» как описание события, а не сущности. Групповость является следствием актуальных ситуаций и поэтому нуждается в постоянном поддержании и пересоздании [1. С. 29–31; 11. С. 42–46]. Этим собственно идентичность превращается в ситуативную самоидентификацию.

В защиту стабильности определенных социальных ролей и групп выступает когнитивная антропология в лице М. Блоха: «Группы и роли, поскольку существуют в воображении, имеют свойство сохранять неизменность, в отличие от вечной изменчивости эмпирического...» [12. Р. 113] – тем самым, опорой для групповости может быть относительно постоянная ментальная категория. Это придает концепции идентичности новое дыхание.

Все перечисленные подходы к пониманию идентичности не противоречат друг другу и не отменяют друг друга, поскольку касаются различных аспектов реализации личностного тождества. Однако необходимо подчеркнуть, что в понимании Э. Эриксона идентичность – именно индивидуальное переживание тождества, а не назначение любой связи между инди-

видом и группой. Привнесение в понятие идентичности смысловых значений социальной роли, социально-называния, индивидуально-биографической обособленности и т.п. перегружает и размывает его. В то же время следует согласиться, что достижение идентичности осуществляется не только бессознательно, но и рефлексивно, что в этом выборе играют роль индивидуальные приоритеты и что определенный спектр социальных и культурных конфигураций для такого выбора предзадан как современными, так и историческими структурами как материального, так и духовного характера. Наконец, осуществление самоидентификации может сопровождаться перформативным старыми конфигурациями или формированием новых.

Теперь необходимо ответить на вопрос, какие трудности и ограничения встретит подобная теоретическая исследовательская конструкция при попытке ее применения к историческому источнику. В том понимании, которое было постулировано выше, наиболее релевантным является использование концепции идентичности для анализа и структурирования личностных интенций автора эго-источника. В эго-источнике автор либо прямо обозначает свою идентичность, либо проявляет ее через особенности структурного и лексического построения текста. В зависимости от конкретных исторических обстоятельств на первый план выходят различные варианты идентификаций. Чтобы представлять спектр этих вариантов, следует обратить внимание на тот набор социальных и культурных конфигураций (пользуясь формулировкой В.А. Тишкова), который был актуален для автора источника в момент его создания. Такой подход может быть реализован, в частности, в изучении поздней Античности, поскольку от этого периода сохранилось достаточно много эго-источников – сборников писем. Если обратиться в качестве примера к уже упомянутой Галлии V в., то это письма епископов Авита Вьеннского, Руриция Лиможского, Цезария Арльского, но в первую очередь – Сидония Аполлинария.

В этих письмах Сидоний определяет себя как литературного деятеля, формируя в текстах соотносительный с собственной фигурой круг галло-римских интеллектуалов. Он создает для себя (и презентует для других) социальную роль поэта-хранителя римской словесности и культуры, подчеркнуто вневременную и позитивно коннотированную с группами римского золотого века, что дает ему субъективные (и, по его расчётам, объективные) выгоды. В этом смысле он конструирует собственную идентичность. Установление такого тождества обладает значимой позитивной личностной ценностью для Сидония. Это следует, в частности, из его представления о собственных ипостасях поэта и духовного лица как недвусмысленной бинарной оппозиции. Для создания идентичности он с помощью писем создает групповость, которую в течение некоторого времени поддерживает своей литературной деятельностью [13].

Создание этой сети коммуникации описано в исследовании Р. Матисена, посвященном родственными и литературными связями галльской аристократии

V в [14]. Так, в речи, обращенной к своему ученику Феликсу, Сидоний перечисляет ряд значимых для него на тот момент представителей галльской литературной и аристократической среды и похвально отзывается о них [15]. Как подметил Р. Матисен, реверансы Сидония преследовали цель подчеркнуть избранность и относительное превосходство над большинством отдельных писателей, продолжающих классическую традицию золотого века Рима. Отсюда представление Сидонием романской культуры Галлии как в целом клонящейся к упадку с деградирующей системы образования, но при этом имеющей отдельных хранителей и апологетов истинной грамотности [16]. Сидоний формирует личностное социальное пространство и связи в нем с помощью апелляции к образу социально значимого и уникального знания, через похвалы и лестные характеристики и, прославляя других, увеличивает собственное социальное значение.

Сидоний соотносит свою переписку с примером эпистолярного жанра того времени – перепиской Квинта Аврелия Симмаха. Это запараллеливание неслучайно. Сидоний отражает в нем либо действительное сходство литературных кружков Рима конца IV в. и Галлии второй половины V в., либо желаемую лично для него ситуацию. Одно не исключает другое. Интеллектуальные связи, дополняемые, перекрывающиеся и расширяемые родственными отношениями, скрепляли сообщества и группировки внутри аристократии поздней империи. Влиятельности этих сообществ способствовало то, что они интегрировали в свою деятельность политические, философские, религиозные, социальные идеи, разделяемые всеми участниками и корреспондентами. Поэтому литературный кружок одновременно мог играть роль политической партии или группы влияния, фракции, секты, философской школы и т.д.

На основе связей, которые фиксирует Сидоний, – общего дара красноречия, ораторского и поэтического мастерства, образования и эрудиции, интереса к классическому языку – было возможно создать подобную группировку, полезную для него в первую очередь как плацдарм для лоббирования личных карьерных и идеологических интересов. Вне зависимости от того, был ли на самом деле кружок поэтов и риторов в Южной Галлии, сама декларация его существования Сидонием устанавливала соответствующие связи и ассоциации и формировала специфическую идентичность уникальных хранителей римских традиций на фоне общего упадка и варваризации.

Ведущую эго-идентичность Сидония в конкретных исторических условиях (т.е. позитивное личностное тождество определенным культурным конфигурациям в условиях политического и административного кризиса в Галлии V в.) можно определить как грамматик (поэт) – хранитель и распространитель классической римской культуры золотого века. Эта идентичность соотносится с устойчивым паттерном романского общественного сознания, связывающим собственно римскую цивилизацию – *Pax Romana* – с писателями, поэтами и риторами. Сидоний перформатирует данный паттерн, конструируя собственную

культурную конфигурацию и социальную групповость как воплощение этой конфигурации – хранитель римской классики на фоне прогрессирующего господства варварства. Сквозь призму такой самоидентификации он выстраивает свое позиционирование в социуме.

Выявление интенций автора исторического источника с помощью концепции идентичности возможно осуществить и на материале публичных текстов, таких как хроники, летописи, жития, панегирики и др., для чего достаточно задаться вопросом, какие цели преследовал автор текста и для какой аудитории презентировал свой труд [17, 18]. Так, У. Гоффарт в ставшей классической работе «The Narrators of Barbarian History» прямо указывает на интенции Иордана при создании «Гетики» – опровержение претензии римских сенаторов на восстановление имперской идентичности после победы Юстиниана над остготами [19. Р. 103]. Исследователь говорит о том, что позиционирование Иорданом себя как наивного повествователя, необразованного полугота из Мезии, может являться лишь мистификацией для жителей завоеванной Юстинианом Италии. Под этой маской скрывается второй слой литературной игры, понятный только узким кругам в Константинополе и Риме [Там же. Р. 109–110]. Точно так же У. Гоффарт развенчивает убеждение историков периода романтизма в наивности, простоте и объективности «Истории франков» Григория Турского. Задаваясь вопросом об идентичности Григория как историка, У. Гоффарт приходит к выводу, что «История франков» написана в традиции позднеантичных историй церкви. Этим объясняется противопоставление духовных добродетелей и светских пороков в этом труде, соответствующее оппозиции христиан – варвар. Данное противопоставление искусственно подчеркнуто, утрировано, поскольку, по мнению исследователя, Григорий Турский писал скорее сатиру, чем хронику. Сатира в данном случае понимается как литература на злобу дня, актуализированная и рассчитанная на конкретную публику. У. Гоффарт полагает, что Григорий Турский идентифицировал себя с конкретными социальными группами в Клермоне и Туре, говорил от их имени и о насущных для них темах [19. Р. 229]. В свете такой трактовки смысловые пласты исторических источников раскрываются более полно. Использование элементов концепции идентичности способствует результативности подобного анализа и поэтому является полезным для исследования публичных текстов.

Вопрос о том, насколько возможно оперирование концепцией идентичности применительно к персонажу, чья фигура отражена только в виде описания или иных референций в исторических текстах, более сложен. Доказательная база в этом случае существенно меньше, а степень исследовательской условности и интерпретативности больше. Тем не менее при конвенциональном согласии исследователей относительно биографии исторического персонажа и его ситуациях выбора возможно моделирование проявлений идентичности. Необходимым условием подобного моделирования является критика источника. Иден-

тичность исторического персонажа опосредована идентичностью автора источника, из-за чего важно сопоставление данных различных авторов. В качестве примера можно сослаться на собственный опыт автора данной статьи, в свое время обращавшегося к концепции кризиса идентичности в поисках объяснения действий Гайны, заметной исторической фигуры Восточной Римской империи IV в. Гайна, полководец варварского происхождения, поднял восстание в 399–400 гг., занял Константинополь, но затем покинул его и закончил свои дни, пойманный и убитый гуннами в землях варваров за Дунаем. Кажущаяся непоследовательность поступков Гайны может быть лучше понята, если принять во внимание его двойственное положение – он одновременно римский военачальник и вождь варваров. Провалившиеся попытки соответствия личному представлению о службе императору стали причиной кризиса идентичности и потери стратегических жизненных приоритетов. Бегство Гайны за пределы империи в этом смысле видится как символический отказ от римской идентичности в пользу варварской [20. С. 249]. Подробности восстания и последующих событий хорошо освещены в исторических источниках, в том числе очевидцем Синезием Киренским, современниками Филосторгием и Сократом Схоластиком, а также более поздними историками Созоменом и Зосимом, что не дает оснований сомневаться в основных фактах. Однако все свидетельства представляют только точку зрения римлян, поэтому любая реконструкция на их основании интенций варваров по необходимости интерпретативна.

Ограничения в проведении исследования сквозь призму идентичности накладывает не только предмет самого исследования, но и фреймирование методологической концепции. Исследователь с необходимостью предполагает какую-либо идентификацию ведущей в рассматриваемой им ситуации, поскольку ему представляется, что, исходя именно из этой позиции, наиболее полно объясняется поведение исторического персонажа. Однако это не отменяет возможности рассмотрения ситуации с позиции другого понимания идентичности и, соответственно, моделирования другой интенциональной последовательности. В методологическом смысле все подходы базируются на исследовательском предположении и поэтому равнозначны. Так, П. Амори в своей работе, посвященной идентичности в остготской Италии, уравнивает идентичность с этничностью и сосредотачивается на специфике использования этнических понятий в римских источниках, где с их помощью описывались идеологические, социальные, профессиональные и региональные сообщества. Как он отмечает, в V–VI вв. «племя» означало армию, а «варвар» – солдата. Более того, одни и те же люди могли обретать в разных случаях различную идентичность: солдат-налогоплательщик, проживавший на территории Италии, являлся готом в качестве солдата и римлянином в качестве налогоплательщика-италика [21. Р. 13, 25]. Неудивительно, что при таких взглядах П. Амори позиционирует себя как конструктивиста в методологической трактовке идентичности. Для него воображае-

мая природа идентичности не подлежит сомнению; идентичность существует только в человеческом сознании [21. Р. 15]. Соответственно, официальные идеологии готских королей или константинопольских императоров, на базе которых создавались исторические источники, способны не только репрезентировать, но и изменять мнение людей о самих себе [Там же. Р. 39]. В то же время П. Хизер не согласен с этой, по его определению, «манипулятивной» трактовкой этнической идентичности. Он выступает с позиций «сильного» подхода, указывая, что стойкое чувство идентичности передается от поколения к поколению и определяет поступки индивидов, противостоя любой манипуляции. Пытаясь обосновать это утверждение, П. Хизер ссылается на четкое осознание готами своей «готскости» еще до переселения на территорию Римской империи (беря в пример тервингов Атанариха). Впрочем, здесь же он оговаривается, что вопрос с этнической идентификацией различных групп готов небесспорный, анализируя участие в готских группировках гуннов, аланов, ругиев и др. [22. Р. 65–66]. Таким образом, методологическая дискуссия антропологов была унаследована историками без явной победы какого-либо подхода. Однако разнообразие подходов, как показывает данный пример, является полезным с эпистемологической точки зрения, поскольку способствует расширению аналитических исследований, включению в научный оборот нового материала и комплексности понимания исторической ситуации.

Как справедливо отметил Р. Брубейкер, идентичность в современном обществе одновременно является категорией научного анализа и категорией практики – частью политической и социальной риторики. Это создает проблему смешения эмпирического и теоретического начал [1. Р. 69]. Однако при обращении к историческому материалу эта проблема снимается, поскольку дискурс вокруг идентичности до конца XIX в. отсутствует. Поэтому в данном случае выявление и именование некой идентичности не может быть целью исследования, поскольку, по сути, выявляется и именуется собственный мысленный конструкт исследователя. Более корректно задаваться вопросом, как исторический персонаж выстраивал свою жизненную стратегию, как адаптировал ее к изменениям ситуации и насколько успешными были его решения в условиях системного общественного кризиса, а концепцию идентичности использовать для поиска ответа на этот вопрос.

Таким образом, несмотря на критику Р. Брубейкера, концепция идентичности (при отчетливом ее понимании) обладает несомненным объяснительным потенциалом при исследовании жизненных стратегий и интенций исторических персонажей. С ее помощью индивидуальные решения и действия, отраженные в историческом источнике, могут быть интерпретированы как цельная и непротиворечивая последовательность, основанная на стремлении установить тождество с референтными ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 400 p.
3. Heinzelmann M. The "affair" of Hilary of Arles (445) and Gallo-Roman identity in the fifth century // Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 239–251.
4. Маркузе Г. Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М. : АСТ, 2003. С. 349–368.
5. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта ; МПСИ ; Прогресс, 2006. 352 с.
6. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London : Pelican, 1968. 168 p.
7. Manning P. Erving Goffman and Modern Sociology. London: Polity Press, 1992. 202 p.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Меднум, 1995. 323 с.
9. Glazer N., Moynihan D. Introduction // Ethnicity: Theory and Experience. Harvard : Harvard University Press, 1975. 531 p.
10. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 543 с.
11. Латур Б. Пересборка социального. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
12. Bloch M. Anthropology and the Cognitive Challenge. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 234 p.
13. Waarden J.A. van. Writing to Survive. Leuven : Peeters, 2010. 659 p.
14. Mathisen R.W. Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 95–109.
15. Sidonius Apollinaris. To Felix // Sidonius. Poems and Letters. Harvard : Harvard University Press, 1936. Vol. I. P. 172–197.
16. Mathisen R.W. The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul // Classical Philology. 1988. Vol. 83, № 1. P. 45–52.
17. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы истолкования летописных текстов. М. : Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
18. Шибига И.Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М. : Изд-во МГУ, 1997. 144 с.
19. Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Princeton : Princeton University Press, 1988. 492 p.
20. Коньков Д.С. Готы и империя: восстание Гайны как кризис идентичности // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 245–249.
21. Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 548 p.
22. Heather P. The Creation of the Visigoths // The Visigoths from the Migration Period to the Seventh Century. Woodbridge : Boydell & Brewer Ltd., 2003. P. 41–72.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 июня 2016 г.

DOES HISTORY NEED IDENTITY: THE CRITIQUE OF IDENTITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 79–84.

DOI: 10.17223/15617793/409/12

Dmitriy S. Konkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

Keywords: identity; history; methodology of history; historical source; Sidonius Apollinaris.

The problem of the use of the identity concept in the studies of historical persons' life strategies is analyzed in the article. The article is based on R. Brubaker's criticism of the identity concept. The structure of the article is determined by an absentee dialogue with R. Brubaker concerning the possibilities of using the identity concept in historical research. The epistemological potential of the identity concept is shown on the example of Sidonius Apollinaris, a Gallo-Roman aristocrat, poet, orator and politician of the fifth c. AD. The article is divided into three thematic sections according to three problematic frames. The main currently existing interpretations of identity are given in the first section; the second section is about the problem of methodological complementarity between the identity concept and the historical source; the third section presents the experience of using the identity concept to understand a man in the past on the example of Sidonius Apollinaris. The meaning of identity is understood as an individual experience of sameness with any social or cultural configuration. The way identity is achieved is both unconscious and reflexive. The range of social and cultural configurations to choose from is preset. Implementation of self-identification may be achieved by the performance of an old configuration or the formation of new ones. The most relevant is the use of the identity concept for the analysis and structuring of author's personal intentions in the ego-source. In this case the author either directly represents his identity or shows it through the structural and lexical features of the text. It is also possible to reveal intentions of historical public text authors by using the concept of identity. We should ask ourselves what goals the author of the text pursued and what audience his work is for. The use of the concept of identity is comparatively more complicated in the way of research of a particular historical character, whose image is described in historical texts only. In this case the basis for a good research is much smaller, and the possibility of interpretative and impressionistic implementations is higher. Another problem point is that the concept of identity is preliminarily implied by the researcher according to his personal views and experience. However, this does not negate the possibility of the analysis according to another perspective, which is inevitably followed by a different intentional sequence modeling. In the methodological sense, all approaches are based on a preliminary assumption and thus are equivalent. The diversity of approaches itself is beneficial for the creation of knowledge. Despite R. Brubaker's criticism the identity concept (strictly and correctly defined) has an undoubted explanatory potential in the study of historical persons' life strategies and intentions. Individual decisions and actions, as reflected in historical sources, can be interpreted as a complete and consistent sequence based on the desire to establish an identity with referential values.

REFERENCES

1. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: Higher School of Economics.
2. Drinkwater, J. & Elton, H. (eds) (1992) *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?* Cambridge: Cambridge University Press.
3. Heinzelmann, M. (1992) The "affair" of Hilary of Arles (445) and Gallo-Roman identity in the fifth century. In: Drinkwater, J. & Elton, H. (eds) *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?* Cambridge: Cambridge University Press.
4. Marcuse, G. (2003) *Odnomernyy chelovek* [A One-Dimensional Man]. In: Marcuse, G. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek* [Eros and Civilization. A One-Dimensional Man]. Translated from English by A.A. Yudin. Moscow: AST.
5. Erikson, E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Flinta: MPSI: Progress.
6. Goffman, E. (1968) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. London: Pelican.
7. Manning, P. (1992) *Erving Goffman and Modern Sociology*. London: Polity Press.
8. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Medium.
9. Glazer, N. & Moynihan, D. (1975) Introduction. In: Glazer, N. & Moynihan, D. (eds) *Ethnicity: Theory and Experience*. Harvard: Harvard University Press.
10. Tishkov, V. A. (2003) *Rekviev po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: a study on the socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka.
11. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo* [Rebuilding the social]. Moscow: Higher School of Economics.
12. Bloch, M. (2012) *Anthropology and the Cognitive Challenge*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Waarden, J.A. van. (2010) *Writing to Survive*. Leuven: Peeters.
14. Mathisen, R.W. (1981) Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul. *Transactions of the American Philological Association*. 111. pp. 95–109.
15. Sidonius Apollinaris. (1936) To Felix. In: Sidonius. *Poems and Letters*. Vol. 1. Harvard: Harvard University Press.
16. Mathisen, R.W. (1988) The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul. *Classical Philology*. 83:1. pp. 45–52.
17. Danilevskiy, I.N. (2004) *Povest' vremennykh let: germeneyticheskie osnovy istolkovaniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: hermeneutical bases of interpretation of chronicle texts]. Moscow: Aspekt-Press.
18. Shibaga, I.Yu. (1997) *Slav'sya, imperator! Latinskie panegiriki ot Diokletiana do Feodosiya* [Hail, Emperor! Latin eulogies from Diocletian to Theodosius]. Moscow: Moscow State University.
19. Goffart, W. (1988) *The Narrators of Barbarian History*. Princeton: Princeton University Press.
20. Kon'kov, D.S. (2012) Goty i imperiya: vosstanie Gayny kak krizis identichnosti [The Goths and the empire: Gayna's uprising as an identity crisis]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 321:6. pp. 245–249.
21. Amory, P. (2003) *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Heather, P. (2003) The Creation of the Visigoths. In: Heather, P. (ed.) *The Visigoths from the Migration Period to the Seventh Century*. Woodbridge: Boydell & Brewer Ltd.

Received: 16 June 2016

СУД ЧЕСТИ ПРИ СОЮЗЕ РУССКИХ СТУДЕНТОВ-ЭМИГРАНТОВ В ПОЛЬШЕ

На основе неопубликованных документов бывшего «Пражского архива» анализируются генезис, специфика и деятельность студенческого Суда Чести, действовавшего при Союзе русских студентов-эмигрантов в Польше. Делается вывод о том, что Суд Чести способствовал поднятию морального духа русского студенчества и очищению его рядов от людей с противоправным и аморальным поведением, воспитанию внутренней дисциплины у русских студентов-эмигрантов, помогал им решать конфликты и благоприятно воздействовал на имидж русского студенчества в Польше.

Ключевые слова: Русское зарубежье; русские эмигрантские организации в Польше; студенческие эмигрантские организации; суды чести.

До настоящего времени исследователи Русского зарубежья обращали главное внимание на страны, где концентрировалась основная масса русских эмигрантов, поэтому общественная жизнь русской эмиграции во Франции, Германии, Югославии и Чехии освещена и изучена достаточно подробно. Но общественная активность русской эмиграции не ограничивалась Парижем, Берлином, Белградом и Прагой. Одним из центров русской общественной жизни стала Варшава. По данным польских властей, организовавших регистрацию русских эмигрантов, коснувшуюся в основном городского населения, в первой половине 1925 г. в Варшаве эмигрантов из России насчитывалось 5 914 человек, всего в Польше – 53 080, а в 1926 г. – 76 235 человек [1. С. 291–293]. Русские эмигранты в Польше в межвоенный период находились в плохих материальных и правовых условиях по сравнению с другими центрами рассеяния. Польские власти не создали для русских эмигрантов благоприятных условий жизни. Тем не менее наличие в Польше значительного числа русских эмигрантов из среды интеллигенции способствовало возникновению эмигрантских организаций, консолидировавших эмигрантов для политической, общественной и благотворительной деятельности и для общения в привычном кругу. Среди них были организации, объединявшие эмигрантов по корпоративному признаку. В Польше действовали объединения писателей, студентов, юристов и учёных.

Корпоративные эмигрантские организации стремились поддерживать среди своих членов высокие этические стандарты, поэтому создавались специальные выборные органы – суды чести, занимавшиеся разбором преступлений и конфликтов, происходивших внутри объединения. Наличие при общественной эмигрантской организации суда чести не являлось необычным – органы корпоративной юстиции имелись при других русских эмигрантских организациях в Польше, например при Обществе юристов-эмигрантов и среди русских интернированных войск в Польше.

Несмотря на успехи в изучении эмиграции «первой волны», многие аспекты многоплановой деятельности общественных организаций русских эмигрантов в Польше до настоящего времени не получили должного освещения. К таким вопросам относится деятельность Суда Чести при Союзе русских студентов-эмигрантов в Польше (СРСЭ). Так, анализ историографии, относящейся к теме, показал, что историки, изучавшие русскую эмиграцию и эмигрантское

студенчество, целенаправленно и подробно не исследовали деятельность судов чести при русских эмигрантских организациях в Польше. Проблема российских студенческих судов чести затрагивалась в работах российских авторов. Е.И. Иванов отмечает, что суды чести впервые в России возникли при студенческих немецких корпорациях в Дерптском университете, а при российских студенческих организациях действовали до октября 1917 г. [2. С. 169; 3. С. 246].

В монографии К.В. Бирюковой, посвящённой студенческим союзам в Европе, в том числе СРСЭ, не упоминается о существовании судов чести [4], также как и в статье харьковского историка А.И. Ёлкина, посвящённой социально-бытовым условиям жизни русских студентов-эмигрантов в Польше [5]. Только М.В. Трошкина в статье, обобщающей фонды, относящиеся к эмигрантским организациям в Польше, отмечает, что материалы Суда Чести СРСЭ освещают материальное положение студентов и что большая часть рассмотренных судом дел относится к мелким преступлениям, в основном бытовым кражам на почве нищеты [6]. В статье, таким образом, осуществляется первая попытка исследовать генезис, специфику и деятельность Суда Чести СРСЭ.

Источниковой базой стали неопубликованные материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации в фондах бывшего «Пражского архива» – Русского заграничного исторического архива (РЗИА). Документы РЗИА стали доступны исследователям сравнительно поздно – в 1988 г. Основная часть документов рукописная, выполненная в соответствии с дореволюционной орфографией, что свидетельствует о желании членов СРСЭ законсервировать дореволюционную культуру. Выявлены документы, регламентирующие деятельность Суда Чести СРСЭ (Положение о Суде Чести) и массив делопроизводственных документов, проливающих свет на деятельность Суда Чести за 5 лет с 1923 по 1927 г. (протоколы судебных заседаний, приговоры, а также заявления, повестки и письменные показания сторон судебного процесса). Судебные делопроизводственные документы находятся в разных делах фонда, что затрудняло их выявление. В целом можно сделать заключение об их достаточной репрезентативности.

Начало истории судов чести относится к временам появления рыцарства и японских самураев, когда наличие чести стало главным отличием дворянства от «третьего сословия». В России появление первых

представлений о воинской чести связано с зарождением русского государства и появлением княжеской дружины в период военной демократии. В дальнейшем в концепт чести стали включаться этические нормы, что обусловлено принятием христианства на Руси и утверждением христианской морали. Понятие «честь русского офицерства» окончательно сформировалось в середине XIX в., тогда же в среде офицеров появились первые суды чести. Понятие «воинская честь» подразумевало и долг перед Родиной, чему способствовала воинская повинность и система обучения, включавшая моральное воспитание. Вот как в 1898 г. полковник В.А. Швайковский характеризует роль судов чести в имперской армии: «Суд чести, имея целью охранение достоинства военной службы, чести и доблести офицерского звания, представляет собой высокий авторитет по всем вопросам чести и благородства; он же вместе с тем верный хранитель и выразитель традиций армии» [7].

Как уже отмечалось, органы корпоративной юстиции действовали при российских студенческих организациях до октябрьского переворота 1917 г., так что русские студенты-эмигранты имели представление о судах чести, существовала традиция судов чести. Сохранению среди студентов традиций корпоративной юстиции способствовало то, что основная масса студентов прибыла в Польшу после Гражданской войны в составе армий генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова и генерала от инфантерии Н.Н. Юденича и некоторое время компактно размещалась в лагерях интернированных [8. Д. 15. Л. 18].

В связи с тем что мы рассматриваем студенческий суд чести, возникает вопрос: что понимали студенты – члены СРСЭ под таким моральным качеством как честь? Исходя из понятия чести, можно предположить, что студенческая честь могла включать в себя степень добросовестности и честности, патриотизм, студенческое братство, личное достоинство, потребность самореализации через полную самоотдачу при выполнении учебных и общественных обязанностей, стремление к качественному и эффективному решению задач, способность преодолевать трудности, продуктивное выполнение обязанностей.

Согласно «Положению о Суде Чести», входившему как составная часть в устав СРСЭ, Суд имел право разбирать дела, возникавшие между членами Союза и между третьими лицами и членами Союза и относящиеся к нарушениям общепринятых понятий о чести и порядочности; нарушениям издавна установившихся студенческих традиций и корпоративной чести; проступкам уголовного характера, возникающим в порядке частного обвинения (оскорбление на словах и действием, клевета и пр.).

Поскольку одной из задач Суда Чести являлось рассмотрение дел о нарушении издавна установившихся студенческих традиций, необходимо разобраться, в чём заключались данные традиции. Наиболее яркой традицией, конечно, является празднование Татьянина дня, но Суд Чести вряд ли мог рассматривать дела о нарушении данной традиции. Гораздо важнее для студенческого сообщества являлось ак-

тивное участие его членов в общественной жизни. По мнению А.Н. Гостева, «студенческое самоуправление в России было уже в Московском, Санкт-Петербургском, Дерптском, Казанском и других университетах» [9. С. 118]. Другой важной традицией являлась их аполитичность, так как политические организации в Российской империи долгое время были запрещены правительством. К тому же корпорация объединяла студентов разных политических взглядов, и политические разногласия могли внести вражду и раскол в студенческую среду. В уставе СРСЭ отмечено, что он является аполитичной организацией [8. Д. 1. Л. 1]. Таким образом, политика оставлялась за рамками СРСЭ, и верх брала традиция студенческого братства и дружеской взаимопомощи. Традицией являлись также солидарность и всеобщее равенство студентов – членов корпорации вне зависимости от религиозной принадлежности, национальности, пола, сословного и материального положения. Также в студенческой среде осуждалось получение обеспеченными студентами материальной помощи от государства.

Власть корпорации распространялась только на её членов, поэтому дела между третьими лицами и членами СРСЭ подлежали юрисдикции Суда лишь при согласии заинтересованных третьих лиц. Дела уголовного характера, возникавшие в порядке частного обвинения, принимались к рассмотрению Суда вне зависимости от возбуждения дела в государственном суде.

Процедура возбуждения и рассмотрения дела была достаточно простой по сравнению с государственным судом, это экономило время и силы студентов и освобождало их от денежных трат, что играло значительную роль для русских студентов-эмигрантов, часто живших в Польше впроголодь. Дела возбуждались по письменному или устному заявлению заинтересованных лиц; по постановлению Общего собрания Союза, Правления Союза или других его органов и по инициативе Суда Чести.

Суд состоял из председателя, двух членов и двух кандидатов к ним. Долгое время в Суде председательствовал М.Э. Шмидт, затем его сменил А.А. Савастьянов. Членами Суда в разное время состояли студенты Л.И. Быстрицкий, М.Р. Заграй, А.В. Зайковский, П.Е. Кишкин, В.М. Неклюев, Г.П. Роев и др.

Во время заседания секретарские обязанности возлагались на одного из членов Суда. Состав Суда выбирался на академический год и до истечения своих полномочий не мог быть сменен. Судебное заседание считалось легитимным при наличии председателя и двух членов. В случае отсутствия кого-либо из членов его заменял кандидат. Заседания обычно проходили в открытом режиме, но суд имел право по заявлению одной из сторон и по собственной инициативе вынести постановление о рассмотрении дела в закрытом режиме.

О дате, времени и месте слушания дела стороны извещались способом по усмотрению Суда. До начала слушания дела Суд обязан был удостовериться, что стороны своевременно извещены о дне, времени и месте слушания. В случае неявки в Суд без уважительной причины обвинителя при врученной ему повестке дня уголовные дела, возникающие в порядке частного обви-

нения, прекращались. Дела о нарушении общепринятых понятий о чести и порядочности и издавна установившихся студенческих традиций и корпоративной чести разбирались Судом даже в отсутствие обвинителя, что свидетельствует о значении, которое Союз придавал таким делам. Примирением могли закончиться лишь уголовные дела, возникавшие в порядке частного обвинения. В случае невручения повестки сторонам или неимения сведений о вручении слушание дела откладывалось. При неявке обвиняемого без уважительных причин дело слушалось в его отсутствие.

Суд имел право приговаривать членов Союза к замечанию, к выговору перед лицом Суда или Общего собрания и к не превышавшему одного злотого денежному взысканию в пользу кассы взаимопомощи Союза. В «Положении о Суде Чести» нет такой меры наказания, как исключение из СРСЭ, но, судя по приговорам Суда, она применялась. Приговоры приводились в исполнение через Правление СРСЭ, а Суд наблюдал за своевременностью их исполнения. Приговоры вывешивались на видном месте в помещении Союза и докладывались Общему собранию. Об исключении из Союза сообщалось всем студенческим эмигрантским организациям и публиковалось в печати [8. Л. 4–5 об.].

Таким образом, студенты, входившие в СРСЭ, самостоятельно избирали судей на определенный положением срок, что свидетельствует о демократическом принципе избрания суда. Суд чести рассматривал дела на основе тех же принципов, что и суд в любом правовом государстве, – гласности, состязательности и равенства сторон. Студенты лично принимали участие в заседаниях. Суд обладал значительными правами: приняв к рассмотрению дело, имел право назначать предварительное дознание, которое поручалось одному из его членов или кандидату, и опрашивать свидетелей. Причём члены СРСЭ, вызванные в качестве свидетелей по делам о нарушении общепринятых понятий о чести и порядочности и о проступках уголовного характера, возникавшим в порядке частного обвинения, в случае неявки без уважительной причины подвергались выговору и денежному взысканию, но не свыше одного злотого. В случае упорного нежелания члена Союза дать свидетельские показания Суд имел право применить к нему одну из высших мер наказания. Свидетели в состоянии болезни могли допрашиваться по месту жительства специально командированным членом Суда.

Суд выносил приговоры после тщательного и всестороннего изучения обстоятельств дела всеми законными и доступными ему средствами и путями. Решение принималось большинством голосов, а член Суда, не согласный с большинством, имел право предложить отдельно своё мотивированное мнение. Решения об исключении студентов из СРСЭ вступали в силу только после одобрения Общего собрания, что являлось сдерживающим фактором и позволяло собранию контролировать решения суда. Всё это должно было обеспечить справедливость приговоров.

Вместе с тем имелись и потенциально негативные стороны. Решения Суда являлись окончательными и не подлежали обжалованию, что ограничивало права студента и могло спровоцировать произвол со стороны

судей. Не соблюдался принцип несменяемости судей, что позволяло студенческой корпорации контролировать деятельность суда, что являлось демократическим по сути, но ставило суд в зависимости от мнения большинства членов студенческой организации.

Процедура рассмотрения дела копировала процедуру рассмотрения гражданского дела в государственном суде. Вначале секретарь Суда оглашал назначенное к слушанию дело. Затем председатель предоставлял слово обвиняющей стороне, затем обвиняемому. Далее слово предоставлялось свидетелям. После допроса сторон и свидетелей председатель просил присутствующих удалиться. По окончании совещания Суд выносил приговор, который оглашался председателем Суда и выслушивался присутствующими стоя.

Русское студенчество в Польше находилось в неблагоприятных материальных и морально-психологических условиях. Отрицательно воздействовали на душу русских эмигрантов крайняя нехватка денег, тяжелые условия жизни и нахождение вдали от родины, в чужой стране, где общество и правительство индифферентно относились к русским эмигрантам и студенчеству в частности. Поэтому некоторые дела, особенно в первый год деятельности Суда, возникали по причине краж, том числе мелких, в основном в студенческом общежитии.

9 сентября 1923 г. Суд Чести рассматривал два дела, возбужденных общежитием, в отношении проживавших в нём членов СРСЭ. Студент Н. Разумов обвинялся в пропаже брюк у студента В. Сергиевского, а последний обвинялся в пропаже брюк у студента Зайцева. Зайцев на Суд не явился и никаких объяснений относительно своей неявки Суду не предоставил, поэтому Суд признал неявку неуважительной и постановил слушать дело в его отсутствие, на что возражений не последовало.

По первому делу из опроса свидетелей, протокола общего собрания общежития и показаний обвиняемого и потерпевшего Суд не усмотрел признаков вины Н. Разумова и оправдал его. По второму делу из протокола общего собрания общежития, опроса свидетелей и объяснений В. Сергиевского Суд Чести усмотрел, что свидетели определенно и единогласно утверждают, что Зайцев на общем собрании общежития категорически признал найденные при обыске В. Сергиевского брюки за собственные, а заявление Зайцева, поданное через В. Сергиевского в Суд Чести спустя несколько дней после вышеупомянутого общего собрания общежития, не соответствует действительности. Суд Чести признал В. Сергиевского виновным в присвоении брюк Зайцева и приговорил к исключению его из СРСЭ. Также Суд ввиду публичного и категорического признания на общем собрании общежития брюк, найденных при обыске у В. Сергиевского, за свои и активного желания скрыть действительного виновника пропажи брюк и за неявку на судебное заседание без уважительных причин постановил исключить Зайцева из общежития в двухнедельный срок.

Суд также предложил выбрать нового старосту по причине постоянно повторяющихся и нераскрытых

краж в общежитии [8. Д. 2. Л. 79–80]. Таким образом, можно заключить, что кражи в студенческом общежитии носили систематический характер.

В. Сергиевский, исключенный из СРСЭ Общим собранием, просил пересмотреть его дело, но 11 ноября 1923 г. Суд, рассмотрев его заявление, решил, что нет законных поводов к пересмотру данного дела и вынести новое решение по нему Суд не имеет возможности, и В. Сергиевскому в просьбе отказал [Там же. Л. 74].

30 сентября 1923 г. Суд слушал дело по обвинению члена Союза Шевелкина в присвоении вещей А.Г. Володуцкого. Заслушав письменное заявление свидетеля и показания А.Г. Володуцкого и Шевелкина, Суд признал Шевелкина виновным в краже и приговорил к исключению из общежития в двухнедельный срок, обязав возместить стоимость присвоенных вещей [Там же. Л. 81].

Более серьёзное дело разбиралось 30 августа 1923 г., когда Суд рассмотрел дело о растрате денег Союза казначеем СРСЭ Н.Н. Богдановым. Выслушав показания обвиняемого и членов Правления, а также протокол Ревизионной комиссии по данному делу, Суд, принимая во внимание осознание вины Н.Н. Богдановым в растрате, признал его виновным и приговорил к исключению из СРСЭ.

Суд нашёл также, что проступок Н.Н. Богданова носит характер, не только порочащий честь русского студента, но и уголовный, что не входит в компетенцию Суда Чести, а поэтому постановил вопрос о предании бывшего казначея Союза Н.Н. Богданова уголовному суду передать на рассмотрение ближайшего Общего собрания. Со своей стороны, Суд Чести, зная долгую и честную предшествующую деятельность Н.Н. Богданова в должности казначея, пришёл к выводу, что «растрата совершена в состоянии опьянения и наркоза» [8. Д. 2. Л. 75–75 об.].

Таким образом, члены СРСЭ не всегда отвечали нормам моральной устойчивости и не были примером образцового отношения к обязанностям и учёбе.

Отличительной чертой Суда Чести являлось то, что он имел право рассматривать не только мелкие уголовные дела, но и дела этического характера, а также дела о нарушении студенческих традиций и корпоративной чести, что способствовало поддержанию порядка в среде русских студентов и в конечном итоге благоприятно отражалось на имидже русского студенчества в Польше. Этические дела суды чести разбирали и до октябрьского переворота. Тогда этические нормы студенческой корпорации заключались в запрете сотруничества с администрацией университета и с царской охранкой.

«Этическое дело» слушалось 24 апреля 1923 г. Студент В. Базилевский обвинялся «в проступках, роняющих честь русского студента». Из опроса свидетелей и показаний обвиняемого Суд усмотрел в поведении и поступках В. Базилевского «недостаточное сознание этических принципов и недостаточное уважение к выборным органам Союза». Поэтому постановил объявить ему выговор перед лицом Общего собрания и лишить его на один год избирательного права [8. Д. 2. Л. 56].

13 мая 1923 г. Суд слушал дело по обвинению членами Союза М. Поляковой, М. Карпович и М. Преловской члена того же Союза В. Фот (она же Попова) в поступках, порочащих честь русского студента. Обвиняемая Фот в Суд не явилась и никаких письменных объяснений Суду не предоставила, поэтому Суд постановил, руководствуясь Положением о Суде Чести, дело слушать в отсутствие обвиняемой. Исходя из опроса обвинителей и показаний студентов-свидетелей, Суд Чести пришел к выводу, что поведение и поступки члена Союза В. Фот действительно не соответствуют этике и студенческим традициям, и приговорил объявить В. Фот выговор пред лицом Общего собрания и лишить её избирательных прав на один год [Там же. Л. 58].

Уважение к авторитету выборных органов организации являлось важной обязанностью и этической нормой для членов СРСЭ, о чём свидетельствуют протоколы и приговоры Суда Чести СРСЭ. Так, 13 мая 1923 г. Суд слушал дело по обвинению студентами Л. Быстрицким, А. Володуцким и А. Лавровым студента Н.И. Иванова в клевете и подрыве авторитета выборной организации СРСЭ – Бюро труда. Один из обвинителей, А. Лавров, на Суд не явился и не предоставил ему никаких письменных объяснений относительно своей неявки, поэтому Суд постановил дело слушать в его отсутствие, на что стороны не возражали.

Из показаний обвиняющей стороны и из опроса свидетелей, членов СРСЭ, Суд усмотрел, что Н.И. Иванов своими разговорами и критикой действий Бюро труда о назначении на работу членов артели показал, что он не сознает, что не дело каждого отдельного члена артели критиковать действия выборных органов, так как для этого имеются особые органы, которые могут проверять правильность и целесообразность действий Бюро труда, – Общие собрания членов артели, Суд Чести и отчасти Ревизионная комиссия. Суд Чести приговорил объявить Н.И. Иванову замечание, а дело о клевете прекратить [8. Д. 2. Л. 59].

Среди протоколов Суда имеются и другие, в которых запечатлены дела о конфликтах между членами Союза и его руководством. Пожалуй, одно из наиболее ярких дел – дело студента Варшавского университета А. Гольберга, занимавшего должность председателя Правления СРСЭ в 1922 г. [Там же. Л. 2]. Суд рассматривал его дело 12 марта 1925 г. А. Гольберг обвинялся Правлением «в оскорблении словами Правления, как такового».

Суть дела состояла в следующем. На заседании Правления СРСЭ в Польше просьба А. Гольберга разбиралась в порядке повестки дня одной из последних. Когда А. Гольберг узнал о неблагоприятном решении его просьбы о ссуде на оплату обучения в университете, он в резких выражениях и повышенным тоном стал разговаривать с одним из членов Правления, сказав, что подобное поведение Правления попросту «хамство» и т.п. [8. Д. 9. Л. 22].

Свой поступок А. Гольберг объяснил нервным состоянием, в котором он находился из-за того, что Правление заставило его ждать ответа на просьбу несколько часов, занимаясь в это время, по мнению об-

виняемого, «своими семейными делами». До заседания Правления А. Гольберг лично обращался к каждому его члену в отдельности устно об удовлетворении его просьбы, и каждый из них обещал ему содействии. По словам А. Гольберга, Правление прежнего состава меньше всего обращало внимание на формальную сторону, и если студент ожидал решения по поданному им заявлению, то ему часто сообщалось о решении ещё до окончания заседания. На заседании, когда разбиралось заявление А. Гольберга, он неоднократно обращался к выходившим членам Правления с просьбой о выяснении решения результата его просьбы, но не получал ответа. Подобное отношение его возмутило и стало причиной резкости его слов и поведения [8. Д. 38. Л. 29]. В результате Суд приговорил А. Гольберга к выговору перед лицом Общего собрания и лишению избирательного права в Союзе сроком на полгода [Там же. Л. 30].

У этого дела было и продолжение. А. Гольберга решение суда не удовлетворило, и он резко раскритиковал Суд, который после этого вынес решение о его исключении из рядов СРСЭ. Общее собрание, утверждавшее приговоры об исключении, приговор А. Гольберга не утвердило и даже подвергло Суд критике. Суд усмотрел в этом недоверие к себе, неодобрение своей деятельности, расхождение в позициях о студенческих традициях и корпоративной этике и сложил полномочия [8. Д. 3. Л. 62]. В конечном итоге А. Гольберга исключили из Союза уже новым составом суда [Там же. Д. 38. Л. 58].

Из этого дела следует, что система сдержек и противовесов в студенческом сообществе работала успешно и студенческое сообщество контролировало Суд. Свою роль в этом играли и демократические традиции дореволюционного русского студенчества, и распространённость среди студентов либеральных идей, ярко проявляющихся в молодые годы.

20 марта 1926 г. Суд рассматривал дело по обвинению членом Союза И. Садовниковым председателя Правления СРСЭ Н. Москвина в предоставлении недостоверной информации о получении денег из министерства народного просвещения и вероисповеданий. Из показаний свидетелей и объяснений сторон Суд, с одной стороны, усмотрел, что председатель Правления действительно дал неправильную информацию И. Садовникову, из-за чего последний возбудил дело, но с другой стороны, Суд усмотрел, что И. Садовников, не задав определенных вопросов председателю Правления, не мог получить категорических ответов. Обвиняя Правление в секретном распределении денег, И. Садовников не имел для этого достаточных данных. Суд Чести приговорил председателя Правления к замечанию, а И. Садовникова к выговору [8. Д. 4. Л. 9].

Исходя из выявленных протоколов Суда Чести за 5 лет с 1923 по 1927 г., Суд рассмотрел около 20 дел. В том числе в 1923 г. 3 дела о краже, 3 дела о поступках, порочащих честь русского студенчества, 3 дела о клевете. В 1924 г. – 2 дела о поступках, порочащих честь русского студенчества, одно об оскорблении Правления и одно об обвинении студентом Правления в превышении власти. В 1925 г. – одно дело об оскорблении, одно об оскорблении Правления и одно об оскорбле-

нии Суда Чести. В 1926 г. – одно дело об обвинении студентом Правления Союза. В 1927 г. – 2 дела об оскорблении, одно о клевете, одно об оскорблении Суда Чести и одно дело о краже [8. Д. 2. Л. 55, 56, 57, 58, 75, 79, 81; Д. 4. Л. 9; Д. 38. Л. 3, 4, 9–9 об., 18–19, 29, 31, 64, 68–68 об., 69, 77, 76–76 об., 77, 90, 97].

Приведённые данные позволяют сделать заключение о нерегулярном проведении заседаний Суда и о малом количестве рассмотренным им дел. В первый год деятельности Суд рассматривал уголовные дела о мелких кражах, в последующие годы такие дела почти исчезают, что объясняется постепенной нормализацией бытовых условий жизни студентов. Отмечается преобладание дел об оскорблении и клевете, что отражает специфику Суда Чести.

Таким образом, Суд Чести способствовал поднятию морального духа русского студенчества в Польше, очищению его рядов от людей с противоправным и аморальным поведением, способствовал воспитанию внутренней дисциплины среди русских студентов. Наличие при СРСЭ Суда Чести свидетельствует не только о большом значении для организации соблюдения её членами этических норм, но и о необходимости контроля корпоративным сообществом их соблюдения.

Существование и деятельность Суда Чести имели положительное значение для русского студенчества. Широкой общественной огласке происходивших внутри студенческого объединения негативных проявлений препятствовало право Суда рассматривать спорные вопросы и конфликты, возникавшие между членами СРСЭ и членами СРСЭ и третьими лицами при их согласии. Наличие при СРСЭ Суда Чести позволяло студенту – члену организации избежать обращения в польские правоохранительные органы в случае совершения в отношении него мелкого уголовного преступления и наличия подозреваемого в нём. Суд Чести способствовал формированию нравственно зрелых, воспитанных на ценностях чести, ответственных перед государством, обществом и коллегами личностей.

Кроме того, студенту было психологически проще и комфортнее обращаться за справедливостью к соотечественникам и коллегам, создавалось ощущение солидарности и защищенности, которые предоставляла студенческая корпорация. Зато наказания, которым могли подвергнуть студента, признанного виновным, были психологически болезненными, так как выносились от имени студенческого сообщества. Представляется возможным провести аналогию с греческим полисом, где изгнание или атимия также являлись наиболее тяжелыми наказаниями для гражданина; также и студент, исключённый из организации, оставался без поддержки и защиты своей корпорации.

В заключение отметим, что опыт общественных организаций русского студенчества и таких органов, как суды чести, не в достаточной мере использован и внедрён в современную российскую общественную жизнь. Несомненно, возрождение традиций русского студенчества по созданию своих неправительственных общественных организаций и судов чести при них обладает значительным позитивным потенциалом в деле укрепления и развития гражданского общества в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квакин А.В. Документы по истории Российского Зарубежья из коллекции баронессы Марии Врангель в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США) // Вестник архивиста. 2004. № 1 (79). С. 263–295.
2. Иванов Е.И. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004.
3. Иванов Е.И. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010.
4. Бирюкова К.В. Российские студенческие союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920–1930-е гг. М., 2004.
5. Ёлкин А.И. В поисках лучшей доли: русские студенты-эмигранты в Польше в 20–30-е гг. XX в. // Вісник Харківського нац. університету ім. В.Н. Каразіна. 2014. № 1117: Історія, вип. 48. С. 135–143.
6. Трошкина М.В. Документы Государственного архива Российской Федерации о деятельности русских общественных организаций в Польше (1920–1930-е гг.) // Отечественные архивы. 2006. № 5. С. 56–66.
7. Швейковский В.А. Суд общества офицеров и дуэль в войсках российской армии. СПб., 1898.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5846. Оп. 1.
9. Гостев А.Н. Система российских традиций в студенческом самоуправлении // Системная психология и социология. 2013. № 7. С. 116–173.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 мая 2016 г.

THE COURT OF HONOR OF THE UNION OF RUSSIAN STUDENTS-ÉMIGRÉS IN POLAND

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 85–90.

DOI: 10.17223/15617793/409/13

Sergei V. Kosterin, Russian State University for Humanities (Moscow, Russian Federation).

E-mail: kosterin-sergey2014@yandex.ru

Keywords: Russian Abroad; Russian émigré organizations in Poland; student émigré organizations; courts of honor.

For the first time in the historiography, the article aims to analyze the genesis, specificity and activity of a body of corporate justice – the Court of Honor of the Union of Russian students-émigrés in Poland (URSE) based on the unpublished documents stored in the State Archive of the Russian Federation in the collections of the former Prague Archive. The archival sources show that students of URSE independently elected judges for a certain period, which demonstrates the democratic principle of the Court election. The Court hearings followed the same rules as in any state of law. The cases were heard on the basis of transparency, competitiveness and equality of parties. The students took part in the Court's sessions. This was supposed to ensure the fairness of the verdicts. The Court had significant rights: it could appoint a preliminary inquiry and examine the witnesses. But the Court's decisions were not a subject to appeal, which limited the students' rights and could provoke the arbitrariness of judges. The irremovability of judges principle was not observed, which enabled the corporation to control the activity of the Court and put the Court in reliance on the opinions of the majority of its members. The bulk of the cases were due to minor household thefts, mostly in the student dormitory. Thefts were determined by the difficult material conditions of life of Russian students-émigrés in Poland and their moral decay as a result of the adverse moral and psychological climate, which was a reality for the Russian Diaspora during the times of interwar Poland. The special features of the Court of Honor included its rights to examine ethical cases and cases about the violation of student traditions and corporate honor. The activity of the Court had a positive significance for Russian students, because the Court could consider controversial issues and conflicts that arose between the URSE members, the URSE members and third persons in case of their consent, which prevented publicizing of the negative phenomena within the student association and, ultimately, it positively reflected on the image of Russian students. The existence of the Court of Honor allowed students to avoid turning to the Polish authorities when a minor criminal offence against them took place and there was a suspect. Students felt more comfortable psychologically looking for justice together with compatriots and colleagues, it gave the impression of solidarity and security. But punishments were psychologically painful as they were imposed on behalf of the student community and could cause the loss of support of the student organization. The Court of Honor helped to maintain order, helped in the purification of the student corporation from people with unlawful and immoral behavior; it had a positive effect on the moral image of Russian students in Poland.

REFERENCES

1. Kvakin, A.V. (2004) Dokumenty po istorii Rossiyskogo Zarubezh'ya iz kollektsii baronessy Marii Vrangeli v arkhive Guverovskogo instituta voyny, revolyutsii i mira (SShA) [Documents on the history of Russian abroad from the collection of Baroness Maria Wrangel in the archives of the Hoover Institution on War, Revolution and Peace (USA)]. *Vestnik arkhivista*. 1 (79). pp. 263–295.
2. Ivanov, E.I. (2004) *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii* [Student Corporation in Russia of the late 19th – early 20th centuries: the experience of the cultural and political self-organization]. Moscow: Novyy khronograf.
3. Ivanov, E.I. (2010) *Mir rossiyskogo studenchestva. Konets XIX – nachalo XX veka* [World of Russian students. Late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Biryukova, K.V. (2004) *Rossiyskie studencheskie soyuzы v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope v 1920–1930-e gg.* [Russian student unions in Central and Eastern Europe in the 1920s–1930s]. Moscow.
5. Elkin, A.I. (2014) V poiskakh luchshey doli: russkie studenty-emigranty v Pol'she v 20–30-e gg. XX v. [In search of a better life: Russian emigre students in Poland in the 1920s–1930s]. *Visnik Kharkivs'kogo nats. universitetu im. V.N. Karazina*. 1117:48. pp. 135–143.
6. Troshkina, M.V. (2006) Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Rossiyskoy Federatsii o deyatelnosti russkikh obshchestvennykh organizatsiy v Pol'she (1920–1930-e gg.) [Documents of the State Archive of the Russian Federation on the activities of Russian public organizations in Poland (1920s–1930s)]. *Otechestvennye arkhivy*. 5. pp. 56–66.
7. Shveykovskiy, V.A. (1898) *Sud obshchestva ofitserov i duel' v voyskakh rossiyskoy armii* [The Court of Officer Society and the duel in the Russian army troops]. St. Petersburg: V. Berezovskiy.
8. State Archive of the Russian Federation. Fund R-5846. List 1. (In Russian).
9. Gostev, A.N. (2013) The system of Russian traditions in student self-government. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya – Systems Psychology and Sociology*. 7. pp. 116–173. (In Russian).

Received: 19 May 2016

АНГЛИЙСКИЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМФЛЕТ ОБ ОДЕРЖИМОСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Исследуется проблема изучения английских памфлетов об одержимости XVI–XVII вв. как исторических источников, касающихся представлений о колдовстве и сверхъестественном в массовой культуре позднесредневекового английского общества. Предлагается классификация памфлетов об одержимости. Определяется инструментарий для работы с указанным типом источников, а также выявляются основные трудности и препятствия при проведении исторического анализа.

Ключевые слова: одержимость; памфлеты; представления о сверхъестественном; Англия; XVI–XVII вв.; источниковедение; исторический анализ.

Анализируется проблема изучения жанра памфлетной литературы как исторически достоверного источника относительно периода позднего Средневековья, в частности периода «охоты на ведьм». Целью статьи является выявление основных трудностей при работе с указанным типом источника. Предлагается классификация памфлетов об одержимости с целью упрощения исторического анализа каждого.

Вера в возможность проникновения некой злой сущности в тело человека будоражила сознание европейского общества на протяжении всего Средневековья. Однако именно в период позднего Средневековья Западная Европа столкнулась с повсеместными проявлениями этого феномена. Явление одержимости достигло пика в рамках массовой «охоты на ведьм» XV–XVII вв., во многом провоцируя ее и обогащая содержание концептов демонологии и ведовства. Распространение эпидемий одержимости шло из континентальной Европы, где они начались раньше, в начале XVI в., в периферийные зоны – Британию, Скандинавию, Восточную Европу в середине XVI – конце XVII в.

В период середины XVI – начала XVII в. английское общество вместе с начавшейся охотой на ведьм накрыла «волна» индивидуальных и групповых проявлений демонической одержимости среди взрослого, юношеского и детского населения обоих полов. До сих пор исследователи феномена не могут назвать точное число одержимых указанного периода, с уверенностью можно утверждать, что общее число бесноватых людей превышает сотню за 1560–1690-е гг. [1. Р. 1]. Одни случаи детально описаны, как примеры с Томасом Дарлингом [2], Анной Милнер [3. Р. 13–28] или Кетрин Райт [1. Р. 109–128]; о других не известно ничего, кроме даты, места казуса и имени одержимого, как случай жены мс. Дрейка, Эстер [1. Р. 6] или Анны Франк [3. Р. 37]; о третьих не осталось ничего, кроме отдельных упоминаний, условных обозначений и ярких прозвищ, таких как «Девушка из Бевдли» [1. Р. 5] или «Юноша из Пишли» [Там же. Р. 35]. Сообщения об одержимых можно обнаружить в дневниковых записях и письмах, демонологических, ведовских и медицинских трактатах, судебных отчетах. Большинство же отчетов и описаний случаев одержимости относится к жанру памфлетной литературы, расцвет которого пришелся на указанный период.

Английский позднесредневековый памфлет – широкое понятие, объединяющее множество групп со-

вершенно разных текстов, от политических сатирических произведений, новостных сводок, погодных наблюдений до художественных произведений, например, народных баллад или романов о преступниках и бродягах [4. С. 91–102]. В широком смысле памфлетом может быть названа небольшая по количеству страниц книга, издание невысокого статуса, короткое произведение, отпечатанное на одном листе, сложенном впоследствии вчетверо, восьмью и т.д., относящиеся к жанру популярной, публицистической литературы, а также общественно доступное издание, адресованное широкому кругу читателей [5. Р. 5].

Внешне памфлет представлял собой небольшое по размеру издание, набранное шрифтом определенного стиля, главным образом старинным английским готическим [6. С. 146], тогда как все остальные печатные издания этого времени уже набирались антиквой, сопровождаемой гравюрами и иллюстрациями различного содержания и характера. Популярность этого жанра среди массового читателя была высока во многом благодаря доступности самих текстов – цена издания была сравнительно небольшой [Там же. С. 150–151]; благодаря простому языку изложения – стиль описания был наиболее близок к разговорному, и благодаря центральному предмету, о котором велась речь в памфлете, представлявшему особый интерес для рядового члена общества – преступления, аномалии, чудеса и пр.

Сюжеты и темы были разнообразны. Памфлеты освещали практически все сферы жизни позднесредневекового общества: от метеорологических и астрономических явлений (сильный град или комета [7]) до политических и религиозных событий (войны или религиозная политика [5]), памфлеты издавались в виде шуточных историй, стихов, сказок, путеводных заметок и баллад [6. С. 148]. Несмотря на кажущуюся «разношерстность» содержания, памфлетная литература обладает рядом общих черт, таких как информационность, эмоциональная окрашенность, пропагандистская направленность, художественное литературное изложение материала. В середине XVI в. к данным разновидностям добавляются памфлеты о колдовстве и памфлеты об одержимости, взаимосвязанные и взаимообусловленные жанры.

Хронологически памфлеты об одержимости появились практически одновременно с памфлетами о колдовстве. Исследователи указывают, что первым о колдовстве мог стать памфлет, посвященный первому

из известных английских ведовских судебных процессов 1563 г. [6. С. 145], но он не сохранился. Первый же памфлет об одержимости относится к 1564 г. [8]. За короткий промежуток времени памфлеты об одержимости стали важной составляющей памфлетов о колдовстве, как, например, рассказ о детях Трокмортон и о трех ведьмах из Вербоус (Уорбоя) [9], прибывая в этом качестве вплоть до первой четверти XVII в. Согласно подсчетам исследователей до современности дошло около 150 памфлетов о колдовстве [6. С. 172], четверть из них представляют собой памфлеты и о колдовстве, и об одержимости [8. Р. 179], около 20 произведений разного времени представляют собой исключительно памфлеты об одержимости.

Как уже было сказано, памфлеты об одержимости тесно связаны с памфлетами о колдовстве, некоторые из них представляют собой памфлет и об одержимости, и о колдовстве. К середине XVII столетия памфлеты об одержимости стали преобладающей формой данного жанра и полностью вытеснили с читательского рынка памфлеты о колдовстве благодаря своей скандальной и сенсационной природе. Как отмечают некоторые исследователи, например Джеймс Шарп, именно благодаря этой природе, а также сопутствующей повсеместной дискредитации и разоблачениям одержимых детей и возникшему в этой связи общественному скепсису относительно явления одержимости угас не только вид памфлетов об одержимости, но и жанр памфлетной литературы о колдовстве в целом [10. Р. 109–110]. Хотя некоторые новые памфлеты об одержимости все же продолжали печататься и после 1620-х гг., ни одного нового памфлета о колдовстве позднее середины XVII столетия так и не появилось [8. Р. 181].

Памфлет об одержимости представляет собой сложный для интерпретации и анализа жанр массовой позднесредневековой литературы. Для данного типа документов характерны компилятивность содержания, крайне субъективное изложение событий, общее стремление к стереотипизации содержания и описаний, а также наличие множества авторов, чаще всего никак не связанных между собой, чьи работы были переложены порой анонимным редактором.

Памфлет в соответствии с жанровыми требованиями строился по определенному принятому образцу. Большая часть из известных памфлетов об одержимости состоит из нескольких составных частей, каждая из которых может служить отдельным источником ценной информации и заслуживает особого внимания и описания. В числе составных частей памфлета следует выделять заголовок, предисловие или обращение к читателю, основную часть, которая также может делиться на параграфы, части или главы, и заключение. Каждая из указанных частей обладает своими уникальными специфическими свойствами и признаками, которые формируют общее представление об источнике в целом, а также выполняет в тексте свою роль.

Заголовок должен был вызвать первоначальный интерес и эмоционально вовлечь читателя. Отсюда и громоздкость, и излишняя детализация заголовка, и

указание в нем на достоверность (правдивость) излагаемых событий. Например, «Истинное сообщение о странных мучениях и избавлении от них Томаса Дарлинга, мальчика тринадцати лет от роду, который был одержим Дьяволом, и связанными с этим ужасными припадками и проявлениями, случившимися в Бертоне-на-Тренте, графства Стаффорд» [2]. Памфлет редко печатался в больших объемах, и наличие большого по размерам шрифта и по количеству строк заголовка при высокой цене печати текста говорит о важной роли этой части документа.

Предисловие (обращение к читателю, христианину, или христианскому читателю) служило демонстрацией позиции автора-редактора, составителя памфлета. Именно в этой части издания автор откровенно заявлял о целях и причинах написания памфлета, а также погружал читателя в выстраиваемый им контекст описываемых событий, показывал важность и исключительность свершившегося и его роли в жизни общества.

Из заявленных целей наиболее распространенными являются следующие: рассказать, уверить, подтвердить, доказать и опровергнуть, в целом убедить читателя в истинности и достоверности излагаемых автором событий. Например: «услышав об этих событиях, я подумал, что это моя обязанность <...> сообщить о них» [11]; «учтивый читатель, с печальным сердцем представляю Вам следующую историю» [12]; «чтобы описать ужас и неслыханные страдания, выпавшие на его долю, и таким образом нам самим взглянуть внутрь себя и изучить свои души, пока еще не наступило то время, когда гнев Божий обрушится на нас с Небес» [13]. Довольно часто в предисловии присутствуют выдержки из Священного Писания [Ibid.] или притчи, включенные в текст для погружения читателя в более широкий контекст, например, напомнить о конце времен или битве между добром и злом.

Основная часть памфлета представляет наибольший интерес, так как именно она формировала представление о колдовстве, одержимости и в целом о сверхъестественном среди представителей потенциальной аудитории. Составители памфлетов стремятся с точностью описать события, указывая на даты и время каждого из них, привлекая как можно больше свидетельских и экспертных показаний, вписывая в канву множество разнообразных источников, относящихся к делу, например отчеты осмотра или испытания. Основная часть документа строится в повествовательной стереотипизированной форме от третьего лица, но все же свидетельские показания, слова одержимых и обвиняемых представлены в форме прямой речи либо переработанных вставок из других документальных свидетельств. Центральное место в описании событий занимают мучения и экзорцизмы одержимого, тогда как рассказ о причинах одержимости дается либо вкратце в самом начале, либо полностью опускается. Именно для этой части характерны различные несоответствия и накладки, связанные с переламыванием нескольких сюжетов и наложением документов друг на друга.

Заключение – завершающая часть памфлета. В нем чаще всего говорилось о состоянии дел в семье, име-

нии или графстве, в которых происходили события, о самочувствии выздоровевших одержимых и судьбе обвиняемых в колдовстве ведьм. Также в этой части указывались заказчик памфлета, автор и издатель, напечатавший текст, выражалась благодарность покровительствующим лицам. Отдельное место в заключении отводилось условиям выхода издания в свет, например указанию причин скорой или запоздалой печати. Цель заключения состояла в том, чтобы сформировать у читателя ощущение победы над силами Зла, привести к выводу, что описываемые в памфлете методы и практики оказались действенными.

Памфлет строился таким образом, что большую часть текста занимало основное повествование, второе место по объему делили заголовок и предисловие, и самая меньшая доля отводилась заключению. Отдельно стоит упомянуть изобразительные средства, с помощью которых оформлялся памфлет, – гравюры и иллюстрации. Указанные визуальные средства занимали важное место в памфлетной литературе; так, заголовок довольно часто печатался в сопровождении гравюр и сам текст сопровождался гравюрами различного содержания. Степень воздействия данного приема на восприятие читателем текста была высока, так как в самом памфлете мало описаний внешности, обстановки, героев, а гравюры восполняли этот пробел. Отмечается, что именно иллюстрации в большей мере формировали стереотипный образ ведьмы в массовых представлениях позднесредневековой Англии, чем текст памфлета [14. С. 199–141]. Обратное явление можно наблюдать, когда детально прописанные припадки одержимых становились примером для подражания и симуляции одержимости, как в случае детей из Ланкшира [15] и др.

Вместе с тем этот жанр английской позднесредневековой литературы является бесценным источником по истории представлений о колдовстве и сверхъестественном, так как позволяет увидеть, как и с помощью какого языка формировался рассказ о чудесном и удивительном, волшебном и обыденном, страшном и пугающем. На основе этого материала возможны реконструкция массовых представлений о колдовстве, выявление структуры рассказов об одержимости и колдовстве, приемов, с помощью которых они описывались и обозначались в культурной практике. Как отметил Ж.Н. Кепферер, памфлеты формировались под воздействием определенного представления о колдовстве, чтобы в последующем самим воздействовать на эти представления [16. Р. 26–27]. Исследователь Ю.Ф. Игина подчеркивает, что несмотря на то, что памфлеты формировались на народных представлениях, необходимо учитывать, что они были средством воздействия на народное восприятие господствующей культуры и власти. Этим определяется дискуссионный характер источника и сложность его интерпретации [6. С. 155].

Сложность и исключительность источника требуют особого инструментария и методологии при его анализе и работе с ним. На Западе десятилетиями складывалась научная школа по анализу и изучению таких документов, как памфлет о колдовстве. К дан-

ной проблематике в разное время обращались такие авторы, как А. Макфарлейн [17], К. Томас [18], Б. Розен [19], Д. Перкис [20], Дж. Шарп [10], Н.З. Девис [21] и многие другие. Каждый из них в свое время использовал различные подходы: от лингвистических и текстологических, статистических и социологических методик до антропологического и фольклорного анализа. На базе проведенных ими исследований было получено множество открытий в области проблематики охоты на ведьм, в частности был определен стереотипный образ ведьмы, выявлены основные сценарии развития судебного преследования за колдовство – от причин выдвинутого обвинения и до вынесенного приговора. В отечественной традиции существенных результатов в изучении данного типа источников достигли О.И. Тогоева [22] и Ю.Ф. Игина [23. С. 50–52].

На сегодняшний день ведущим специалистом в этой области является Марион Гибсон [8]. Она усовершенствовала классификацию позднесредневековых памфлетов о колдовстве Б. Розен [19. Р. 27–50], которая делила их в зависимости от источника происхождения на памфлеты, представляющие собой документальные отчеты, и формировавшиеся без опоры на документальные свидетельства, либо использующие их в меньшей степени. В зависимости от типа информации памфлеты делятся на документальные и художественные и в зависимости от категорий авторов – на судебные клерки и памфлетисты.

М. Гибсон разделила общее число памфлетов о колдовстве на два вида – документальные, или серьезные (necessary), и тривиальные (triviall) [8. Р. 113–114]. Серьезные, или необходимые, памфлеты созданы на материале официальных документов – судебных отчетов, авторы которых максимально приближенно описывали события. Тривиальные памфлеты созданы вне ссылок на документальные свидетельства, под воздействием жанрового стиля, основаны в большей степени на вымыслах и догадках автора текста, который, в свою очередь, был крайне далек от описываемых им событий. При этом большая часть документальных памфлетов относится к периоду до 1592 г., а тривиальные памфлеты преобладают после 1592 г. Хронологическую границу между памфлетами до 1592 г. и памфлетами после 1592 г. выявила еще Б. Розен, которая обнаружила, что изданные до 1592 г. памфлеты представляют собой компиляцию из официальных судебных документов – отчетов, испытаний, допросов и т.д., т.е. первоисточников, тогда как памфлеты, изданные после 1592 г., сформированы в соответствии с жанровой спецификой издания и не используют документальные свидетельства либо используют другие свидетельства неофициального происхождения. Таким образом, памфлеты, изданные до 1592 г., – это документальные отчеты, а изданные после 1592 г. – нарративные художественные формы описания.

М. Гибсон также делит памфлеты в зависимости от авторства текстов на памфлеты, записанные клерикалами, писцами и судебными чинами или памфлетистами. При этом она выявила зависимость между типом

памфлета, автором и характером описания, которая выражается в различных образах ведьм, сценариях развития событий, описываемых в источнике. В зависимости от авторства, вида и предмета описания формируется общее представление о памфлете, процессе его создания и формате работы с ним. Она отмечает, что ни одна из вышеперечисленных категорий не может быть признана абсолютно подлинной или документально надежной в связи с тем, что каждая из них претерпевала ряд стилистических, художественных обработок в зависимости от авторских установок и жанровой принадлежности текста. Вместе с тем каждая из них может рассматриваться как самодостаточный источник с пониманием того, что памфлет – это «проблемная для исследования форма, а не прозрачное хранилище данных и сведений» [8. Р. 113].

Свой вариант классификации памфлетов на основе классификации М. Гибсон предложила Ю.Ф. Игина [6]. Она делит источники по двум критериям: 1) соответствие исторической действительности (достоверность памфлета); 2) жанровая принадлежность, характер текста. Классификация памфлетов о колдовстве выглядит следующим образом. Памфлеты по соответствию исторической действительности делятся на: 1) основанные на реальных событиях, имевшие место в ведовских судах, запечатленные в официальных документах; 2) с вымышленным содержанием без опоры на события, отмеченные в официальных документах. Эти две категории делятся еще на несколько в соответствии со вторым критерием: первый тип памфлетов делится на: а) памфлеты, в основании которых лежат официальные документы, изданы до 1592 г.; б) рассказы, созданные опосредованно, путем использования официальных источников или без их привлечения, при помощи других недокументальных свидетельств, изданные после 1592 г., причем 80% от всего количества памфлетов, по подсчетам Ю.Ф. Игиной, относятся к этой категории. Второй тип совпадает с художественными нарративами, в основе которых всецело лежит авторский вымысел [6. С. 159–160].

Таким образом, вышеперечисленные авторы и классификации указывают на четкое разделение двух типов источников – документальные и художественные, где историчность и достоверность первых практически не ставятся под сомнение, тогда как категория художественных нарративов вызывает наибольшие трудности при интерпретации и изучении источника. Согласно предложенным выше классификациям памфлеты об одержимости следует относить либо к тривиальной категории по М. Гибсон, либо к категории 1б – памфлеты, созданные путем опосредованного использования свидетельств либо без их применения, а также к категории художественных нарративов.

Данные классификации полностью описывают памфлеты о колдовстве и те, что являются памфлетами и о колдовстве, и об одержимости. Относительно же памфлетов об одержимости данная классификация нерелевантна, не охватывает весь указанный тип памфлетов, не дает исчерпывающей характеристики, не демонстрирует специфики источника и его сути. Четкое хронологическое деление памфлетов о кол-

довстве 1592 г. не подходит к памфлетам об одержимости. Памфлеты об одержимости, представляющие собой документальный отчет, издавались и после 1592 г., чаще всего это были памфлеты, разоблачающие одержимых. К сожалению, относительно жанра памфлета об одержимости не было создано детально прописанных классификаций, часть этих источников входит в число памфлетов и о колдовстве, и об одержимости, но другая часть ускользает от внимания исследователей, в связи с тем что не касается проблематики ведовства.

Важно и то, что некоторые исследователи, в частности М. Гибсон и Ю.Ф. Игина, выделяют памфлеты об одержимости как отдельный жанр, отмечая специфичность текстов, их описательность и стереотипность. Как отмечает М. Гибсон, именно для данного типа источников характерно наличие сказочных сюжетов и поворотов. К аналогичному выводу пришла и Ю.Ф. Игина, указавшая, что в основе этого вида памфлетов лежат отличные от всех остальных видов источники – фольклорные и литературные (сказочные сюжеты, бродячие устные истории, легенды и популярные пьесы).

Использование различных фольклорных сюжетов, а также построение структуры текста, подобной сказочному нарративу, – главные жанровые эффекты, посредством которых формируется образ одержимости в памфлетах указанного периода. Дополнительные средства, используемые авторами для формирования представлений о колдовстве и одержимости у читателя, – использование устной разговорной речи, применение различных приемов, воздействующих на психоэмоциональное состояние, многократное повторение сюжетов (троекратное обращение за помощью, повторение заклинаний, периодичность припадков и др.), использование эмоционально окрашенной лексики, описание сцен мучений одержимого и пр. Наиболее эмоционально окрашенными в тексте являются монологи и прямая речь одержимых.

Однако фольклорные сюжеты и художественное происхождение текста не отменяют исторической достоверности памфлета об одержимости. Безусловным является тот факт, что памфлеты об одержимости строились на реальных событиях, которые в последующем были описаны в соответствии с требованием жанра. Художественное изложение памфлета об одержимости и понимание его природы как варианта сказочного нарратива, созданного путем творческой обработки некоего реального сюжета и донесения его в виде упрощенного, доступного для обывателя повествования, приводят к необходимости создания отдельной классификации данного типа источников.

С момента появления в 1560-х гг. популярность жанра памфлета об одержимости растет и достигает своего пика на рубеже веков – 1590–1620-х гг. В этот же период памфлеты исключительно об одержимости становятся составной частью памфлетов о колдовстве. За короткий промежуток времени сюжетная линия об одержимости начинает превалировать в текстах памфлетов о колдовстве, приведя к тому, что сюжет о ведьме становится периферийным, как, например, в

памфлете об одержимости Томаса Дарлинга [2], где центральным персонажем становится сам одержимый юноша, фигура же ведьмы теряется из виду настолько, что в заключении памфлетист пишет: «Теперь ведьма мертва. Если же она жива, то будет казнена». Такого рода резюме немыслимо для памфлетов о колдовстве, где центральное место занимала казнь ведьмы. После прекращения печати памфлетов о колдовстве памфлеты об одержимости вновь становятся отдельным жанром.

Памфлеты об одержимости стоит делить на два вида: исключительно об одержимости и о колдовстве и одержимости, отличающиеся по стилю описания, структуре повествования и образам героев. В памфлетах исключительно об одержимости герои – взрослые люди, одержимость которых наступила в результате их греховного поведения (случаи Анны Милнер [3. Р. 13–28], Александра Ниджа [13], история жены мс. Кингсфилда [3. Р. 29–40]). В памфлетах об одержимости и о колдовстве, где главные герои – дети и подростки, одержимость которых наступила вследствие вредоносного колдовства, – истории практически всех известных детей-обвинителей [24. С. 136–138].

Памфлеты об одержимости представляют собой повествовательное описание от третьего лица при общем стремлении к определенному стереотипу текста. Художественность изложения присуща обоим категориям в равной степени. Мы не обнаружим памфлетов об одержимости, в основе которых лежал бы абсолютно вымышленный сюжет, как в случае с памфлетом «Ведьма из Вудленда», который представляет собой исключительно фольклорный сюжет, несмотря на то что заголовок пытается представить его как действительно произошедший случай в графстве Кент в 1655 г. [25].

Памфлеты исключительно об одержимости можно разделить еще на две группы в соответствии с идеологической направленностью памфлета в зависимости от стремления автора доказать или опровергнуть реальность этого явления: 1) памфлеты, подтверждающие истинность состояния одержимых; 2) памфлеты, разоблачающие одержимых как обманщиков и мошенников. Дискуссионность самого явления одержимости среди представителей интеллектуального общества Англии XVI–XVII вв. создала условия появления такого рода памфлетов, при этом памфлеты первой категории более художественны, вторые – документальны. Памфлет об одержимости в наибольшей степени тяготел к художественному изложению событий и содержал последовательную историю, устойчивый нарратив, категория же памфлетов об одержимости, разоблачающего характера, наоборот, стремилась к документальному формату описания событий. Интересен тот факт, что чем большее место уделялось сюжету одержимости в тексте памфлета, тем более художественным, описательным он становился.

Согласно классификации Ю.Ф. Игиной, большая часть памфлетов об одержимости в соответствии с критерием достоверности принадлежат к категории 1б – памфлеты, созданные путем опосредованного использования документальных свидетельств или при

помощи других недокументальных свидетельств. Представленную категорию, на наш взгляд, стоит разделить на две: 1) памфлеты, созданные путем привлечения официальных документов, хоть и опосредованно; 2) памфлеты, созданные без использования документальных свидетельств, только при помощи других источников информации. Такое разделение позволит более детально рассмотреть процесс создания памфлетов и источники их формирования. Официальными документами, на базе которых строился рассказ об одержимости, становились медицинские освидетельствования одержимых, экспертные оценки, отчеты испытаний, как в памфлетах о Ланкширской семерке [15] или о Ведьмах из Уорбоя [9] и др. Другими источниками информации становились свидетельские показания, рассказ заказчика памфлета, слухи и мнения. Главным источником возникновения такого рода памфлетов, по всей видимости, становился пересказ или запись со слов очевидцев событий.

В связи с этим стоит делить и авторов памфлетов об одержимости на очевидцев событий, непосредственных участников и независимых авторов со стороны. Среди авторов памфлетов, как среди заказчиков текста памфлета об одержимости, преобладают непосредственные участники событий, которых следует разделить на несколько групп: 1) экзорцисты, священнослужители, демонологи; 2) близкие родственники одержимых; 3) сторонние свидетели или наблюдатели событий, например эксперты, медики и т.д. Отдельную категорию составляют памфлетисты, не являющиеся участниками событий, часто это анонимные редакторы текста.

Первоочередной задачей создания памфлета были фиксация и донесение информации о событиях до общественности в силу их неординарности и необычности. Цели записи и тиражирования истории одержимого зависели от типа автора. Экзорцисты и священнослужители использовали памфлет как инструмент пропаганды и рекламы: чем известнее был экзорцист, тем чаще к нему обращались за помощью. Члены семьи одержимого, публикуя рассказ о нем, зарабатывали репутацию и известность. Свидетели делились впечатлениями и выдвигали собственные гипотезы относительно природы наблюдаемых явлений. Независимые памфлетисты выступали с каждой из предложенных позиций в соответствии с требованиями заказчика памфлета. Довольно часто памфлеты писались по высокому повелению королей и иных властных лиц в целях пролить свет на необычайные и удивительные события.

В зависимости от типа автора формировался особый стиль повествования об одержимости. Памфлеты, написанные памфлетистами, представляют собой краткий пересказ событий без излишней концентрации на каких-то деталях или сюжетах. Экзорцисты же акцентировали внимание на ритуалах изгнания, припадках одержимых, борьбе с демоном. Члены семей старались подчеркнуть свою роль в событиях, а эксперты отмечали разоблачающие детали либо преподносили уже известную историю под новым углом зрения.

Таким образом, общее количество памфлетов об одержимости следует делить на: 1) памфлеты исключительно об одержимости; 2) памфлеты о колдовстве и об одержимости. Первая категория, в свою очередь, делится на: а) подтверждающие феномен; б) разоблачающие одержимых. В зависимости от критерия исторической достоверности памфлеты первых двух категорий следует делить на: 1а) написанные на базе устных источников и пересказа; 1б) документальные. Вторая категория памфлетов делится на: 2а) созданные путем опосредованного использования официальных источников и 2б) созданные на базе устных свидетельств и пересказа. В зависимости от автора памфлеты об одержимости можно разделить на написанные непосредственными участниками событий и написанные посторонним автором, памфлетистом. Истории такого типа можно обнаружить в каждой из вышеперечисленных категорий. Касательно характера текстов все категории памфлетов, кроме категории 1б, – разоблачающие документальные памфлеты, относятся к категории художественных. Характер текста зависит от преобладания одной из сюжетных линий: чем большее место в памфлетах этого типа занимает сюжет об одержимости, тем он менее привязан к документальным свидетельствам.

На основе представленной классификации и характеристики источников можно выделить главные проблемы, которые встают перед исследователем при изучении памфлетов об одержимости:

1. Проблема достоверности излагаемых фактов. Довольно часто факты и свидетельства творчески перерабатывались составителем. В текстах присутствуют авторские догадки и предположения, никак не подтвержденные источниковой базой. Автор опосредованно использует документальные свидетельства и не является очевидцем описываемых событий, рассказывая историю с чьих-то слов или по заказу. Художественный характер текста также вызывает сомнения в правдивости излагаемых событий.

2. Проблема авторства. Памфлет – результат творческой обработки порой анонимным редактором множества свидетельств и документов разных создателей. В связи с этим возникает проблема установления авторства текста и выявления его позиции, так как внутри текста присутствует сразу несколько, иногда противоположных, позиций и точек зрения на события.

3. Проблема объективности. Субъективность изложения событий, во-первых, связана в первую очередь с причастностью авторов текста или его заказчиков к описываемым в памфлете событиям. Авторы или заказчики текста были так или иначе вовлечены в действие и не имели возможности взглянуть на события со стороны. Во-вторых, памфлетный жанр, изначально крайне субъективный и эмоционально окрашенный вид позднесредневековой литературы, в условиях возникшего внутри английского общества религиозного противостояния приобрел функцию

пропаганды среди сторонников и противников разных религиозных течений. Наиболее ярко отражалась борьба за привлечение внимания паствы со стороны конкурирующих ответвлений христианства – католиков и пуритан. Читатели XVI–XVII вв. столкнулись с памфлетной войной между Дж. Дареллом и С. Харнеттом и их соратниками Г. Мором, Дж. Джорданом и др. [26]. Памфлетисты не отрицали своей ангажированности и честно писали, что представленный текст является свидетельством, разоблачением или доказательством обманов и подлогов со стороны «папистов» / пуритан: «Читатель, трактат написан для вас в целях разоблачения и предостережения от заманчивых проектов католических священников» [11] или: «Если у англиканской церкви есть власть изгонять дьяволов, то католическая церковь – ложная церковь» [15].

Однако, несмотря на вышеперечисленные проблемы при работе с текстом, указанный тип источников часто является единственным документальным свидетельством происходивших событий и поэтому представляет особую ценность для исследователя. Именно памфлет дает возможность познакомиться с противоположными взглядами на событие, в нём сосуществуют слова обвиняемого – ведьмы, жертвы – одержимого и свидетелей, показания которых довольно часто противоречат друг другу. Некоторые из документов, вставленных в «материю» памфлета, действительно уникальны, так как более ни в какой иной форме не дошли до современного читателя. Например, памфлет о разоблачении двух одержимых дев из Лондона (Рейчел Пендер и Агнесс Бригс) составлен как минимум из четырех источников различного типа, два из которых утеряны [27].

При этом наибольшую ценность для исследователей представляют не столько редкие документы, включенные в текст памфлета, сколько смыслы и символы, заключенные в нем. Центральное место при анализе данного типа текстов стоит сосредоточить на выявлении и интерпретации этого «культурного кода», зашифрованного в памфлете. Текст памфлета об одержимости следует понимать как набор мифологических, фольклорных, художественных сюжетов, которые хотя и основывались на реальных событиях, но существенно перерабатывали их, формируя новые представления и отношение к ним. Вместе с тем художественная обработка реальных событий осуществлялась в соответствии с определенным культурным ожиданием общества относительно «правильного» описания феномена колдовства и одержимости, выстраивалась в соответствии с кодом, понятным как автору-составителю, так и читателю. Памфлет об одержимости следует рассматривать как отражение представлений о сверхъестественном, принятых в английском позднесредневековом обществе. Несмотря на все художественные дополнения и изменения, его следует принимать как исторически достоверный источник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Almond Philip C. *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. 2004.

2. I.D. A true report of the strange torments of Thomas Darling, a boy of thirteen years of age that was possessed by the devil, with his horrible fits and terrible apparitions by him uttered at Burton upon Trent, in the county of Stafford and of his marvelous deliverance. L., 1597.
3. Sands Kathleen R. Demon Possession in Elizabethan England. 2004.
4. Березкин А.В. Английские памфлеты о бродягах и преступниках XVI – начала XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб. : СПбГУ, 2003. Вып. 4. С. 91–102.
5. Raymond J. Pamphlets and pamphleteering in early modern England. Cambridge University press, 2003.
6. Игина Ю.Ф. Ведовство и ведьмы в Англии: антропология зла. СПб., 2009.
7. Abraham Fleming, Strange and terrible news from Alton in Hampshire being a full and true account of a dreadful tempest which happened there by thunder and lightning, December 19th 1686. This may be printed, Jan. 6. 1686 (London, 1687). URL: <http://dhayton.haverford.edu/pamphlets/1687/01/a-full-and-true-account-of-a-dreadful-tempest-which-happened-there-by-thunder-and-lightning>, free.
8. Gibson M. Reading witchcraft. L. ; N.Y., 1999.
9. The most strange and admirable Discoverie of the three Witches of Warboys.
10. Sharpe J.A. Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750. L. : Hamish Hamilton, 1996.
11. Baddeley Richard, The boy of Bilson: or, a true discovery of the late notorious impostures of certain Romish Priests in their pretended Exorcism, or expulsion of the Devil out of a young Boy, named William Perry, son of Thomas Perry of Bilson, in the County of Stafford, Yeoman. At London, 1622.
12. Moore Mary. Wonderfull Newes from the North. Or, a true relation of the sad and grievous torments, Inflicted on the Bodies of three Children of Mr George Muschamp, late of the County of Northumberland, by Witchcraft: and how miraculously it pleased God to strengthen them, and to deliver them. Printed by Smithfield, 1650.
13. Nyndge Edward. A booke declaring the fearefull vexation of one Alexander Nyndge. L., 1573.
14. Игина Ю.Ф. Изображая ведьму: иконография ведьм в английской памфлетной литературе раннего Нового времени // Одиссей: человек в истории. 2010/2011. М. : Наука, 2012. С. 199–141.
15. More G.A. True Discourse concerning the Certain Possession and Dispossession of 7 Persons in one familie in Lancashire. L., 1600.
16. Kapferer, Jean-Noel. Rumors: Uses, Interpretations and Images. 1987. Trans. Bruce Fink. New Brunswick and L. : Transaction Publishers, 1990.
17. Macfarlane A. Witchcraft in Tudor and Stuart England. A regional and comparative study. N.Y., 1970.
18. Thomas K. Religion and the Decline of Magic. N.Y., 1971.
19. Rosen B. Witchcraft in England, 1558–1618. Amherst, MA: Massachusetts University Press, 1991.
20. Purkiss D. The Witch in History. L. ; N.Y., 2003.
21. Davis Natalie Zemon. Fiction in the Archives: Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth Century France. Stanford : Stanford University Press, 1987.
22. Тогова О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006.
23. Игина Ю.Ф. Ад, Дьявол, ведьма и «несчастный простак»: антиведовской памфлет как инструмент воздействия на народное сознание // Власть, общество и личности в истории : тез. науч. конф., 22–24 нояб. 2006 г. М. : ИВИ, 2006. С. 50–52.
24. Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996.
25. L.P. The witch of the vwoodlands: or, The coblers new translation. Written by L.P. Here Robin the cobbler for his former evils, was punisht worse then Faustus with his devils (London, 1655). URL: <http://dhayton.haverford.edu/pamphlets/1655/01/the-witch-of-the-woodlands>, free.
26. Darrell J. A Detection of that sinful shameful lying and ridiculous discourse, of Samuel Harshnet, entituled: a discoverie of the frawdulent practices of John Darrell. London, 1600. URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/pageviewer-idx?c=witch;cc=witch;rgn=full%20text;idno=wit151;didno=wit151;view=image;seq=00000001;node=wit151%3A1>, free.
27. Anon. The Disclosing of a late counterfeyted Possession by the Devyl in two Maydens within the Citie of London. Printed at London by Richard Watkins, 1574.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 апреля 2016 г.

ENGLISH EARLY MODERN PAMPHLETS ABOUT POSSESSION AS HISTORICAL SOURCES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 91–98.

DOI: 10.17223/15617793/409/14

Diana D. Krylova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: diana.krylova90@mail.ru

Keywords: possession; pamphlets; cultural beliefs in the supernatural; England; 16th–17th centuries; source study; historical research.

The article is devoted to the study of the genre of pamphlet literature as a historical source in the early modern time, particularly in the period of “witch hunt” in England. The purpose of this article is to identify the main difficulties when working with this type of source, classification of pamphlets about possession for the purpose of simplification of historical research of each pamphlet. The article poses a question of the importance of this type of sources on the history of the phenomenon of possession in England in this period. The definition of the genre of pamphlet literature is given. A description of the source is made; structural parts of the text of the pamphlet (title, introduction, main part and conclusion) are identified. Their role in the pamphlet and their brief description are given. The question of the debating nature of the source is raised; the main approaches and methodological techniques to work with it are presented. Classifications of pamphlets on witchcraft by leading experts in this area B. Rosen, M. Gibson and Yu.F. Igina are presented. B. Rosen’s classification by the chronological criterion divides pamphlets into those published before and after 1592. M. Gibson divides pamphlets into necessary and trivial, according to the origin documentary and literary. Depending on the type of the author pamphlets are recorded by clerics, pamphleteers, etc. Yu.F. Igina’s classification is based on the criterion of historical authenticity: 1) based on real events; 2) with a false content; on the text genre: 1a) documentary; 1b) with an indirect use of sources; 2) literary texts. The problem of irrelevance of these classifications in case with pamphlets about possession is raised. The causes of this discordance are identified. On the basis of the conducted analysis the author suggests a classification of pamphlets about possession. Pamphlets on possession should be divided into 1) pamphlets exclusively about possession; 2) pamphlets on witchcraft and possession. The first category is further subdivided into a) confirming the phenomenon; b) exposing the possessed. Depending on the criterion of historical authenticity pamphlets of the first two categories should be divided into 1a) pamphlets based on written sources and oral retelling; 1b) documentary pamphlets. The second category is divided into pamphlets 2a) created by an indirect use of official sources and 2b) created on the basis of oral testimonies and retelling. Depending on the author, pamphlets about possession can be divided into pamphlets written by direct participants of the events and pamphlets written by an outside author, a pamphleteer. The main difficulties in the analysis of this type of source are determined: 1) reliability of the stated facts, 2) authorship, 3) objectivity.

A conclusion is made about the importance of this type of sources due to their hidden meanings reflecting cultural beliefs in the supernatural in the popular consciousness of late medieval England.

REFERENCES

1. Almond, Ph.C. (2004) *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England: Contemporary Texts and their cultural context*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. I.D. (1597) *A true report of the strange torments of Thomas Darling, a boy of thirteen years of age that was possessed by the devil, with his horrible fits and terrible apparitions by him uttered at Burton upon Trent, in the county of Stafford and of his marvelous deliverance*. London.
3. Sands, K.R. (2004) *Demon Possession in Elizabethan England*. Westport.
4. Berezkin, A.V. (2003) Angliyskie pamflety o brodyagakh i prestupnikakh XVI – nachala XVII v. [English pamphlets about tramps and criminals of the 16th – early 17th centuries]. In: Lebedeva, G.E. (ed.) *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Problems of social history and culture of the Middle Ages and early modern times]. Vol. 4. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Raymond, J. (2003) *Pamphlets and pamphleteering in early modern England*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Igina, Yu.F. (2009) *Vedovstvo i ved'my v Anglii: antropologiya zla* [Witchcraft and witches in England: Evil anthropology]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Fleming, A. (1687) *Strange and terrible news from Alton in Hampshire being a full and true account of a dreadful tempest which happened there by thunder and lightning, December 19th 1686*. This may be printed Jan. 6. 1686. London. [Online] Available from: <http://dhayton.haverford.edu/pamphlets/1687/01/a-full-and-true-account-of-a-dreadful-tempest-which-happened-there-by-thunder-and-lightning>.
8. Gibson, M. (1999) *Reading witchcraft: Stories of Early English Witches*. London; New York: Routledge.
9. Naylor, M.J. (2012) The most strange and admirable Discoverie of the three Witches of Warboys. In: *The Inanity and Mischief of Vulgar Superstitions Four Sermons, Preached at All-Saint's Church, Huntington in the Years 1792, 1793, 1794, 1795*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Sharpe, J.A. (1996) *Instruments of Darkness: Witchcraft in England 1550–1750*. London: Hamish Hamilton.
11. Baddeley, R. (1622) *The boy of Bilson: or, a true discovery of the late notorious impostures of certain Romish Priests in their pretended Exorcism, or expulsion of the Devil out of a young Boy, named William Perry, son of Thomas Perry of Bilson, in the County of Stafford, Yeoman*. London.
12. Moore, M. (1650) *Wonderfull Newes from the North. Or, a true relation of the sad and grievous torments, Inflicted on the Bodies of three Children of Mr George Muschamp, late of the County of Northumberland, by Witchcraft: and how miraculously it pleased God to strengthen them, and to deliver them*. Smithfield.
13. Nyndge, E. (1573) *A booke declaringe the fearefull vexasion of one Alexander Nyndge*. London.
14. Igina, Yu.F. (2012) Izobrazhaya ved'mu: ikonografiya ved'm v angliyskoy pamfletnoy literature rannego Novogo vremeni [Portraying a witch: witches iconography in English pamphlet literature of early modern times]. In: Chubar'yan, A.O. (ed.) *Odyssey: chelovek v istorii. 2010/2011* [Odysseus: a man in history. 2010/2011]. Moscow: Nauka.
15. More, G.A. (1600) *True Discourse concerning the Certain Possession and Dispossession of 7 Persons in one familie in Lancashire*. London.
16. Kapferer, J.-N. (1990) *Rumors: Uses, Interpretations and Images*. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1990.
17. Macfarlane, A. (1970) *Witchcraft in Tudor and Stuart England. A regional and comparative study*. London; New York: Routledge.
18. Thomas, K. (1971) *Religion and the Decline of Magic*. New York: Scribner.
19. Rosen, B. (1991) *Witchcraft in England, 1558–1618*. Amherst, MA: Massachusetts University Press.
20. Purkiss, D. (2003) *The Witch in History*. London; New York.
21. Davis, N.Z. (1987) *Fiction in the Archives: Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth Century France*. Stanford: Stanford University Press, 1987.
22. Togoeva, O.I. (2006) “Istinnaya pravda”: yazyki srednevekovogo pravosudiya [“The real truth”: the language of medieval justice]. Moscow: Nauka.
23. Igina, Yu.F. (2006) [Hell, the Devil, a witch and a “miserable simpleton”: anti-witchcraft pamphlet as an instrument of influence on popular consciousness]. *Vlast', obshchestvo i lichnosti v istorii* [Power, society and the individual in history]. Theses of the conference. 22–24 November 2006. Moscow: IVI. pp. 50–52. (In Russian).
24. Robbins, R.H. (1996) *Entsiklopediya koldovstva i demonologii* [Encyclopedia of Witchcraft and Demonology]. Translated by T.M. Kolyadich, F.S. Kapitsa. Moscow: Lokid, MIF.
25. L.P. (1655) *The witch of the woodlands: or, The coblers new translation. Written by L.P. Here Robin the cobbler for his former evils, was punished worse then Faustus with his devils*. London. [Online] Available from: <http://dhayton.haverford.edu/pamphlets/1655/01/the-witch-of-the-woodlands>.
26. Darrell, J. (1600) *A Detection of that sinful shameful lying and ridiculous discourse, of Samuel Harshnet, entituled: a discoverie of the frowdulent practices of John Darrell*. London. [Online] Available from: <http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/pageviewer-idx?c=witch;cc=witch;rgn=full%20text;id-no=wit151;didno=wit151;view=image;seq=00000001;node=wit151%3A1>.
27. Anon. (1574) *The Disclosing of a late counterfeyted Possession by the Devyl in two Maydens within the Citie of London*. London: printed by Richard Watkins.

Received: 14 April 2016

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЕЛИГИЯ В РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ НАРОДНИЧЕСТВЕ И ТЕРРОРИЗМЕ В 1870–1880-х гг.

Исследуется влияние религии на русское революционное народничество, а также выясняется, присутствовала ли религиозность в сознании русских народников и революционных террористов 1870–1880-х гг. Дается определение религиозности. Выявляются отличительные черты определения «религия» в западной научной среде. Опровергаются утверждения о религиозном характере аскетизма народников, их веры в народ. Доказывается, что религиозность в сознании русских народников отсутствовала, а влияние религии на революционное народничество было опосредованным.

Ключевые слова: русское революционное движение в 1870–1880-х гг.; революционное народничество; революционный терроризм; религиозность; религия.

В современном мире терроризм чаще всего связывают с религиозным фундаментализмом. Действительно, международный терроризм, появившийся в 1980-е гг., сейчас в своей идеологической основе имеет извращенные фанатиками религиозные идеи, приобретая отсюда радикально-религиозный характер. Занимаясь изучением сути этого феномена, ученые часто обращают внимание в прошлое, в историю применения насилия и угрозы физического устранения как методов устрашения политических противников. Ряд зарубежных и отечественных исследователей полагают, что терроризм зародился еще в эпоху Древнего мира [1–8]. Неудивительно, что в поле их зрения попадает и период революционного терроризма 1860–1880-х гг. и начала XX в. в России, когда, по их мнению, возникает новая форма терроризма – организационная. Стараясь так же всесторонне подойти к изучению революционного терроризма в России, как и современного терроризма, исследователи неизбежно сталкиваются с темой идейных оснований этого радикального способа политической борьбы. В том числе здесь затрагиваются вопросы о влиянии религии на русских революционеров и об их религиозности в целом. Эти вопросы приобретают более масштабный и общий характер в плане выяснения связи религии и религиозных идей с насильственными формами протеста.

Влияние религии на русских народников и возможное наличие у них религиозности в литературе освещены слабо. В основном это сделано в трудах философского характера. Работы историков представлены в этом вопросе в малом количестве, а сама проблема затрагивается опосредованно. Дореволюционный историк Б.Б. Глинский в одной из своих статей писал, что народники являлись атеистами и вели атеистическую пропаганду, но при этом психологический тип народника религиозен сам по себе, а веру в народ он отождествляет с верой в Бога [9. Т. 118. С. 211–244, 608–641, 1029–1063]. Д.С. Мережковский в своих заметках о народничестве, написанных под впечатлением от книги В.Я. Богучарского «Активное народничество семидесятых годов» [10], соединял революцию и религию. Каждого из народников он (Мережковский) видел религиозным в их ригоризме и аскетизме, стремлении к правде, любви, справедливости. Но религия их новая, особая, отличающаяся от

казенного православия, хотя тоже христианская. Как считал Д.С. Мережковский, несмотря на то что В.Я. Богучарский раскрыл в своей книге это своеобразное качество народников, сам так и не понял, что речь идет о религиозности [11. С. 171–172, 182]. Русский литературовед и лингвист Д.Н. Овсянников Куликовский называл народников натурами психологически-религиозными, сравнивал их самоотречение с уходом от мира первых христиан, фанатичную веру в народ и служение ему сопоставлял с религиозной верой [12. С. 247–257]. Советские историки априори рассматривали народничество как движение атеистическое, хотя и уделяли внимание использованию народниками старообрядчества, которое те считали мощной антигосударственной силой. В 1958 г. выходит книга профессора русской истории Гарвардского университета Д. Биллингтона «Михайловский и русское народничество». В этом исследовании американский историк среди прочего пытается разобраться во влиянии религии на русских народников. Он заявляет о глубоком религиозном базисе народничества, его религиозности в целом [13. Р. 120]. Все это подтверждается якобы существовавшими внутренними связями и внешним сходством между народничеством и религиозными сектантскими традициями, использованием народниками, иногда в целях пропаганды, Евангелия, христианских преданий и т.д. [Там же. Р. 121]. Советские историки Ш.М. Левин и С.С. Волк в своей рецензии на книгу Биллингтона последовательно опровергают его идею о религиозности русского народничества [14. С. 206–207]. Позднее, в 1970-х гг., утверждение Д. Биллингтона и других зарубежных авторов о религиозности народничества подвергал критике М.А. Маслин [15. С. 39–54], чей труд был посвящен разбору буржуазных интерпретаций русского революционного народничества. Лишь в 1980-х гг. у некоторых советских историков стали появляться идеи о том, что народники заместили Бога народом [16. С. 232–234]. Интересной представляется точка зрения по данной проблеме известного российского религиоведа Е.С. Элбакян. В самом начале своей статьи о народниках, опубликованной в 1995 г., она последовательно доказывает, что народники были атеистами, что не следует путать веру как таковую с верой религиозной [17. С. 138–142]. Но далее она делает вывод, что идеология народников была атеистической, а

ментальность – религиозной [17. С. 150–151] и им удавалось как-то уживаться. Е.С. Элбакян отмечает наличие религиозного настроения у народников, которое можно проследить в их письмах, воспоминаниях. Религиозность сознания народников влияла на их идеологический уровень, порождая установки, характерные для религиозного мировоззрения, также как, например, принятие на веру, без доказательств и критики некоторых идейных положений. В конце статьи Элбакян противоречит сама себе, подчеркивая религиозность сознания народников. В своем труде «“Народная воля”: идеология и лидеры» историк Г.С. Кан показывает, что религиозное учение повлияло на некоторых народовольцев еще в детстве, но поняли они религиозные идеи неверно. Он считает, что религиозные идеи у народников приобрели светский характер [18. С. 100, 117].

Становится понятно, что вопросы о религиозности русских революционных народников, в том числе террористов, влияния религии на революционную среду рассмотрены недостаточно. Воззрения на данные проблемы отличаются противоречивостью или непоследовательностью. В данном случае будет проанализировано влияние религии на русскую революционную среду в 1870–1880-х гг., а также выяснено, присутствовала ли религиозность в сознании русских народников, революционных террористов в обозначенный период.

Для начала следует разобраться с самими понятиями «религиозность» и «религия», что поможет внести ясность в исследование и понять причину появления столь разных точек зрения по теме религиозности русского народничества. В социологическом словаре совместного академического издания РАН и МГУ под религиозностью понимается «качество индивида или группы, проявляющееся в вере и поклонении священному и / или сверхъестественному на уровне сознания, поведения и отношений как в религиозной, так и нерелигиозной сферах» [19. С. 389]. Показателями же внутренней религиозности являются: важность религии для индивида в сравнении с остальными аспектами жизни, роль религии в принятии жизненно важных решений, осмысленность жизни без религии [Там же]. Степень религиозности зависит от наличия или отсутствия корреляции между религиозным сознанием и религиозным поведением, от силы и глубины влияния религии на деятельность индивида, его мотивацию [19. С. 390]. Таким образом, понятие религиозности непосредственно связано с религией, верой в сверхъестественное, поклонение священному и представляет собой особый уровень присутствия религии и религиозного в сознании и поведении. Такое определение следует считать наиболее верным. Авторы словаря в статье, посвященной непосредственно религии, уделяют внимание тому, что многие зарубежные ученые считают универсальной чертой, присущей религии, более широкую веру в священное, а не в сверхъестественное [Там же. С. 391]. Но при этом, как отмечается, это священное, а им могут быть люди, животные, неодушевленные предметы и т.д., всегда противоположно повседневному и социальному [19. С. 391]. Об

этом нужно помнить при обращении к зарубежным исследованиям, где осуществляются попытки подвести «народ», в идеях народников, под «священное», что кажется понятным в условиях принятых дефиниций в западной научной среде, но в целом им противоречит, так как народ нельзя исключить из повседневного.

В Большом толковом социологическом словаре Школы социальных наук при Стаффордширском университете приводится несколько определений религии, в том числе определение из так называемой функционалистской теории религии, основателем которой считается Э. Дюркгейм. Суть этого определения в общем можно сформулировать следующим образом: религия выполняет функцию социального объединения, отсюда эта система верований, совокупность обособленных и хранимых с благоговением вещей и практик по отношению к ним, которые объединяют своих сторонников в моральную общину или церковь [20. С. 155]. В данной теории не проводится явного различия между религиозной, национальной и иными видами социально объединяющих идей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что западные авторы зачастую пытаются соединить религиозные идеи, а именно идеи ортодоксального христианства, с идеями революционного народничества. Но сами авторы этого словаря отмечают, что есть проблемы с любым из определений религии, в том числе с функционалистским [Там же. С. 156]. Эти определения не объясняют традиционные формы религиозных явлений, ритуального поведения, затрудняют осмысление секуляризации.

Отталкиваясь от академического определения религиозности, нельзя делать вывод о какой бы то ни было религиозности русского революционного народничества. Большинство идеологов этого движения последовательно выступали против религии. Делал это П.Л. Лавров и, особенно рьяно, М.А. Бакунин, чьи последователи иногда поражали своим нигилизмом по отношению не то что к религии, но и к науке, образованию, морали и т.д. У большинства народников нельзя найти никакого проявления внешней религиозности. Попытки свести аскетизм народников, употребление ими религиозных выражений и веру в народ к религиозности и религиозному сознанию ведут к слишком широкому толкованию религии и религиозности. Аскетизм нельзя связывать только с религиозными традициями или религиозными убеждениями, как пытаются объяснить, например, поступки С.Л. Перовской, которая занималась тяжелым физическим трудом, спала на голых досках и т.п. Аскетизм народников был ближе к его изначальному смыслу времен античной Греции, когда понимался как «упражнение тела». Попытки закалить свою личность, особенно для революционера, живущего в сложных условиях преследования и вытекающих отсюда тягот, нельзя сводить только к религиозным побуждениям. Семья Перовских была нерелигиозной, глава семейства редко ходил в церковь, посты не соблюдал, уже с юного возраста С.Л. Перовская получала сугубо светское образование, стремилась к

наукам и получению знаний. Девушка с волевым, железным характером, выступившая против самодурства отца, сбежавшая из дома; Софья Перовская представляла яркий типаж эмансипированной женщины. Все то, что она делала, она делала для революционной борьбы, а не ради Бога или иной сверхъестественной силы. А.И. Желябов на процессе первомартовцев открыто заявил, что отрицает православие. Светским было обучение и воспитание сына священника Н.И. Кибальчича. В достаточно раннем возрасте «разуверилась» В.Н. Фигнер. Да и странно говорить о какой-либо христианской религиозности людей, даже подсознательной, готовивших покушение и убивших Александра II на первой неделе (одной из двух самых строгих) Великого поста, в воскресенье Торжества православия. Вряд ли на такое пошли бы даже люди, отвергавшие официальную церковь, но хранившие некую свою, «новую» христианскую веру. Также не стоит видеть религиозность в употреблении на письме некоторыми народниками слов «Господь», «Боже» и т.п. Эти слова вошли в современное повседневное речевое употребление и почти утратили религиозный подтекст. Веру народников в народ ни в коей мере нельзя отождествлять с верой религиозной. Вера как общее понятие предполагает принятие чего-либо за истину без подтверждения, вера религиозная предполагает принятие за истину существования сверхъестественных сил, потустороннего мира и т.п. без каких-либо доказательств. Вера народников в народ была естественной, опиралась на реальность, так как был реальным сам русский народ, к которому они потом и пошли, что справедливо отмечала еще Е.С. Элбакян [17. С. 142]. В данном случае присутствует больше утопичное представление о готовности народа подняться в любой момент, которое в основном молодые, горячие головы и приняли без доказательств. Народники не создавали культ народа с поклонением ему. Это наиболее заметно в отношении к народу как к такому брату, которому нужно помочь, поднять на ноги, что явно далеко от видения его в качестве Бога.

Принимая во внимание вышесказанное, необходимо, тем не менее, отметить, что религия имела определенное влияние на народническое движение. Но влияние было именно определенное, т.е. опосредованное, и это не противоречит утверждениям, сделанным ранее. Влияние на народников больше оказывало морально-этическое учение христианства, так как именно оно в то время являлось одним из фундаментов изучения с раннего возраста обыкновенных категорий морали: добра и зла, справедливости и несправедливости и т.п. И нет ничего удивительного, что эти понятия были хорошо усвоены будущими революционерами, но в ходе их взросления приобрели совершенно светский характер, при этом оставляя светлые воспоминания от знакомства с ними из детства. Об этих чувствах говорил в своем письме к товарищу обер-прокурора Сената В.А. Желиховскому видный народник, участник «хождения в народ», не принимавший, правда, участия в последующей террористической деятельности, И.Н. Мышкин. Он писал о том, что под влиянием каких книг с крайне револю-

ционными идеями сложился его идеал жизни [21. С. 193]. Этими книгами были Деяния Апостолов и Евангелие, с которыми он познакомился еще в детстве [Там же. С. 194]. В них говорилось о равенстве и братстве, о любви к ближнему. Ради этих идеалов они и шли в народ, а потом обратились к терроризму. Самым религиозным из всех народников обычно называют А.Д. Михайлова, знаменитого конспиратора «Земли и воли» и «Народной воли». По большей мере Михайлов, скорее всего, был пантеистом. А.И. Желябов отзывался о нем так: «Он любит людей и природу одинаково конкретно, и для него весь мир проникнут какой-то чисто человеческою личною прелестью» [22. С. 40]. В своих автобиографических заметках Михайлов признается в любви к людям, «страстном желании видеть человечество гармоничным» [Там же. С. 41]. Еще в юношеском возрасте у него появилось желание жертвовать жизнью ради народа, ради людей, ради их счастья, чтобы увидеть мир гармоничным. На вопросы о Боге А.Д. Михайлов отвечал, что Бог – это любовь, это правда, это справедливость [Там же. С. 49]. Но в целом религиозным человеком он не был, а выделялся особым душевным устройством, внутренней добротой и нравственностью, в основе которых были те самые идеи справедливости, гармонии, равенства из христианского учения, ставшие для него всеобъемлющими морально-этическими ориентирами в отличие от религиозных догм. Большое влияние Евангелие оказало на В.Н. Фигнер. К 17 годам Фигнер перестала верить в Бога, но по-прежнему оставалась под влиянием идей аскетизма и подвижничества, почерпнутыми из Евангелия [23. С. 97–105]. С.Г. Кан справедливо замечает, что эти идеи «жили в сознании Фигнер уже самостоятельной жизнью и впоследствии приобрели совсем далекий от евангельских суждений смысл» [18. С. 117; 23. С. 101]. На судебном процессе первомартовцев А.И. Желябов, кроме того что отверг православие, заявил, что учение Христа он признает [24. С. 4–5] и что каждый христианин, по его мнению, должен бороться за правду до конца. Приводить примеры можно долго. Но и на основании изложенных фактов ясно, что из христианского учения будущими народниками усваивалось только морально-этическое восприятие окружающей действительности без его религиозного основания. С позиций социальной справедливости и связанных с нею понятий правды и добра смотрели на мир многие народники. Именно эти понятия, чувство обостренной социальной справедливости, желание бороться за «социальную» правду до последней капли крови, идти на самопожертвование ради освобождения «забитого и глухого народа» и заставили народников перейти на путь насилия, но только тогда, когда власть начала бороться с мирными пропагандистами, несущими слово о «дobre и всеобщем счастье». Названные понятия в равной степени используются как религией, так и философией. Заблуждение многих исследователей начинается с того, что они увязывают эти понятия только с религиозной стороной жизни общества того времени. Они забывают, что для XIX в. уже была характерна секуляризация сознания, распространение

атеистических взглядов, особенно среди интеллигенции, образованной части общества, не говоря уже о такой радикальной его части, как революционеры.

Таким образом, принимая во внимание определение религиозности как особого уровня присутствия религии и религиозного в сознании и поведении индивида и основываясь на фактах биографии народников, опираясь на принцип историзма, следует сделать вывод, что в русском революционном народничестве религиозность отсутствовала. Народники, землевольцы и народовольцы не были движимы какой-то религиозной идеей, осознанной или подсознательной, или религиозными практиками. Веру в народ, аскетизм, самопожертвование и т.п. следует отделять от религиозной сферы, тем более что они религиозного

смысла в революционном движении не носили. При этом необходимо отметить, что религиозное, христианское учение стало для некоторых народников источником морально-этических установок, сложившихся еще в детском и юношеском возрасте. Эти установки полностью секуляризировались в их сознании в уже взрослом состоянии, хотя и понимались в максималистском духе в связи с особенностями молодого возраста и сложившимися обстоятельствами. Максималистское понимание в условиях реакции и гонений среди других причин привело ряд народников к революционному терроризму. На этом влияние религии на русское революционное народничество и революционный терроризм можно считать исчерпанным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Laqueur W. Terrorism. Boston, MA, 1977.
2. The history of terrorism from Antiquity to Al Qaeda / ed. by G. Chaliand, A. Blin. Berkeley, LA ; London, 2007.
3. Smith Paul J. The terrorism ahead: confronting transnational violence in the twenty-first century. Armonk, NY ; London, 2008.
4. An International History of Terrorism. Western and non-Western experiences / ed. by Jussi M. Hanhimäki, B. Blumenau. New York ; London, 2013.
5. Carr C. Terrorismus – die sinnlose gewalt. München, 2002.
6. Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.
7. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998.
8. Горбунов К.Г. Терроризм: социально-психологическое исследование. Омск, 2010.
9. Глинский Б.Б. Крамола, реакция и террор // Исторический вестник. СПб., 1909. Т. 118.
10. Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.
11. Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001.
12. Овсянко-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX в. Часть II (от 50-х до 80-х годов). М., 1907.
13. Billington J. Mikhailovsky and Russian Populism. Oxford, 1958.
14. Волк С.С., Левин Ш.М. Джеймс Биллингтон. Михайловский и русское народничество // История СССР. 1959. № 4. С. 204–212.
15. Маслин М.А. Критика буржуазных интерпретаций русского революционного народничества. М., 1977.
16. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М., 1986.
17. Элбакян Е.С. Религиозная идея в сознании народников // Кентавр. Историко-политический журнал. 1995. № 3. С. 137–151.
18. Кан Г.С. «Народная воля». Идеология и лидеры. М., 1997.
19. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев ; уч. секр. О.Е. Чернощек. М., 2010.
20. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2: П–Я : пер. с англ. М., 1999.
21. Из заявления И.Н. Мышкина товарищу обер-прокурору Сената В.А. Желиховскому // Революционное народничество 70-х годов XIX века. М., 1964. Т. 1. С. 181–196.
22. Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов. Л. ; М., 1925.
23. Фигнер В.Н. Злая шутка // Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 5: Очерки, статьи, речи. М., 1929.
24. Дело о совершенном 1-го марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Киев, 1881.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

RELIGIOSITY AND RELIGION IN THE RUSSIAN REVOLUTIONARY POPULISM AND TERRORISM IN THE 1870S–1880S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 99–103.

DOI: 10.17223/15617793/409/15

Denis A. Morozov, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: dr.oprichnik@yandex.ru; dr.oprichnik@gmail.com

Keywords: Russian revolutionary movement in 1870s–1880s; revolutionary populism; revolutionary terrorism; religiosity; religion.

The article investigates the influence of religion on the Russian revolutionary populism; and whether religiosity was present in the minds of Russian populists and revolutionary terrorists in the 1870s–1880s. In today's world, most often they connect terrorism with religious fundamentalism. Indeed, international terrorism, which appeared in the 1980s, now has religious ideas in its ideological basis, perverted by fanatics, gaining a radical religious character from here. While investigating this phenomenon, scholars pay attention to the past, to the history of the use of violence and threats of physical elimination as methods of intimidating political opponents. A number of researchers believe that terrorism originates in the Ancient world. In this context, these researchers consider the period of revolutionary terrorism in Russia in the 1860s–1880s and the beginning of the 20th century. Trying to study revolutionary terrorism in Russia as comprehensively as modern terrorism, researchers cannot but deal with the ideological bases of this radical way of political struggle, including influence of religion on Russian revolutionaries and their religiosity. These questions gain more significance and a general character clarifying the connection between religion and religious ideas with violent forms of protest. The article shows that questions of Russian revolutionary populists' religiosity (including terrorists), the influence of religion on the revolutionary environment are not adequately discussed in research papers. Views on these problems appear to be conflicting and incon-

sistent. The research provides the definition of “religiosity” and identifies distinctive features of this definition in western research publications. It goes on to prove that religiosity was absent in Russian populists’ consciousness. It refutes assertions about the religious nature of populists’ asceticism, their faith in the people. The study found that the influence of religion on revolutionary populism was indirect. Russian revolutionary populists in childhood and adolescence acquired only moral and ethical perception of the surrounding reality from the Christian teaching, without its religious basis. A conclusion is drawn that populists were not moved by some religious ideas or religious practices consciously or subconsciously. Faith in the people, asceticism, self-sacrifice, etc. should be separated from the religious sphere especially as they had no religious implication in the revolutionary movement. At the same time, it is noted that for some populists the religious, Christian teaching became a source of moral and ethical attitudes which developed in childhood or youth. These attitudes became completely secularized in their consciousness at an adult age, though were understood in the maximalist way due to their young age and particular circumstances.

REFERENCES

1. Laqueur, W. (1977) *Terrorism*. Boston, MA: Little Brown.
2. Chaliand, G. & Blin, A. (eds) (2007) *The history of terrorism from Antiquity to Al Qaeda*. Berkeley, LA; London: University of California Press.
3. Smith, P.J. (2008) *The terrorism ahead: confronting transnational violence in the twenty-first century*. Armonk, NY; London: M.E. Sharpe.
4. Hanhimäki, J.M. & Blumenau, B. (eds) (2013) *An International History of Terrorism. Western and non-Western experiences*. New York; London: Routledge.
5. Carr, C. (2002) *Terrorismus – die sinnlose gewalt* [Terrorism – the senseless violence]. München: Heyne.
6. Vityuk, V.V. & Efirov, S.A. (1987) “Levyi” terrorizm na Zapade: istoriya i sovremennost’ [“Left” terrorism in the West: history and modernity]. Moscow: Nauka.
7. Antonyan, Yu.M. (1998) *Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie* [Terrorism. Criminological and criminal-legal research]. Moscow: Shchit-M.
8. Gorbunov, K.G. (2010) *Terrorizm: sotsial’no-psikhologicheskoe issledovanie* [Terrorism: a socio-psychological research]. Omsk: Omsk State University.
9. Glinskiy, B.B. (1909) Kramola, reaktsiya i terror [Sedition, reaction and terror]. *Istoricheskiy vestnik*. 118.
10. BogucharSKIY, V.Ya. (1912) *Aktivnoe narodnichestvo semidesyatykh godov* [Active Populism of the seventies]. Moscow: Izdatel’stvo M. i S. Sabashnikovskiy.
11. Merezkovskiy, D.S. (2001) *Bylo i budet. Dnevnik. 1910–1914; Nevoennyi dnevnik. 1914–1916* [It has been and will be. A diary. 1910–1914; A non-military diary. 1914–1916]. Moscow: AgraF.
12. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1907) *Istoriya russkoy intelligentsii. Itogi russkoy khudozhestvennoy literatury XIX v.* [The history of the Russian intelligentsia. Results of Russian literature of the 19th century]. Pt. 2. Moscow: Izdatel’stvo Sablina.
13. Billington, J. (1958) *Mikhailovsky and Russian Populism*. Oxford: Oxford University Press.
14. Volk, S.S. & Levin, Sh.M. (1959) Dzheymz Billington. Mikhailovskiy i russkoe narodnichestvo [James Billington. Mikhailovsky and Russian Populism]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 204–212.
15. Maslin, M.A. (1977) *Kritika burzhuaznykh interpretatsiy russkogo revolyutsionnogo narodnichestva* [Criticism of bourgeois interpretations of the Russian revolutionary populism]. Moscow: Moscow State University.
16. Pantin, I.K., Plimak, E.G. & Khoros, V.G. (1986) *Revolutsionnaya traditsiya v Rossii: 1783–1883 gg.* [The revolutionary tradition in Russia: 1783–1883]. Moscow: Mysl’.
17. Elbakyan, E.S. (1995) Religioznaya ideya v soznanii narodnikov [The religious idea in the minds of populists]. *Kentavr. Istoriko-politicheskiy zhurnal*. 3. pp. 137–151.
18. Kan, G.S. (1997) “Narodnaya volya”. *Ideologiya i lidery* [“Narodnaya Volya”. Ideology and leaders]. Moscow: Probel.
19. Osipov, G.V. & Moskvichev, L.N. (eds) (2010) *Sotsiologicheskii slovar’* [Sociological Dictionary]. Moscow: Infra-M; Norma.
20. Geri, D. & Geri, J. (1999) *Bol’shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar’* [Big Sociological Explanatory Dictionary]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Veche, AST.
21. Itenberg, B.S. (ed.) (1964) Iz zayavleniya I.N. Myshkina tovarishchu ober-prokurora Senata V.A. Zhelikhovskomu [From the statement of I.N. Myshkin to Comrade Procurator of the Senate V.A. Zhelikhovsky]. In: *Revolutsionnoe narodnichestvo 70-kh godov XIX veka* [Revolutionary Populism of the 1870s]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
22. Pribyleva-Korba, A.P. & Figner, V.N. (1925) *Aleksandr Dmitrievich Mikhaylov*. Leningrad; Moscow: Gosizdat. (In Russian).
23. Figner, V.N. (1929) Zlaya shutka [A bad joke]. In: Figner, V.N. *Polnoe sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Complete Works in six volumes]. Vol. 5. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl’noposelentsev.
24. Anon. (1881) *Delo o sovershenom 1-go marta 1881 goda zlodeyanii, zhertvoyu koego pal v Boze pochivshiy Gosudar’ Imperator Aleksandr Nikolaevich* [The case of the atrocity committed on 1st March 1881, whose victim became the deceased Emperor Alexander]. Kiev: Tipografiya G.T. Korchak”-Novitskago.

Received: 09 June 2016

СОЗДАНИЕ КИТАЕМ АЗИАТСКОГО БАНКА ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ПОЗИЦИЯ ЯПОНИИ И ДРУГИХ ПАРТНЕРОВ США В АТР

Рассматривается реакция основных партнеров США в Азиатско-Тихоокеанском регионе – Японии, Южной Кореи и Австралии, а также Новой Зеландии и некоторых стран Юго-Восточной Азии – на создание Китаем в 2015 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Деятельность этой структуры направлена на вовлечение как можно большего количества стран региона в орбиту экономического влияния КНР и формирование противовеса контролируемому Западом Международному валютному фонду, Всемирному банку и Азиатскому банку развития. Автор прослеживает, как менялась позиция стран и с какими факторами это было связано. Исследование опирается на привлечение большого количества источников, в том числе учредительных документов АБИИ и актуальных материалов китайских, японских, южнокорейских, австралийских, российских и западных СМИ.

Ключевые слова: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций; Китай; Япония; США; Азиатско-Тихоокеанский регион; экономическое соперничество.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – новая международная экономическая организация, создание которой было инициировано Китайской Народной Республикой. Формирование организации шло в течение 2013–2015 гг. В нем можно выделить несколько этапов. Впервые идея учреждения нового банка была озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в октябре 2013 г. [1]. Далее началась детальная проработка концепции новой структуры. Уже тогда китайская сторона давала понять, что основной задачей банка будет являться, с одной стороны, «оспаривание» доминирования в международных экономических организациях США и их союзников [2] и создание своего собственного инструмента в системе глобального финансового регулирования [3], а с другой – инвестиционная поддержка проектов Пекина в рамках инициативы «Один пояс – один путь». По мнению властей КНР, такая структура необходима Азии для «развития реального сектора экономики» [4]. По сути, была заложена основа для того, чтобы «замкнуть» инвестиционные проекты в области инфраструктуры на новой посреднической структуре, что отвечало долгосрочным интересам Китая. Центральные СМИ КНР писали о «беспредельном очаровании инициативы создания АБИИ» для Азии, «концентрации совместных усилий Азии и сотрудничестве со всем миром» [5], а видные китайские эксперты-экономисты заявляли, что «многим странам Азии не хватает финансирования строительства объектов инфраструктуры, в настоящее время это является реальной проблемой... Вслед за формированием и развитием деятельности банка обязательно ускорится строительство инфраструктурных объектов в слаборазвитых районах, а расширение транспортно-коммуникационной взаимосвязанности Азии также будет способствовать выходу за границу китайских предприятий» [6].

В течение года по инициативе Пекина с целью обсуждения процесса создания организации были проведены пять многосторонних совещаний и встреча на уровне министров. В итоге в октябре 2014 г. в Пекине представителями 21 страны (КНР, Казахстан, Бангладеш, Бруней, Камбоджа, Индия, Кувейт, Лаос, Малайзия, Монголия, Мьянма, Непал, Оман, Пакистан, Филиппины, Катар, Сингапур, Шри-Ланка, Таиланд, Узбекистан и Вьетнам)

был подписан меморандум о взаимопонимании по созданию АБИИ [7].

Следующей вехой в создании новой организации стал Боаоский международный экономический форум 2015 г. Этот форум проводится Китаем ежегодно и часто называется «азиатский Давос». В течение нескольких дней работы форума велось активное обсуждение новой структуры, а количество стран, выразивших желание вхождения в АБИИ в качестве соучредителей, достигло 42. Финальным сроком подачи заявки Министерство финансов КНР определило 31 марта 2015 г., а сроком, до которого заявки должны были быть рассмотрены, – 12 апреля 2015 г. [8]. Тогда же китайское руководство озвучило заверения в том, что будет «способствовать расширению взаимодополняемости и координации работы АБИИ и других многосторонних финансовых институтов, таких как Азиатский банк развития и Всемирный банк» [9].

Нужно отметить, что руководство международных финансовых институтов воздержалось от открытой конфронтации с инициативой Пекина, хотя американские эксперты и предрекали возможность развития таковой [10]. Директор-распорядитель МВФ К. Лагард выразила готовность сотрудничать с АБИИ [11]; такую же позицию, что с большим удовлетворением отмечалось китайскими СМИ, озвучил и президент ВБ Джим Ен Ким [12]. Президент АБР Такэхико Накао в своих оценках был более сдержанным и отметил, что, «учитывая растущий спрос на кредиты, образование новой финансовой структуры – естественный процесс», но в то же время (с учетом, надо полагать, конкуренции со стороны АБИИ в перспективе) пообещал, что АБР увеличит объемы кредитования своих азиатских партнеров [13].

Итоговый учредительный документ АБИИ – Соглашение о создании банка [14] – был подписан 29 июня 2015 г. в Пекине. Соучредителями новой организации стали 57 государств. Крупнейшим по объему вложений участником и, как следствие, крупнейшим акционером банка, имеющим, согласно учредительному документу, наибольшие полномочия в принятии решений, стала КНР [14]. После этого началась процедура ратификации соглашения в органах законодательной власти стран-соучредителей, и, наконец, 16 января 2016 г. банк официально начал работу. Его штаб-квартира расположилась в Пекине, президентом

был назначен бывший заместитель министра финансов КНР Цзинь Лицзюнь, а председателем совета управляющих – министр финансов КНР Лоу Цзивэй [15]. По сути, новая организация оказалась практически полностью подконтрольной КНР. Более того, заместитель министра финансов КНР Ши Яобинь на инаугурационной сессии банка сделал достаточно странное заявление о том, что «в начальный период работы АБИИ Китай не будет подавать заявки на получение кредитов» [16]. То есть, надо думать, в дополнение к посреднической выгоде от получения процента с кредитов другим странам, продвижения юаня как мировой валюты и лоббирования финансовой поддержки для интересных в первую очередь именно китайской стороне проектов в перспективе Пекин может рассматривать и такой способ получения выгоды с помощью новой структуры, как «прокручивание» через нее собственных займов.

Создание новой многосторонней финансовой структуры, да еще подконтрольной КНР, несомненно, стало определенным вызовом интересам США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Штаты сразу дистанцировались от АБИИ и с самого начала придерживались политики неприсоединения к этой инициативе Пекина. Тем не менее, учитывая интенсивное развитие китайско-американских экономических связей на современном этапе, определенная связь и мониторинг проекта имеют место. А некоторые крупные деятели американского бизнеса и вовсе обвиняют свое государство в «медлительности» в оценке возможностей АБИИ и необходимости считаться с новой структурой [17]. Глава АБИИ Цзинь Лицзюнь осенью 2015 г. посетил Вашингтон, где в том числе выступил в Институте Брукингса с программной речью, посвященной новой организации [18].

Определенное осуждение было выражено США в связи со вступлением в АБИИ их европейских союзников, прежде всего Великобритании. В Китае же данный факт был воспринят с особым удовлетворением [19]. Что касается азиатских и тихоокеанских союзников США, то их реакция на создание новой структуры существенно различалась.

Главный союзник США в АТР – Япония – заняла по отношению к АБИИ категоричную позицию и отказалась от членства в новой организации. Японские аналитики назвали АБИИ всего лишь «внутренним банком Китая»; кроме того, высказывалось сомнение в том, что он вообще может при нынешних пропорциях стран в уставном капитале, соотношении голосов, контроле китайской стороны над штаб-квартирой и руководящими постами считаться действительно международной организацией [20]. Акцентировался тот факт, что банк задуман как инструмент Китая в его прагматичной стратегии получения доступа к рынкам сбыта и ресурсам Центральной Азии и Ближнего Востока, которых требует его построенная на перепроизводстве различных товаров экономика [21]. Встречались и такие оценки: «АБИИ – стратегический вызов для японской нации, ее сотрудничества с другими странами Азии и участия в строительстве регионального миропорядка» [22].

Одними наблюдателями отмечалось, что интересы Японии, находящейся за бортом АБИИ, могут пострадать в связи с усилением благодаря новому банку сотрудничества Китая с государствами «Экономического пояса Шелкового пути» [23], другие же, наоборот, выражали сомнение в том, что банку есть что предложить японской стороне в плане перспективных проектов и экономического сотрудничества [24]. В Китае некоторые сомнения японской стороны и разногласия в среде японского бизнеса и СМИ по поводу вероятной выгоды от возможного присоединения страны к АБИИ были восприняты не без одобрения [25]. Однако официальная линия японского правительства пока остается в фарватере США. При этом, как заявил министр финансов Таро Асо, Япония намерена «следить за развитием банка» [26].

Другая страна – союзник США в Азии, Республика Корея, также не входила в число учредителей банка на предварительном этапе [7]. Как отмечалось в китайских СМИ, от сближения с новой организацией РК долгое время удерживали США [27]. Однако за пять дней до истечения срока подачи заявок Пекин был официально уведомлен о желании РК стать одним из учредителей банка. Как следовало из заявления южнокорейского Министерства финансов, от новой структуры ожидается привлечение большего количества инвестиций в регион и взаимодополняемость с функциями других уже имеющихся международных финансовых организаций [28].

Пожалуй, среди всех партнеров США в АТР Южная Корея начала демонстрировать в ходе торгово-экономического взаимодействия с Китаем в последние годы наибольшую лояльность Пекину даже тогда, когда это наносило открытый и серьезный ущерб ее собственным национальным интересам, как, например, в случае с соглашением о свободной торговле, против ратификации которого проводились масштабные демонстрации корейских граждан, особенно представителей профсоюзов и фермеров [29]. Как одно из последствий подобной лояльности можно рассматривать назначение президента Банка развития Кореи на пост заместителя председателя АБИИ [30]. Кроме того, после официального начала работы банка в январе 2016 г. буквально через месяц корейские СМИ сообщили о планах создания правительственными структурами и ведущими корпорациями РК специального консультативного органа, который будет вести сбор информации и работу по вовлечению корейских предприятий в возможные выгодные проекты АБИИ [31]. Страна заняла пятое место по объему вложений в капитал банка и количеству акций, а министр финансов РК заявил, что АБИИ будет играть «важнейшую роль» в экономическом росте стран Азии и борьбе с вызовами их экономической безопасности и выразил уверенность в возможной выгоде для южнокорейских компаний от членства страны в организации, хоть и оговорился, что «пока подробности не обнародуются» [32].

Третий союзник США в АТР – Австралия – на начальном этапе формирования АБИИ дистанцировалась от организационной работы [7] и заявила о при-

соединении к числу учредителей АБИИ лишь за три дня до истечения срока подачи заявок на вступление [33]. Премьер-министр Т. Абботт отметил, что, по его мнению, «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, работая вместе с другими ключевыми международными финансовыми институтами – Всемирным банком и Азиатским банком развития, способен играть важную роль в решении инфраструктурных проблем и стимулировании экономического роста в регионе, что может принести пользу Австралии. В последние месяцы был достигнут прогресс в определении структуры АБИИ, решении вопросов прозрачности его работы. Тем не менее у Австралии все еще остается ряд вопросов, связанных с деятельностью этого банка, и мы будем ставить их в ходе предстоящих консультаций» [34].

Отчасти свою роль сыграло вхождение в число учредителей АБИИ таких ведущих западных государств, как Великобритания, Германия и Франция. По сути, австралийское правительство поддержало этот тренд [35]. Австралийские эксперты, однако, отмечали, что присоединение их страны к АБИИ наряду с европейскими партнерами США, прежде всего Великобританией, можно считать «победой КНР в стратегическом соперничестве с США», эта организация подконтрольна именно КНР, и решения в ней, в отличие, например, от Банка БРИКС, Китай будет принимать, по сути, единолично [36].

Что касается других, не столь крупных партнеров США в АТР, то Новая Зеландия включилась в процесс формирования новой структуры еще в январе 2015 г. и рассчитывала получить в качестве «первой развитой страны среди учредителей АБИИ» как можно больше бонусов [37], а союзники США в Юго-Восточной Азии – Сингапур, Малайзия, Филиппины и Таиланд – с самого начала занимали лояльную позицию к инициативе Пекина. Все четыре государства вошли в число тех, кто подписал в 2014 г. меморандум о создании АБИИ [6]. Сингапур тогда же и вовсе выразил свою поддержку китайской инициативе создания зоны свободной торговли. Китайское руководство в лице председателя Си Цзиньпина подчеркнуло, что планирует вместе с АСЕАН, в том числе посредством АБИИ, «создавать сообщество с общей судьбой, тем самым стимулируя региональный мир, стабильность и процветание» [38]. Впоследствии все эти государства подписали Соглашение о создании банка в 2015 г. и начали процедуру его ратификации в своих органах законодательной власти.

Таким образом, реакция партнеров США в АТР на создание Китаем такой структуры, как АБИИ, суще-

ственно различалась и напрямую зависела от уровня лояльности в их отношениях с Пекином: от полного отторжения новой структуры, как это произошло в случае с Японией, до безоговорочного принятия ее условий (в случае со странами Юго-Восточной Азии). Можно предположить, что причины заинтересованности той же Южной Кореи кроются не только в надежде и желании получить доступ к распределению финансовых резервов, накопленных КНР и вложенных в большом объеме в АБИИ, но и в планах корейских транснациональных корпораций лоббировать свое участие в крупных инфраструктурных проектах, для финансирования которых официально и создан АБИИ. Однако трудно поверить в то, что Китай станет делиться с кем-либо достаточным объемом выгоды, учитывая, что технология «тройного» зарабатывания бонусов на подобных проектах отработана КНР во многих развивающихся странах, когда типичная схема выглядит так: китайская сторона выделяет своему зарубежному партнеру «связанный» кредит, зарабатывая на процентах, а также на заказе (на сумму этого кредита) китайского же оборудования и работы китайских подрядчиков. Однако ожидания политических и бизнес-элит многих стран от участия в АБИИ остаются завышенными. В то же время, например, японская сторона отнеслась к итоговому вступлению в АБИИ Южной Кореи «спокойно», что, скорее всего, было связано именно с оценкой низкой вероятности получения масштабных выгод в конечном счете [39].

Можно отчасти согласиться с западными экспертами в том, что отсутствие в АБИИ США и Японии отнюдь не добавляет банку легитимности и веса в мировых экономических рейтингах [40], однако своих целей Пекин, в принципе, добился: все крупнейшие экономики АТР, кроме Японии, присоединились к АБИИ, что было для китайской стороны крайне важно в имиджевых целях. Кроме того, все эти государства внесли, пусть и в разной мере, свой вклад в капитал банка, хотя и не все, скорее всего, смогут обеспечить хоть сколько-нибудь весомое привлечение своих компаний к работе собственно в инфраструктурных проектах, которые будут финансироваться АБИИ. Наконец, стоит особо отметить присоединение к новой организации Сингапура как крупнейшего азиатского финансового центра. В то же время нельзя не сделать вывод о чрезмерном завышении ожиданий многих стран от участия в новой структуре и о том, что реальная эффективность участия той или иной экономики в работе АБИИ может быть оценена только после достижения полной ясности в вопросах отбора проектов для финансирования и первых результатов работы банка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китай может получить право вето в АБИИ – СМИ // Пульс планеты-Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 16 июня.
2. Чжунго цзян чжуджо чэнли Ячжоу цзичу шэши тоуцзы инхан / на кит. яз. (Китай станет лидером Азиатского банка инфраструктурных инвестиций) // Sina.com. 23.10.2014. URL: <http://finance.sina.com.cn/stock/usstock/c/20141023/074220617382.shtml>, свободный (дата обращения: 20.03.2016).
3. Си Цзиньпин встретился с представителями стран, прибывшими для участия в церемонии подписания Меморандума о подготовке к созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций // Жэньминь жибао онлайн. 24.10.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1024/c31521-8799662.html>, свободный (дата обращения: 20.03.2016).
4. Финансовое сотрудничество будет способствовать росту реального сектора экономики Азии – Цзэн Пэйянь // Жэньминь жибао онлайн. 25.11.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1125/c31520-8813501.html>, свободный (дата обращения: 20.03.2016).

5. АБИИ сыграет своеобразную роль в концентрации совместных усилий Азии и содействии сотрудничеству со всем миром // Жэньминь жибао онлайн. 2.04.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0402/c31518-8872875.html>, свободный (дата обращения: 2.01.2016).
6. Азиатские страны приветствуют формирование Азиатского банка инфраструктурных инвестиций // Жэньминь жибао онлайн. 25.11.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1125/c31520-8813489.html>, свободный (дата обращения: 20.03.2016).
7. Создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций // Центразия.ру. 30.10.2014. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1414655100>, свободный (дата обращения: 23.11.2015).
8. Countries rushing to join AIIB // China Daily. 30.03.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/boao2015/2015-03/30/content_19947316.htm, free (reference date: 30.11.2015).
9. China-backed investment bank welcomes all countries: Xi // China Daily. 28.03.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-03/28/content_19936479.htm, free (reference date: 30.11.2015).
10. Schuman M. Whose Money Will the World Follow? // Bloomberg. 15.05.2015. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-05-14/u-s-china-rivalry-whose-money-will-the-world-follow->, free (reference date: 20.03.2016).
11. МВФ приветствует создание АБИИ, подтвердила Кристин Лагард // Пульс планеты-Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 16 апр.
12. Ши син хуаньин Чжунго чоуцзянь ячжоу цзичу шэши тоуцзы инхан чань / на кит. яз. (Всемирный банк приветствует создание Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций) // Синьхуа. 28.06.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-06/28/c_1111361994.htm, свободный (дата обращения: 20.03.2016).
13. Азиатский банк развития увеличит объемы кредитования до 20 млрд долларов // Пульс планеты-Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 2 мая.
14. Articles of Agreement // The Asian Infrastructure Investment Bank official website. URL: <http://www.aiib.org/uploadfile/2015/0814/20150814022158430.pdf>, free (reference date: 23.11.2015).
15. Цзинь Лицзюнь назначен президентом АБИИ // Пульс планеты-Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 16 янв.
16. На первых порах Китай не будет обращаться в АБИИ за кредитами – Минфин КНР // Пульс планеты-Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 16 янв.
17. Financial futures founder: US too slow in accepting AIIB // China Daily. 27.03.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/boao2015/2015-03/27/content_19930125.htm, free (reference date: 20.03.2016).
18. Цзинь Лицзюнь шо Я тоусин цзян цзяньли фухэ 21 шицзи яоюо ды гао бяочжунь чжили тиси / на кит. яз. (Цзинь Лицзюнь: АБИИ будет следовать высоким стандартам управления XXI в.) // Синьхуа. 22.10.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-10/22/c_1116909345.htm, свободный (дата обращения: 20.03.2016).
19. Инго мэйти: Я тусин бэйхоу ди Мэй Чжун цзяолян / на кит. яз. (Британские СМИ: АБИИ – площадка для соперничества Китая и США) // Sina.com. 17.03.2015. URL: <http://finance.sina.com.cn/world/20150317/082121737396.shtml>, свободный (дата обращения: 20.03.2016).
20. Puro kara mireba AIIB wa kokusai kikan dewanai / на яп. яз. (С профессиональной точки зрения, АБИИ – не международная организация) // Toyoko Keizai. 1.08.2015. URL: <http://toyokeizai.net/articles/-/78842>, свободный (дата обращения: 24.11.2015).
21. Why Japan won't join the AIIB // The Japan Times. 20.04.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/04/20/commentary/japan-commentary/japan-wont-join-aiib/#.Vv6osS59qpp>, free (reference date: 20.03.2016).
22. The case for joining the AIIB // The Japan Times. 25.06.2015. Available at: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/06/25/commentary/japan-commentary/case-joining-aiib/#.Vv6ouy59qpp>, free (reference date: 20.03.2016).
23. Goju ka sanku de AIIB sousetsu keizai sonshitsu ureu keizaikai, NichiBei sanku wa byouyomi ka? / на яп. яз. (50 стран уже в АБИИ. США и Япония много теряют экономически: не пора ли и нам готовиться к вступлению?) // Nikkei Business. 1.07.2015. URL: <http://www.nikkeibp.co.jp/atcl/matome/15/346919/063000004/?rt= nocnt>, свободный (дата обращения: 24.11.2015).
24. The AIIB has little to offer Japan and the U.S. // The Japan Times. 20.05.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/05/20/commentary/japan-commentary/aiib-little-offer-japan-u-s/#.Vv6ozS59qpp>, free (reference date: 20.03.2016).
25. Жибэнь дуй Я тоусин ды фанчжэнь и цзибэнь цюэдин хо сян цзяжу май цзиньби / на кит. яз. (Япония пока определяет свой курс в отношении Азиатского банка инфраструктурных инвестиций или уже сделала шаг в направлении вступления?) // News 163.com. 10.04.2015. URL: <http://news.163.com/15/0410/20/AMS9C38800014JB5.html>, свободный (дата обращения: 20.03.2016).
26. Япония пока не намерена присоединиться к АБИИ, заявил глава Минфина // Пульс планеты-Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 31 марта.
27. Мэйго цзунао Ханго цзяжу цзичу шэши тоуцзы инхан / на кит. яз. (США тормозят присоединение Южной Кореи к АБИИ) // Жэньминь жибао. 30.06.2014. URL: <http://finance.people.com.cn/money/n/2014/0630/c42877-25218774.html>, свободный (дата обращения: 20.03.2016).
28. South Korea seeks to be AIIB founding member // China Daily. 27.03.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-03/27/content_19925554.htm, free (reference date: 20.03.2016).
29. Около 30 тысяч демонстрантов в центре Сеула требуют отставки президента Южной Кореи // Пульс планеты-Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 5 дек.
30. KDB chief tapped as AIIB vice president // Yonhap News. 3.02.2016. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/search1/2603000000.html?cid=AEN20160203003500320>, free (reference date: 20.03.2016).
31. S. Korea to launch consultative body for AIIB projects // Yonhap News. 25.02.2016. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/search1/2603000000.html?cid=AEN20160225007700320>, free (reference date: 20.03.2016).
32. S. Korean minister sees AIIB's 'critical role' in Asia's growth // Yonhap News. 16.01.2016. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/search1/2603000000.html?cid=AEN20160116002300315>, free (reference date: 20.03.2016).
33. Australia announces it will join China-proposed bank // China Daily. 28.03.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-03/28/content_19939018.htm, free (reference date: 20.03.2016).
34. Австралия присоединится к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций – премьер-министр // Пульс планеты-Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 29 марта.
35. Australia ready to negotiate to join AIIB // NSNBC. 27.03.2015. URL: <http://nsnbc.me/2015/03/27/australia-ready-to-negotiate-to-join-aiib/>, free (reference date: 24.11.2015).
36. Earl G., Murray L. Asian Infrastructure Investment Bank a challenge for China // The Australian Financial Review Magazine. March 2015. URL: <http://www.afr.com/news/world/asia/asian-infrastructure-investment-bank-a-challenge-for-china-20150319-1m2yfk>, free (reference date: 24.01.2016).
37. China-led bank 'shouldn't be hostage to history': expert // China Daily. 28.03.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-03/28/content_19939022.htm, free (reference date: 20.03.2016).
38. Си Цзиньпин встретился с премьером Сингапура // Жэньминь жибао онлайн. 10.11.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1110/c31521-8806919.html>, свободный (дата обращения: 20.03.2016).
39. Japan reacts calmly to South Korean decision to join China-led AIIB // The Japan Times. 27.03.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/03/27/world/japan-takes-south-koreas-decision-join-china-led-aiib-calmly/#.Vv6oxi59qpp>, free (reference date: 20.03.2016).
40. China's AIIB and OBOR: Ambitions and Challenges // The Diplomat. 9.10.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/10/chinas-aiib-and-obor-ambitions-and-challenges/>, free (reference date: 24.10.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 25 июня 2016 г.

THE LAUNCH OF THE CHINA-INITIATED ASIAN INFRASTRUCTURE INVESTMENT BANK AND THE REACTION OF JAPAN AND OTHER US ALLIES IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 104–109.

DOI: 10.17223/15617793/409/16

Ksenia G. Muratshina, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

Keywords: Asian Infrastructure Investment Bank; China; Japan; USA; Asia-Pacific; economic rivalry.

The article reviews the formation and development of the Asian Infrastructural Investment Bank (AIIB), as well as the approach towards the new organization chosen by the two geopolitical rivals in the Asia-Pacific region, the People's Republic of China, on the one hand, and Japan, together with other US allies, on the other. Structurally, AIIB, formed in 2015, is an intergovernmental organization. The idea of the new bank was put forward by China back in 2013. The main objectives for China in the AIIB formation included 1) rebalancing the international economic order, which had earlier been dominated by Western states and financial organizations they controlled, such as the International Monetary Fund, the World Bank, the Asian Development Bank, etc., and 2) a comprehensive support for the Chinese "One Belt – One Road" initiative and infrastructural projects carried out under this initiative in Central and Southeast Asia. The idea of the investment flows fixation and control over the majority of projects looks particularly beneficial for China, which is the key share holder in AIIB. Moreover, Beijing has also reserved the majority of governing positions in the organization. The multiple benefits from AIIB activities for China are provided by the use of the operation plan that is typical for the PRC's foreign direct investment activities in developing countries. As a rule, Beijing provides only tied loans to foreign partners, and, having extended such a credit, receives benefits not only from interest rates, but also from construction and engineering contracts for Chinese companies, as well as equipment supplies. However, the political elites and business circles of the majority of AIIB member states demonstrate great expectations from the new organization. In 2014, the number of states joining AIIB reached 21, in 2015 57, including the countries of Central Asia, Southeast Asia, Western Europe and the rest of the world. However, it was not supported by the USA – the main partner and the main rival for China. At the same time, the US allies in the Asia-Pacific region responded to the AIIB formation in different ways. While Japan rejected the possibility to enter the organization, South Korea and Australia changed their view from rejection to eventually joining AIIB. It implied the overall boost of Sino-Korean and Sino-Australian trade and economic relations. Meanwhile, New Zealand and Southeast Asian countries had already accepted the rules of the new organization at the preparatory stage. Thus, although the absence of Japan and the US substantially reduces the AIIB legitimacy, generally Beijing has realized its objectives, with the rest of Asia-Pacific joining the new organization, which is essential in terms of image-building. Furthermore, all member-states have paid their fees, although the amounts differed dramatically and, definitely, not all states might rely on the possibility of contracts in AIIB infrastructural projects.

REFERENCES

1. ITAR-TASS. (2015) Kitay mozhet poluchit' pravo veto v ABII – SMI [China can get a veto in the AIIB: Media]. *Pul's planety-Aziya ITAR-TASS*. 16 June.
2. Sina.com. (2014) China will become the leader of the Asian Infrastructure Investment Bank. *Sina.com*. 23 October. [Online] Available from: <http://finance.sina.com.cn/stock/usstock/c/20141023/074220617382.shtml>. (Accessed: 20th March 2016). (In Chinese).
3. People's Daily Online. (2014) Si Tszin'pin vstretilsya s predstavitel'yami stran, pribyvshimi dlya uchastiya v tseremonii podpisaniya Memoranduma o podgotovke k sozdaniyu Aziatskogo banka infrastrukturykh investitsiy [Xi Jinping met with representatives of the countries who have come to participate in the signing ceremony of the Memorandum of preparation for the establishment of Asian Infrastructure Investment Bank]. *People's Daily Online*. 24 October. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1024/c31521-8799662.html>. (Accessed: 20th March 2016).
4. People's Daily Online. (2014) Finansovoe sotrudnichestvo budet sposobstvovat' rostu real'nogo sektora ekonomiki Azii – Tszhen Peiyan' [Financial cooperation will contribute to the growth of the real sector of the economy of Asia – Zeng Peiyan]. *People's Daily Online*. 25 November. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1125/c31520-8813501.html>. (Accessed: 20th March 2016).
5. People's Daily Online. (2015) ABII sygraet svoeobraznyuyu rol' v konsentratsii sovmetnykh usilii Azii i sodeystvii sotrudnichestvu so vsem mirom [ABII will play a peculiar role in the concentration of Asian joint efforts and promotion of cooperation with the world]. *People's Daily Online*. 2 April. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0402/c31518-8872875.html>. (Accessed: 2.01.2016).
6. People's Daily Online. (2014) Aziatskie strany privetstvuyut formirovanie Aziatskogo banka infrastrukturykh investitsiy [Asian countries welcome the formation of the Asian Infrastructure Investment Bank]. *People's Daily Online*. 25 November. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1125/c31520-8813489.html>. (Accessed: 20th March 2016).
7. Tsentrziya.ru. (2014) Sozdan Aziatskiy bank infrastrukturykh investitsiy [The Asian Infrastructure Investment Bank has been formed]. [Online] Available from: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1414655100>. (Accessed: 23rd November 2015).
8. China Daily. (2015) Countries rushing to join the AIIB. *China Daily*. 30 March. [Online] Available from: http://www.chinadaily.com.cn/business/boao2015/2015-03/30/content_19947316.htm. (Accessed: 30.11.2015).
9. China Daily. (2015) China-backed investment bank welcomes all countries: Xi. *China Daily*. 28 March. [Online] Available from: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-03/28/content_19936479.htm. (Accessed: 30th November 2015).
10. Schuman, M. (2015) Whose Money Will the World Follow? *Bloomberg*. 15 May. [Online] Available from: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-05-14/u-s-china-rivalry-whose-money-will-the-world-follow->. (Accessed: 20th March 2016).
11. ITAR-TASS. (2015) MVF privetstvuet sozdanie ABII, podtverdila Kristin Lagard [IMF welcomes the establishment of the ABII, Christine Lagarde confirmed] *Pul's planety-Aziya ITAR-TASS*. 16 April.
12. Xinhua. (2014) The World Bank welcomes China's establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank. Xinhua. 28 June. [Online] Available from: http://news.xinhuanet.com/world/2014-06/28/c_1111361994.htm. (Accessed: 20th March 2016). (In Chinese).
13. ITAR-TASS. (2015) Aziatskiy bank razvitiya uvelichit ob'em kreditovaniya do 20 mlrd dollarov [The Asian Development Bank will increase lending to \$ 20 billion]. *Pul's planety-Aziya ITAR-TASS*. 2 May.
14. The Asian Infrastructure Investment Bank official website. (2015) *Articles of Agreement*. [Online] Available from: <http://www.aiib.org/uploadfile/2015/0814/20150814022158430.pdf>. (Accessed: 23rd November 2015).
15. ITAR-TASS. (2016) Tszin' Litszyun' naznachен prezidentom ABII [Jin Lijun was appointed president of the AIIB]. *Pul's planety-Aziya ITAR-TASS*. 16 January.
16. ITAR-TASS. (2016) Na pervykh porakh Kitay ne budet obrashchat'sya v ABII za kreditami – Minfin KNR [At first, China will not apply to the AIIB for loans: the Ministry of Finance of the PRC]. *Pul's planety-Aziya ITAR-TASS*. 16 January.

17. China Daily. (2015) Financial futures founder: US too slow in accepting the AIIB. *China Daily*. 27 March. [Online] Available from: http://www.chinadaily.com.cn/business/boao2015/2015-03/27/content_19930125.htm. (Accessed: 20th March 2016).
18. Xinhua. (2015) Jin Lique: the AIIB will follow the high standards of management in the 21st c. *Xinhua*. 22 October. [Online] Available from: http://news.xinhuanet.com/world/2015-10/22/c_1116909345.htm. (Accessed: 20th March 2016). (In Chinese).
19. Sina.com. (2015) *British media: the AIIB is a platform for China-US rivalry*. [Online] Available from: <http://finance.sina.com.cn/world/20150317/082121737396.shtml>. (Accessed: 20th March 2016). (In Chinese).
20. Toyoko Keizai. (2015) From a professional point of view the AIIB is not an international organization. *Toyoko Keizai*. 1 August. [Online] Available from: <http://toyokeizai.net/articles/-/78842>. (Accessed: 24th November 2015). (In Japanese).
21. The Japan Times. (2015) Why Japan won't join the AIIB. *The Japan Times*. 20 April. [Online] Available from: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/04/20/commentary/japan-commentary/japan-wont-join-aiib/#.Vv6osS59qpp>. (Accessed: 20th March 2016).
22. The Japan Times. (2015) The case for joining the AIIB. *The Japan Times*. 25 June. Available at: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/06/25/commentary/japan-commentary/case-joining-aiib/#.Vv6ouy59qpp>. (Accessed: 20th March 2016).
23. Nikkei Business. (2015) 50 countries are already in the AIIB. The United States and Japan lose a lot economically: is it time for us to prepare for accession? *Nikkei Business*. 1 July. [Online] Available from: <http://www.nikkeibp.co.jp/atcl/matome/15/346919/063000004/?rt=nocnt>. (Accessed: 24th November 2015). (In Japanese).
24. The Japan Times. (2015) The AIIB has little to offer Japan and the U.S. *The Japan Times*. 20 May. [Online] Available from: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/05/20/commentary/japan-commentary/aiib-little-offer-japan-u-s/#.Vv6ozS59qpp>. (Accessed: 20th March 2016).
25. News 163.com. (2015) Does Japan still determine its course with regard to the Asian Infrastructure Investment Bank, or has it already taken a step in the direction of entry? *News 163.com*. 10 April. [Online] Available from: <http://news.163.com/15/0410/20/AMS9C38800014JB5.html>. (Accessed: 20th March 2016). (In Chinese).
26. ITAR-TASS. (2015) Yaponiya poka ne namerena prisoeidinyat'sya k ABII, zayavil glava Minfina [Japan does not intend to join the AIIB, said the head of the Ministry of Finance]. *Pul's planety-Aziya ITAR-TASS*. 31 March.
27. People's Daily. (2014) US hampers the accession of South Korea to the AIIB. *People's Daily*. 30 June. [Online] Available from: <http://finance.people.com.cn/money/n/2014/0630/c42877-25218774.html>. (Accessed: 20th March 2016). (In Chinese).
28. China Daily. (2015) South Korea seeks to be the AIIB founding member. *China Daily*. 27 March. [Online] Available from: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-03/27/content_19925554.htm. (Accessed: 20th March 2016).
29. ITAR-TASS. (2015) Okolo 30 tysyach demonstrantov v tsentre Seula trebuyut otstavki prezidenta Yuzhnoy Korei [About 30 thousand protesters in downtown Seoul demanding the resignation of the President of South Korea]. *Pul's planety-Aziya ITAR-TASS*. 5 December.
30. Yonhap News. (2016) KDB chief tapped as the AIIB vice president. *Yonhap News*. 3 February. [Online] Available from: <http://english.yonhapnews.co.kr/search1/2603000000.html?cid=AEN20160203003500320>. (Accessed: 20th March 2016).
31. Yonhap News. (2016) S. Korea to launch consultative body for the AIIB projects. *Yonhap News*. 25 February. [Online] Available from: <http://english.yonhapnews.co.kr/search1/2603000000.html?cid=AEN20160225007700320>. (Accessed: 20th March 2016).
32. Yonhap News. (2016) S. Korean minister sees AIIB's 'critical role' in Asia's growth. *Yonhap News*. 16 January. [Online] Available from: <http://english.yonhapnews.co.kr/search1/2603000000.html?cid=AEN20160116002300315>. (Accessed: 20th March 2016).
33. China Daily. (2015) Australia announces it will join China-proposed bank. *China Daily*. 28 March. [Online] Available from: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-03/28/content_19939018.htm. (Accessed: 20th March 2016).
34. ITAR-TASS. (2015) Avstraliya prisoeidinit'sya k Aziatskomu banku infrastrukturykh investitsiy – prem'er-ministr [Australia joins the Asian Infrastructure Investment Bank, said the Prime Minister]. *Pul's planety-Aziya ITAR-TASS*. 29 March.
35. NSNBC. (2015) Australia ready to negotiate to join the AIIB. *NSNBC*. 27 March. [Online] Available from: <http://nsnbc.me/2015/03/27/australia-ready-to-negotiate-to-join-aiib/>. (Accessed: 24th November 2015).
36. Earl, G. & Murray, L. (2015) Asian Infrastructure Investment Bank a challenge for China. *The Australian Financial Review Magazine*. March. [Online] Available from: <http://www.afr.com/news/world/asia/asian-infrastructure-investment-bank-a-challenge-for-china-20150319-1m2yfk>. (Accessed: 24th January 2016).
37. China Daily. (2015) China-led bank 'shouldn't be hostage to history': expert. *China Daily*. 28.03.2015. [Online] Available from: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-03/28/content_19939022.htm. (Accessed: 20th March 2016).
38. People's Daily Online. (2014) Xi Jinping met with the Prime Minister of Singapore *People's Daily Online*. 10 November. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1110/c31521-8806919.html>. (Accessed: 20th March 2016). (In Chinese).
39. The Japan Times. (2015) Japan reacts calmly to South Korean decision to join China-led AIIB. *The Japan Times*. 27 March. [Online] Available from: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/03/27/world/japan-takes-south-koreas-decision-join-china-led-aiib-calmly/#.Vv6oxi59qpp>. (Accessed: 20th March 2016).
40. The Diplomat. (2015) China's AIIB and OBOR: Ambitions and Challenges. *The Diplomat*. 9 October. [Online] Available from: <http://thediplomat.com/2015/10/chinas-aiib-and-obor-ambitions-and-challenges/>. (Accessed: 24th October 2015).

Received: 25 June 2016

ЛИЧНОЕ ДЕЛО ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО Д.И. МУШКЕТОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Раскрывается состав документов личного дела выдающегося геолога Д.И. Мушкетова, выпускника Горного института, хранящегося в Архиве Горного университета. Документы освещают основные этапы его деятельности в качестве ассистента, преподавателя, заведующего кафедрой, директора Петроградского горного института и Горного музея. Они позволяют дополнить историю жизни известного ученого новыми фактами, неизвестными в литературе, и отражают процессы, происходившие в высшем образовании страны в 1910–1930 гг.

Ключевые слова: Дмитрий Иванович Мушкетов; геолог; Ленинградский горный институт; документы личного дела.

Д.И. Мушкетов (1882–1938), выдающийся ученый-геолог, родился в Санкт-Петербурге 19 марта 1882 г. (по ст. ст.) в семье известного геолога И.В. Мушкетова. Получив домашнее начальное образование, он поступил в гимназию при Историко-философском институте, затем в Петроградский горный институт, который окончил в 1907 г. Мушкетов был преподавателем, заведующим кафедрой общей геологии, директором Горного института (1918–1927 гг.), директором Геологического комитета (1926–1929 гг.), директором созданного им Института прикладной геофизики (1924–1930), директором Горного музея (1918–1937). Ученый руководил отделом тектоники Геологического института АН, сейсмологическим отделом Сейсмического института, был членом научного совета Таджикского филиала АН и т.д. [1. С. 40].

Он известен работами в области геологического картирования Средней Азии, региональной геологии и тектоники. Благодаря многочисленным публикациям в СССР и за рубежом, блестящему знанию иностранных языков Дмитрий Иванович достойно представлял страну на сессиях и экскурсиях Международного геологического конгресса (1922, 1926, 1929 гг.). Десятки его трудов опубликованы на немецком, французском и английском языках. Он читал лекции по динамической геологии, физической геологии, писал и выпускал учебники. Мушкетов является автором первой монографии, посвященной региональной геотектонике. В период подготовки к XVII сессии Международного геологического конгресса (1937 г.) им была организована систематическая работа по обновлению и совершенствованию экспозиций Горного музея [2. С. 125].

Ученый, обвиненный в создании в 1930 г. контрреволюционной террористической группы и совершении вредительских актов, был арестован 29 июня 1937 г., 18 февраля 1938 г. расстрелян, реабилитирован 8 декабря 1956 г. [3. С. 74].

Публикаций о Д.И. Мушкетове немного. Их можно разделить на три группы: первая – статьи о жизни и деятельности ученого; вторая – воспоминания; третья – публикации в энциклопедиях и сборниках.

Первая статья В.В. Тихомирова и Н.А. Воскресенской, написанная в 1963 г. к 25-летию со дня смерти ученого, освещала основные этапы жизни и деятельности ученого. По словам авторов, «выдающиеся работы Д.И. Мушкетова по тектонике в последующие

годы по существу были преданы забвению» [4. С. 160].

Е.В. Павловский и С.С. Шульц в 1984 г. провели анализ научной деятельности Д.И. Мушкетова, назвали основные работы ученого. Его работа «Региональная геотектоника», по их мнению, являлась «первой в отечественной геологической литературе сводкой о тектонике всего земного шара». Авторы отметили организаторский и управленческий талант Дмитрия Ивановича, знание иностранных языков и его работу в Международных комиссиях и Геологических конгрессах. В его преподавательской деятельности они указали на «исключительную эрудицию» и умение давать на лекциях большое количество новейшего по тем временам материала. Личные воспоминания авторов о работе под руководством Д.И. Мушкетова в отделе тектоники Геологического института АН СССР дают представление о его характере и человеческих качествах [5]. Профессор Санкт-Петербургского горного института А.Х. Кагарманов в 1997 г., рассказывая о деятельности Д.И. Мушкетова, особо отметил его вклад как директора в сохранение и развитие Горного института [1].

Ю.Я. Соловьев дополнил в 2001 г. биографию Д.И. Мушкетова новыми сведениями, сделав основной упор на последних годах жизни ученого. Он использовал стенографические записи бесед с его коллегами и учениками, воспоминания и письма, отдельные документы из семейного архива И.В. и Д.И. Мушкетовых в Российской национальной библиотеке и копию личного дела из Архива Горного института (52 л.). Автор провел исследование по установлению даты и причины смерти ученого, дополнил сведения о нем как о педагоге, организаторе и ученом. Он назвал возможные причины, приведшие к отстранению Д.И. Мушкетова от участия в XVII сессии Международного конгресса в Вашингтоне, а потом к аресту и расстрелу [6]. Статья Соловьева к 125-летию со дня рождения Д.И. Мушкетова – это сокращенный и переработанный вариант его первой работы об ученом [3].

Воспоминания о Д.И. Мушкетове малочисленны. Академик Д.И. Наливкин посвятил своему учителю в 1984 г. статью, где дал характеристику основных направлений его деятельности [7]. С.А. Ковалевский вместе с Наливкиным в 1971 г. вспоминали о нем как об участнике подмосковной экскурсии студентов Горного института, где он был в качестве ассистента

заведующего кафедрой А.А. Борисяка [8], Е.В. Павловский – как об организаторе геологического кружка в ГИНе [9]. Д.И. Наливкин в книге о студенчестве, профессуре и кафедрах Горного института, вышедшей в 1981 г., поместил их общие фотографии. Строки о Д.И. Мушкетове показывают уважительное отношение к учителю, которому, по его словам, он был обязан тектонической подготовкой и интересом к тектонике [10. С. 76].

Остальные работы – справочные и энциклопедические издания, персоналии, сборники, посвященные истории Горного института, Геологического комитета, Горного музея, – содержат краткую информацию об ученом. Иногда Дмитрия Ивановича путают с его с отцом И.В. Мушкетовым [11]. С.А. Данильянц и Л.В. Громов на примере семьи Мушкетовых показали преемственность поколений в дореволюционной российской геологической науке [12].

Из историографии видно, что часть работ, посвященных Д.И. Мушкетову, анализируют научную, организаторскую и общественную деятельность ученого, сосредоточенную за пределами Горного института. Незученной осталась его работа как преподавателя, заведующего кафедрой, директора Горного института, Горного музея и созданного им Института прикладной геофизики. Учитывая, что Ю.Я. Соловьев ввел в оборот только часть документов личного дела Д.И. Мушкетова из Архива Горного института, оно, несомненно, представляет интерес для более широкого освещения жизни и деятельности ученого с мировым именем, чья судьба с самого рождения и до последних дней была связана с Горным институтом [3. С. 75].

Для поиска сведений, освещающих период его работы в Горном институте, особый интерес представляет Архив Горного университета (АГУ), где хранятся личные дела преподавателей, рабочих и служащих с 1917 г. по настоящее время (11 января 2016 г.). Личные дела – это особая категория документов, относящихся к делопроизводственной документации, содержащих ценную историческую информацию, и важный источник для реконструкции служебной карьеры человека.

Документы об ученом собраны в Д. 340 Оп. 75 «Профессор Мушкетов Дмитрий Иванович» (164 л.). Личные дела преподавателей, рабочих и служащих института за 1937–1938 гг.». Они охватывают его многолетнюю работу в Горном институте с 11 октября 1910 г. по 23 сентября 1937 г. в должности ассистента, преподавателя, заведующего кафедрой, директора Института и Горного музея.

Подлинный диплом Д.И. Мушкетова об окончании Горного института от 28 февраля 1907 г. за № 531 позволяет судить о предметах, изучавшихся им в институте в течение 1899–1907 гг. и полученных оценках. Металлургия, галургия, пробирное искусство, строительное искусство, строительная механика, геология, кристаллография, минералогия, горнозаводская механика, химия органическая, химия аналитическая, электротехника, начертательная геометрия, геодезия, горное законоведение, немецкий язык – 16 «отлично»; богословие, горное искусство, курс постройки и экс-

плуатации железных дорог, палеонтология, прикладная механика, химия неорганическая, высшая математика, черчение – 8 «хорошо»; маркшейдерское искусство, технология металлов и дерева, аналитическая механика, физика, горная статистика – 5 «удовлетворительно». За выполненные проекты: по горному искусству, горнозаводской механике – «отлично», строительному искусству – «хорошо», прикладной механике – «удовлетворительно» [13. Л. 6].

Первый документ дела – уведомление Совета Горного института об избрании Д.И. Мушкетова большинством голосов на должность штатного ассистента по кафедре геологии со 2 октября 1910 г. (начало его преподавательской деятельности в вузе), последний – благодарность председателя КОГИ (Комиссии по геологической изученности СССР) В.В. Тихомирова и о. ректора Ленинградского горного института им. Г.В. Плеханова проф. Л.Н. Келлю за предоставленную копию личного дела (52 л.) для составления научной биографии ученого (9 июля 1962 г.).

Копии послужных и формулярных списков (1910, 1913, 1916 гг.) позволяют проследить развитие служебной карьеры Д.И. Мушкетова вплоть до 1917 г. В них имеются точные сведения о занимаемых должностях, чинах, командировках, наградах, семейном положении, членах семьи, вероисповедании, зарплате и т.д. Присвоение чинов происходило у Д.И. Мушкетова регулярно вплоть до 1917 г. По окончании Горного института в 1907 г. ему был присвоен чин коллежского секретаря, 25 августа 1909 г. – чин коллежского секретаря со старшинством, 20 декабря 1910 г. – чин титулярного советника со старшинством, 13 октября 1914 г. – титул надворного советника со старшинством. 1 января 1917 г. подошел срок производства его в чин коллежского советника, но революционные события в стране упразднили старый порядок государственной службы [1. Л. 66–77].

Среди дореволюционных наград, полученных Д.И. Мушкетовым, следует назвать предоставленное ему 21 февраля 1913 г. право ношения на груди светло-розовой медали, высочайше учрежденной в память 300-летия царствования Дома Романовых, и пожалование ему как адъютанту-геологу Геологического комитета за отлично-усердную службу 22 марта 1915 г. звания кавалера ордена Святого Станислава 3-й степени.

Из послужного списка узнаем, что к окончанию Горного института он был женат на дочери майора Козиненко Ульяне Васильевне православного вероисповедания. 13 января 1907 г. у него родилась дочь Галина, а 8 июля 1908 г. – Марина. Его зарплата в должности штатного ассистента в 1910 г. – 1000 руб. в год, в 1913 г. – 750 руб. в год (жалованье – 600 руб., квартирные – 150 руб.), в 1916 г. в должности адъютанта геолога – 2 800 руб. в год (жалованье – 900 руб., столовые – 540 руб., квартирные – 360 руб., жалованье по должности адъютанта – 1000 руб.) [13. Л. 2 об., 20 об., 67 об.].

В деле сохранился положительный отзыв, составленный 21 апреля 1915 г. профессорами К. Богдановичем и А. Борисяком, на диссертационную работу Д.И. Мушкетова, опубликованную под названием

«Чиль-Устунь и Чиль-Майрам» (место на Тянь-Шане между Алайским и Ферганским хребтами) [14]. Проанализировав его работу, они писали: «...автор понимает задачи геологического исследования широко, вполне в соответствии со сложностью геологической жизни, и в этом отношении нельзя не приветствовать этой работы, как яркий пример всестороннего геологического исследования. Автор не ограничился изложением своего фактического материала, а дал стройную картину геологической жизни всей страны, рассматривая ее как нераздельную часть более широкого пространства. Автор сумел, исходя из ограниченного материала, затронуть важные вопросы геологии всей страны, обнаружив действительное понимание задач геологии, умение справиться с такими задачами и необходимую эрудицию». Здесь же подшиты положения к диссертации из 10 пунктов и рукописная выписка из журнала Совета института от 4 мая 1915 г., составленная Н. Яковлевым, где он, перечислив недостатки работы, в заключение написал: «При всем том, работа свидетельствует о тщательности и детальности работы... и осведомленности автора в области широких вопросов геологического исследования и может быть допущена к защите как диссертация» [13. Л. 41–45].

Интересным документом является заявление адъюнкта Д.И. Мушкетова, поданное в Совет Горного института императрицы Екатерины II 4 апреля 1916 г., через год после начала чтения им курса динамической геологии вместо К.И. Богдановича, о желании внести в него некоторые изменения и создать геологический кабинет в Горном музее. Он считал необходимым знакомить студентов с приемами и методами полевых геологических работ и, учитывая требования промышленности, предлагал выделить в курсе динамической геологии учение о нерудных полезных ископаемых: «В нем сообщались бы сведения о характере, распространении и методах исследования таких полезных ископаемых как уголь, нефть, соли, селитра, сера, фосфориты, вода, строительные материалы и пр.» Совет института одобрил учреждение геологического кабинета [13. Л. 56–61, 63].

Сохранилась справка в учебный отдел Министерства торговли и промышленности об избрании адъюнкта Д.И. Мушкетова директором Петроградского горного института на заседании Совета института 31 января 1918 г. вместо отказавшегося ординарного профессора В.В. Никитина. В ней значится, что к исполнению обязанностей он приступил 14 февраля [Там же. Л. 78].

Документов, иллюстрирующих работу Д.И. Мушкетова в качестве директора, в деле мало. Три удостоверения об избрании его представителем от института в Водно-мелиоративную и Горную и металлургическую секции центрального совета экспертов при Центральном народно-промышленном комитете (14 мая 1918 г.) и на конференцию Производительных сил Средней Азии (25 января 1925 г.) [Там же. Л. 80–81, 88]. В копии удостоверения (вместо вида на жительство) от 26 мая 1922 г. указаны занимаемые им должности: директор и профессор Петроградского горного института, директор Горного музея, геолог Геологического комитета ВСНХ, член научно-технического

совета Геологического управления Горной промышленности ВСНХ. Справка для Петропрофобра содержит сведения о семье и происхождении [13. Л. 80–84]. В связи с командировкой в июне 1925 г. в качестве начальника геологической экспедиции в Ура-Тюбинский (Узбекистан) и Ошский (Киргизия) районы Ленинградский городской отдел главного политического управления (ЛГО ГПУ) разрешил ему иметь револьвер [Там же. Л. 86–85, 88].

Из следующих документов, становится очевидным, что на Международный геологический конгресс в Мадриде в мае 1926 г. Д.И. Мушкетов был направлен сначала как директор Горного института (18 февраля 1926 г.), а потом как директор Всероссийского геологического комитета (5 мая 1926 г.). О выдаче ему заграничного паспорта хлопотал В.М. Свердлов (брат умершего в 1919 г. председателя ВЦИК Я.М. Свердлова), член президиума ВСНХ, заведующий научно-техническим отделом ВСНХ. С собой в командировку он взял жену и дочь Галину [Там же. Л. 87, 89–91].

Работая директором Всероссийского геологического комитета, он продолжал преподавать в Петроградском горном институте и заведовать Горным музеем. Из заявлений, подшитых в дело Д.И. Мушкетова, становится ясно, что по поручению президиума ВСНХ СССР он часто ездил в зарубежные командировки. Иногда поездки продолжались по 4 месяца, например, в США (14 августа – 1 декабря 1927 г.), Западную Европу и Южную Африку (1 июня – 1 октября 1929 г.). В этом случае он переносил лекции на другой семестр, а зачеты у студентов принимал иной преподаватель [13. Л. 93–94, 96–97].

С 14 ноября 1930 г. после закрытия Всероссийского геологического комитета Д.И. Мушкетов был назначен заведующим кафедрой геологии, которую занимал до 25 марта 1934 г. [Там же. Л. 103, 119]. Он ушел с должности по состоянию здоровья (из-за проблем с сердцем). Другой причиной была подготовка к изданию одновременно четырех курсов – «Региональной геотектоники», «Физической геологии», «Курса общей геологии» и «Технической геологии», общим объемом 140 п. л. Вопрос о его замене решался полгода. С сентября 1934 г. он отказался от научной и организационной деятельности в других местах и сосредоточился на работе директора Горного музея и преподавании. В декабре 1936 г. он ездил в Москву по поводу сметы на реорганизацию музея перед XVII Международным геологическим конгрессом [Там же. Л. 114, 116–120, 126, 144].

В деле сохранилось ходатайство директора Ленинградского горного института М.И. Волина в Комиссию по назначению персональных пенсий Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР о выделении ученому полной персональной пенсии высшего размера в июне 1932 г. [1. Л. 107]. Но нет подтверждения об ее назначении. Здесь же записка Д.И. Мушкетова от 26 декабря 1932 г. директору Ленинградского горного института М.И. Волину с критикой учебных процессов, происходящих в Горном институте [13. Л. 108.]

Важными документами являются выписка от 23 января 1936 г. из протокола заседания Аттестационной комиссии о присуждении ему ученой степени доктора геолого-минералогических наук без публичной защиты и характеристика его научной работы, составленная комиссией Института [13. Л. 128–130, 137].

В личном деле Д.И. Мушкетова сохранилась выписка из распоряжения Главного управления учебных заведений Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР (ГУУЗ НКТП) от 20 марта 1936 г., содержащая высокую оценку работы 55 вузов, в том числе Ленинградского горного института. За переработку программ специальных дисциплин Д.И. Мушкетов и ряд его коллег были награждены денежной премией [Там же. Л. 138–139, 145].

Ввиду отсутствия полной библиографии трудов ученого ценный материал представляют списки печатных работ, составленные Д.И. Мушкетовым в разное время и подшитые в дело [Там же. Л. 82, 131–135].

Трудовой список Д.И. Мушкетова, составленный в 1928 г. в Геологическом комитете и продолженный в Ленинградском горном институте, позволяет реконструировать этапы прохождения его службы после 1917 г. В дело подшита выписка из приказа от 23 сентября 1937 г. № 177/лс, § 6: «Считать директора Музея Д.И. Мушкетова уволенным с 29 августа как находящегося под арестом свыше 2 месяцев» [13.

Л. 139–139, 155]. В конце помещено извещение от 19 июня 1962 г. из КОГИ директору Ленинградского горного института проф. П.И. Мустелю о реабилитации Д.И. Мушкетова [13. Л. 162].

Таким образом, документы из личного дела Д.И. Мушкетова являются ценным историческим источником, раскрывающим неизвестные стороны деятельности ученого-геолога в Ленинградском горном институте. Диплом горного инженера позволяет судить о его успеваемости в институте; послужные, формулярные и трудовой списки – проследить служебную карьеру, занимаемые должности, даты присвоения чинов и дореволюционные награды. В деле Д.И. Мушкетова имеются положительные отзывы профессоров К.И. Богдановича, А.А. Борисака и Н.Н. Яковлева на его диссертацию; предложения молодого преподавателя по улучшению курса динамической геологии и созданию геологического кабинета в Горном музее; приведены дата избрания молодого адъюнкта на должность директора Петроградского горного института, сроки заведования кафедрой общей геологии и причины ухода с этой должности; список научных трудов. Наряду с этим различные справки, выписки, личные заявления, характеристики, анкетные листы и другие документы позволяют почувствовать атмосферу того времени, увидеть процессы, происходящие в высшем образовании и стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кагарманов А.Х. Д.И. Мушкетов как ученый и директор Санкт-Петербургского горного института и Горного музея // Культурное наследие в геологии, горном деле и металлургии. Библиотеки-Архивы-Музеи : тез. докл. 3-го Междунар. симп., Санкт-Петербург, 1997, 23–27 июня. СПб., 1997. С. 40–41.
2. Куликова Н.А., Девнина Н.Н., Попова Е.Е. История минерального собрания Горного музея Ленинградского горного института им. Г.В. Плеханова // Старейшие минералогические музеи СССР. М. : Наука, 1989. Вып. 25. С. 82–142.
3. Соловьев Ю.Я. Жизнь и деятельность Д.И. Мушкетова (1882–1938) в отечественном и мировом сообществе геологов (К 125-летию со дня рождения) // Бюллетень московского общества испытателей природы. Отд. Геологический. 2007. Т. 82, вып. 6. С. 66–75.
4. Тихомиров В.В., Воскресенская Н.А. 25 лет со дня смерти Д.И. Мушкетова // Советская геология. 1963. № 3. С. 159–160.
5. Павловский Е.В., Шульц С.С. Дмитрий Иванович Мушкетов (1882–1938) // Выдающиеся ученые Геологического комитета – ВСЕГЕИ. Л. : Наука, 1984. С. 99–111.
6. Соловьев Ю.Я. «Дату смерти знает только МВД...» // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 75–92.
7. Наливкин Д.И. Воспоминания о Дмитрие Ивановиче Мушкетове // Выдающиеся ученые Геологического комитета – ВСЕГЕИ. Л. : Наука, 1984. С. 112–114.
8. Ковалевский Е.В., Наливкин Д.И. Геологи Горного института – участники Подмосковной экскурсии // Ученые Геологического комитета. М. : Наука, 1971. С. 145–148. (Сер. Очерки по истории геологических знаний. Вып. 13.)
9. Ковалевский Е.В. В старом ГИНе (1930–1934 годы) // Страницы истории московской геологической школы. М. : Наука, 1985. С. 18–28. (Сер. Очерки по истории геологических знаний. Вып. 22.)
10. Наливкин Д.И. Из далекого прошлого: воспоминания студента и проф. Горн. ин-та. Л. : Наука, 1981. 100 с.
11. Никиташина С.О. Выпускник Горного института Дмитрий Иванович Мушкетов (историография проблемы) // Клио. 2014. № 8. С. 15–18.
12. Данильянц С.А., Громов Л.В. Геологическая династия Мушкетовых // Советская геология. 1992. № 7. С. 91–93.
13. Архив Горного университета. Оп. 75. Личные дела преподавателей, рабочих и служащих института за 1937–1938 гг. Д. 340. Мушкетов Дмитрий Иванович.
14. Мушкетов Д.И. Чиль-Устунь и Чиль-Майрам // Труды Геологического комитета. Новая серия. 1915. Вып. 100. С. 1–122.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

THE PERSONAL FILE OF THE OUTSTANDING SCIENTIST D.I. MUSHKETOV AS A HISTORICAL SOURCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 110–114.

DOI: 10.17223/15617793/409/17

Svetlana O. Nikitashina, National Mineral Resources University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: svnikita65@mail.ru

Keywords: D.I. Mushketov; geologist; Leningrad Mining Institute; personal file; Archive of Mining University.

The outstanding scientist-geologist Dmitry Ivanovich Mushketov was born on 19 March 1882 in Saint Petersburg. After graduation from the Mining Institute in 1907 he worked there as an Assistant Professor, a Lecturer, the Head of the Department; the Rector of the Mining Institute (1918–1927), the President of the Geological Committee (1926–1929), the Director of the Institute of Applied Geophysics (till 1930) that he founded, the Head of the Mining Museum (1923–1937). D.I. Mushketov is renowned for his works in the field of geological mapping of Central Asia, regional geology and tectonics. His works were published in the German,

French and English languages. He delivered lectures on Dynamic Geology, General Geology, wrote and published textbooks. During mass repressions the scientist was arrested, executed on 18 February 1938, and rehabilitated in 1956. Little is known about his activities and work at the Mining Institute. In this regard, Personal File N 340 “Professor Dmitry Ivanovich Mushketov” (164 p.) stored in the Archive of the Mining University is of particular interest. The documents cover a period of D.I. Mushketov’s employment in the Mining Institute from 11 October 1910 till 23 September 1937, and allow reconstructing the carrier of the scientist. The personal file contains D.I. Mushketov’s authentic diploma awarded after graduation from the Mining Institute allowing to determine the subjects he studied; copies of service records 1910, 1913, 1916 containing the information on positions held, ranks, business trips and geological expeditions, awards, marital status, family members, religion, salary, etc. The Soviet-period documents reflect the scientist’s activities as a Professor and Director of the Petrograd Mining Institute, the Director of the Mining Museum, a Geological Committee member of the Supreme Council of National Economy and a member of the Scientific and Technical Council of the Geological Survey for Mining of the Supreme Council of National Economy, the Head of the Geological Committee. The file contains Mushketov’s propositions aimed at improving the Institute’s performance, his statements, characteristics as a teacher and scholar, lists of his scientific works. It also comprises an extract from meeting minutes of the Attestation Commission dated 23 January 1936 to award D.I. Mushketov with a doctoral degree in Geological and Mineralogical Sciences without the public thesis defense, and the characteristics of his research prepared by the Institute’s Commission. Documents on the scientist’s business trips to Western Europe, the USA, South Africa lasting for several months at time are of particular interest. Documents from the personal file of D.I. Mushketov are a valuable historical source revealing unknown aspects of the activity of the scientist-geologist at the Leningrad Mining Institute supplementing his life with new facts. Along with the above, various certificates, excerpts, personal statements, characteristics, personal forms allow perceiving the atmosphere of the time and seeing the processes that took place in the higher education and in the country in the 1910s–1930s.

REFERENCES

1. Kagarmanov, A.Kh. (1997) [D.I. Mushketov as a scientist and director of the St. Petersburg Mining Institute and the Mining Museum]. *Kul'turnoe nasledie v geologii, gornom dele i metallurgii. Biblioteki-Arkhiy-Muzei* [D.I. Mushketov as a scientist and director of the St. Petersburg Mining Institute and the Mining Museum]. Proceedings of the 3rd international symposium. St. Petersburg. 23–27 June 1997. St. Petersburg. pp. 40–41. (In Russian).
2. Kulikova, N.A., Devnina, N.N. & Popova, E.E. (1989) Istoriya mineral'nogo sobraniya Gornogo muzeya Leningradskogo gornogo instituta im. G.V. Plekhanova [The history of the mineral collection of the Mining Museum of the Leningrad Mining Institute n.a. G.V. Plekhanov]. In: Tikhomirov, V.V. (ed.) *Stareyshie mineralogicheskie muzei SSSR* [Oldest mineralogical museum of the USSR]. Vol. 25. Moscow: Nauka.
3. Solov'ev, Yu.Ya. (2007) Zhizn' i deyatel'nost' D.I. Mushketova (1882–1938) v otechestvennom i mirovom soobshchestve geologov (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya) [The life and activities of D.I. Mushketov (1882–1938) in the domestic and the global community of geologists (the 125th anniversary)]. *Byulleten' moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otd. Geologicheskii*. 82:6. pp. 66–75.
4. Tikhomirov, V.V. & Voskresenskaya, N.A. (1963) 25 let so dnya smerti D.I. Mushketova [25 years since the death of D. Mushketov]. *Sovetskaya geologiya*. 3. pp. 159–160.
5. Pavlovskiy, E.V. & Shul'ts, S.S. (1984) Dmitriy Ivanovich Mushketov (1882–1938). In: Sokolov, B.S. (ed.) *Vydayushchiesya uchenye Geologicheskogo komiteta – VSEGEI* [Outstanding scientists of the Geological Committee – VSEGEI]. Leningrad: Nauka.
6. Solov'ev, Yu.Ya. (2001) “Datu smerti znaet tol'ko MVD...” [“Only MIA knows the date of death . . .”]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2. pp. 75–92.
7. Nalivkin, D.I. (1984) Vospominaniya o Dmitrii Ivanoviche Mushketove [Memoirs of Dmitri Ivanovich Mushketov]. In: Sokolov, B.S. (ed.) *Vydayushchiesya uchenye Geologicheskogo komiteta – VSEGEI* [Outstanding scientists of the Geological Committee – VSEGEI]. Leningrad: Nauka.
8. Kovalevskiy, E.V. & Nalivkin, D.I. (1971) Geologi Gornogo instituta – uchastniki Podmoskovnoy ekskursii [Geologists of the Mining Institute – participants of the out-of-Moscow tour]. In: Tikhomirov, V.V. (ed.) *Uchenye Geologicheskogo komiteta* [Scientists of the Geological Committee]. Moscow: Nauka.
9. Kovalevskiy, E.V. (1985) V starom GINe (1930–1934 gody) [In the old Geology Institute (1930–1934)]. In: Peyve, A. (ed.) *Stranitsy istorii moskovskoy geologicheskoy shkoly* [Pages of history of the Moscow geological school]. Moscow: Nauka.
10. Nalivkin, D.I. (1981) *Iz dalekogo proshlogo: vospominaniya studenta i prof. Gorn. in-ta* [From the distant past: memories of the student and the professor of the Mining Institute]. Leningrad: Nauka.
11. Nikitashina, S.O. (2014) A Graduate from the Mining Academy – Dmitry Ivanovich Mushketov (Historiography of the Issue). *Klio – Clio*. 8. pp. 15–18. (In Russian).
12. Danil'yants, S.A. & Gromov, L.V. (1992) Geologicheskaya dinastiya Mushketovykh [The Mushketov geological dynasty]. *Sovetskaya geologiya*. 7. pp. 91–93.
13. Archive of the Mining University. List 75. *Lichnye dela prepodavateley, rabochikh i sluzhashchikh instituta za 1937–1838 gg.* [Personal files of teachers, workers and employees of the Institute for 1937–1838]. File 340. Mushketov Dmitriy Ivanovich.
14. Mushketov, D.I. (1915) Chil'-Ustun' i Chil'-Mayram [Chil-Ustun and Chil-Mayram]. *Trudy Geologicheskogo komiteta. Novaya seriya*. 100. pp. 1–122.

Received: 09 June 2016

БРИТАНСКИЙ КОМИТЕТ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследуются цели и задачи Британского комитета Индийского национального конгресса, итоги его деятельности в 1889–1921 гг. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с издательской деятельностью комитета, участием его сотрудников в работе британского парламента, агитацией и пропагандой в широких слоях британской общественности. Рассматриваются проблемы взаимоотношений Британского комитета и различных фракций внутри ИНК. Сделан вывод о координирующей и направляющей роли комитета в индийском национальном движении.

Ключевые слова: Британский комитет; ИНК; индийское национальное движение.

Одной из основных задач, стоявших перед Индийским национальным конгрессом (ИНК) с момента его возникновения, была организация деятельности ИНК в Великобритании. Руководство Конгресса считало, что без привлечения внимания британской общественности к проблемам Индии ИНК не сможет эффективно отстаивать интересы индийского населения. Для решения этой задачи в июле 1889 г. был основан Британский комитет ИНК (БК ИНК).

В сентябре 1889 г. А.О. Юм, генеральный секретарь ИНК, в секретном послании руководству конгресса определил направления, по которым должна была вестись работа комитета. Первым из них были публикация и распространение ежегодных отчетов о сессиях ИНК, а также ответы на вопросы и возражения в британской прессе, связанные с ними. Следующим направлением была работа с парламентом и правительством: Юм требовал от БК «побуждать» парламентариев к активному рассмотрению реформ, предлагаемых Конгрессом, и извещать государственного секретаря по делам Индии о ситуации в стране, «если это покажется целесообразным». Кроме того, согласно замыслу Юма, БК должен был организовывать собрания «в Лондоне и по всей стране» с целью привлечения внимания англичан к проблемам и требованиям индийцев. Для этого предполагалось также сотрудничество с либеральными организациями Великобритании, такими как Национальный реформистский союз [1. Р. 256].

Вскоре после основания БК его издательская деятельность претерпела значительные изменения. Уже в феврале 1890 г. комитет принял решение об издании журнала «Индия». У. Уэддерберн, возглавлявший БК с 1889 по 1921 г., вспоминал: «Индийские реформаторы понимали, что без признанного печатного органа никакое дело в Англии не имеет шансов на успех» [2. Р. 78]. Из-за финансовых сложностей журнал некоторое время выходил нерегулярно, но в 1892 г. стал ежемесячным, а с 1898 г. – еженедельным. Помимо платной подписки «Индия» бесплатно передавалась политическим организациям и членам парламента. В журнале публиковались выдержки из индийских и британских газет, новости из Индии, обзоры сессий ИНК, интервью с индийскими политиками, посещавшими Англию, отчеты о парламентских слушаниях по индийским вопросам, регулярно появлялись обзоры новых книг по индийской тематике. «Индия» быстро

стала широкоизвестным и уважаемым изданием во многом благодаря тому, что ее первым редактором был известный журналист У. Дигби, человек с индийским опытом, несколько лет работавший в газетах Цейлона и Индии. Журнал имел важное значение для индийской пропаганды в Англии; в частности, Дадабхаи Наороджи, один из основателей БК ИНК, подчеркивал, что без «Индии» «наша работа была бы вполовину менее эффективной» [3. Р. 37].

Началом активной деятельности БК ИНК в парламентских кругах можно считать приглашение известного либерального политика Ч. Бредлоу на сессию Конгресса в Бомбее в 1889 г. Речь Бредлоу была воспринята националистами с большим энтузиазмом; он согласился отстаивать интересы Индии в палате общин [4. Р. 155]. Среди делегатов сессии было широко распространено мнение, что если Юм, Уэддерберн и Бредлоу объединят усилия ради политического развития Индии, то будет возможно «достучаться до сердца и ума британцев» посредством более интенсивной пропаганды [5. Р. 40]. Однако смерть Бредлоу в 1891 г. не позволила воплотить эти планы в жизнь, став серьезным ударом для конгресса, поскольку из всех парламентариев, симпатизировавших индийскому национальному движению, он занимал наиболее радикальную и деятельную позицию.

Следующим этапом парламентской работы БК ИНК стало создание Индийского парламентского комитета. Его инициатором стал У. Уэддерберн, избранный в 1893 г. в Палату общин от шотландского округа Банффшир. Благодаря Уэддерберну положение Индии получило широкое освещение в парламенте, в результате чего членам комитета, в частности, удалось добиться назначения правительственной комиссии по изучению гражданских и военных расходов Индии (комиссия Уэлби). В ее состав вошли трое представителей БК ИНК: У. Уэддерберн, У. Кейн и Дадабхаи Наороджи. К 1900 г. комиссия Уэлби выявила ряд фактов недобросовестной финансовой политики Правительства Индии и подготовила для парламента перечень мер, необходимых для их пресечения.

В 1906 г. членом палаты общин стал Г. Коттон, отставной англо-индийский чиновник, с 1903 г. входивший в состав БК ИНК. Под его руководством в британском парламенте была сформирована группа, выступавшая в оппозиции к решению вице-короля Индии Керзона о разделе Бенгалии. Этот период стал време-

нем самой активной деятельности Индийского парламентского комитета; в 1906 г. в его состав входило около двухсот человек [6. Р. 297], многие из которых обладали опытом работы в Индии. Члены комитета обосновывали экономическую и политическую нецелесообразность раздела Бенгалии, вызвавшего массовые волнения по всей стране. Заметную роль парламентский комитет сыграл в освобождении пенджабского лидера националистов Лалы Ладжпата Рая, который был депортирован в Бирму без суда за организацию массовых митингов и демонстраций [7. Р. ix].

В 1906 г. индийская агитация в парламенте затронула и положение индийцев в Южной Африке. В октябре Лондон посетил М.К. Ганди, который намеревался привлечь внимание британской общественности на притеснения индийской общины в африканских колониях Великобритании. Ганди провел ряд консультаций с представителями парламентского комитета и БК ИНК, итогом которых стало составление петиции на имя премьер-министра. Парламентская делегация, куда входили представители всех партий и члены БК ИНК, добилась аудиенции у лорда Элгина, колониального секретаря. Ганди высоко оценил работу парламентариев и Генри Коттона в частности: «Сэр Генри Коттон... ведет в парламенте великую битву за нас, и мы благодарны ему... Действенной силой, стоящей за сэром Генри Коттоном, является Британский комитет Конгресса. Сэр Генри ставит вопросы, которые подготовлены комитетом, ведущими членами которого являются сэр Уильям Уэддерберн и Дадабхай Наороджи... Таким образом, мы глубоко обязаны также и этому комитету» [8. Р. 251]. По образцу БК ИНК в ноябре 1906 г. был создан Британский индийский комитет Южной Африки, председателем которого стал лорд Эмтхилл.

Наконец, последним, но не менее важным направлением работы БК ИНК было установление связей с либеральными общественными организациями в Англии. Комитет занимался отправкой индийских делегаций в Великобританию с целью ознакомления общественности с проблемами и требованиями индийского народа. В ходе работы делегаций проводились встречи с британскими либералами, делегаты выступали с лекциями по вопросам социально-экономической и политической жизни Индии. Например, в 1896–1897 гг. А.О. Юм, Уэддерберн, Г.К. Гокхале, Р.Ч. Датт провели множество митингов в поддержку индийцев, страдающих от голода, засухи и чумы, поразивших огромные территории субконтинента. По мнению А.М. Боса, президента сессии ИНК 1898 г.,

эти мероприятия вызвали у британской общественности «интерес и глубокое чувство ответственности» за положение дел в Индии [9. Р. 453]. Кроме того, работа индийцев в Великобритании имела непосредственное влияние на подготовку кадров ИНК. Индийские лидеры, хорошо известные в своей стране, приобретали практический опыт политической жизни метрополии, знакомились с ведущими деятелями либеральной и лейбористской партий. Тем не менее руководство БК ИНК считало эти меры недостаточными: в 1910 г. У. Уэддерберн, избранный президентом ИНК, обвинял делегатов сессии конгресса в Аллахабаде в том, что они «никогда в достаточной степени не осознавали необходимости этой работы, важности того, чтобы британцы понимали потребности Индии» [10. Р. 30].

На самом деле, действия БК ИНК далеко не всегда находили понимание в Индии. Если в первые годы существования конгресса и БК ИНК их лидеры, стоявшие на умеренных позициях, действовали согласованно, то с усилением экстремистского крыла в Конгрессе между ними стали возникать разногласия. Бипин Чандра Пал, лидер экстремистов, в частности, заявлял, что «из всех англичан самыми безнадежными являются те так называемые либералы, которых Британский комитет Конгресса пытался просвещать и воспитывать все эти годы с такими огромными расходами» [11. Р. 943]. После смерти У. Уэддерберна и выхода умеренных из состава Конгресса в 1918 г. противоречия между БК, по-прежнему состоящим из умеренных, и ИНК, во главе которого теперь стояли экстремисты, стали непреодолимыми и в конечном счете привели к расформированию БК летом 1921 г.

Таким образом, можно утверждать, что влияние Британского комитета ИНК менялось с течением времени. При жизни А.О. Юма, Г. Коттона и У. Уэддерберна БК представлял собой значительную силу, способную руководить национальным движением даже в условиях господства консерваторов. Поэтому организации конгрессистской пропаганды в Англии уделялось повышенное внимание. Однако по мере прихода в ИНК молодого поколения индийских политиков отношение к работе Конгресса в метрополии менялось в силу отсутствия кардинальных перемен в положении индийцев. Тем не менее нельзя отрицать, что на первом этапе существования ИНК комитет играл важную координирующую и направляющую роль, став одним из факторов превращения конгресса в ведущую силу национального движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hume to the Secretary of the Standing Congress Committee, 15th September 1889 // Shankar P.R. The British Committee of the Indian National Congress, 1889–1921. New Delhi, 2011. P. 255–259.
2. Wedderburn W. Allan Octavian Hume: “Father of the Indian National Congress”, 1829–1912. New Delhi, 2002.
3. Report of the 9th Indian National Congress. London, 1893.
4. Bradlaugh Ch. Speeches. London, 1890. Vol. I.
5. Majumdar B., Mazumdar B.P. Congress and congressmen in the pre-Gandhian era (1885–1917). Calcutta, 1967.
6. Cumpston M. Some early Indian nationalists and their allies in the British Parliament, 1851–1906 // The English Historical Review. 1961. Vol. 76, № 299. P. 279–297.
7. Rai L. The story of my deportation. Lahore, 1908.
8. Collected Works of Mahatma Gandhi. Vol. 5. URL: <http://www.gandhiashramsevagram.org>, свободный (дата обращения: 27.02.2016).
9. The Indian National Congress: Containing an account of its origin and growth, full text of all the Presidential Addresses, reprint of all the Congress Resolutions, extracts from all the Welcome Addresses, notable utterances on the movement, portraits of all the Congress Presidents. Madras, [1906].

10. Report of the 25th Indian National Congress. Allahabad, 1911.
11. Rees J. D. India in Parliament in 1908 // *The Fortnightly Review*. 1908. № DIV. P. 937–946.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 мая 2016 г.

THE BRITISH COMMITTEE OF THE INDIAN NATIONAL CONGRESS: OBJECTIVES AND RESULTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 115–117.

DOI: 10.17223/15617793/409/18

Dmitry S. Nikitin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikitds33@gmail.com

Keywords: The British Committee of the Indian National Congress; Indian national movement.

Since its origin, activities of the Indian National Congress in the UK were one of the main purposes of the organization. In July 1889, the British Committee of the Indian National Congress was founded. In September 1889, A.O. Hume, in a confidential letter to the Congress leadership, determined the directions of the Committee's work. These directions included publishing and distribution of the annual reports of the Indian National Congress, answers to objections in the British press. The second direction was work with the Parliament and with the government. The third direction was the organization of meetings to draw attention of the British public to the Indian problems and demands. In February 1890, the journal *India* was founded. For several years it was published irregularly due to financial problems, but in 1892 it became monthly and in 1898 weekly. The journal included excerpts from the Indian and British newspapers, news from India, reviews of the Congress' sessions, interviews with the Indian politicians, who have visited England, reports of the parliamentary debates on Indian matters and book reviews. The journal had a great value for the Indian propaganda in the UK. An invitation of Charles Bradlaugh to the 1889 Congress session in Bombay was the first step in the parliamentary work of the British Committee. The next was the foundation of the Indian Parliamentary Committee. Its initiator was W. Wedderburn. Through Wedderburn the situation in India received a wide coverage in the Parliament. In 1906, H. Cotton became a member of the Commons. Under his leadership there was formed an opposition to the decision of the partition of Bengal. This period was the time of a very vigorous activity of the Indian Parliamentary Committee. In the same year Indian agitators in the Parliament raised an issue of the conditions of Indians in South Africa. The third direction of the work of the British Committee was the connection with the liberal public institutions in the UK. The Committee dealt with the Indian delegations to England. Their purpose was to draw attention of the British public to the Indian problems and demands. Nevertheless, sometimes the activities of the British Committee of the Indian National Congress did not find support in India. The differences between moderates and extremists led to the dissolution of the Committee in 1921. But despite this, at the early stage of the Indian National Congress history the British Committee played an important role in the transformation of the Congress into the leading force of the national movement.

REFERENCES

1. Shankar, P.R. (2011) Hume to the Secretary of the Standing Congress Committee, 15th September 1889. In: Shankar, P.R. *The British Committee of the Indian National Congress, 1889–1921*. New Delhi.
2. Wedderburn, W. (2002) *Allan Octavian Hume: "Father of the Indian National Congress", 1829–1912*. New Delhi.
3. Indian National Congress. (1893) *Report of the 9th Indian National Congress*. London.
4. Bradlaugh, Ch. (1890) *Speeches*. Vol. I. London.
5. Majumdar, B. & Mazumdar, B.P. (1967) *Congress and congressmen in the pre-Gandhian era (1885–1917)*. Calcutta.
6. Cumpston, M. (1961) Some early Indian nationalists and their allies in the British Parliament, 1851–1906. *The English Historical Review*. 76:299. pp. 279–297.
7. Rai, L. (1908) *The story of my deportation*. Lahore.
8. Gandhi, M. (n.d.) *Collected Works of Mahatma Gandhi*. Vol. 5. [Online] Available from: <http://www.gandhiashramsevagaram.org>. (Accessed: 27th February 2016).
9. Indian National Congress. (1906) *The Indian National Congress: Containing an account of its origin and growth, full text of all the Presidential Addresses, reprint of all the Congress Resolutions, extracts from all the Welcome Addresses, notable utterances on the movement, portraits of all the Congress Presidents*. Madras.
10. Indian National Congress. (1911) *Report of the 25th Indian National Congress*. Allahabad.
11. Rees, J.D. (1908) India in Parliament in 1908. *The Fortnightly Review*. DIV. pp. 937–946.

Received: 19 May 2016

ПОДГОТОВКА УНТЕР-ОФИЦЕРОВ И ЕФРЕЙТОРОВ В СИБИРСКОМ ТЫЛУ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются подготовка в учебных командах и деятельность унтер-офицеров и ефрейторов – важнейших элементов русской армии. Они должны были поддерживать дисциплину, участвовать в обучении рядовых, а также командовать подразделениями до взвода включительно. Кроме того, в процессе подготовки им приходилось командовать и более крупными подразделениями. Исследование основано на данных Государственного архива Новосибирской области.

Ключевые слова: Первая мировая война; Сибирь; пополнение; унтер-офицеры; учебная команда.

Первая Мировая война являлась одним из основных факторов формирования мира, особенно в политическом и военном аспектах. Тем не менее в советское время тема этой войны изучалась несколько односторонне, плюрализма оценок тех или иных событий также не наблюдалось. После распада СССР тематика этой войны стала рассматриваться более подробно; в связи со 100-летием её начала было опубликовано большое количество исследований в этой области.

Актуальность выбранной нами проблематики объясняется тем, что Западная Сибирь была важной частью тыла Российской империи в Первой Мировой войне. Армия, несшая большие потери в тяжёлых боях, нуждалась в своевременном пополнении личного состава. В связи с этим в запасных частях Омского военного округа проходила подготовка маршевых рот пополнения, которые затем отправлялись на фронт. Кроме того, в учебных командах обучали будущих ефрейторов и унтер-офицеров, игравших заметную роль в подготовке и повседневной жизни своих частей. Эти лица исполняли такие обязанности, как поддержание порядка среди солдат, помощь офицерам в их обучении, нередко им приходилось проводить занятия самостоятельно. Унтер-офицеры, как правило, выполняли и обязанности взводных командиров.

Целью данной статьи является изучение на основе документальных и мемуарных источников хода подготовки унтер-офицеров и ефрейторов в сибирских запасных частях. Нашей главной задачей станет обращение к сведениям о 17-м и 21-м Сибирских стрелковых запасных батальонах 4-й Сибирской стрелковой запасной бригады, а также о 18-м и 38-м Сибирских стрелковых запасных батальонах 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады, содержащихся в Государственном архиве Новосибирской области. Также к работе привлекаются и мемуарные источники, в частности сборник «Память сердца. Воспоминания новиколаевцев», опубликованный в 2006 г. [1].

Проблематика подготовки унтер-офицеров уже затрагивалась в произведениях некоторых авторов. Так, этим лицам уделяет внимание М.В. Шиловский в работе «Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь», отмечая сложную ситуацию, сложившуюся с укомплектованием тыла соответствующими кадрами: «...в войсках постоянно испытывался дефицит ефрейторов и унтер-офицеров... Данное обстоятельство заставляло командование выдвигать на должности

даже взводных командиров более-менее расторопных рядовых» [2. С. 57]. О причинах этого дефицита рассуждает Ю.П. Горелов в своей работе «Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века», упоминая, что значительное количество довоенных унтер-офицерских кадров погибло в боях начала войны в результате ошибок воинских начальников в ходе мобилизации, что повлекло за собой набор «недоученных новобранцев» [3. С. 156]. В «Военно-историческом журнале» была опубликована статья М.В. Оськина, посвященная унтер-офицерскому составу русской армии в рассматриваемый период. Автор большое внимание уделяет положению дел в предвоенный период начиная еще с середины XIX в., подробно раскрывает сложную кадровую ситуацию с унтер-офицерским составом в годы Первой Мировой войны, привлекая многочисленные свидетельства её современников [4]. В целом можно заметить, что тема текущего исследования рассматривалась ранее ограниченно, в рамках работ более широкой тематики, либо же в несколько более широком контексте; посвящение же ей отдельного исследования исключительно на тему процесса подготовки представляется нам перспективным.

По штату в каждой роте должно было быть по одному фельдфебелю, по четыре старших унтер-офицера, занимавших должности взводных командиров, один каптенармус, шестнадцать младших унтер-офицеров на должностях командиров отделений. В очередных ротах пополнения, однако, штат был сокращен: им полагалось по пять младших унтер-офицеров; должности командиров отделений занимали ефрейторы [5. Л. 200].

Большинство унтер-офицеров и ефрейторов проходили в своё время 2,5-месячный курс учебной команды [6. Л. 93], хотя были и исключения: например, Ф.Н. Акимов так и не получил ефрейторского звания, будучи выпускником учебной команды [7. Л. 292], а Я.М. Шаповаленко стал ефрейтором, не проходя соответствующего обучения [Там же. Л. 37]. При объявлении командиром части набора кандидатов в учебную команду отбиралось определенное количество человек из каждой роты, в том числе и из очередных рот пополнения. Согласно приказу по 5-й Сибирской стрелковой запасной бригаде «ротный командир должен лично делать выбор кандидатов для поступления в учебную команду, научить их всесторонне, подготовить по всем отраслям службы и получить обратно по

окончании учебной команды непременно своих же людей» [8. Л. 21]. Таким образом, мы видим, что в учебную команду надлежало отправлять лучших солдат; в частности, кандидаты должны были успеть пройти полный курс стрельбы [Там же. Л. 46]. Несмотря на наличие соответствующих инструкций, они не всегда выполнялись; так, в 18-м Сибирском стрелковом запасном полку в учебную команду были назначены солдаты, прослужившие от 10 до 20 дней; легко предположить, какие из них получились бы командиры отделений и взводов.

При поступлении в учебную команду кандидаты сдавали восемь вступительных экзаменов: чтение (требовалось умение читать печатный текст и списывать с книги [9. Л. 53 об.]), арифметика (сложение и вычитание до трёхзначных чисел включительно), письмо, стрельба, укол штыком, строевая подготовка, гимнастика, теоретическая подготовка. Экзамены проводила комиссия под председательством командира батальона или иного старшего офицера [10. Л. 133]. Выпускные экзамены включали в себя: устав полевой службы, наставление для действий пехоты в бою, наставление для обучения стрельбе из карабинов и револьверов, устав дисциплинарный, устав внутренней службы, устав гарнизонной службы, денежное и вещевое довольствие, топографию, самоокапывание, сбережение здоровья, строевой пехотный устав, проверка тактической и полевой подготовки в поле [11. Л. 59]. Как видно, уже на данном этапе подготовки командирских кадров их обучали умению преподавать; впрочем, польза от этого обучения снижалась одним из главных недостатков подготовки в учебных командах – тенденцией загружать обучаемых излишними теоретическими сведениями, которые они передавали потом обучаемым им солдатам. Одним из примеров этого являлась стрельба – унтер-офицеры учили солдат выбирать различные точки прицеливания, что это было сложно для солдат, причём даже после того, как количество точек было сведено к одной [9. Л. 356 об.].

Подготовка в учебных командах была жёсткой; так, С.В. Чернышев вспоминал: «в конце декабря я был откомандирован в учебную команду, где три месяца из нас “жали соки” без всякой жалости» [1. С. 47]. Известен случай побега бойца учебной команды на фронт с односельчанами; наказанием послужили четыре месяца заключения в военной тюрьме [12. Л. 82]. Исключение из учебной команды могло грозить наказанием. Время в промежутке между выпуском предыдущей учебной команды и набором новой уделялось подготовке кадровых нижних чинов полка – учили сторожевым обязанностям, разведке, дозору, рассыпанию и самоокапыванию, в том числе в поле [9. Л. 408]. За это время должен был быть пройден восьминедельный курс подготовки [13. Л. 204]. Помимо кандидатов в ефрейторы и унтер-офицеры в учебной команде могли допроходить строевую и уставную подготовку офицеры части из числа новобранцев [Там же. Л. 239].

Несмотря на тщательный отбор и ход подготовки, нередко были нарушения, совершенные командую-

щими нижними чинами в отношении подчиненных, а также иные проступки или проявления халатности. Так, фельдфебель мог быть арестован за грязь в помещении роты [14. Л. 43], за незнание того, что нужно было отправить нижних чинов в резерв Красного Креста в Самаре [Там же. Л. 64]. Случалось, что командиры из нижних чинов допускали и рукоприкладство в отношении подчиненных: наносились удары, совершались толчки в спину за самовольную отлучку, щелканье по носу, за держание головы опущенной [12. Л. 58]. Иногда это провоцировало ответные действия со стороны подчиненных: так, в ответ на удар ремнём со стороны заместителя командира отделения Бычкова стрелок Петров пригрозил тому смертью, за что получил пять суток ареста от командира части [13. Л. 245 об.]. Другой боец в ответ на рукоприкладство толкнул фельдфебеля, за что был приговорён к двум месяцам одиночного заключения [Там же. Л. 257].

От взводных и командиров отделений требовалось знать своих людей по именам и губерниям. Могли проводиться и дополнительные занятия, которые вели офицеры, в скором времени отправляющиеся на фронт [9. Л. 52]. Так, взводным и командирам отделений требовалось разъяснять их обязанности как таковые в цепи, а также функции начальников полевых и сторожевых застав. На такие занятия отводилось по полтора часа в день [Там же. Л. 183].

Что касается инструкторских обязанностей, то и их унтер-офицеры и ефрейторы выполняли не без нареканий. Так, в приказе по Омскому военному округу проводилась выдержка из рапорта инспектора стрелковой части в войсках от 10 июля 1916 г., согласно которой «учителя из нижних чинов по своей подготовке в большинстве являются слабыми. Не имея определенных указаний, что должно ими объясняться ученикам и что нет, а также как они должны учить подчиненных им нижних чинов, учителя часто требуют знания таких сведений, которые совершенно не соответствуют кратковременности периода обучения призванных нижних чинов... Учителя не заботятся, чтобы ученики понимали смысл и значение им объясняемого. Простое понятие, как слово “бдительно” ставит в тупик ученика и нередко самого учителя» [9. Л. 356].

Важной была роль младших начальников при походном построении. Взводный командир действовал с двумя подчиненными, один из которых наблюдал за неприятелем, а другой – за командиром роты [Там же. Л. 53].

В конце февраля 1916 г. было проведено двустороннее тактическое учение (108-я маршевая рота 21-го батальона против 117 маршевой роты 17-го батальона), в ходе которого вскрылась недостаточная тактическая подготовка командиров из числа нижних чинов: так, командиры наступающей роты продемонстрировали неумение правильно пользоваться дозором и отсутствие хладнокровия под огнём, перебежки были начаты слишком рано. Командир обороняющихся допустил выход нижних чинов из окопов для преследования отступающего противника, не все нижние чины знали боевую задачу, посыльные не применялись к местности, подставившийся фланг цепи противника не был обстрелян [15. Л. 151].

Таким образом, из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Учебная команда была основным поставщиком кадров для интересующей нас категории – туда полагалось назначать только лучших солдат, проводились вступительные и выпускные экзамены по большому количеству дисциплин, порой включавшие излишнюю информацию, что можно объяснить недостаточной адаптацией учебного материала к реалиям военного времени. Унтер-офицеры и ефрейторы действительно играли важную роль в армии – именно они в первую очередь занимались поддержанием чистоты и порядка в ротных помещениях; в полевых занятиях унтер-офицеры вели группы солдат, доводилось им применять и тактические навыки. Очень важной была роль унтер-офицеров и особенно

ефрейторов в отправляемых на фронт маршевых ротах, что обуславливалось, во-первых, сокращением штата, а во-вторых, тем фактом, что именно отправка пополнения в виде маршевых рот была главной и первостепенной функцией тыловых частей в годы войны. На плечи унтер-офицеров ложилось и исправление оплошностей и проявлений халатности офицеров их рот, от которых в первую очередь зависела подготовка рот пополнения. Как дисциплина, так и подготовка таких солдат не были безупречными, причём причиной этого были не только они сами, но и их командиры, также несшие ответственность за происходящее. Кроме того, эти недостатки можно объяснить малым сроком, выделенным на обучение унтер-офицеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышев С.В. В те времена... // Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск : Сибирская горница, 2006. С. 17–52.
2. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
3. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. 385 с.
4. Оськин М.В. Унтер-офицерский состав русской армии в период Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 45–50.
5. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 27.
6. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 20.
8. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 22.
9. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 12.
10. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2.
12. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 16.
13. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 18.
14. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 15.
15. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 8.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июля 2016 г.

THE TRAINING OF NON-COMMISSIONED OFFICERS IN THE SIBERIAN REAR DURING THE FIRST WORLD WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 118–121.

DOI: 10.17223/15617793/409/19

Daniil O. Nikulin, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nikdanya@mail.ru

Keywords: First World War; Siberia; replenishment; non-commissioned officers; training team.

In this article the non-commissioned officers (NCOs) of the Russian Army's Siberian rear during the years of the First World War are considered. This article marks one of the rare times when their training is given a special attention rather than discussing it as part of a larger matter. For this end, the information on the 17th and the 21st Siberian infantry reserve battalions of the 4th Siberian Rifle Reserve Brigade, as well as the 18th and 38th Siberian infantry reserve battalions of the 5th Siberian Rifle Reserve Brigade is analyzed. This information is found in some of the documents of the Novosibirsk Oblast State Archive. An examination is given to different occurrences of anything related to the NCOs, such as their being sent to study, participating in conflicts between soldiers or taking part in training recruits. The author's research allows drawing a conclusion that non-commissioned officers and *gefreiters* really played an important role in the army. The duties of NCOs were diverse. They were primarily engaged in the maintenance of cleanliness and order in companies' quarters. Along with the aforementioned maintenance of order they were often tasked with training of new recruits. For example, during field exercises NCOs led groups of soldiers or helped the officers to command. Sometimes they also had to use tactical skills. It was them who trained new recruits in the officers' absence which happened a lot if their commanding officer was not dutiful enough. Most of the non-commissioned officers and *gefreiters* had to go through a 2.5-month course of the training team at some point. At the announcement of the selection of candidates for the training team made by the commander a certain number of people from each company was selected, including those of the regular replenishment companies. The best soldiers were sent to the training team; in particular, candidates had to have completed a full course of shooting exercises. Despite the existence of corresponding regulations, they were not always carried out. On entering the training team, candidates had to pass eight entrance exams. There were also thirteen final exams. Both the discipline and training of these soldiers were not perfect, with the reason for this being not only themselves, but also their commanders who bore responsibility for it. Despite careful selection and preparation, frequent violations were committed by the commanders of lower ranks in relation to subordinates, as well as other offenses or manifestations of negligence. It happened that the commanders of lower ranks committed assaults against subordinates. Sometimes it provoked a response from the subordinates. That might be a matter of a separate research.

REFERENCES

1. Chernyshev, S.V. (2006) V te vremena... [In those days . . .]. In: Shchukin, M. (ed.) *Pamyat' serdtsa. Vospominaniya novonikolaevtsev* [Memory of the Heart. Memories of Novonikolaevsk residents]. Novosibirsk: Sibirskaya gornitsa.
2. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avto-graf.
3. Gorelov, Yu.P. (2003) *Sibiryaki na zashchite Otechestva v voynakh nachala XX veka* [Siberians defending the Homeland in the wars of the early twentieth century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
4. Os'kin, M.V. (2014) Unter-ofitser'skiy sostav russkoy armii v period Pervoy mirovoy voyny [The non-commissioned officers of the Russian Army during the First World War]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. 1, pp. 45–50.
5. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 27. (In Russian).
6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 4. (In Russian).
7. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 20. (In Russian).
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 22. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 12. (In Russian).
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 1. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 2. (In Russian).
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 16. (In Russian).
13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 18. (In Russian).
14. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 15. (In Russian).
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 8. (In Russian).

Received: 03 July 2016

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА ПО ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ В ТОМСКЕ

На основе архивных материалов и документальных публикаций исследуется деятельность исполнительных органов по организации съезда Института исследования Сибири в аспекте их взаимоотношений с различными научными, правительственными и экономическими учреждениями Сибири. Анализируется состав участников съезда, выявляется его специфика применительно к секциям, в которых проходила работа съезда, учреждений, организаций и городов, откуда прибыли участники.

Ключевые слова: Томск; Институт исследования Сибири; наука; 1919.

В последнее время актуализировался интерес к изучению истории высшего образования и науки в Сибири в конце XIX – начале XX в. Одним из сюжетов, который заслуживает внимания, является история создания и деятельности Института исследования Сибири (ИИС), существование которого пришлось на время Гражданской войны. Ему посвящены документальные публикации и ряд статей, написанных в последние годы [1–10]. Косвенно эта тематика рассматривается в некоторых монографических работах [11, 12]. Однако история подготовки и проведения съезда по организации этого научного учреждения пока изучена недостаточно. Данная работа имеет своей целью проанализировать состав участников съезда по организации Института исследования Сибири и выявить его специфику применительно к секциям, в которых проходила работа съезда, а также учреждений, организаций и городов, откуда прибыли участники.

Сама задача основать такое учреждение, которое занялось бы всесторонними исследованиями в масштабах всего сибирского края или, как его назвал один из организаторов этого съезда профессор Томского технологического института Б.П. Вейнберг, «Министерство Науки», была поставлена на Первом сибирском областном метеорологическом съезде, состоявшемся в Иркутске в октябре 1917 г. Оно, как предполагалось, должно было включить ряд государственных учреждений (университеты, институты, школы, астрономические обсерватории и др.) и подчиняться непосредственно правительству, что дало бы ему авторитет, статус и властные полномочия. Но, осознавая масштабность будущего учреждения, амбициозность его планов, а также тяжёлое финансовое положение и неустойчивость антибольшевистских правительств, участники планировали привлечь к работе Института как можно больше общественных сил со всех концов Сибири.

Не в последнюю очередь желание опереться на «земские и городские учреждения Сибири» проистекало из мысли о том, что будущая организация должна быть демократичной по своему представительству [13. С. 6]. Так, почётный председатель метеорологического съезда Б.П. Вейнберг мыслил ее как своего рода «Министерство Науки». Намечая его структуру, он писал: «Во главе каждого отдела Министерства Науки – его Совет, члены которого – академики и профессора всех высших учебных заведений по соответствующим кафедрам, все лица, имеющие учёные

степени по этим наукам, представители научных обществ и тех частей ведомств, которые войдут в состав отдела, и, наконец, все лица, избранные в члены Совета остальными его членами за их научные и научно-практические труды» [13. С. 187]. Кроме квалифицированных сотрудников, которые занимались бы научными исследованиями, отделы этого министерства должны были располагать «достаточным штатом вычислителей, наблюдателей, чертёжников, механиков, каталогизаторов, архивариусов и т.п.» [Там же. С. 188].

После окончания работы метеорологического съезда состоялось собрание, которое избрало исполнительное бюро для организации будущего Института с центром в г. Иркутске. В соответствии с принятым на съезде Временным положением предполагалось весной или летом организовать первый съезд членов Совета Института, который должен был провести выборы в постоянный исполнительный орган для ведения дел будущего Института, а также заняться изысканием средств для него [Там же. С. 296]. Эти выборы продемонстрировали демократичные принципы работы будущего съезда по организации Института, а впоследствии и самого Института. В Совет Института избирались представители от самых различных организаций Сибири: Общества практикующих врачей (Н.С. Спасский), Сибирского фотографического общества (Я.И. Михайленко), Томской уездной земской управы (В.К. Михайлов), Правления общества и союза Сибирских Инженеров (П.П. Гудков) и др. [13; 14; 15. Д. 1. Л. 8 об., 9].

В то время как общественные учреждения активно включались в работу будущего съезда по организации Института, правительственные учреждения, жившие дореволюционными порядками, безынициативные по своей природе, не спешили принимать в этом участие [15. Д. 1. Л. 37]. Чтобы решить эту проблему, необходимо было придать будущему Институту характер официального учреждения. Председатель исполнительного бюро В.Б. Шостакович с крайней настойчивостью писал Б.П. Вейнбергу: «Хлопочите (перед) Сапожниковым официально(стью) съезда иначе рискуем малочисленной слабостью (его участников)» [Там же. Д. 1. Л. 43]. Б.П. Вейнберг был вынужден обратиться к министру народного просвещения В.В. Сапожникову с докладной запиской, в которой, в целях придания жизнеспособности будущему учреждению, просил «дать указания о необходимости командировать на этот съезд представителей тех частей

ведомств, которые ведут теперь дело исследования Сибири (различные отделы переселенческого управления, горные округа, лесные округа, управления государственными имуществами в различных губерниях и областях, округа водных путей сообщения, железнодорожное ведомство, министерство внутренних дел в лице его статистических отделов, военное ведомство в лице его топографических отделов и т.д.)» [15. Д. 11. Л. 19–20].

Делегаты от этих ведомств в ходе работы съезда должны были определить возможность выделения соответствующих частей этих ведомств, имеющих отношение к организации науки, для последующей передачи их в ведение Института. В докладной записке Б.П. Вейнберга подтверждался пункт Временного положения, в котором к делу будущего Института должны были быть привлечены представители учёных и технических обществ, учёных архивных комиссий, высших учебных заведений и земских (губернских и уездных) и городских учреждений Сибири. И, наконец, чрезвычайно необходимым было пригласить на съезд представителей торговли, промышленности и кооперации, «могущих поддержать Институт и отдельные его отделы или предприятия денежным средствами». Для облегчения прибытия участников Б.П. Вейнберг просил предоставить бесплатный проезд, «если не в оба конца, то *хотя бы* (курсив мой. – В.Р.) обратных билетов».

Первоначально съезд предполагалось организовать в г. Иркутске, однако уже в апреле 1918 г. В.Б. Шостакович в письме Б.П. Вейнбергу признавал, что «пожалуй, лучше устроить съезд в Томске, где есть достаточный запас научных сил, необходимых для подготовительной организации работ съезда» [Там же. Д. 1. Л. 18]. «Запас научных сил» пополнялся учёными и исследователями, бежавшими из Европейской России от голода и Гражданской войны. Особенно повезло в этом плане Томскому университету, куда осенью 1918 г. была эвакуирована часть профессорско-преподавательского состава Казанского университета [14. С. 9].

Несмотря на неблагоприятные условия, в которых оказались эвакуированные учёные, можно с уверенностью утверждать, что Томск был в это трудное время одним из ведущих научных центров не только Сибири, но и России. Поэтому Исполнительное бюро, созданное 30 сентября 1918 г., признало более целесообразным устроить съезд именно в Томске [15. Д. 1. Л. 26]. Это решение также не в последнюю очередь повлияло и на состав его участников.

Неопределённость существовала и в выборе даты проведения съезда. Первоначально предполагалось провести его ещё в октябре, однако из-за правительственного кризиса, вызванного противостоянием Директории и Совета министров, начало работы съезда стало отодвигаться всё дальше и дальше. После прихода к власти адмирала А.В. Колчака в роли Верховного правителя в Сибири установилась относительная политическая стабильность, и дело по организации съезда могло быть продолжено.

13 декабря 1918 г. Советом министров Временного Всероссийского правительства А.В. Колчака были

утверждены представление Сапожникова о проведении съезда и само положение по организации Института исследования Сибири [5. С. 99]. В Положении по организации Института устанавливался критерий отбора будущих членов. Ими могли быть: «...представители ведомств, преподаватели высших и средних учебных заведений, члены учёных обществ и общественных организаций, а также все лица, занимающиеся исследованиями Сибири – по рекомендации советов упомянутых учебных заведений и учёных обществ» [16. С. 2].

Томский оргкомитет и Иркутское исполнительное бюро активно занялись рассылкой приглашений различным организациям и учреждениям Сибири. За 5 дней, с 18 по 23 декабря 1918 г., Положение было отправлено в 38 газет, 42 неправительственных учреждения и кооператива, 43 городские думы, в 19 обществ и высших учебных заведений, 20 кооперативных союзов, 5 учреждений и 15 средних учебных заведений Томска, а также в ещё в 68 различных учреждениях [15. Д. 2. Л. 3].

Открытие съезда было назначено на середину января 1919 г. Со всех концов Сибири делегаты стали съезжаться в Томск. Из-за перегруженности железных дорог доехать до места назначения порою было очень трудно. Так, путь от Омска до Томска составлял более трёх дней. Многие представители с мест по разным причинам не смогли приехать, направив съезду свои приветствия. Причина этого, по словам одного из участников съезда Я.С. Эдельштейна, крылась в «крайней поспешности, с которой он (съезд) был созван, в связи с неблагоприятными внешними условиями – расстроеным транспортом, суровым временем года и т.п.» [14. С. 15].

Всё это повлияло на итоговый состав съезда. Из 241 участника 169 представляли Томск. Это были главным образом профессора и преподаватели университета и технологического института, сотрудники лабораторий, музеев, ботанических кабинетов, библиотек и др. В числе представителей от Томска были и учёные из Европейской России, «бежавшие в Сибирь от большевиков и оказавшиеся на территории, находящейся под властью белых правительств» [11. С. 360], а также профессора, преподаватели и научные сотрудники Казанского университета, эвакуированные в Сибирь при отступлении белых, всего 15 человек. Помимо них на съезде были представлены Петроград (17 человек) и Самара (двое). (Следует сказать, что собранные нами цифры участников съезда отличаются от тех, которые были указаны в итоговом отчёте съезда.)

В Томском университете стали преподавать историк М.М. Хвостов, юристы В.А. Рязановский, А.А. Симолин и Б.Э. Будде, экономист В.Ф. Залесский, психиатр Н.А. Вырубов, медики А.Г. Агабабов, В.В. Чирковский, А.Н. Казем-Бек, В.Е.-Ф. Орловский, физик В.А. Ульянов и др. [Там же. С. 351].

Общий же состав участников съезда по городам представлен на рис. 1.

Работа съезда кроме общих заседаний осуществлялась по секциям, состав которых был далеко не равномерным.

Рис. 1. Общий состав участников съезда

Самой крупной была секция геодезии и геофизики, в работе которой приняли участие 61 человек, в том числе профессор ТТИ Б.П. Вейнберг – председатель съезда по организации ИИС, впоследствии – помощник директора ИИС [17. С. 50–56]. Следует назвать также председателя исполнительного бюро в г. Иркутске, директора Иркутской обсерватории В.Б. Шостаковича, представителя амурского агрометеорологического бюро П.И. Колоскова, младшего лаборанта ТТИ, впоследствии преподавателя Омского сельскохозяйственного института В.Д. Дудецкого [1. С. 225, 253]. Именно Б.П. Вейнберг и В.Б. Шостакович внесли наибольший вклад в дело организации Института исследования Сибири.

Далее по количеству участников шла секция геологии и горного дела – 40 человек. В ее составе были и.д. экстраординарного профессора по кафедре геологии, проректор ТТИ, основатель и первый директор Сибгеолокома П.П. Гудков [18. С. 2], член Петроградского геолокома, впоследствии заслуженный деятель науки РСФСР Я.С. Эдельштейн, а также профессор по кафедре общей геологии, декан горного факультета ТТИ, впоследствии действительный член АН СССР М.А. Усов [17. С. 260–270].

Довольно представительной была и секция сельского хозяйства – 31 человек. Эта секция была представлена по большей части специалистами, не принадлежавшими к высшим учебным заведениям. Среди них были местный агроном В.В. Тейс, принявший активное участие в работе секции в качестве товарища председателя и сделавший интересный доклад «Характер и объем задач агрономического изучения края в Институте исследования Сибири», заведующий Амурским земледельческим отделом П.В. Писцов внёсший вклад в дело придания съезду официального характера, и др. [5. С. 98].

Наиболее интересной, с точки зрения связи науки и производства, была секция химии и химической технологии в количестве 30 человек. В ее работе приняли участие ординарный профессор по кафедре химической технологии волокнистых и красящих веществ ТТИ В.И. Минаев, и.д. экстраординарного профессора по кафедре металлургии цветных металлов, проректор того же института В.Я. Мостович, экстраординарный профессор по кафедре металлургии

железа ТТИ, будущий академик АН СССР Н.П. Чижевский [17. С. 145–150, 169–176, 270–276], а также ректор Томского университета А.П. Поспелов [19. С. 197–199].

Секция бальнеологии и курортоведения состояла из 20 человек. Здесь стоит выделить заслуженного ординарного профессора по кафедре врачебной диагностики и терапевтической факультетской клиники М.Г. Курлова, ординарного профессора по кафедре хирургической патологии с десмургией и учением о вывихах и переломах Н.И. Березнегонского [19. С. 37–40, 137–143], приват-доцента по кафедре фармакологии, члена общества испытателей и врачей при Томском университете Н.С. Спасского [1. С. 247].

Секцию зоологии, включавшую в себя 11 человек, представляли декан физико-математического факультета, экстраординарный профессор по кафедре зоологии и сравнительной анатомии М.Д. Рузский, хранитель кабинета зоологии и анатомии позвоночных животных, приват-доцент по кафедре зоологии физико-математического факультета Томского университета Г.Э. Иоганзен, а также сотрудница кабинета зоологии, впоследствии и.о. старшего ассистента отдела зоологии ИИС Е.Ф. Киселёва.

В работе секции истории, археологии и этнографии приняли участие в общей сложности 25 человек. Это фольклорист и литературовед М.К. Азадовский, профессора историко-филологического факультета Томского университета Э.В. Диль, П.Г. Любимов, а также ординарный профессор по кафедре всеобщей истории Казанского университета М.М. Хвостов.

Секция статистики и экономики в количестве 20 человек была представлена профессором Казанского университета Б.Е. Будде, ставшим в Томском университете профессором юридического факультета по кафедре финансового права, будущий профессор, заведующий кафедрой теории и техники статистики факультета общественных наук Томского университета В.Я. Нагнибеда, а также профессор кафедры торгового права юридического факультета Томского университета С.П. Никонов [20. С. 61–62, 178–179, 307–308].

Одной из самых небольших по количеству участников, но не по значению, была секция ботаники и почвоведения – 17 человек. Здесь следует выделить основателя Гербария Томского университета, сверхштатного ординарного профессора по кафедре ботаники Томского университета П.Н. Крылова, члена Докучаевского почвенного комитета М.И. Романца, а также ассистента кафедры ботаники, будущего члена естественно-исторического отдела ИИС Н.В. Никитину.

Итоговое соотношение участников съезда представлено на рис. 2.

Несмотря на количественное преобладание томичей, ни в одной из секций они не составляли 100%. Наибольшая доля иногородних участников пришлась на секции геодезии и геофизики (15 человек из 61), геологии и горного дела (14 из 40), ботаники и почвоведения (7 из 17), истории, археологии и этнографии (11 из 25).

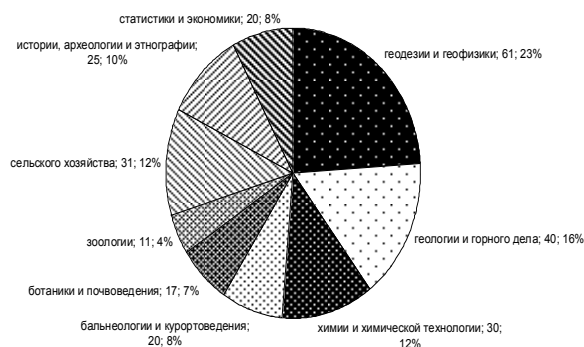

Рис. 2. Итоговое соотношение участников съезда

На рис. 2 ясно виден крен работы съезда в сторону практической направленности. Из девяти секций только одна – секция истории, археологии и этнографии – была гуманитарной. В то же время количественный состав остальных секций не отражал злободневности стоящих перед Институтом задач. Приоритетность таковых обозначилась при формировании штатов отделов Института на самом съезде, когда отдел статистики и экономики получил непомерный по сравнению с остальными штат сотрудников в 22 человека [16. С. 104, 107–108]. Скорее, число участников съезда по секциям отражало наличные кадры исследователей в той или иной области знания.

Весьма внушительно был представлен на съезде Петроград. Из 17 его участников 9 работали в секции геологии и горного дела. Часть их представляла Геологический комитет. Вспыхнувшая летом 1918 г. Гражданская война застала их в момент очередных летних поисковых работ в Сибири и на Урале, не дав возможности «пробраться обратно через образовавшийся на Урале фронт» [14. С. 9]. В то же время участники из Самары и Барнаула были представлены исключительно статистиками. Представители Хабаровска, Якутска и Семипалатинска (2, 1 и 1 человек соответственно) принимали участие лишь в работе секции истории, археологии и этнографии. Восточная Сибирь, интересная в плане «геофизических экскурсий», была представлена членами секции геофизики: В.Б. Шостаковичем и А.Н. Лагутиным из Иркутска, а также П.И. Колосковым из Благовещенска.

Омск как столица Белой Сибири направил на съезд представителей от ряда министерств Всероссийского Временного правительства адмирала А.В. Колчака. От Министерства народного просвещения на съезде присутствовал министр, почётный председатель съезда, бывший ректор, профессор Томского университета В.В. Сапожников, обогативший отечественную науку своими трудами в области ботаники и физической географии.

Кроме него от этого министерства в работе съезда участвовали товарищ министра, крупный специалист в области геологии П.И. Преображенский, заведующий отделом высших учебных заведений В.Ю. Ульянинский, директор департамента общих дел И.С. Ключев и заведующий отделением по внешкольному образованию Н.А. Зиневич.

Министерство торговли и промышленности представлял директор горного отдела, горный инженер Э.Э. Анерт, возглавивший впоследствии геолком на Дальнем Востоке.

От Министерства земледелия и колонизации на съезде был вице-директор департамента земледелия, затем член Совета естественно-исторического отдела ИИС М.Г. Александровский и управляющий отделом рыболовства и охоты, впоследствии профессор зоологии Иркутского университета В.Ч. Дорогостайский.

Министерство продовольствия и снабжения представлял юрисконсульт Н.Н. Быховский, Министерство финансов – Т.И. Белоусов.

Морское министерство делегировало на съезд капитана 1-го ранга Д.А. Мацкевича и главу дирекции маяков и лоций Д.Ф. Котельникова, внесшего значительный вклад в изучение Северного морского пути. От Министерства путей сообщения на съезд был командирован Н.К. Лебедев.

Управление по делам вероисповеданий представлял ординарный профессор кафедры церковного права Томского университета П.А. Прокошев [21. С. 69–74].

Всего же на съезде было около 40 официальных представителей, в том числе от геологических комитетов России и Сибири, бюро опытной агрономии Амурской области, Екатеринбургской и Иркутской обсерватории, Амурской областной, Томской губернской и Красноярской уездной земских управ, Иркутской городской думы и Главного комитета Всесибирского союза земств и городов, Всероссийской академии генерального штаба, Омского сельскохозяйственного и Омского политехнического институтов, Красноярского и Семипалатинского подотделов и Якутского отдела Русского географического общества, Алтайского статистико-экономического кружка, Общества экономического изучения Амурского края, Миасского общества изучения местного края, секции межевых инженеров, Общества сибирских инженеров, Сибирского кружка учащихся высших учебных заведений, Уральского общества любителей естествознания, Алтайского центрального кредитного союза и Сибирского областного банка объединённого кредита [15. Д. 15. Л. 174].

Таким образом, мы видим, что съезд по организации Института исследования Сибири был представительным во всех отношениях: и по числу участников от городов, и по числу участников от экономических организаций, правительственных учреждений и разного рода научных обществ. Последние явно преобладали, что не удивительно, так как целью съезда в конечном итоге была организация института, который должен был заняться «исследованием Сибири в научном и научном практическом отношении». По словам профессора Б.П. Вейнберга, «масштабы съезда превзошли все ожидания» [Там же]. Заключительным аккордом работы съезда и стал Институт исследования Сибири, который в тяжелейших условиях Гражданской войны занялся организацией научного изучения Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
2. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
3. Молчанов Л.А. «Целью института является...»: Документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Исторический архив. 2000. № 6. С. 158–177.
4. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. С. 5–44.
5. Кузнецова Н.Н. Подготовка съезда по организации Института исследования Сибири (октябрь 1917 г. – середина января 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 97–99.
6. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Дунбинский И.А. Сибирская бальнеология и Институт исследования Сибири (1919–1920 гг.) // Сибирский медицинский журнал. 2012. Т. 27, № 2. С. 173–175.
7. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А. и др. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 77–81.
8. Дунбинский И.А. Институт исследования Сибири и подготовка исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 54–56.
9. Грибовский М.В., Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Библиографическое бюро и библиотечная комиссия Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 145–151.
10. Молчанов Л.А. «Институт представляется в виде мощного... союза всех коллективов, причастных к делу изучения Сибири». Организация и деятельность Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 6. С. 158–177.
11. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
12. Меркулов С.А. Профессор Томского университета Василий Васильевич Сапожников (1861–1924). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 128 с.
13. Труды первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 года. Благовещенск, 1919. 306 с.
14. Наука и учёные в Сибири. Геологические и гидрографические исследования // Наука и её работники. Петроград, 1921. № 1. С. 7–23.
15. Государственный архив Томской области. Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
16. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 1.
17. Профессора Томского политехнического университета: Биографический справочник / авт. и сост. А.В. Гагарин. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. Т. 1. 300 с.
18. История учреждения Сибирского геологического комитета // Известия Сибирского геологического комитета / под ред. М.А. Усова. Томск, 1920. Т. 1, вып. 1. 45 с.
19. Профессора Томского университета: биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
20. Профессора Томского университета: биографический словарь. 1917–1945 / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
21. Настольный календарь на 1919 год / под ред. М.Н. Пинегина. Томск : Изд. Мин. нар. просвещения, 1919.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 июня 2016 г.

THE LIST OF DELEGATES OF THE CONGRESS ON THE FOUNDATION OF THE SIBERIA RESEARCH INSTITUTE IN TOMSK

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 122–127.

DOI: 10.17223/15617793/409/20

Viktor V. Raskolets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Keywords: Tomsk; Siberia Research Institute; science; 1919.

In this article, the list of delegates of the Congress on the foundation of the Siberia Research Institute is analyzed using archive materials and documentary publications. The idea of founding a unified research organization that would work on the systematic and dedicated study of Siberia was first expressed in late October 1917, in the report of B.P. Weinberg, Professor of Tomsk Institute of Technology, at the First Siberian Regional Meteorological Congress in Irkutsk. The delegates were planning to found the organization to carry out a comprehensive research in the scope of the entire Siberia in basic scientific directions. The organization was planned to be democratic in its structure, comprising representatives from various federal, economic, and research groups, without which it would be impossible to get by in the times of the Civil War devastation. After the Meteorological Congress, an organizational meeting took place where members of the Executive Bureau were elected. The Executive Bureau was established to handle the founding of the institute with its centre in Irkutsk. The Bureau began to establish contacts with various Siberian scientific organizations, social and economic organizations and government offices. It is emphasized that while non-governmental organizations were eager to respond, governments were not. To regard this issue, B.P. Weinberg wrote to the Minister of Education, V.V. Sapozhnikov, asking him to make the upcoming Congress official and delegate officials from various ministries there. It was decided for the Congress to take place in Tomsk. Due to some developments in politics, the Congress on the foundation of the Siberia Research Institute was postponed until January 1919. Cold weather and the transport crisis precluded a lot of delegates from reaching the place of the meeting. There is information on the list of the delegates to the Congress. It consisted of 241 delegates, 169 of which represented Tomsk, 17 represented Petrograd, 15 represented Kazan, 13 represented Omsk, 6 represented Krasnoyarsk, and 4 represented Irkutsk. There were also delegates from Barnaul, Khabarovsk, Uzhur, Blagoveshchensk and Samara; each of these cities had 2 representatives. Achinsk, Yekaterinburg, Semipalatinsk, Yakutsk, Petropavlovsk, Minusinsk and Sudzhensk Kopi had one representative each. Apart from general sessions, the Congress was held in 9 sections. The participants were not evenly spread across those sections; 61 delegates were in the geodesy and geophysics section, 40 in the geology and mining section, 31 in the agriculture section, 30 in the chemistry and chemical technology section, 25 in the history, archeology and ethnography section, 17 in the botany and pedology section, 11 in the zoology section. The balneotherapy and recreation section and the statistics and economics section consisted of

20 delegates each. Therefore, we can conclude that the Congress on the foundation of the Siberia Research Institute was representative in all respects.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F. (ed.) (2008) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 – 16 sentyabrya 1920)* [Journals of the Council of the Siberia Research Institute meetings (13 November 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Fominykh, S.F. (ed.) (2008) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of department meetings, Central Siberian Branch of the Siberia Research Institute and its Committees (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Molchanov, L.A. (2000) “Tsel’yu instituta yavlyatsya...”: Dokumenty ob organizatsii i deyatel’nosti Instituta issledovaniya Sibiri. 1919–1920 gg. [“The aim of the Institute is to . . .”: Documents about the organization and activities of the Siberia Research Institute. 1919–1920] *Istoricheskiy arkhiv*. 6. pp. 158–177.
4. Nekrylov, S.A. et al. (2008) Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri [From the history of Siberia Research Institute]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 – 16 sentyabrya 1920)* [Journals of the Council of the Siberia Research Institute meetings (13 November 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kuznetsova, N.N. (2011) Preparation course of Congress on the Siberia Research Institute organization (Oct. 1917 – Jan. 1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 97–99. (In Russian).
6. Nekrylov, S.A. et al. (2012) Sibirskaya bal’neologiya i Institut issledovaniya Sibiri (1919 – 1920 gg.) [Siberian Balneology and the Siberian Research Institute]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – Siberian Journal of Medicine*. 27:2. pp. 173–175.
7. Nekrylov, S.A. et al. (2012) Siberia Research Institute and study of history, archeology and ethnography of region (1919–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 365. pp. 77–81. (In Russian).
8. Dunbinskiy, I.A. (2012) The Institute of Siberian Studies: Educating Researchers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (20). pp. 54–56. (In Russian).
9. Gribovskiy, M.V., Fominykh, S.F. & Nekrylov, S.A. (2013) The bibliographic bureau and library committee of Siberia Research Institute (1919–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (25). pp. 145–151. (In Russian).
10. Molchanov, L.A. (2009) “Institut predstavlyatsya v vide moshchnogo... soyuza vseh kolektivov, prichastnykh k delu izucheniya Sibiri”. Organizatsiya i deyatel’nost’ Instituta issledovaniya Sibiri. 1919–1920 gg. [“The Institute seems as a powerful . . . union of all groups involved in the case study of Siberia” The organization and activities of the Siberia Research Institute. 1919–1920]. *Vestnik arkhivista*. 6. pp. 158–177.
11. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk State University: the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
12. Merkulov, S.A. (2012) *Professor Tomskogo universiteta Vasilii Vasil’evich Sapozhnikov (1861–1924)* [Tomsk University Professor Vasily Sapozhnikov (1861–1924)]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Anon. (1918) *Trudy pervogo sibirskogo meteorologicheskogo s’ezda v g. Irkutske 26–30 oktyabrya 1917 goda* [Proceedings of the First Siberian Meteorological Congress in Irkutsk, 26–30 October 1917]. Blagoveshchensk: Tipo-litogr. “Blagoveshchensk” Torgovogo doma “I.Ya. Churin i Ko”.
14. Nauka i ee rabotniki. (1921) Nauka i uchenye v Sibiri. Geologicheskie i gidrograficheskie issledovaniya [Science and scientists in Siberia. The geological and hydrographic research]. *Nauka i ee rabotniki*. 1. pp. 7–23.
15. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-26 *Institut issledovaniya Sibiri* [Siberia Research Institute]. List 1.
16. Anon. (1919) *Trudy s’ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Tomsk.
17. Gagarin, A.V. (2000) *Professora Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: Biograficheskiy spravochnik* [Professors of Tomsk Polytechnic University: Biographical Directory]. Vol. 1. Tomsk: Izd-vo NTL.
18. Usov, M.A. (ed.) (1920) *Istoriya uchrezhdeniya Sibirskogo geologicheskogo komiteta* [The history of the establishment of the Siberian Geological Committee]. *Izvestiya Sibirskogo geologicheskogo komiteta*. 1:1.
19. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar’* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
20. Fominykh, S.F. et al. (eds) (1998) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar’. 1917–1945* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary. 1917–1945]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
21. Pinegin, M.N. (ed.) (1919) *Nastol’nyy kalendar’ na 1919 god* [Table calendar for 1919]. Tomsk: Izd. Min. Nar. Prosveshcheniya.

Received: 01 June 2016

С.Б. ЛИКОК О ФОРМИРОВАНИИ КАНАДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Рассматриваются научные исследования Стивена Батлера Ликока, известного в России в большей степени как канадский писатель-сатирик и в меньшей – как историк и политолог в области канадской политической культуры. Его взгляд на формирование канадской политической культуры в XIX – первой половине XX в. является оригинальным, глубоким и исторически взвешенным. Автор на основе неопубликованных в России работ С.Б. Ликока критически проанализировал внесенный им вклад в изучение феномена канадской политической культуры.

Ключевые слова: канадская политическая культура; политическая система; политическая история Канады; политические партии Канады; патронаж Великобритании; социальный реформизм; Великая депрессия.

Стивен Батлер Ликок (Stephen Butler Leacock) родился 30 декабря 1869 г. в Суэнмор, Хэмпшир, Великобритания, умер 28 марта 1944 г. в Торонто. В 1876 г. в возрасте шести лет С. Ликок переехал с семьей в провинцию Онтарио (Канада). Воспитывался матерью, так как отец был алкоголиком и вскоре ушел из семьи. Посещал частную школу в Торонто, где был лучшим учеником. Позднее стал школьным учителем, пытаясь заработать деньги на жизнь и обучение. С. Ликок закончил колледж Верхней Канады и Торонтский университет (1891 г.), получил степень доктора экономики и политических наук в Чикагском университете (1903 г.). С 1901 г. он преподавал в университете Мак Гилл (Монреаль), а в 1908–1936 гг. возглавлял там же факультет экономики и политических наук.

В нашей стране он в большей степени известен как канадский писатель-сатирик и в меньшей – как историк и политолог. Достаточно сказать, что из написанных 67 литературных и научно-популярных произведений на русский язык переведены 56, в то время как из 22 научных работ по истории и политологии – ни одной. Цель настоящей статьи – познакомить российских читателей с Ликоким – политиком и историком.

Статья состоит из двух частей. В первой представлены взгляды С. Ликока на историю канадской политической культуры. В своих исследованиях С. Ликок отмечал исторические особенности формирования и развития канадской политической культуры сначала в колониях Британской Северной Америки, затем в Доминионе. С. Ликок одним из первых канадских исследователей высказал мысль о том, что концепция ответственного правительства является основанием всей британской имперской системы и поэтому борьба за введение «ответственного правительства» стала главным политическим событием в Канаде в середине XIX в.

Вторым существенным фактором в вопросе создания канадской государственности С. Ликок считал создание двунациональных правительств в Объединенной Канаде и политических партий на бинациональной основе.

Особое мнение С. Ликок высказывал по вопросу создания федеративного устройства в Канаде. Он считал, что целесообразность этого заключалась не столько в различиях политических культур и идеологии в североамериканских колониях, сколько в необходимости поддержания разных экономических интересов будущих провинций, имеющих естественные границы

и разрывы в коммуникациях. Кроме того, С. Ликок полагал, что в эпоху индустриализма слабая, децентрализованная федеративная система создает не только существенные различия в социальных отношениях провинций, но и способствует формированию отличных региональных политических культур.

Отмечая важность использования федеральным правительством тарифного регулирования, С. Ликок предупреждал, что этот очень чувствительный инструмент способен и навредить при его неумелом использовании. С. Ликок также указывал на важность патронажа Великобритании в вопросе самоуправления, но при этом пределы патронажа и самоуправления регулируются актом британского парламента, который фактически представил Канаде писанную конституцию. Он имел свой взгляд на процесс социального реформирования в Канаде при активном вмешательстве государства в производственные отношения между трудом и капиталом. Необходимо отметить, что С. Ликок предложил ряд мер по выходу Канады из депрессии 30-х гг. XX в.

Вторая часть статьи содержит авторскую критику взглядов С. Ликока на канадскую политическую культуру, которая заключается в том, что неполное отражение Ликоким канадской политической культуры связано с его мировоззрением либерал-викторианца в начале XX в. и англоканадского национализма – в межвоенное время. Представления С. Ликока о канадской политической культуре основываются на идее, что не столько идеология, сколько британские колониальные институты со времен завоевания британцами Новой Франции определяли развитие политической культуры как в Канаде, так и в других колониях. По этому вопросу он писал следующее: «Канаду уступили Великобритании соглашением 1763 г. В течение года после этого она управлялась по военному правилу. Гражданское правительство было установлено королевской Прокламацией в 1764 г. и систематизировано парламентским актом десять лет спустя. По Квебекскому акту 1774 г. создание правительства и законодательного совета было поручено губернатору. Он объявил “нецелесообразным созывать ассамблею”. Только в Конституционном законе 1791 г., по которому Верхняя часть Канады была отделена от Нижней, появился принцип выборного представительства» [1. Р. 357–358].

Канадский исследователь считал, что развитию собственной политической культуры в XIX в. в Североамериканских колониях способствовали три основные причины: «Влияние войны, трудные времена и политическая агитация, которые “озлобляли” ситуацию» [Там же. Р. 359]. В этой короткой фразе С. Ликок имел в виду, что последствия Англо-американской войны 1812 г. изменили отношение поселенцев к своей «малой родине»: они ее стали воспринимать как традиционно другое образование, отличное от штатов «южного соседа»; наступило сложное экономическое положение в колониях, связанное с неурожаем ряда лет, эпидемией холеры, которую занесли иммигранты, прибывающие с Британских островов, трудностями освоения не береговой западной части Верхней Канады; начались первые политические выступления движения реформ в Верхней Канаде и сторонников Л.-Ж. Папино в Нижней Канаде.

По мнению Ликока, основная политическая борьба в раздельных колониях, а затем вновь объединенных разворачивалась за введение принципа «ответственного правительства», ограничивающего прямое влияние британской колониальной администрации. Причем он сделал очень важное замечание о том, что принцип «ответственного правительства» был введен лишь тогда, когда были выполнены два важных условия:

1) подавлено сопротивление канадских тори внедрению этого принципа после бунта и поджога здания парламента, который заседал в здании старинного рынка Святой Анны на площади Пляс д'Ювиль в Монреале в апреле 1849 г.;

2) появилась уверенность у обеих сторон (реформаторов и колониальной администрации) в том, что применение этого принципа создаст систему двойной лояльности короне – «систему двойного контроля», и ответственности перед имперским правительством [1. Р. 371].

С.Б. Ликок одним из первых высказал мысль о том, что концепция «ответственного правительства» является основанием всей британской имперской системы. Он писал: «Болдуин часто высмеивался своими современниками как “человек одной идеи”. Время показало, что эта “одна идея” Роберта Болдуина – концепция ответственного правительства – краеугольный камень всей британской имперской системы» [2. Р. 1].

Есть объяснение у С. Ликока и тому, как случился в политической жизни Канады парадокс: плодами завоевания реформаторов воспользовались умеренные тори, «несмотря на то, что правительство Лафонтена-Болдуина в течение 1849 и 1850 гг. оставалось в положении исключительной власти» [Там же. Р. 337]. Причины тому он видел в следующем:

– «...недавние события на Британских островах, чартизм и движение за отмену движения, демократические революции на континенте дали импульс доктринам радикализма и в то же время отразили желание людей и направили их в сторону порядка и стабильности» [2. Р. 335–336];

– «...движение в направлении аннексии Соединенными Штатами летом 1849 г., которое принудило многих британских жителей Монреаля подписывать манифест, оно было, несомненно, продиктовано полити-

ческой злостью как серьезное осуждение (экономической политики правительства. – *И.С.*)» [2. Р. 336], а это, несомненно, настраивало электорат против реформаторов;

– «Законодательный успех сессии 1850 г. был, возможно, более очевидным, чем реальным. Некоторые большие практические вопросы реформы, особенно касающиеся запасов духовенства и срока пребывания сеньорального владения, все еще требовали решения. В этих двух серьезных проблемах, которые стояли перед политическими деятелями двух Канад, оставленных прошлыми поколениями, как двойные загадки сфинкса, содержалась вечная проблема церкви и государства, проблема земельной аристократии против неземельной демократии. В них партия реформаторов не могла найти точки соприкосновения для соглашения» [Там же. Р. 339];

– «Реформаторы Нижней Канады были сильно разделены; одни из них хотели видеть сеньории, конфискованные без компенсации; другие – чтобы конфисковать их с компенсацией; третьи – решить вопрос добровольным соглашением, которому поможет законодательство, но не обязательно; и четвертые, наконец, такие как Папино (непосредственно сеньоры), хотели оставить все как есть» [Там же. Р. 350].

Интересно замечание Ликока относительно недолгого существования двунационального правительства в Канаде в середине XIX в.: «На первый взгляд может показаться странным, что два великих реформатора, объединенная карьера которых была отмечена на предшествующих страницах, должны были оставить политическую жизнь в эпоху, когда большинство государственных деятелей находилось всего лишь на пороге своих достижений. Но отставка Болдуина и Лафонтена означала, что их работа была сделана. Найти реальное основание политического союза между французской и британской Канадой, заменить борьбу непримиримых этносов поддержанием гражданства двух великих народов, настроенных в передовых Британских колониях примером самоуправления, которое должно было доказать длительное основание империи, – все это было законченной работой, после которой они достаточно заработали себе часть вечера после тяжелого дневного труда» [2. Р. 359–360].

Особое мнение С. Ликок высказывал по вопросу создания федеративного устройства в Канаде. Он считал, что целесообразность в создании канадской федерации заключалась не столько в различиях политических культур и идеологии в Североамериканских колониях, сколько в необходимости поддержания разных экономических интересов будущих провинций, имеющих естественные границы и разрывы в коммуникациях [3. Р. 41]. Необходимость выравнивать интересы провинций, проводить заселение огромных территорий и создавать транспортную сеть можно было только в условиях расширенных компетенций федерального правительства. Поэтому ограничения федерального правительства по Конституционному акту 1867 г. были незначительными по сравнению с ограничениями американского федерального правительства согласно Американской конституции.

«В Канаде в значительной степени провинции представляют или отдельно, или в смежных группах отличные экономические единицы. Онтарио и Квебек отделены естественными границами и населены людьми различных этносов и отличных традиций, соответствуют прекрасной гармонии нахождения в федеральном союзе. Нет ничего неестественного или искаженного в том, что их законодательный кодекс в отношении рабочей силы, религии и образования должен быть создан по отличным линиям. Атлантические провинции также резко разделены в экономическом интересе и естественными барьерами от остальной части Канады географически, сформированы отличные союзы даже между собой. Между Онтарио и Западом существует широкое протяжение фактически необитаемой страны. Изоляция Британской Колумбии выступает сама за себя» [3. Р. 42].

Кроме того, С. Ликок считал, что в эпоху индустриализма слабая децентрализованная федеративная система создает не только существенные различия в социальных отношениях провинций, но и способствует формированию отличных региональных политических культур.

Стивен Ликок не только исследовал политическую жизнь середины XIX в., он и активно изучал вопросы политической науки, написав монографию «Элементы политической науки» [4]. В ней он четко определил природу и жизнеспособность канадской федерации: «Чтобы удовлетворить внезапные и временные потребности, финансовая власть должна включать способность заимствовать. Эти три функции – ведение войны и обороны, контроль иностранных дел и способность зарабатывать деньги – являются главными основами, без которых не может существовать никакая федерация» [Там же. Р. 246].

В отношении канадской федерации он еще добавлял: «...контроль более обширных средств для транспортировки (те, которые составляют “межгосударственную торговлю”), – железные дороги, каналы, телеграф, и т.д., – регулирование банковской системы и учреждение общего тарифа» [Там же. Р. 247].

Отмечая важность использования федеральным правительством тарифного регулирования, С. Ликок предупреждал, что этот очень чувствительный инструмент способен и навредить при его неумелом использовании: «Федеральный контроль тарифа склонен найти свое место среди полномочий центрального правительства решить скорее финансовые проблемы, чем экономические. Тариф предлагает удобную и несколько скрытую форму налогообложения ...практически это очень важно: тарифные барьеры – серьезное препятствие для консолидации национальной жизни» [Там же].

С. Ликок указывал на важность патронажа Великобритании в вопросе самоуправления: «В случае каждой колонии Корона сохраняет определенную власть контроля. ...правительства британских колоний представляют самый большой диапазон разнообразия в деталях их политической конституции. Были предложены различные классификации, из которых самое удовлетворительное, кажется, разделение сначала их

на три больших класса – британские колонии, представительные колонии, ответственные колонии. Британские колонии – те, у которых нет никакого самоуправления; представительные колонии – те, у которых есть частичное самоуправление; ответственные колонии – те, у которых есть полное самоуправление. Эти три разделения могут указать не только на классификацию зависимости в любое определенное время, но также и на стадии, через которые британская колония проходит в восходящем прогрессе. Канада, как было замечено, была британской колонией со времен своего завоевания до 1791 г., представительной колонией – до Акта 1840 г., и с тех пор она – ответственная колония» [4. Р. 248].

Кроме того, Ликок считал, что пределы самоуправления регулируются актом британского парламента, который фактически представил Канаде писанную конституцию: «Претензия была действительно предъявлена в Канаде, что предоставление парламента доминиона заключено в “исключительной законодательной власти” по вопросам, перечисленным в Британском Акте Северной Америки, а Акт был непосредственно “исключен” из-под власти имперского парламента. Такое утверждение идет в противоречии с самим основанием британской конституции и не может быть сразу принято. Но только после того, как устав парламента позволяет это, ни у Короны, ни у любой другой власти на родине нет власти над колониями, кроме той, что сохраняется в законодательных актах» [Там же. Р. 281]. Это очень важное замечание в отношении природы канадских конституционных основ.

Стивен Ликок высказался также по вопросу создания имперской федерации из Великобритании и ее доминионов. По его мнению, этот вопрос был бесперспективен: «Если (имперский. – *И.С.*) федеральный парламента будет сформирован, то он, очевидно, не будет осуществлять власть над внутренними делами британских островов. Поэтому должно быть два парламента в Великобритании: непосредственный, замкнутый парламента и высший федеральный орган. Поэтому недостаточно будет допустить колониальных представителей в парламента в Вестминстере, но будет необходимо, чтобы полностью восстановить законодательную власть в Соединенном Королевстве. Мертвый вес инерции, с которой столкнутся прежде, чем такое изменение может произойти, будет понят всеми, кто знаком с британским политическим характером» [Там же. Р. 285–286].

С. Ликок имел свой взгляд на процесс социального реформирования в Канаде при активном вмешательстве государства в производственные отношения между трудом и капиталом. Он указывал, что если канадское правительство вмешивалось и регулировало конкуренцию промышленных корпораций с целью ускоренного развития промышленности, сельского хозяйства и коммуникаций во второй половине XIX в., то в начале XX в. оно начало своими действиями формировать социальные отношения как важный элемент строительства канадской нации: «Это очевидное изменение в государственной политике сопровождалось одинаково очевидным изменением в общественном

мнении. Экономисты и политические философы настоящего времени были готовы защитить степень государственного вмешательства вполне в противоречии с доктринами их предшественников. ...было замечено также, что относительно благосостояния трудящегося класса система свободной конкуренции, особенно в отношении работы женщин и детей, была открыта для серьезной критики. Дальнейшее развитие современной промышленности подчеркнуло много других неудобств, которые сопровождали неограниченную конкуренцию... это привело к изменению фактической законодательной политики, принятой под сложившимися обстоятельствами» [4. Р. 388].

И далее в отношении социальных обязательств правительства: «Общее признание идеи социальной солидарности и совокупность социальных обязанностей по отношению к рабочим и более бедным членам сообщества глубоко повлияли на современное законодательство» [Там же. Р. 404].

В то же время он признавал, что Канада отставала от Великобритании в разработке и введении социального законодательства. «В Англии, в соответствии с общим фабричным законом 1901 г., подобные ограничения были введены правительством на свободу заключения промышленного контракта, и предметом законодательного вмешательства стали условия и допустимые часы работы для женщин, молодых людей и детей» [Там же. Р. 405]. В Канаде же правительство в 1901 г. решилось только на создание правительственной комиссии по исследованию трудовых споров между работодателями и рабочими, которую возглавлял У.Л. Маккензи Кинг.

Совсем иную позицию по социальному обеспечению С. Ликок занял в период Великой депрессии. В работе «Назад к процветанию: наиболее удобный случай Имперской конференции», написанной перед началом проведения Оттавской экономической конференции, прошедшей 21 июля – 20 августа 1932 г., он написал: «Под показным названием “социальное страхование по безработице” пособие просто означает давать деньги людям вместо работы. Нет сомнения, что они предпочитают. Фактически все подписываются под идеей “хлеба и работы для всех”. Фактически все соглашаются, что у государства (правительства) нет никакого права оставлять старательного человека без средств поддержки. Восточный метод разрешения бедным умирать и старомодный европейский метод их отстрела являются оба устаревшими. Но “пособие” дало хлеб без работы, деньги – без работы, зарплату – без положения. Это было достойно Алисы из страны Чудес» [5. Р. 20].

Ликок-экономист понимал, что выход из депрессии возможен только, если вновь заработает мировая торговля, которая была ограничена высокими тарифными барьерами и перепроизводством товаров в 20-е годы всеобщего процветания: «Безработица исчезла: цены, действительно, выросли, но также была повышена заработная плата; нехватка продовольствия была возмещена новым изобилием предметов потребления. Семьи с новым граммофоном были готовы сократить свои расходы на сахар. Милосердие процветало в бесконечном по-

токе. Хлеба и работы хватало на всех. С огромных новых состояний, даже самых честных, платили огромные налоги и насмехались над ними» [5. Р. 5].

Необходимо отметить, что в этой же работе С. Ликок предложил свое видение выхода из депрессии.

1. Он считал необходимым расширить британское предпочтение по экспорту канадских товаров введением так называемого супертарифа (Super Tariff).

2. Предложил осуществить «треугольные предпочтения» (Triangular Preference) внутри Британского Содружества Наций, суть которых заключалась в том, что метрополия должна была определять и контролировать зачет в форме бартера, обмен экспортными товарами доминионов внутри Содружества.

3. Понимая, что регулировать производство промышленных товаров значительно легче, чем, например, выращивание пшеницы в Канаде, производственно-торговый цикл которого составляет 1,5–2 года и на него накладываются резкие колебания мировых цен [Там же. Р. 17], Ликок предложил использовать «систему квот» (Quota system), которая бы устанавливала гарантированного приобретателя (или покупателя) и цену обмена (или продажи) излишков экспортного товара (в данном случае пшеницы). Для этого, по его мнению, требовалась политическая воля правительств стран Содружества и изменение существующих национальных законодательств.

4. В связи с отказом Великобритании от «золотого стандарта» (как писал Ликок, «отказ от золотого стандарта Англией в сентябре 1931 был, конечно же, актом по необходимости» [Там же. Р. 18]) мировая финансовая система пришла в расстройство, а значение Лондона как финансового центра снизилось, как и снизилось, соответственно, его влияние на регулирование мировой торговли. Поэтому С. Ликок предлагал вернуться к «золотому стандарту», при этом обесценить фунт по золотому содержанию в 3–5 раз. Это дало бы, по его мнению, дополнительные преимущества Великобритании и ее доминионам в мировой торговле: «Теперь, если бы весь внешний мир сидел бы, не двигаясь, и ничего не делал бы с этим (депрессией. – И.С.), падение фунта творило бы чудеса для британской торговли и промышленности. Первые последствия инфляции валюты столь же приветствуются, как первые последствия принятия бренди и содовой» [5. Р. 24].

5. Использование серебра как стимулятора ценообразования (Silver as a Price Stimulant). По мнению С. Ликока, несмотря на послевоенное обесценивание серебра, его использование в качестве платежного стандарта в Китае, Индии, Мексике, Филиппинах и других странах делало привлекательным создание мировой бивалютной системы в паре золотого и серебряного стандарта: «Даже те, кто обратил бы внимание на восстановление старой биметаллической системы в ее полной форме, как всего лишь мечта, могли бы надеяться найти в некотором возобновленном использовании серебра, по крайней мере, важное дополнение в реорганизации финансов» [5. Р. 25].

6. Введение полного торгового эмбарго с СССР (Russian Embargo). «Русские под их системой коллективизма скованных цепью каторжников могут экспор-

тировать большое количество товаров в наши британские страны по любой цене или в случае необходимости вообще по никакой (нулевой. – *И.С.*) цене. Цена, которую они устанавливают, не имеет никакого отношения к стоимости, которой они подвергаются, без учета денег или труда. Они просто вынимают это из другой бригады рабов. Эта экспортная продажа может использоваться со справедливыми намерениями как средство покупки предметов потребления, которые они не могут сделать, или машин, которые они не понимают, или мозгов, лучше обучаемых, чем их собственные. Они могут также использоваться со злонамеренным умыслом, чтобы разрушить любые из наших отраслей промышленности, эксплуатировать саму слабость нашей экономической жизни. ...Наш ответ должен быть абсолютным – эмбарго на всю торговлю: как покупку, так и продажу» [Там же. Р. 7].

7. Укрепление политического и экономического союза стран, входящих в империю. «Объединенная Империя, прошедшая подготовку таким механизмом интегрированной торговли и единообразного обмена, может служить образцом объединенного мира. Империя, которая может найти средства, чтобы устранить дезорганизацию, безработицу и повернуть избыточное население от бремени к действию, может преподать урок человечеству в целом» [Там же. Р. 30].

Сложность критики представлений С. Ликока о канадской политической культуре заключается в том, что в большинстве своих работ он высказывает научные взгляды на примерах не из политической жизни и истории Канады, а из политической жизни и истории США. Тем не менее можно сказать, что у С. Ликока были свои представления об особенностях формирования канадской политической культуры в середине XIX в. Так, он один из немногих утверждал, что правительство Болдуина-Лафонтена было по существу не только реформаторским, но и либеральным, а начавшееся формирование движения Клиэр Гритс он называл новым радикальным движением, члены которого были неудовлетворены слишком медленными преобразованиями, проводимыми этим правительством. Среди них были бывшие реформаторы – участники восстания, вернувшиеся из изгнания. «Многие из лидеров *нового радикализма* (выделено мной. – *И.С.*) были людьми не без влияния в сообществе», – заключает Ликок [2. Р. 340].

Движение «Новый радикализм», по мнению Ликока, состояло в следующем: «Их (радикалов. – *И.С.*) платформа, которая показывает инфекцию европейских демократических движений, состояла из следующих требований: применение избирательного принципа для всех чиновников и учреждений страны – от главы правительства вниз по нисходящей линии; полное избирательное право; выборы тайным голосованием; двухлетние парламенты; отмена имущественного ценза для членов парламента с фиксированным сроком для проведения всеобщих выборов и для открытия сессий легислатуры; отмена пенсий судьям; отмена судов по гражданским делам и канцелярии и расширение отправления правосудия судом скамьи королевы; сокращение взносов для адвокатов; свободная торгов-

ля; прямое налогообложение; исправленный закон о юри; отмена или модификация законов о ростовщичестве; отмена принципа первородства; секвестирование запасов духовенства и отмена домов приходского священника, которые были созданы из этого снабжения» [2. Р. 340–341].

Нам представляется, что считать движение Клиэр Гритс радикалами не совсем оправданно с точки зрения определения их идеологии. Они не были аграрными социалистами, а представляли собой городских коммерсантов, юристов, издателей, журналистов и т.д., людей, которые в большинстве своем сконцентрировались на идеях отделения англиканской и других деноминаций от государства, распределения земельных запасов духовенства и снижения его роли в образовании через принятие соответствующего законодательства. Все эти идеи были вполне либеральными, а не радикальными, но опережали свое время для Канады.

Необходимо заметить, что воззрения С. Ликока на окружающую его политическую действительность заметно отличаются от его взглядов на политическую историю Канады: с одной стороны, они более эмоциональны, а с другой – скептически, отстранены, излишне независимы. Характерной работой этого времени является его книга «Неразрешимая загадка социальной справедливости» [6]. По его мнению, прошедшая Первая мировая война сдвинула сознание людей в сторону получения большей социальной справедливости без осознания трудностей по восстановлению послевоенной экономики: «Более старые методы социального прогресса оставлены как слишком медленные. Более старое оружие социальной защиты отброшено в сторону как слишком тупое. Парламентское обсуждение бессильно. Оно хромает вслед за популярным движением. “Государство”, как мы его знали, угрожает распасться на профсоюзы, соглашения, комиссии по примирению и конференции. Общество, потрясенное окончательно, швыряет себя в индустриальное самоубийство всеобщей забастовки, отказываясь прокормить себя, отрицая, что оно собственно хочет» [Там же. Р. 13–14].

Признание С. Ликоком необходимости социальных реформ половинчато, так как он не предлагает конкретных путей реформирования общества, ссылаясь либо на укрепление основ государства, либо на придание ему новых социальных функций, но каких – опять-таки им не расшифровывается.

Выход из создавшегося положения С. Ликок видел в выработке нового подхода к социальной организации: «Необходимо рассмотреть с нуля общественную организацию, в которой мы живем, и средства, посредством чего она может быть изменена и расширена, чтобы удовлетворить потребности времени, которые наступят. Мы должны сделать это или погибнуть. Если мы не исправим систему, существуют силы, попавшие в мир, – ломают ее» [Там же. Р. 14].

Невозможность Ликоком обосновать пути реформирования общества вызвана его мировоззрением и оставшейся идеологией классического либерала, непринятием им новых теорий модернизации капитализма.

Поэтому канадский политолог утверждал, что именно мировая война обострила значение социальной справедливости. Особенно отчетливо это видно на примере Канады. До войны канадцы не знали, что такое воинская повинность, и впервые почувствовали, что это «обязательство каждого человека, согласно его возрасту и обстоятельству, поднять оружие за свою страну и, если потребуется, умереть ради нее...» [6. Р. 18]. Тем самым война установила не только новую форму социального обязательства со стороны канадских граждан, но и «увеличила смысл социальной солидарности». К тому же этот долг людей, по его мнению, внес новые социальные обязательства со стороны канадского государства – обеспечить работой вернувшихся солдат, определить социальные гарантии для инвалидов, назначить пенсии для участников войны.

«Мы внезапно поняли, что все величие и сила страны исходит от мужчин и женщин, которые составляют ее. ...Даже перед войной мы начали говорить нетерпеливо и с тревогой о сохранении национальных ресурсов, потребности охраны лесов, рыболовства и шахт. Все это – важные вещи. Но война показала, что самая важная вещь из всех – сохранение мужчин и женщин. ...Отец и мать, которые смогли послать шесть крепких, преданных сыновей на войну, были расценены как благотворители нации» [6. Р. 132–133].

Кроме того, замечает С. Ликок, война показала ошибочность предвоенной иммиграционной политики канадского правительства: «Перед войной считалось, что более простой и более легкий метод увеличения (населения Канады. – И.С.) мог быть найден в оптовом импорте австрийцев, болгар и чехословаков. Более новые нации гордо хвастались своими иммиграционными показателями. Теперь ошибка очевидна. Те, на кого действительно рассчитывает нация, и те, кто управляет ее судьбами в беде и радости, являются теми, кто рождается в ней» [Там же. Р. 133].

С. Ликок признает, что полную социальную справедливость в условиях существующего мирового порядка достичь невозможно, поэтому он видит выход в необходимости достижения большей справедливости для женщин и детей, которые определяют в большей степени будущее человечества: «Это должно быть признано в ближайшем порядке общества, что каждый ребенок страны имеет право быть одетым и накорм-

лен, и обучаться независимо от судьбы его родителей. Наши незначительные начинания в направлении строительства жилья, улучшения санитарных условий, охраны детства и образования должны быть увеличены в объеме стоимости во что-то истинно национальное и всеобъемлющее» [6. Р. 139]. Признавая необходимость изменения социальных условий для основной массы населения, С. Ликок не требовал законодательных изменений как в части расширения их гражданских прав, так и расширения социальной помощи от государства.

В то же время Ликок, по утверждению М.Дж. Фрэнкмана, «...твердо выступал и расточал резкие слова как на либеральное невмешательство полученных результатов в рыночной экономике, так и социалистические альтернативы в капиталистической системе. Ликок искал средний курс, отклоняя и слишком большое правительственное вмешательство и слишком малое» [7].

Что касается работы С. Ликока «Назад к процветанию...», то критика его взглядов заключается в непризнании им пороков капиталистического способа производства, главным из которых является даже не его непредсказуемая цикличность производства и перепроизводство товаров и услуг в тандеме производство – потребление, а создание неустойчивой потребительской культуры, которая проникает во все другие виды культур, в том числе и политическую, искажая политические цели и практику. Поэтому, по косвенному признанию С. Ликока, процветание и экономическая стабильность в Канаде зависят «от непрерывного и увеличивающегося потока движения и увеличивающегося потока товаров, направленных наружу, и увеличивающегося потока иммигрантов вовнутрь» [5. Р. 5].

В заключение следует признать, что С.Б. Ликок как политический ученый не менее интересен, чем Ликок – писатель-сатирик и юморист. Его взгляды на политическую культуру Канады были во многом оригинальными, глубокими и взвешенными. Но, к сожалению, путь политического ученого был прерван слишком рано большой популярностью, признанием и мировой известностью Ликока как литературного автора. Поэтому литература приобрела всемирно известного автора, а канадская политология, несмотря на 28 лет его преподавания политики и экономики, не получила ученого с мировой известностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leacock S. Responsible Government in the British Colonial System // The American Political Science Review. May, 1907. Vol. I, № 3. 392 p.
2. Leacock S. Baldwin, Lafontain, Hinks: Responsible Government. Toronto : Morano&Co., Limited, 1907. 363 p.
3. Leacock S. The Limitations of Federal Government // American Political Science Review for February. 1909. Vol. iii, № 1. P. 37–52.
4. Leacock S. Elements of Political Science. Boston ; New York : Houghton Mifflin Company, 1913. 444 p.
5. Leacock S. Back to Prosperity. Toronto : The Macmillan Company of Canada Limited, At St. Martin's House, 1932. 37 p.
6. Leacock S. The Unsolved Riddle of Social Justice. N.Y. : John Lane Company, 1920. 168 p.
7. Frankman M.J. Stephen Leacock, Economist: An Owl Among the Parrots / ed. by David Staines Stephen Leacock: A Reappraisal. Ottawa : University of Ottawa Press, 1986. 184 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

S.B. LEACOCK ON THE HISTORY OF THE CANADIAN POLITICAL CULTURE IN THE 19TH – FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 128–134.

DOI: 10.17223/15617793/409/21

Илья А. Сокков, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: isokov@mail.ru

Keywords: Canadian political culture; political system; political history of Canada; political parties of Canada; patronage of Great Britain; social reformism; Great Depression.

S.B. Leacock is known as a Canadian writer-satirist in our country. It is surprising that more than 100 years passed, but nothing is known about S. Leacock as a political scientist in Russia. The author of the present article tries to fill this gap. The article consists of two parts. The first part presents Leacock's views on the history of the Canadian political culture. In his research, S. Leacock pointed out the historical features of the formation and development of the Canadian political culture first in the colonies of the British North America, and then in the Dominion. S. Leacock was one of the first Canadian researchers who had come up with the idea that the concept of a responsible government is the basis of all the British imperial system and, consequently, the struggle for the introduction of a "responsible government" became the main political event in Canada in the middle of the 19th century. S. Leacock considered the creation of the two-nation governments in the United Canada and the political parties on the binational basis as the second main factor in the issue of the Canadian statehood formation. S. Leacock gave a special opinion on the creation of the federal establishment in Canada. He considered that the expediency in the creation of the Canadian federation involved not so much the distinctions of the political cultures and the ideology in the North American colonies, but the necessity of the maintenance of different economic interests of the future provinces which had natural borders and ruptures in communications. Besides, S. Leacock believed that the weak decentralized federal system created not only the essential distinctions in the social relations of different provinces in the epoch of industrialism, but it also promoted the formation of different regional political cultures. Marking the importance of tariff regulation used by the federal government, S. Leacock warned that this very sensitive tool was capable to do much harm at its inept use. S. Leacock also pointed out the importance of Great Britain's patronage in the matter of self-management, but the limits of patronage and self-management were to be regulated by the Act of the British Parliament which had actually presented the written constitution to Canada. He had his view on the process of the social reforms in Canada by the active intervention of the state in the industrial relations between the Labour and the Capital. It is necessary to note that S. Leacock offered some measures of coming out of the depression in Canada in the 1930s. The second part of the article represents the author's criticism of S. Leacock's views on the Canadian political culture which means that the incomplete reflection of the Canadian political culture by Leacock is connected with his liberal Victorian outlook in the beginning of the 20th century and the Anglo-Canadian nationalism in the interwar period.

REFERENCES

1. Leacock, S. (1907) Responsible Government in the British Colonial System *The American Political Science Review*. May. I:3.
2. Leacock, S. (1907) *Baldwin, Lafontaine, Hinks: Responsible Government* Toronto: Morano&Co., Limited.
3. Leacock, S. (1909) The Limitations of Federal Government *American Political Science Review*. February. III:1.
4. Leacock, S. (1913) *Elements of Political Science* Boston and New York: Houghton Mifflin Company.
5. Leacock, S. (1932) *Back to Prosperity*. Toronto: The Macmillan Company of Canada Limited, At St. Martin's House.
6. Leacock, S. (1920) *The Unsolved Riddle of Social Justice* New York: John Lane Company.
7. Frankman, M.J. (1986) Stephen Leacock, Economist: An Owl Among the Parrots. In: Staines, D. (ed.) *Stephen Leacock: A Reappraisal*. Ottawa: University of Ottawa Press.

Received: 09 June 2016

ВЛИЯНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ РЕГИОНА: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведена попытка разработать комплексный подход к изучению проблемы роли и места периодической печати в общественно-политической жизни отдельного региона на примере Европейского Севера России в годы перестройки. Основным источником исследования являются периодические издания Архангельской и Вологодской областей.

Ключевые слова: периодическая печать; общественно-политическая жизнь; перестройка; Европейский Север России.

Радикальные перемены в укладе общественной жизни страны в годы перестройки привели к трансформации многих социальных институтов, включая средства массовой информации (СМИ), которые в начале перестроечных процессов имели большое значение. В связи с этим изучение роли периодической печати в общественно-политической жизни на материале отдельно взятого региона в 1985–1991 гг. весьма актуально. По своему содержанию общественно-политическая жизнь представляет собой множество явлений и процессов [1. С. 170]. Автор, не претендуя на всеохватность исследования, стремился проследить влияние, которое оказывала периодическая печать на различные стороны общественно-политической жизни, а именно на общественное мнение, электоральное поведение, политические события в регионе, деятельность общественных объединений и политических партий. Территориальные рамки исследования ограничены той частью Европейского Севера России, которая охватывает Архангельскую и Вологодскую области. Хронологические рамки исследования определяются 1985–1991 гг.

Основным источником исследования являются периодические издания Архангельской и Вологодской областей, более 20 000 газетных статей. Выборку составили областные, городские и районные общественно-политические газеты, всего 19 изданий. При анализе газетных публикаций использовались проблемно-тематический подход, а также метод контент-анализа [2]. Количественный анализ позволил выделить те вопросы, которые подверглись наиболее продолжительным во временном отношении обсуждениям, сравнить интенсивность обсуждения проблем указанной тематики с различными изданиями в определенные временные отрезки.

В исследовании периодические издания были рассмотрены как составляющие системы печатных СМИ региона. Во второй половине 1980-х гг. система региональных изданий включала в себя два областных, городских и районных общественно-политических издания, учредителями которых являлись партийно-советские структуры. Финансирование периодической печати осуществлялось из государственного бюджета. Изменения в системе региональной периодической печати становятся заметными с 1990 г. и связаны с принятием Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» [1. С. 121]. В регионах появляются десятки новых газет, расширяется типология изданий, появляются негосударствен-

ные газеты. В 1990 г. в Архангельской и Вологодской областях появляется 13 и 25 новых изданий соответственно. Новые газеты возникали в областных центрах и других крупных городах (Северодвинск, Череповец). Основную массу новых изданий представляли коммерческие издания, газеты различных общественных объединений, издания физических лиц. Ухудшение социально-экономической обстановки, рост цен на бумагу, расходы по доставке и распространению печати, конкуренция между изданиями в условиях перехода к рынку и падения читательского спроса – все это уже к осени 1991 г. поставило многие издания на грань банкротства и закрытия [3. С. 13–14]. Осенью 1991 г. после неудачной попытки государственного переворота все издания, имевшие статус партийных, т.е. основная масса региональных газет, прошли перерегистрацию. Учредителями большинства изданий остались Советы народных депутатов, к которым присоединились коллективы редакций.

Для решения поставленных задач нами были рассмотрены оно в области СМИ, так как именно законодательство регулирует объем полномочий СМИ, рамки и пределы, в которых органы власти могут оказывать воздействие на СМИ. В период с 1985 по 1991 г. произошли значительные изменения в области законодательного и административного регулирования деятельности печатных СМИ. В СССР монопольное право на издание газет принадлежало партийно-советским органам власти, которые всесторонне регламентировали деятельность редакций периодических изданий от подбора журналистских кадров до определения тем публикаций. Политические, экономические и социальные реформы привели к изменениям в области правового регулирования деятельности печатных СМИ. В начале 1990-х гг. появляются Закон «О печати и других СМИ», Закон «О СМИ», ряд постановлений центральных и местных органов власти, касающихся различных сторон деятельности средств массовой информации. Большинство региональных нормативно-правовых актов принималось во исполнение федеральных документов.

В ходе исследования нами рассматривались изменения, происходившие с читательской аудиторией. По причинам экономического характера в начале 1990-х гг. количество читателей центральных и региональных изданий значительно сокращается. В Архангельской и Вологодской областях в начале 1990-х гг. в среднем одна семья выписывала 1–2 издания вместо 8–10, как в 1980-е гг. В условиях повышения цен на периодику

главными источниками информации для большей части населения становятся телевидение и радио. При этом было бы неверно игнорировать влияние печатных СМИ на умонастроения жителей Европейского Севера России, так как именно в данном регионе процент населения, выписывающего и читающего местные газеты, являлся самым высоким по стране [4. С. 26].

Основное внимание в исследовании акцентировалось на содержании публикаций региональных изданий. Для определения влияния изданий на общественно-политическую жизнь региона было изучено влияние периодической печати на формирование общественного мнения, на электоральное поведение населения исследуемого региона в 1985–1991 гг.

В ходе исследования автором было проанализировано отражение проблем общественно-политической жизни на страницах региональных изданий. Согласно теме исследования отслеживались публикации, затрагивающие наиболее актуальные проблемы: деятельность партийно-государственных органов власти; развитие процессов демократизации, гласности, критики; деятельность общественных организаций, партий; выборные кампании; проявления общественной активности населения (митинги, демонстрации, забастовки и др.). При определении доли публикаций рассматриваемой тематики в общем объеме газетных материалов в каждом исследуемом издании использовался метод контент-анализа. Данные контент-анализа дают возможность определить место публикации общественно-политической проблематики среди прочих материалов в региональных газетах на протяжении исследуемого периода.

При анализе содержания публикаций измерялась валентность политических установок изданий, т.е. оценочное отношение коммуникатора к предмету сообщения. Автором фиксировалось благоприятное, неблагоприятное и нейтральное отношение к субъекту или объекту публикации, которое, безусловно, оказывало определенное влияние на аудиторию. Характеристика валентности политических установок газеты даже с четко разработанными критериями достаточно субъективна [5. С. 103–104].

Комплексный анализ публикаций региональных газет показал, что проблемы общественно-политической жизни действительно находились в центре внимания периодических изданий в 1985–1991 гг., о чем свидетельствует регулярная публикация материалов данной тематики. Ситуация с освещением общественно-политической жизни в газетах Европейского Севера России, как показывают исследования периодики Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Курской, Белгородской, Омской и других областей, характерна для региональных изданий в целом.

При определении роли периодической печати в формировании общественного мнения уделялось внимание вопросам состава читательской аудитории, тиражей периодических изданий, распространенности прессы среди читателей, степени отражения актуальных проблем общественно-политической жизни на страницах отдельных изданий, методов формирования общественного мнения по проблемам обществен-

но-политической жизни. Именно эти факторы являются определяющими для изучения влияния периодических изданий на формирование общественного мнения. В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Публикации общественно-политической тематики региональных изданий в своей совокупности оказывали непосредственное влияние на формирование общественного мнения на рассматриваемой территории. Количественный анализ и анализ содержания газетных материалов показывает, что из всех публикаций обозначенной тематики влияние на формирование общественного мнения оказывали только материалы, освещающие деятельность партийно-государственного аппарата, и публикации о перестройке и демократизации общественной жизни, многие из которых сводились к перестройке в работе партийных комитетов. Другие проблемы общественно-политической жизни не получили на страницах региональных изданий полного освещения. Среди методов, которые использовались сотрудниками изданий с целью формирования общественного мнения, можно выделить следующие. Прежде всего, это отбор публикуемого материала. Материалы, помещаемые практически в каждом номере газеты, например о перестройке работы партийных комитетов, не могли не сформировать у читателей мнения о том, что перемены действительно происходят повсеместно. Каждое издание при подаче материалов старалось использовать все многообразие газетных жанров: информация, интервью, отчет, репортаж, корреспонденция, статья, очерк и некоторые другие. Особое значение в формировании общественного мнения на страницах региональных изданий занимали аналитические материалы: статьи, как проблемные, так и передовые. Периодически региональные издания перепечатывали наиболее значимые статьи из центральных газет. Еще одним средством формирования общественного мнения являлись публикации социологических опросов, анкет, мнений читателей по тем или иным вопросам. Анализ публикаций позволяет выявить основные темы опросов: отношение к перестройке, органам власти, политическим лидерам, к определенным политическим событиям, например к ГКЧП, и ряд местных проблем. Опрос являлся одновременно исследованием общественного мнения и способом его формирования.

В формировании общественного мнения большое значение имели письма читателей, опубликованные на страницах газет. Несколько раз в месяц редакции газет делали обзор почты и выделяли основные вопросы, затронутые читателями, сопровождая их комментариями. Целью подобных публикаций являлось ознакомление читателей с другими точками зрения на ту или иную проблему, при этом редакция стремилась найти недостатки той позиции, которую она не разделяла. Таким образом, редакция хотела сохранить свое влияние на аудиторию и опровергнуть иные точки зрения.

Вместе с тем изучение материалов, опубликованных на страницах региональных газет, позволило выявить и ряд моментов, снижающих влияние периодических изданий на формирование общественного

мнения. Прежде всего, в газетах нередко публиковались материалы, в которых присутствовали декларативность, поверхностный разбор сложных явлений, тенденциозная фильтрация фактов, т.е. отбор «нужных» и отсеивание «нежелательных». При освещении ряда проблем, например формирования общественных движений и партий, отсутствовала системность в изложении.

В целом региональные периодические издания стремились формировать определенные мнения и настроения среди читателей, вносить новые идеи, выдвигать на первый план новые аспекты проблем. Однако возникает вопрос, насколько действенными являлись публикации региональных изданий. Опросы и письма читателей, опубликованные на страницах архангельских и вологодских изданий, показывают, что в обществе наблюдались прямо противоположные оценки и суждения по поводу деятельности СМИ. Большинство авторов писем о газетах, опубликованных в начале 1990-х гг., приходят к выводу, что газеты стали интереснее по содержанию, привлекают внимание читателей за счет сопоставления различных точек зрения, взглядов на ту или иную проблему. Среди недостатков перечислялись: недостаточное количество информации из районов, много официальной информации, которую можно прочитать в центральных газетах.

Итак, рассмотрев основные факторы, которые различным образом определяли степень воздействия периодических изданий на аудиторию, можно прийти к выводу, что региональные общественно-политические издания в рассматриваемый период не только отражали события общественно-политической жизни, но и оказывали непосредственное влияние на формирование общественного мнения, для чего у региональных периодических изданий имелись все необходимые средства. К их числу относятся: умелая подборка материала и разнообразие жанров его изложения, публикация писем читателей, результатов социологических опросов, пресс-опросов, анкетирования.

Одной из задач исследования являлось изучение влияния региональных печатных изданий на электоральное поведение населения. Исследуя данную проблему, мы опирались на три базовые модели влияния СМИ на политическое сознание: максимальное, минимальное и обратное влияние [6]. При рассмотрении влияния СМИ на электоральное поведение в зарубежной и отечественной науке традиционно используется метод контент-анализа. Также при анализе публикаций определялась валентность сообщений о политиках (партиях), фиксировался характер представления политиков (партий) в изданиях [7].

Объектом изучения послужили опубликованные в региональных изданиях материалы о ходе следующих избирательных кампаний: выборы народных депутатов СССР (1989 г.), референдум 1991 г., выборы президента РСФСР (1991 г.). Выборка исследования составила 100%.

В результате исследования удалось выяснить, что большинство рассматриваемых газет Архангельской и

Вологодской областей принимали активное участие в избирательных кампаниях. Вместе с тем избирательные кампании 1989–1991 гг. на страницах газет отличались друг от друга количеством, содержанием и жанровым разнообразием публикаций, сроками проведения, что, в свою очередь, оказывало воздействие на выбор населения. Так, избирательная кампания народных депутатов СССР длилась около трех месяцев, и все рассматриваемые издания систематически публиковали материалы о кандидатах. Поэтому можно предположить, что, распространяя и закрепляя в сознании аудитории определенные мнения, суждения, оценки, региональные газеты могли оказать влияние на формирование политического выбора своих читателей. Напротив, короткие сроки кампании и единичные публикации не могли внести значительные изменения в оценку личности кандидатов. Влияние региональных изданий на читателей также снижало отсутствие единого информационного поля: газеты агитировали своих читателей проголосовать за разных кандидатов.

Анализ предвыборных публикаций и результатов выборов и референдумов на рассматриваемой территории за 1989–1991 гг. позволяет сделать вывод о присутствии в регионе всех трех базовых моделей влияния СМИ на политическое сознание – максимального, минимального и обратного. Таким образом, распространенное мнение об огромном влиянии печатных СМИ на политические предпочтения населения в России не получило подтверждения на материалах Архангельской и Вологодской областей. При оценке влияния региональных периодических изданий на ход избирательных кампаний важно также учитывать влияние, которое оказывали на эту же аудиторию центральные газеты, а также электронные СМИ. Если во время выборов в местные Советы, выборы народных депутатов СССР только региональные средства массовой информации распространяли информацию о кандидатах, то президентские выборы, выборы и референдум 1991 г. освещались центральными СМИ.

В целом рассмотрев основные факторы, которые различным образом определяли воздействие периодических изданий на население, мы пришли к выводу, что региональные общественно-политические газеты в данный период оказывали непосредственное влияние на формирование общественного мнения в Архангельской и Вологодской областях. Таким образом, формируя и отражая общественное мнение, региональные периодические издания имели возможность побуждать людей к определенным политическим действиям, т.е. влиять на политические процессы, происходившие в регионе и в стране в целом, главным образом – на результаты выборов центральных и местных органов власти и референдумов. Результаты данного исследования подтвердили воздействие региональных общественно-политических изданий на электоральное поведение избирателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политическая энциклопедия : в 2 т. М. : Мысль, 1999. Т. 1. 750 с.
2. Федотова Л.Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой информации. М. : Научный мир, 2001. 214 с.

3. Зашихин А.Н. Местная периодическая печать: основные этапы истории и проблемы изучения : учеб.-метод. разработка. Архангельск : Изд-во Поморского гос. пед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1992. 25 с.
4. Журналист и журналистика российской провинции (опыт исследования). Фонд защиты гласности / под ред. А.Г. Рихтер. М. : Начала-Пресс, 1995. 237 с.
5. Очур А.М. Воздействие региональных средств массовой информации на мотивацию электорального поведения : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 134 с.
6. Задорин И. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимосвязь // Российское общество: становление демократических ценностей. М. : Наука, 1999. С. 175–197.
7. Методологические основы изучения региональной печати. М. : Изд-во МГУ, 1993. 97 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

THE INFLUENCE OF PERIODICALS ON THE PUBLIC POLITICAL LIFE OF THE REGION: A CASE STUDY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 135–138.

DOI: 10.17223/15617793/409/22

Tatiana L. Sokolova, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: taniavol@yandex.ru

Keywords: periodicals; social and political life; reconstruction; European North of Russia.

This article summarizes the experience of studying the role of periodicals on the political life in 1985–1991 on materials of Arkhangelsk and Vologda Oblasts. The study analyzes the impacts of periodicals on various aspects of the political life: public opinion, electoral behavior, political developments in the region, activities of political parties. The main sources of the research are 19 socio-political periodicals of Arkhangelsk and Vologda Oblasts. The analysis of the newspaper articles is based on the use of the problem-thematic approach and the method of content analysis. The author considers periodicals as components of a unified system of print media in the region. The article analyzes quantitative and qualitative changes in the system of regional media in 1985–1991, identifies the main trends of media development in the region. The study examines the changes in legislation in the field of media, as the latter regulates the scope of authority of the media, the scope and the limits within which the authorities can influence the media. In determining the role of periodicals in shaping public opinion attention is paid to the composition of the readership, the circulation of periodicals, the distribution of press among readers, the degree of reflection of topical problems of the political life on the pages of individual publications, methods of forming public opinion on issues of public and political life. The study was focused on the content of publications in regional newspapers. To study the influence of regional print publications on the electoral behavior of the population, the author relied on three basic models of influence of the media on political consciousness: high, low and reverse effect. The study analyzed materials about elections of people's deputies of the USSR (1989), the 1991 referendum, on presidential elections of the RSFSR (1991) and the results of the vote published in regional editions. The analysis of pre-election publications and the results of the elections in the territory under consideration for 1989–1991 allowed making a conclusion about the presence in the region of all three models of influence of the media on political consciousness. As a result, the author's research has not confirmed a common opinion about the influence of print media on the political preferences of the population in the regions of Russia.

REFERENCES

1. Semigin, G.Yu. (ed.) (1999) *Politicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Political Encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
2. Fedotova, L.N. (2001) *Analiz soderzhaniya – sotsiologicheskii metod izucheniya sredstv massovoy informatsii* [Content analysis as a sociological method of studying mass media]. Moscow: Nauchnyy mir.
3. Zashikhin, A.N. (1992) *Mestnaya periodicheskaya pechat': osnovnye etapy istorii i problemy izucheniya* [Local periodicals: the main stages of the history and problems of study]. Arkhangelsk: Lomonosov Pomor State Pedagogical University.
4. Rikhter, A.G. (ed.) (1995) *Zhurnalists i zhurnalistika rossiyskoy provintsii (opyt issledovaniya). Fond zashchity glasnosti* [The journalist and journalism of Russian province (research experience). Glasnost Defense Foundation]. Moscow: Nachala-Press.
5. Ochur, A.M. (2005) *Vozdeystvie regional'nykh sredstv massovoy informatsii na motivatsiyu elektoral'nogo povedeniya* [The impact of regional mass media on the motivation of electoral behavior]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
6. Zadorin, I. (1999) *SMI i massovoe politicheskoe soznanie: vzaimovliyaniye i vzaimosvyaz'* [Media and mass political consciousness: interaction and interrelation]. In: Makfol, M. & Ryabov, A. (eds) *Rossiyskoe obshchestvo: stanovleniye demokraticheskikh tsennostey* [Russian society: the emergence of democratic values]. Moscow: Nauka.
7. Zasurskiy, Ya.N. (ed.) (1993) *Metodologicheskie osnovy izucheniya regional'noy pechati* [Methodological bases of studying regional press]. Moscow: Moscow State University.

Received: 09 June 2016

ХАРАКТЕРИСТИКА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ XVIII – НАЧАЛА XX в.

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности (задание № 2014/801).

Рассматриваются архивные документы, которые поступали в приходские церкви и составлялись в них в XVIII – начале XX в. Проводится критический анализ различных систематизаций архивных документов, отложившихся в фондах церквей и учреждений по управлению Русской православной церковью. Выявлены схожие и отличительные черты мнений ученых. Представлена авторская классификация документальных источников приходских церквей Тобольской епархии XVIII – начала XX в., разработанная в результате анализа документов, хранящихся в ФКУ «Российский государственный исторический архив», ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» и ГКУ «Государственный архив Курганской области».

Ключевые слова: документальные источники; классификация документов; приходские церкви; Тобольская епархия; синодальный период.

Под документальными источниками приходских церквей в настоящем исследовании понимаются документы, которые поступали в приходские церкви и составлялись в них в XVIII – начале XX в. В настоящее время такие документы хранятся в государственных архивах.

Выявление неопубликованных материалов по избранной теме велось как в федеральном архивохранилище, так и в архивах субъектов Российской Федерации: ФКУ «Российский государственный исторический архив» (РГИА), ГУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ), ГКУ «Государственный архив Курганской области» (ГКУ ГАКО).

Объектом изучения в названных архивах стали в основном фонды церквей (ГУТО ГАТ, ГКУ ГАКО), фонд Тобольской духовной консистории в ГУТО ГАТ (Ф. 156), фонд Канцелярии Синода в РГИА (Ф. 796).

Следует сделать оговорку, что в настоящей работе был проведен анализ исключительно официальной документации приходских церквей. Неофициальное документирование, например какие-либо мемуарные свидетельства о деятельности церквей, не являлись предметом исследования.

Среди специалистов по истории церкви нет единого мнения насчет классификации документов, поступающих и составляемых в приходских церквях. Единственное, в чем сходятся ученые, – это отнесение метрических книг, исповедных росписей, клировых ведомостей, брачных обысков и ревизских сказок о священно-церковнослужителях, их семьях к группе документов церковного учета и массовым источникам.

Также документы могут называться и статистическими источниками чаще всего применительно к какому-либо конкретному исследованию. Примером служит работа А.В. Пашиной, посвященная генеалогии крестьянских семей. Историк выделяет также делопроизводственные и законодательные источники, которые содержатся в основном в Полном собрании законов Российской Империи и по отношению к статистическим документам носят вспомогательный и дополняющий характер [1. С. 8–12].

Учетная документация, по мнению М.Ф. Румянцевой, – «группа видов исторических источников,

включающая материалы фискального, административного, церковного учета населения и учета объектов промышленности и сельского хозяйства, главным образом для контроля реализации управленческих решений. От статистических источников учетные документы отличаются тем, что собирают их не для работы, а для реализации уже принятых управленческих решений. Учетные документы отчасти близки к делопроизводственным. С другой стороны, учетные системы могут перерастать в статистические, что порой и происходит. Однако говорить о превращении учетной документации в статистические источники можно не тогда, когда ее данные начинают подвергаться статистической обработке, а лишь тогда, когда расчет на их последующее использование для выработки управленческих решений влияет на их содержание, т.е. когда в учетную форму вводятся дополнительные параметры в целях взаимной проверки собираемой информации, а также рассчитанные на дальнейшее обобщение» [2. С. 408–409]. Следует согласиться с вышеизложенным утверждением, поскольку оно вполне обоснованно.

Под статистическими источниками понимаются документы, в которых содержится количественная информация о массовых исторических процессах и явлениях.

В.И. Корнилова разделяет документы церковного учета населения и церковной статистики, отнеся к последним отчеты благочинных, ведомости о состоянии церквей, книги регистрации штрафов и судимостей священнослужителей, ведомости о церквях, дела о замечаниях епископа во время обозрения им епархии, журналы и протоколы заседаний духовной консистории. Данный подход представляется сомнительным, так как целью перечисленных документов не являлся сбор статистических данных. Ведомости о церквях были частью клировых ведомостей, что позволяет отнести их к учетным документам, журналы и протоколы консистории – к текущему делопроизводству. Исследовательница выделила в отдельную группу делопроизводственные документы индивидуального характера – ставленнические дела, дела о разрешении на повторный брак, о посылке на церковное пока-

яние, о выдаче документов на брак и др. [3. С. 78–81]. Иницирующий документ дела – прошение – это делопроизводственный документ.

Е.Б. Макарьева разделила нормативные документы на законодательные акты центральных светских и духовных властей и распоряжения местных светских и духовных властей. Такая классификация применена и в настоящем исследовании. Однако исследовательница отнесла к одной группе – делопроизводственной документации Тобольской духовной консистории – ставленнические документы, клировые, школьные и другие ведомости, переписку консистории с семинарским правлением и духовными правлениями по различным вопросам [4. С. 25]. Попытку включить церковную документацию в существующие системы классификации исторических источников предпринял С.М. Каштанов, который, рассматривая клировые ведомости, объединяющие три самостоятельные части – нормативную, нарративную и статистическую, – причисляет их к источникам «чистого» и «смешанного» видов [5. С. 149]. Таким образом, клировые ведомости следовало бы включить скорее в группу статистических источников в конкретном исследовании и учетных – в целом.

Е.Е. Князева отнесла к документам церковного делопроизводства метрические книги. Это решение можно считать вполне обоснованным, так как все официальные документы церкви принято считать делопроизводственными [6. С. 7], включающими учетные, отчетные и остальные виды документов.

И.С. Цыремпилова предлагает иную классификацию церковных документов. Она разделяет законодательные акты и нормативные документы, статистические данные (к ним относит данные церковного учета, епархиальные отчеты, клировые ведомости) и делопроизводственную документацию. К последней исследовательница относит организационно-распорядительные документы (циркуляры, предписания, распоряжения, постановления, указания, приказы) и отчетную документацию (отчеты, доклады, рапорты священнослужителей о состоянии приходов, благочиний, епархий) [7. С. 21–23]. Однако неясно, почему епархиальные отделены от остальных видов отчетов и отнесены к разным группам документации.

Т.В. Судник условно разделила всю документацию церквей на две большие категории: документация, посвященная религиозной деятельности церкви, и документация, отражающая ее хозяйственную деятельность. К первой группе исследовательница отнесла метрические книги и выписи, исповедные росписи, брачные обыски, клировые ведомости, рапорты, прошения, доклады служителей церкви вышестоящему начальству, а к хозяйственной документации – приходно-расходные книги [8. С. 19–33]. Такая градация вполне оправданна.

Таким образом, у каждого исследователя существует личное мнение о разделении церковных документальных источников на группы. Отсутствует специальное исследование, посвященное классификации документов приходских церквей. Обычно документы объединяют в группы для удобства изучения конкретного вопроса.

В настоящем исследовании при разделении выявленных документальных источников на группы все официальные документы были отнесены к делопроизводственной документации. Делопроизводственная документация, в свою очередь, была разделена на акты, учетные, отчетные, хозяйственные документы, переписку и церковно-приходские летописи. В настоящей работе используется понятие актов источников, предложенное А.И. Костановым (документы правового и нормативного характера) [9. С. 21], поэтому в группу актов документов мы относим все нормативные правовые акты, которые поступали в приходские церкви (законодательные акты высших органов власти, ведомственные акты Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синод), нормативные акты местных органов церковной власти).

Таким образом, официальную документацию приходских церквей Тобольской епархии XVIII – начала XX в. по функциональному признаку можно условно разделить на шесть категорий:

- 1) акты документов;
- 2) учетные документы;
- 3) отчетная документация;
- 4) церковно-приходские летописи;
- 5) переписка;
- 6) документация по хозяйственной деятельности.

К первой группе – актовым документам – относятся документы правового и нормативного характера, которые включают три категории: 1) законодательные акты высших органов власти; 2) ведомственные акты Синода; 3) нормативные акты местных органов церковной власти (определения тобольских епархиальных архиереев и предписания благочинных приходских церквей).

Актовые документы содержат ценные сведения о порядке управления Русской православной церковью (РПЦ), в том числе приходскими церквями Тобольской епархии. Особый интерес вызывает нормативная документация местных органов церковной власти. Если нормативные документы, санкционированные верховной властью, в настоящее время мы можем найти в Полном собрании законов Российской империи, то акты местных учреждений хранятся только в фондах государственных архивов. Такая документация свидетельствует о структуре управления РПЦ на местах, позволяет выявить особенности епархиального и благочиннического регулирования жизни приходских церквей.

Ко второй группе документов приходских церквей Тобольской епархии XVIII – начала XX в. относится документация церковного учета населения, который начал осуществляться в конце первой четверти XVIII в.

Документы церковного учета (метрические книги, исповедные ведомости, клировые ведомости, брачные обыски) являются наиболее информативными среди документации приходских церквей XVIII – начала XX в. Учетные документы раскрывают основные направления жизни православного населения: крещение, исповедь, причащение, брачный обыск, венчание, отпевание. Подобные документы содержат сведения о духовенстве и приходе в целом.

Ведение метрических книг предусматривалось Духовным регламентом, что фактически означало государственную регистрацию актов гражданского состояния (рождения, браки и смерти; точнее, соответствующие церковные обряды – крещение, венчание, отпевание). При необходимости в церкви можно было получить выписку из метрической книги.

Анализ метрических книг Тобольской епархии позволил сделать вывод о том, что в течение XVIII – начала XX в. метрические книги составлялись по единой методике; это дает возможность сопоставлений различных сведений о причте и прихожанах. Метрики законодательно вводились с 14 апреля 1702 г., а их первый формуляр установлен 20 февраля 1724 г. Нами были обнаружены метрические книги начиная с 1730 г., что свидетельствует о добросовестности в этом отношении сибирских священно- и церковнослужителей. Метрические книги церковью Тобольской епархии содержат количественные и качественные данные о населении прихода в динамике, в том числе о составе семей, что приобретает особенное значение в период интенсивного развития генеалогии и возрастающего интереса людей к судьбе своих предков. Метрики могут быть использованы в демографических, территориально-географических, социальных и генеалогических исследованиях, при рассмотрении социокультурного облика отдельных населенных пунктов, определении степени их социальной однородности.

Сведения церковного учета дополнялись клировыми ведомостями, в которых содержались списки прихожан с указанием пола, возраста и сословной принадлежности и отмечалось исполнение церковных обрядов (исповедь и причастие), а также исповедными росписями и брачными обысками.

Исповедные книги, введенные еще в конце XVII в., признавались их современниками очень важными актами как в церковном, так и в гражданском отношении. Изначально эти документы, подобно метрическим книгам, преследовали светские практические цели – сбор податей со староверов и штрафов с неисповедавшихся; исповедные ведомости являлись своего рода инструментом контроля над религиозной жизнью населения. Возможно, именно благодаря этому власти уделяли особое внимание названным двум видам документов, и они полнее других сохранились в государственных архивах. Из духовных ведомостей Тобольской епархии мы узнаем количество и имена исповедавшихся и причастившихся, только исповедавшихся и не явившихся на исповедь, а также причину пропуска исповеди. Духовные росписи являются ценным историческим источником, свидетельствующим о динамике религиозности населения отдельных приходов, с достаточной полнотой отражают демографические процессы.

Клировые ведомости были введены с 1769 г. Однако эти документы были обнаружены нами в фондах церковью Тобольской епархии только со времени установления формы от 31 марта 1829 г. Эти документы содержат значительный объем информации о церкви, причте и приходе. Особенно важным является то, что

в клировые ведомости включали данные о наличии и состоянии основных церковных документов: описи имущества, приходо-расходные книги, метрики, исповедные росписи и обыскные книги.

Брачные обыски, введенные 14 июля 1765 г. и получившие форму 30 ноября 1837 г., являются ценными источниками, позволяющими получить историко-демографические сведения: о динамике движения населения, возрасте вступления в брак, проценте безбрачия, количестве и периодичности рождений в семьях детей, наличии приемных родственников, продолжительности жизни, причинах и сезонности смерти, в том числе под влиянием социальных катаклизмов – войн, революций, экономических кризисов и эпидемий. Брачные обыски как уникальные статистические материалы дают возможность первоначальной в генеалогических исследованиях персонификации и выяснения истории отдельных родов и семей, жизненного пути населения с отражением фактов рождения, крещения, венчания, бракосочетания, смерти.

Брачные обыски церковью Тобольской епархии за 1802–1910 гг. имели сходную форму изложения. С середины XIX в. в церквях начали использовать печатные формы, которые были строго структурированы, имели пункты, куда вносились биографическая информация о супругах. Благодаря установленной форме возможно проводить исследования по заданным параметрам (звание, место служения, исповедание, возраст вступления в брак, счет брака для жениха и невесты, даже наличие психических отклонений). Указ от 30 ноября 1837 г. установил круг документов, необходимых для составления обыска, из которых сведения вносились в обыск. Такие документы могут быть полезны для исследователя в качестве дополняющих источников: предбрачные свидетельства, справки, копии паспортов, свидетельства о разрешении вступить в брак после вдовства или развода, удостоверения о разрешении вступления в брак от гражданского начальства, билеты, удостоверения сельских старост, свидетельства об исповеди и причастии.

Менее всего изученным ранее видом документов церковного учета служат ревизские сказки о священно- и церковнослужителях и их семьях, которые свидетельствуют о количестве штатных духовных лиц и членов их семей (должность, имя, отчество, фамилия), о динамике семей священно- и церковнослужителей: возраст по последней ревизии, причина выбытия или поступления, возраст на момент настоящей ревизии. Форма ревизских сказок, установленная 1 марта 1744 г., была изменена 18 мая 1811 г. и сохранилась в таком виде до последней ревизии 1858 г. Анализ приходских ревизских сказок Тобольской епархии позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемые документы от ревизии к ревизии в разных церквях практически не отличались в оформлении. Это дает возможность проводить сопоставительный анализ содержащихся в ревизских сказках данных. Таким образом, приходские ревизские сказки являются важнейшим материалом для генеалогических исследований, изучения социальной демографии. В Государственных архивах Тюменской области в г. Тобольске и Курганской об-

ласти в г. Кургане хранится небольшое количество ревизских сказок приходских церквей Тобольской епархии начиная с 1737 г. Эти документы во многих фондах церквей отсутствуют или сохранились не за все ревизии, что может вызывать серьезные затруднения в процессе исследования.

Еще один вид учетной документации приходских церквей – церковно-служебные журналы, в которых велся учет совершенных священником богослужений.

Из церковно-служебных журналов Тобольской епархии за вторую половину XIX – начало XX в. можно почерпнуть сведения о богослужениях, которые проходили в каждой церкви: дате богослужения, кто его совершил, кто отсутствовал. Таким образом, этот вид церковных документов представляет сведения как о служебной деятельности отдельной церкви, так и о службе какого-либо духовного лица (в какое время и какие совершал богослужения, насколько ответственно подходил к своим обязанностям, не пропускал ли службу). В некоторых книгах записи совершенных богослужений есть дополнительная графа о количестве и содержании «поучений и проповедей», что позволяет получить более конкретную информацию.

Третья группа документов – отчетная документация, к которой можно отнести доношения (донесения) и рапорты (они рассматриваются некоторыми учеными как подвид доношений), которые посылали члены причтов благочинным и в Тобольскую духовную консисторию. На основании отчетов причтов и благочинных составлялись епархиальные отчеты Синоду, в которых содержатся важные сведения о различных аспектах деятельности епархии: 1) «устройство и состояние управления» (состав консистории, количество благочинных, замечания о состоянии благочиннического надзора, открытие самостоятельных приходов и др.); 2) «обозрение епархии» (описание поездок); 3) «монастыри» (открытия, восстановления и закрытия монастырей, духовно-нравственное состояние, хозяйство в монастырях, дома презрения бедных и больницы и т.д.); 4) «церкви» (количество общее и отдельно по видам, упразднения церквей, наличие избытка или недостатка в церквях в отдельных уездах, состояние «церковного писмоводства» и др.); 5) «духовенство» (степень познания в деле пастырского служения, нравственное состояние, вакантные места и т.д.); 6) «паства» (констатация факта увеличения населения, посещение жителями церковных богослужений, знание начальных истин Веры и др.); 7) «катехизисные поучения» (о программе собеседований, разработанной архиереем, ее описание, ведутся ли во всех церквях); 8) «училища при монастырях» (описание зданий для школ, учеников, преподавателей, предметов, новых училищ); 9) «разные сведения и замечания» (например, распределение членов причта по образовательному цензу); 10) «общий взгляд на состояние епархии» (на что следует в дальнейшем обратить внимание и улучшить). К отчетам о состоянии епархии прилагались учетные документы, установленные указом от 23 ноября 1865 г.: «...о бывших и небывших у исповеди и Св. Причастия; о присоеди-

нившихся от раскола и разных сект, а также о присоединившихся к православной церкви из других христианских исповеданий и о просвещенных святым крещением нехристианам; о воспитанниках духовно-учебных заведений, поступивших из училищного в епархиальное ведомство и неопределенных к местам; о монастырях и монашествующих, а также о церквях и причтах и вообще о белом духовенстве; о родившихся, браком сочетавшихся и умерших». Епархиальные отчеты Синоду за 1856–1915 гг. хранятся в фонде его канцелярии в РГИА.

Церковно-приходские летописи выделены в отдельную, четвертую, группу. Несмотря на то что они включали выписки из некоторых учетных документов (метрических книг, ревизских сказок и т.д.), главной целью создания данных летописей был не учет, а описание отдельных приходов в частности и епархий в целом. Не все ученые относят эти летописи к официальным документам.

Многие исследователи рассматривают церковно-приходские летописи второй половины XIX – начала XX в. в качестве особых и чрезвычайно ценных источников по истории русской церковной и общественной жизни того времени, называют эти источники «хрониками жизни» населения России. Работы, написанные на основе сведений церковно-приходских летописей, долгое время служили основными пособиями для историков, филологов, социологов, теологов и краеведов о прошлом того или иного края. Из программ летописей можно видеть, какая информация представлялась важной для епархиального начальства. Церковно-приходские летописи содержат ценную информацию обо всех сторонах жизни и деятельности приходского населения, подробно запечатлели историю церквей и приходов, включают списки церковно- и священнослужителей, данные об их перемещениях по службе, статистические материалы о динамике количества приходского населения, браков, религиозном состоянии жителей (выписки из метрических книг и духовных росписей). Благодаря этим документам можно узнать о времени посещения церквей епархиальными архиереями, несчастных случаях, произошедших в церкви, о волнениях жителей, необычных природных явлениях, военных действиях, повальных болезнях, произошедших в приходе, о многих других любопытных событиях в церкви, приходе и епархии.

Пятая группа документов приходских церквей Тобольской епархии – переписка. Приходские церкви вели переписку между собой по различным поводам, например, перед венчанием лиц из разных приходов (в процессе обыска церковь жениха запрашивала в письме информацию о невесте). Причты церквей составляли следующие виды писем: письма-сообщения, письма-ответы и письма-просьбы. В приходские церкви поступали письма-требования от благочинных и сопроводительные письма от благочинных и различных учреждений и должностных лиц. Например, сопроводительное письмо от банка могло препровождать билет, выданный на присланные от причта деньги; такой же вид письма отправляли благочинные

вместе с копиями указов из Тобольской духовной консистории. Священно- и церковнослужители и прихожане нередко обращались в Тобольскую духовную консисторию с прошениями, первые, например, о переводе в другой приход, на другую должность, вторые, например, о разводе. Члены причта помогали прихожанам составлять прошения.

С XVIII в. постепенно начала возрастать роль внутренней документации, обслуживающей документопоток внутри учреждения. При поступлении в церковь документы регистрировались, им присваивался номер, ставилась дата, в регистрационном журнале передавалось содержание документа, но в отличие от государственных учреждений не отмечалось, кому он был передан на исполнение. Отдельно регистрировались исходящие документы.

В учетно-регистрационных документах приходских церквей Тобольской епархии содержатся важные сведения о количестве и содержании входящих и исходящих документов. Описи этих документов позволяют проследить церковный документооборот в динамике, определить состав входящих и исходящих документов, подсчитать их количество за определенные промежутки времени (месяц, год), а также по заголовкам документов узнать о том, по каким вопросам поступали причтам акты высших и местных органов светской и церковной властей. Данные документы характеризуют отношения между причтами церквей с их начальством – высшими церковными, епархиальными властями, благочинным.

Шестую группу документов приходских церквей Тобольской епархии составляют хозяйственные документы. Чаще всего в архивах встречаются приходно-расходные книги (могли вестись отдельно приходные и расходные книги) и описи имущества приходских церквей.

Приходно-расходные книги являются важным источником по истории хозяйственной деятельности приходских церквей. Законодательная регламентация ведения этих книг начинается с указа Синода от 29 июля 1723 г., формуляр утвержден 12 августа 1762 г. Приходно-расходные книги Тобольской епархии позволяют узнать, когда, в каком количестве и от кого (за что) были получены средства, на что потрачены, в конце документов содержатся сводные данные за год. Таким образом, появляется возможность

проследить финансовое положение и деятельность приходских церквей, что немаловажно для изучения истории этих учреждений.

В описях церковного имущества, утвержденных 25 июня 1771 г., приводилась характеристика церковной утвари: название предмета, его особенности, количество, порой назначение. В целом ведение и форма хозяйственных документов регламентировались слабее, чем учетной документации (метрических книг, исповедных росписей, клировых ведомостей, брачных обысков), так как для светской власти они являлись менее важными. Однако это не умаляет их значения, ведь именно данные документы могут помочь восстановить разрушенные церкви и храмы, что в настоящее время является весьма актуальной задачей.

В эту группу также можно отнести тетради прихода, расхода и остатка разрешительных молитв и венчиков; доходные реестры церковно-священнослужителей; книги для записи пожертвования деньгами или прикладами; книги о вспомогательном окладе; оправдательные денежные документы; реестры прихожан, вносивших средства на содержание храма; дела о ремонте церквей; документы об открытии церковно-приходского попечительства и обновлении иконостасов церкви; книги для продажи свеч; венчиковые и молитвенные книги.

Таким образом, комплекс документов приходских церквей отражает едва ли не все стороны жизни и деятельности православного населения – как причта, так и прихожан, свидетельствуя о разнообразных социальных, демографических и миграционных процессах. Такие документы могут быть использованы для углубленного изучения истории региона, отдельных населенных пунктов, жизни их населения и отдельных лиц, в том числе в ходе генеалогических исследований, ставших популярными в последние десятилетия. Обращение к истокам воспитывает патриотизм и способствует росту национального самосознания. Всестороннее изучение деятельности РПЦ в XVIII – начале XX в. становится чрезвычайно значимым для эффективного использования исторического опыта, накопленного ею в решении нравственных, этических проблем общества, построения целостной концепции развития российского общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашинин А.В. Статистические источники по генеалогии крестьянских родов (семей) конца XVII – начала XX в. в фондах Государственного архива Республики Бурятия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 25 с.
2. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. 702 с.
3. Корнилова В.И. Материалы церковного делопроизводства как источники по генеалогии православного духовенства Прикамья (на примере семьи Кудрявцевых) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 8 (63). С. 78–81.
4. Макарьева Е.Б. Сословные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII – первой половине XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 261 с.
5. Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. 230 с.
6. Князева Е.Е. Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVIII – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 438 с.
7. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг.: на материалах Байкальского региона : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2009. 42 с.
8. Судник Т.В. Документы православных церквей Тобольской губернии как исторические источники о жизни населения губернии // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2009. Ч. 4. С. 19–33.

9. Костанов А.И. История формирования, сохранения и использования документального наследия Сибири и Дальнего Востока (конец XVI – первая четверть XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 50 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

CLASSIFICATION OF DOCUMENTARY SOURCES ON THE HISTORY OF PARISH CHURCHES OF THE TOBOLSK EPARCHY IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 139–144.

DOI: 10.17223/15617793/409/23

Aleksandra V. Spichak, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: spichak-89@mail.ru

Keywords: documentary sources; classification of documents; parish churches; Tobolsk eparchy; Synod period.

In the research a critical analysis of various types of church documents systematization is carried out. Similar and distinctive features of scholars' opinions are given. Among experts in the history of church there is no consensus about the classification of church sources. The only thing scholars agree on is the classification of church books, confession lists, clerical lists, marriage searches and census records about sacred and clergymen, their families as a group of documents of the church account and mass sources. The author's classification of the documentary sources of parish churches of the Tobolsk eparchy of the 18th – early 20th centuries is presented; it was developed as a result of the analysis of the documents stored in the Russian State Historical Archive, in the State Archive in Tobolsk and in the State Archive of Kurgan Oblast. Official documentation of parish churches of the Tobolsk eparchy of the 18th – early 20th centuries has been conditionally divided into four categories by the functional criterion: assembly documents; registration documents; reporting documents; parish chronicles; correspondence; documents on economic activity. Documents of legal and standard character belong to the first group, assembly documents; they include three categories: 1) acts of the supreme authorities; 2) departmental acts of the Holy Ruling Synod; 3) regulations of local bodies of the church power. The second group of documents includes documents of the church accounting of the population which began at the end of the first quarter of the 18th century. The third group of sources is reporting documents. Parish chronicles are classified into a separate, the fourth, group. The fifth group of documents of parish churches of the Tobolsk eparchy is correspondence; the sixth is economic documents. Most often archives have account books (receipts and expenses books could be kept separately) and property registers of parish churches. This group can also contain notebooks of profit, expenses and surplus of prayers of absolution and paper bands; profit registers of church priests; books for records of donation money or butts; books of auxiliary salaries; justificatory monetary documents; registers of parishioners depositing funds for the maintenance of the temple; cases of church repairs; documents on the opening of parish guardianship and renovation of church iconostases; books on candle sales; paper band and prayer books.

REFERENCES

1. Pashinin, A.V. (2015) *Statisticheskie istochniki po genealogii krest'yanskikh rodov (semei) kontsa XVII – nachala XX v. v fondakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya* [Statistical sources for genealogy of peasant families at end of the 17th – beginning of the 20th centuries in the collections of the State Archive of the Republic of Buryatia], Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
2. Danilevskiy, I.N. et al. (1998) *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii* [Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history]. Moscow: RSUH, "Otkrytoe obshchestvo".
3. Kornilova, V.I. (2012) *Materialy tserkovnogo deloproizvodstva kak istochniki po genealogii pravoslavnogo dukhovenstva Prikam'ya (na primere sem'i Kudryavtsevykh)* [Church office materials as sources for genealogy of the Orthodox clergy of the Kama region (by example of the Kudryavtsev family)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 8 (63). pp. 78–81.
4. Makarcheva, E.B. (2001) *Soslovnye problemy dukhovenstva Sibiri i tserkovnoe obrazovanie v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv.* [Estates problem of Siberian clergy, and church education at the end of the 18th – first half of the 19th centuries]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
5. Kashtanov, S.M. (1988) *Russkaya diplomatika* [Russian diplomacy]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Knyazeva, E.E. (2004) *Metricheskie knigi Sankt-Peterburgskogo konsistorial'nogo okruga kak istochnik po istorii lyuteranskogo naseleeniya Rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX v.* [Parish registers of St. Petersburg Consistory County as a source on the history of the Lutheran population of the Russian empire in the 18th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
7. Tsyrempilova, I.S. (2009) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvennaya vlast' v 1917–1930-e gg.: na materialakh Baykal'skogo regiona* [Russian Orthodox Church and the government in 1917–1930s: on Baikal region materials]. Abstract of History Dr. Diss. Ulan-Ude.
8. Sudnik, T.V. (2009) *Dokumenty pravoslavnykh tserkvey Tobol'skoy gubernii kak istoricheskie istochniki o zhizni naseleniya gubernii* [Documents of Orthodox churches of Tobolsk Province as historical sources about the life of the province population]. In: Solodkin, Ya.G. (ed.) *Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoy istorii* [Source study and historiographical aspects of Siberian history]. Vol. 4. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk Humanitarian University.
9. Kostanov, A.I. (2010) *Istoriya formirovaniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya dokumental'nogo naslediya Sibiri i Dal'nego Vostoka (konets XVI – pervaya chetvert' XX v.)* [The history of the preservation and use of Siberian and Far Eastern documentary heritage (the end of the 16th – the first quarter of the 20th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Received: 09 June 2016

В ПОИСКАХ ПАРТИЙНОГО ЕДИНСТВА: ВТОРОЙ СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ПАРИЖ, 1928 г.)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00264а.

Рассматриваются организационные проблемы формирования и деятельности эсеровской эмиграции в 1920-е гг. Подчеркивается отсутствие полноценной научной истории ПСР в эмиграции, анализируются особенности эмиграции социалистов-революционеров, создание различных внутрипартийных группировок, конфликты и противоречия. Особое внимание обращается на подготовку и проведение в Париже в 1928 г. Второго съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров. Исследуются причины неудачи этого форума как одной из последних попыток достичь партийного единства среди эсеров-эмигрантов.

Ключевые слова: социалисты-революционеры; эмиграция; Заграничная делегация; социализм; конфликт.

Современные исследования «первой волны» российской эмиграции и ее партийного спектра получили в последние 20 лет значительное развитие [1–8], в том числе и в плане документальных публикаций [9–12]. Однако до сих пор научная история социалистов-революционеров в эмигрантский период существования партии не создана. По большому счету, основной массе исследователей остаются неизвестными материалы партийных съездов и конференций социалистов-революционеров за границей, переписка с российскими эсерами, протоколы и иные материалы Заграничной делегации и Областного комитета ПСР, богатейшее эпистолярное и публицистическое наследие видных деятелей партии. Без тщательного анализа этих документов невозможно как создание научной истории российской многопартийности, так и адекватное представление о деятельности российской социалистической эмиграции в 1920–1950-е гг., ее связях с международным социалистическим движением, воздействием на внешнюю политику Советского Союза.

Формирование эсеровской эмиграции после октября 1917 г. имело свои особенности. В отношении членов ПСР (в отличие от социал-демократов меньшевиков), как правило, не практиковались высылки за границу. ЦК ПСР, избранный на последнем IV съезде партии (ноябрь – декабрь 1917 г.), практически полностью был арестован и осужден на известном процессе 1922 г. Из 20 членов ЦК только трое – В.М. Чернов, В.М. Зензинов и Н.С. Русанов – сумели эмигрировать, из пяти кандидатов в члены ЦК – только один (В.В. Сухомлин). Таким образом, возможность легальной эмиграции из Советской России для эсеров практически отсутствовала. Преимущественно они покидали страну с территорий, контролируемых антибольшевистскими правительствами (В.М. Зензинов, Н.Д. Авксентьев, А.А. Аргунов, Е.Ф. Роговский и др.), часть уехала нелегально.

Начало эсеровской послеоктябрьской эмиграции положил отъезд Н.С. Русанова и В.В. Сухомлина в марте – апреле 1918 г. в Стокгольм, где они с Д.О. Гавронским образовали Заграничную делегацию ПСР (ЗД ПСР). В августе 1919 г. ЦК ПСР постановил передать мандат на представительство партии за границей «т.т. Рубановичу, Русанову, Сухомлину и Гавронскому» [10. С. 578]. В январе 1922 г. Цен-

тральное бюро ПСР утвердило Заграничную делегацию в составе В.М. Зензинова, И.А. Рубановича, Н.С. Русанова, В.В. Сухомлина и В.М. Чернова. Местопребыванием ЗД ПСР был Париж, а с конца 1923 г. – Прага. Кандидатами в члены ЗД ПСР стали С.П. Постников, М.Л. Слоним и Г.И. Шрейдер.

Сформировалось несколько центров эсеровской эмиграции. Относительно многочисленные группы ПСР функционировали в Праге и Париже, более мелкие – в Белграде, Лондоне, Нью-Йорке и Харбине. Был налажен выпуск целого ряда печатных изданий [13. С. 56–84]. Вокруг журнала «Современные записки» сложилась группа Н.Д. Авксентьева, Бунакова, М.В. Вишняка и В.В. Руднева; пражская «Воля России» объединяла В.И. Лебедева, Е.А. Сталинского, М.Л. Слонима, В.В. Сухомлина; газета «Дни» находилась в руках А.Ф. Керенского, В.М. Зензинова и большинства с.-р. группы пражского Земгора. Наконец вокруг журнала «Революционная Россия» оформилась группа В.М. Чернова, Г.И. Шрейдера, В.Я. Гуревича, Н.С. Русанова.

С 16 по 24 ноября 1923 г. социалисты-революционеры провели в Праге первый съезд заграничных организаций ПСР. На нем для руководства партийной работой в эмиграции был избран Областной комитет заграничных организаций ПСР в составе В.Я. Гуревича, В.И. Лебедева, Ф.Е. Махина, О.С. Минора, И.П. Нестерова и Е.Ф. Роговского. Различные эсеровские группировки сумели договориться о создании единой заграничной партийной организации. Задачами Областного комитета являлось создание партийных групп на местах, установление связи между ними, объединение и развитие партийной работы за границей. Заграничная делегация сохраняла за собой функции связи с Советской Россией и взаимодействия с Социалистическим интернационалом. В апреле 1925 г. Центральное бюро ПСР утвердило следующий состав Заграничной делегации: В.Я. Гуревич, С.П. Постников, М.С. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин, В.М. Чернов и Г.И. Шрейдер [9. С. 648]. Однако уже в 1926 г. Заграничная делегация ПСР раскололась, В.М. Чернов и его группа (Гуревич и Шрейдер) стали контролировать центральный орган партии, «Революционную Россию», Сухомлин был исключен из редакции и создал в 1927 г. в Париже журнал «Социалист-революционер».

Причины раскола Заграничной делегации до конца не ясны. М. Янсен писал о том, что это столкновение носило «скорее личный, чем деловой, характер» [9. С. 738]. По мнению А.И. Авруса и А.П. Новикова, в Заграничной делегации «...сепаратистские тенденции особенно усилились после того, как в мае 1925 г. ОГПУ разгромило последний состав ЦБ ПСР. В России перестал существовать руководящий эсеровский центр, на поддержку которого опирался Чернов. Это развязало руки тем силам среди зарубежных эсеров, которые хотели освободиться от черновского руководства» [14. С. 217]. Во многом солидарен с этой позицией финский историк Ханну Иммонен, подчеркивающий фактор прекращения связей с эсерами в России, а также «разрыв между поколениями» как причины раскола социалистов-революционеров в эмиграции [15. С. 318–323].

Наиболее категорична оценка Д.А. Местковского, прямо обвиняющего В.М. Чернова в распаде Заграничной делегации ввиду его претензий на обладание «чрезвычайными полномочиями» [16. С. 119]. По мнению британского историка Элизабет Уайт, раскол в Заграничной делегации был не просто результатом атмосферы эмигрантской политики, а имел реальные идеологические причины. В то же время нельзя сбрасывать со счетов личные взаимоотношения, поведение В.М. Чернова и отсутствие у него лидерских качеств [6. Р. 99]. В любом случае конфликт резко ослабил эсеровскую эмиграцию, и без того не отличавшуюся внутренним единством. Известный эсер С.П. Постников в письме в харбинскую организацию ПСР в 1929 г. с горечью отмечал, что «в эмиграции у нашей партии есть “Генштаб”, лучший по сравнению с другими. Несмотря на наше мизерное число <...> у нас есть несколько литературных изданий <...>. Умный бы лидер умело использовал эти кадры для прямой партийной работы <...>. Чернов <...> сумел парализовать нашу работу. Если некие тайные большевистские силы хотели уничтожить нас, они бы не сделали этого лучше, чем сделали черновцы» [Там же].

Летом 1927 г. В.М. Чернов принимает активное участие в создании «Лиги Нового Востока», пытавшейся объединить российских, украинских, белорусских и армянских социалистически ориентированных политиков (в 1928–1929 гг. в Праге вышло два номера «Вестника Социалистической Лиги Нового Востока»), а в марте 1928 г. группа Чернова порвала с заграничной организацией ПСР и образовала Заграничный Союз ПСР.

В такой ситуации созыв съезда заграничных эсеров являлся попыткой восстановить единство партии. Подготовка съезда шла весьма сложно.

Две крупнейшие эмигрантские группы – пражская и парижская – неоднократно обсуждали этот вопрос. В мае 1927 г. в Париже прошло совещание, на котором присутствовали представители парижских эсеров и группа «Воли России». Целью совещания являлась подготовка к проведению второго заграничного съезда партии. Докладчиками выступили: от правых – Н.Д. Авксентьев, от левых – М.Л. Слоним. Группа Авксентьева предлагала немедленно созвать съезд

Заграничной Организации (З.О.) для налаживания партийной работы в России и за рубежом. По плану Авксентьева, съезд должен был избрать Организационное бюро, полномочия которого действовали бы до тех пор, пока центральные органы в России не проявят своей воли. Слоним считал, что лучше было бы продлить полномочия Областного комитета, но расширить его функции за счет функций, ранее принадлежавших Заграничной делегации. По мнению Заграничного Союза, речь шла о передаче в руки «заграницы» организационного руководства партией социалистов-революционеров. Причем по проекту Слонима это совершалось постепенно, как бы само собой, переходом к Заграничному Областному комитету тех или иных делегационных функций. А проект Авксентьева открыто предлагал создать новый «самочинный центр» для всей ПСР на эмиграционном съезде, но с оговоркой о его временности [17. С. 3].

Четкого решения принято не было, переговоры и обсуждения продолжались. Так, В.М. Зензинов отмечал в письме В.В. Рудневу от 22 сентября 1927 г.: «...третьего дня состоялось многочисленное собрание парижской группы, на котором специально обсуждался вопрос о съезде <...>. В субботу должны приехать сюда Брушвит и Николаев <...> – решено с ними также обсудить этот вопрос. Во всяком случае, срок созыва съезда – дело неопределенное, а может быть, и самый съезд. Во всяком случае, ни одна из “группировок” на собрании не обнаружила особого энтузиазма в смысле скорейшего созыва съезда» [18. С. 795].

23 сентября 1927 г. в Праге собралась вторая согласительная комиссия в составе Чернова, Гуревича, Брушвита, Калюжного, Постникова, Слонима и Минахоряна. На этот раз совещание проходило при участии представителей всех эсеровских групп. Комиссия собралась для выработки тех условий, при которых черновская группа согласилась бы принимать участие в съезде. Согласительная комиссия работала до 16 декабря. Ввиду ее работы был отложен созыв второго заграничного съезда, первоначально предполагавшийся на декабрь или февраль.

В ходе переговоров Чернов сформулировал следующие требования:

«1. Основное содержание 2-го съезда З.О. п.с.р. должно заключаться в обсуждении программно-тактических вопросов, а также организационных вопросов Заграничной Организации в рамках настоящего соглашения. 2. Пражское соглашение 1923 года, formulated в 9-м пункте резолюции, пересмотру на 2-м съезде не подлежит. 3. Организационный вопрос на съезде ставится: а) как вопрос о выборе дееспособного О.К. без майоризирования большинством меньшинства, на началах сговора, а при невозможности, на началах пропорционального представительства и б) как вопрос о выработке наказа группам и О.К. без пересмотра их функций. 4. Так как в компетенцию съезда не входит разрешение внутренних споров в З.Д., то относящиеся сюда вопросы из программы съезда исключаются. 5. По отношению к обеим частям распавшейся делегации Заграничная Организация и орган ее сохраняет полный нейтралитет, считая, что спор между

ними наискорейшим образом должен быть решен легальными путями, т.е. соглашением или обращением к высшей инстанции, и что для внешнего мира их раскол не должен существовать. 6. Заграничная Организация, съезд и О.К. пользуются содействием обеих частей 3.Д. и со своей стороны работают в контакте с ними; впредь до наискорейшего устранения современного ненормального положения, она поддерживает на равных основаниях деловые отношения с обеими на почве их позитивной партийной работы» [19. С. 11].

По всем этим пунктам было достигнуто единоегласное соглашение. Уже не довольствуясь этой победой, Чернов выдвинул дополнительное требование: чтобы съезд, а в его лице и Заграничная организация, признали право «Революционной России» оставаться и дальше центральным органом партии. Более того, Заграничная организация в этом случае не должна была создавать органа с похожими задачами, чтобы это не умалило положения «Революционной России». «Такого же нейтралитета, – гласила его формулировка, дополнявшая пункт седьмой соглашения, – Заграничная организация и ее органы придерживаются в споре между обеими частями 3. Д. по вопросам персонального состава “Революционной России”» [2. С. 147]. Дело в том, что после деления Заграничной делегации на меньшинство и большинство Слоним и Постников сложили с себя редакторские полномочия письмом от 7 февраля 1927 г. в результате конфликта с третьим членом коллегии В.М. Черновым.

Чернов категорически отказывался идти на съезд без соглашения по этому пункту. Слоним и Постников предлагали обсудить компромиссные формулировки этого соглашения, фактически удовлетворявшие всем запросам Чернова. Однако Чернов хотел, чтобы Заграничная организация выразила ему косвенное доверие в этом вопросе, не вынося его на обсуждение. Работа согласительной комиссии была прервана и не привела к желательному результату. Чернов и его последователи вышли из пражской группы и разорвали организационные связи с заграничной эсеровской организацией [2. С. 147–149]. Остальные члены партии решили провести съезд даже при отсутствии на нем группы Чернова.

В итоге II съезд заграничных организаций ПСР состоялся в Париже 29 апреля – 6 мая 1928 г. На нем присутствовали 22 делегата, представлявшие 119 членов местных групп (без В.М. Чернова и членов Заграничного Союза ПСР). В работе съезда участвовали такие известные деятели партии, как А.Ф. Керенский, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, В.В. Руднев, О.С. Минор, Е.Е. Лазарев, С.П. Постников. Единогласно был избран президиум в составе О.С. Минора, И.М. Брушвита, В.В. Руднева, С.П. Постникова и секретариат в составе С.Н. Николаева и М.В. Кобякова [20]. Удалось заслушать отчет Областного комитета (докладчик С.Н. Николаев); сообщение Заграничной делегации (С.П. Постников), причем докладчику пришлось оговориться, что оно делается не от Заграничной делегации как органа, а ввиду острого конфликта только от группы членов этого органа; о партийной работе заграничных организаций (докладчик Н.Д. Авксентьев).

После этого съезд погрузился в дебаты, неоднократно прерываясь на частные совещания и работу согласительной комиссии. Достичь реального соглашения заграничным эсерам в Париже не удалось. Фактически съезд увяз в решении организационных вопросов: запланированные доклады Е.А. Сталинского, В.В. Руднева, В.В. Сухомлина, посвященные важнейшим проблемам – социально-экономической политике ПСР, земельному вопросу, а также основным пунктам партийной платформы и тактики, – так и не были заслушаны. Делегаты, представлявшие различные партийные группировки, несмотря на декларируемые заявления о единстве, погрязли во взаимных претензиях. Как пражских, так и парижских эсеров объединяло лишь неприятие деятельности В.М. Чернова.

Резолюции съезда были опубликованы в газете «Дни» 9 мая 1928 г. Они сводились к следующему: «1. Съезд постановляет продлить полномочия Областного Комитета, избранного на первом (Пражском) Съезде Заграничной Организации Партии С.-Р. На срок до следующего Съезда. Заявление В.Я. Гуревича о его выбытии из состава Комитета принимается к сведению.

2. Съезд поручает Областному Комитету подготовить и созвать следующий Съезд Заграничной Организации Партии С.-Р.

3. Съезд единодушно осуждает поведение т.н. “Союза Социалистов-революционеров за границей”, возглавляемого В.М. Черновым.

Съезд не усматривает оснований партийно-общественного характера для откола от Заграничной Партийной Организации 10 человек в особый “Заграничный Союз Партии с.-р.”, самым категорическим образом протестует против попытки этой группы внести раскол и разложение в ряды единой Заграничной Организации Партии с.-р. и проходит мимо недопустимой кампании тех систематических искажений истины, которым эта группа пытается оправдать свой откол от Заграничной Организации П.-С.-р.

4. Констатируя, что “Революционная Россия”, превращенная в орган отколовшейся группы, является орудием дальнейшего разложения и распада Партии, Съезд Заграничной Организации Партии с.-р. отказывается видеть в “Революционной России” центральный орган Партии.

5. Съезд самым решительным образом осуждает В.М. Чернова и его группу за то, что они, нарушив партийные традиции и перешагнув пункт партийной программы о федерации, примкнули, без предварительного обсуждения вопроса Организацией Партии С.-Р., к “Социалистической Лиге Нового Востока”, задачи и деятельность которой направлены на расчленение России, мыслимой Съездом, как федерация народов.

Съезд солидаризируется с постановлением Исполнительного Комитета Рабочего Социалистического Интернационала, запрещающим Партиям Рабочего соц. Интернационала участвовать в Социалистической Лиге Нового Востока, равно как и с решением раб. Соц. Интернационала предложить Международному его Конгрессу запретить и персональное участие Членов Партий

Раб. Соц. Интернационала в международных объединениях, направление коих находится в противоречии с программой и тактикой Раб. Соц. Интернационала.

В виду этого Съезд полагает, что участие Членов Партии С.-Р. в подобном объединении совместно с представителями Организаций, враждебных Рабочему Социалистическому Интернационалу и ведущих против него ожесточенную борьбу, является совершенно недопустимым» [21].

Фактически делегаты продлили полномочия Областного комитета, осудили деятельность В.М. Чернова, а также отказали журналу «Революционная Россия» в праве именоваться центральным органом партии. Несмотря на столь скромные результаты, И.И. Фондаминский (в съезде участие не принимавший) в письме М.В. Вишняку 16 мая 1928 г. оптимистично заключал: «Философия съезда: несмотря на все наши “ереси”, мы значительно усилились – наша фракция была в значительном большинстве и у нас новые сторонники (Жаба, Скобцова, Кроль)» [22. С. 433]. Количество и особенно качество «новых сторонников» вряд ли можно считать серьезным подспорьем парижским эсерам – и С.П. Жаба, и особенно Е.Ю. Скобцова (в будущем монахиня Мария (известна как Мать Мария) стремительно эволюционировали в религиозную сферу.

Однако даже парижские эсеры, усиление которых констатировал Фондаминский, отнюдь не были монолитно едины, о чем свидетельствует деятельность группы А.Ф. Керенского, да и конфликты в редакции журнала «Современные записки», объединявшей правое крыло эсеровской эмиграции (В.В. Руднев, М.В. Вишняк, Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский). На одном из заседаний II съезда В.В. Сухомлин резко критиковал редакцию журнала: «Я не могу откровенно не сказать товарищам из “Современных Записок”, что то, что они ставят себе в заслугу – объединение и спасение русской культуры – то, что им ставится в заслугу эмигрантской печатью, нам кажется делом, стоящими на тысячу верст от Партии с.-р. Там объединены такие элементы, которые, конечно, имеют право на существование, но которые не имеют ничего общего с идеологией и политикой П.С.-Р.». И далее: «“Современных Записок” вышло 34 книги, и там пишут авторы различных политических построений, но я не могу не сделать упрека членами Партии С.-Р., состоящим в Редакции этого органа. В этом органе выявляется солидарность чуждых людей. Это явление формальное, но за ним не может не скрываться определенное идеологическое настроение. Есть какая-то глухота в сторону партийной жизни, в сторону социалистического общественного мнения и обостренный слух к консервативной части печати» [20]. Сомнения В.В. Сухомлина были вполне обоснованны, многие современные исследователи не склонны считать «Современные записки» эсеровским партийным журналом (несмотря на состав редколлегии), считая, что он скорее отражал в целом народническую традицию.

Как отмечает И.В. Чубыкин, «...итоги работы съезда продемонстрировали фактическое отсутствие за границей единой партийной организации. Состав-

ленный из представителей различных партийных течений, Областной комитет обнаружил полную недееспособность, не сумев наладить взаимодействие местных групп, большинство из которых, пройдя регистрацию в Заграничной делегации и Областном комитете, в дальнейшем ничем не проявили себя» [1]. Резолюции съезда были компромиссом, который фактически никого не устраивал и который не мог быть основой для дальнейшей работы.

Реакция В.М. Чернова на решения съезда была вполне предсказуема. В письме Н.С. Русанову из Праги 30 сентября 1928 г. он язвительно, но в целом вполне справедливо отмечал: «Вы уж, конечно, прочли в “Днях”, какими громами, да не из тучи, разразились против нас “взволнованные лоботрясы” уездного городка Парижска с примыкающими к нему пригородами. Я считаю, что лучших резолюций нам, с нашей точки зрения и в виду наших интересов, нечего и желать. Четыре года люди сидели по своим углам, сколько за это время воды утекло, сколько перемен и в России и во всем мире, а они съехались – и если бы не наш “Союз”, да не “Соц[иалистическая] лига”, им бы и говорить было не о чем. В четырех резолюциях с разных сторон ругали нас всех, ну, и меня, разумеется, в особицу, а больше из себя им и выжить было нечего» [23. С. 106]. Вплоть до 1933 г. в печати и личной переписке продолжалась ожесточенная полемика В.М. Чернова с оппонентами из различных эсеровских группировок.

Известный философ и педагог С.И. Гессен в письме из Праги М.В. Вишняку в Париж 13 июня 1928 г. делился впечатлениями о съезде: «То, что я слышал здесь, меня приводит в изумление: зачем Вы держитесь еще за связь свою с группой “Воли России”, продолжающей пребывать в тени Чернова? Зачем сохранять традицию, себя изжившую? Не правильнее ли образовать новую партию – *народно-социалистическую*, в духе развиваемой в “С[овременных] з[аписках]” идеологии? Я не зову Вас в старую н[ародно]-с[оциалистическую] партию, но я призываю объединиться по признаку единства убеждения и чувства всех тех, кто думает и чувствует одинаково – независимо от своего разного прошлого. Надо понять, что прошлое наших соц[иалистических] партий есть уже история. Надо строить заново и не бояться с этим прошлым по-рвать, когда оно является балластом!» [18. С. 133].

Парижский съезд стал последним форумом в истории партии социалистов-революционеров, где были представлены, пусть и не в полном объеме, различные течения в партии социалистов-революционеров. Дальнейшие попытки собрать зарубежных эсеров и наладить общепартийную работу оказались безуспешными. На конференции пражской группы ПСР 1931 г. И.А. Якушев отмечал, что «связь с Россией оборвалась, 3Д практически не существует, во всяком случае, общепартийной работы не ведет, отсутствует и центральный орган» [24. С. 4]. Угасает и издательская деятельность партии. Журнал «Революционная Россия» перестал выходить в Праге в 1931 г. (на № 77/78), «Воля России» и «Социалист-революционер» прекратили свое существование в 1932 г.

Только в Париже в 1933–1936 гг. группе эсеров под редакцией В.В. Руднева удалось выпустить шесть номеров журнала «Свобода».

Заключительным этапом существования эсеров была их деятельность при ежемесячном нью-йоркском журнале «За свободу» (1941–1948; № 1–18). Он выходил под редакцией В.М. Зензинова как «издание Нью-Йоркской группы Партии социалистов-революционеров». В группу входили эсеры, перебравшиеся из Европы: Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин, В.М. Чернов и др. Секретарем стал проживавший в США с 1920-х гг. А.И. Чернов. В первом номере, вышедшем в мае 1941 г., в передовице «Наши задачи» журнал характеризовался как партийный: «Мы – всего лишь маленький отряд, когда-то большой армии, б.м., единственная сейчас горсточка партийных эсеров, партийная организация социалистов-революционеров». Последний № 18 вышел в июле 1947 г. тиражом 2 000 экз. Издание журнала прекратилось из-за недостатка средств.

Символическим итогом деятельности российских социалистов в эмиграции стало известное совместное обращение «На пути к единой социалистической партии» 14 русских социалистов-эсеров и меньшевиков (Р. Абрамович, В. Александрова, П. Берлин, М. Вишняк, С. Волин, Ю. Денике, М. Джемс, В. Зензинов, Б. Николаевский, М. Хиной, В. Чернов, С. Шварц, Д. Шуб, Е. Юрьевский), в котором говорилось: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что «социализм» без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры о взаимоотношении между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое определение социализма» [25].

Расколы в среде послереволюционной эсеровской эмиграции имели российские корни. Речь идет как о самой природе партии социалистов-революционеров, отрицавшей жесткое организационное построение, так и о различном видении путей и методов построения социализма в России среди различных эсеровских группировок. В этой связи обоснованным представляется наблюдение К.Н. Морозова, что «сложись обстоятельства иначе и существовай партия эсеров в России на свободе, уже вскоре было бы, как минимум, две новые партии, возникшие на базе ПСР. Одна часть эсеров создала бы реформистскую социалистическую партию и заседала в парламенте и правительстве, пропагандируя приоритет национальных интересов над классовыми (а одними из ее главных лидеров были бы Н.Д. Авксентьев, Е.К. Брешко-Брешковская, А.А. Аргунов, И.И. Фондаминский, В.М. Зензинов). Другая, куда вошли бы левоцентристы и немало центристов <...> защищала бы интересы трудящихся всеми легальными способами» [26. С. 410]. Поэтому проблемой (а возможно, и трагедией) ПСР как политической партии стало то обстоятельство, что этот раскол произошел так поздно.

Во время революции и Гражданской войны необходимость подпольной работы и тесная связь партийных активистов с народом в определенной мере сглаживали центробежные тенденции (тем не менее в 1917 г. от ПСР откололись левые эсеры, а в 1919 г. – группа «Народ»). В условиях же эмиграции и исчезновения связи с последними группами социалистов-революционеров в Советской России, когда главным видом деятельности заграничных эсеров – помимо элементарного выживания – стала литературно-критическая, груз старых противоречий дал о себе знать в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чубыкин И.В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
2. Тикеев М.Д. Эсеровская эмиграция 20–30-х гг. XX в.: идейные основы и общественно-политическая деятельность : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
3. Кукушкина И.А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918–1922) // Русский исход : сб. ст. СПб., 2004. С. 79–105.
4. Антоненко Н.В. Организационная и идеологическая трансформация партии социалистов-революционеров в эмиграции // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып. 11 (67). С. 562–568.
5. Сафонов И.А. Социалисты-революционеры в эмиграции // Общественная мысль Русского зарубежья : Энциклопедия. М., 2009. С. 90–117.
6. White E. The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939. Milton Park, Abingdon, Oxon; N.Y. : Routledge, 2010. 208 p.
7. Местковский Д.А. Партия социалистов-революционеров в эмиграции в 1920-х годах. Пути возрождения организации: централизм или демократизм // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 44–55.
8. Суслов А.Ю. Эсеровская эмиграция о проблемах партийной истории (1920–1930-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 35–39.
9. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. Amsterdam, Stichting beheer IISG, 1989. 772 с.
10. Партия социалистов-революционеров : док. и материалы : в 3 т. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 3, ч. 2 : Октябрь 1917 г. – 1925 г. 1055 с.
11. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги : сб. докл. / сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М. : РОССПЭН, 2002. 1007 с.
12. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публ. подгот. А.П. Новиков и А.Ю. Суслов // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 3–26; № 9. С. 3–15; № 10. С. 3–14; № 11. С. 3–18; № 12. С. 3–19; 2015. № 1. С. 3–26; № 2. С. 3–15; № 3. С. 3–14; № 4. С. 3–17; № 5. С. 3–17.
13. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб. : СПб. ун-т культуры и искусств, 2004. 431 с.
14. Аврус А.И., Новиков А.П. От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В.М. Чернова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 300 с.
15. Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2015. 486 с.

16. Местковский Д.А. Идеи демократии и партийный централизм: к вопросу об организационных принципах в эсеровской эмиграции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4 (10) : в 3 ч. Ч. II. С. 117–122.
17. Революционная Россия. 1928. № 65.
18. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. Т. 3. М. : НЛЮ, 2013. 1016 с.
19. История одного раскола // Социалист-революционер. 1929. № 2.
20. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6108. Оп. 1. Д. 24.
21. Дни (Париж). 1928. 9 мая.
22. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. Т. 1. М. : НЛЮ, 2011. 952 с.
23. «Мы, русские – другие, мы созданы для испытаний». Письма В.М. Чернова. 1920–1941 / публ., вступ. ст., подгот. текста и ком. Г.В. Лобачевой, А.П. Новикова ; науч. ред. проф. И.Р. Плеве. Саратов : Изд-во Саратов. гос. техн. ун-та, 2014. 412 с.
24. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публ. подгот. А.П. Новиков и А.Ю. Суслов // Вопросы истории. 2015. № 4. С. 3–17.
25. Социалистический вестник. 1952. № 3.
26. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противостояния. М. : РОССПЭН, 2005. 736 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 апреля 2016 г.

IN SEARCH OF THE PARTY UNITY: THE SECOND CONGRESS OF FOREIGN ORGANIZATIONS OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY (PARIS, 1928)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 145–151.

DOI: 10.17223/15617793/409/24

Aleksei Yu. Suslov, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: plusha131333@yandex.ru

Keywords: socialists-revolutionaries; emigration; foreign delegation; socialism; conflict.

This article focuses on the organizational problems of the formation and the activity of the socialist-revolutionary emigration in the 1920s. The lack of a complete scientific history of the Socialist Revolutionary Party (SRP) in emigration is emphasized. The peculiarities of the socialist-revolutionary emigration, the establishment of various fractions, the conflicts and the contradictions are analyzed. Fundamentally, the materials of the party congresses and conferences of the socialists-revolutionaries abroad remain unknown to the basic mass of researchers. Several centers of the socialist-revolutionary emigration are formed. A relatively numerous group of the SRP functioned in Prague and Paris, smaller ones in Belgrade, London, New York and Harbin. In 1923, the first Congress of the foreign organizations of the SRP took place in Prague. As a result of the acute personal and ideological conflicts in 1926, the foreign delegation of the SRP split. V.M. Chernov and his group took control of the central organ of the party, the *Revolutionary Russia* journal. In this situation, the convocation of the Congress of foreign socialists-revolutionaries was an attempt to restore the unity of the party. In the end, the II Congress of the SRP foreign organizations was held in Paris on 29 April – 6 May 1928. 22 delegates representing 119 members of the local groups attended. The report of the Regional Committee, the message of the Foreign Delegation, a report on party work of the foreign organizations were delivered. Foreign socialists-revolutionaries failed to reach real agreements in Paris. In fact, the Congress got stuck in the organizational issues. In practice, the delegates extended the powers of the Regional Committee, condemned the activity of V.M. Chernov, and also denied the journal *Revolutionary Russia* the right to be called the central organ of the party. The Congress resolution was a compromise, which is actually unsatisfactory and could not be the basis for further work. V.M. Chernov reacted negatively to the decision of the Congress. The Paris Congress was the last forum in the SRP history, where different currents of the party were represented, though not completely. Further attempts to collect foreign socialists-revolutionaries and to establish the all-party work were not successful. The schisms in the post-revolutionary environment of the socialist-revolutionary emigration had Russian roots. It was about the nature of the SRP that denied a rigid organizational structure and about the different views on ways and methods of building socialism in Russia among the various revolutionary fractions. So, the problem of the SRP as a political party was the fact that this split happened so late. During the revolution and the civil war, the need for the underground work and the close relationship of the party activists with the people smoothed the centrifugal tendencies in some ways. In the conditions of emigration and loss of connections with the last groups of socialists-revolutionaries in Soviet Russia, when the main activity of foreign socialists-revolutionaries, beyond the basic survival, was literary-critical, the old contradictions manifested themselves in full.

REFERENCES

1. Chubykin, I.V. (1996) *Rossiyskie sotsialisty-revolutsionery v emigratsii (1920-e gody)* [Russian Socialist-Revolutionaries in exile (1920s)]. History Cand. Diss. Moscow.
2. Tikeev, M.D. (2004) *Eserovskaya emigratsiya 20–30-kh gg. XX v.: ideynye osnovy i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost'* [The SR emigration of the 1920s–1930s: ideological foundations and political activity]. History Cand. Diss. Moscow.
3. Kukushkina, I.A. (2004) Put' sotsialistov-revolutsionerov v emigratsiyu (1918–1922) [Path of the Socialist-Revolutionaries in exile (1918–1922)]. In: Mironova, E.A. (ed.) *Russkiy iskhod* [Russian exodus]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Antonenko, N.V. (2008) Organizatsionnaya i ideologicheskaya transformatsiya partii sotsialistov-revolutsionerov v emigratsii [The organizational and ideological transformation of the Socialist Revolutionary Party in exile] *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Series Humanities*. 11 (67). pp. 562–568.
5. Safonov, I.A. (2009) Sotsialisty-revolutsionery v emigratsii [The Socialist-Revolutionaries in emigration]. In: Zhuravlev, V.V. (ed.) *Obshchestvennaya mys' Russkogo zarubezh'ya: Entsiklopediya* [Public opinion of the Russian Diaspora: Encyclopedia]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
6. White, E. (2010) *The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
7. Mestkovskiy, D.A. (2012) The Party of socialists-revolutionaries in emigration in 1920s. The ways of revival of the organization: centralism or democracy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1 (21). pp. 44–55. (In Russian).

8. Suslov, A.Yu. (2015) Socialist-revolutionary emigration about the problems of the party history (1920-1930s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (38). pp. 35–39. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/38/6
9. Jansen, M. (1989) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov posle oktyabr'skogo perevorota 1917 goda.: Dokumenty iz arkhiva P. S.-R.* [The Socialist-Revolutionary Party after the October Revolution of 1917: The documents from the archives of the SRP]. Amsterdam, Stichting beheer IISG.
10. Erofeev, N.D. (2000) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov: dok. i materialy: v 3 t.* [The Socialist-Revolutionary Party documents and materials: in 3 vols]. Vol. 3. Pt. 2. Moscow: ROSSPEN.
11. Krasil'nikov, S.A., Morozov, K.N. & Chubykin, I.V. (2002) *Sudebnyy protsess nad sotsialistami-revolutsionerami (iyun' – avgust 1922 g.): Podgotovka. Provedenie. Itogi* [The trial of the Socialist-Revolutionaries (June – August 1922): Preparation. Conducting. Results]. Moscow: ROSSPEN.
12. Novikov, A.P. & Suslov, A.Yu. (2014) Konferentsiya Prazhskoy gruppy partii sotsialistov-revolutsionerov 1931 g. [The Conference of the Prague group of the Socialist Revolutionary Party of 1931]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 3–26.
13. Bazanov, P.N. (2004) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988 gg.)* [Publishing activities of political organizations of Russian emigration (1917–1988)]. St. Petersburg: St. Petersburg University of Culture and Arts.
14. Avrus, A.I. & Novikov, A.P. (2013) *Ot Khvalynska do N'yu-Yorka: zhizn' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' V.M. Chernova* [From Khvalynsk to New York: life and political activity of V.M. Chernov]. Saratov: Saratov State University.
15. Immonen, J. (2015) *Mechty o novoy Rossii. Viktor Chernov (1873–1952)* [Dreams of a new Russia. Viktor Chernov (1873–1952)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
16. Mestkovskiy, D.A. (2011) Idei demokratii i partiynyy tsentralizm: k voprosu ob organizatsionnykh printsipakh v eserovskoy emigratsii [The ideas of democracy and centralism of the party: the question of the organizational principles in the SR emigration]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 4 (10):II. pp. 117–122.
17. *Revolutsionnaya Rossiya*. (1928) 65.
18. Korostelev, O. & Shrubba, M. (eds) (2013) “*Sovremennye zapiski*” (Parizh, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii* [“Contemporary Annals” (Paris, 1920–1940). From the archive of the editors]. Vol. 3. Moscow: NLO.
19. Sotsialist-revolutsioner. (1929) Istoriya odnogo raskola [The story of a split]. *Sotsialist-revolutsioner*. 2.
20. State Archive of the Russian Federation. Fund R-6108. List 1. File 24. (In Russian).
21. *Dni*. (1928) 9 May.
22. Korostelev, O. & Shrubba, M. (eds) (2011) “*Sovremennye zapiski*” (Parizh, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii* [“Contemporary Annals” (Paris, 1920–1940). From the archive of the editors]. Vol. 1. Moscow: NLO.
23. Pleve, I.R. (ed.) (2014) “*My, russkie – drugie, my sozdany dlya ispytaniy*”. *Pis'ma V.M. Chernova. 1920–1941* [“We, Russians, are different, we were made for challenges.” Letters of V.M. Chernov. 1920–1941]. Saratov: Saratov State Technical University.
24. Novikov, A.P. & Suslov, A.Yu. (2015) Konferentsiya Prazhskoy gruppy partii sotsialistov-revolutsionerov 1931 g. [The Conference of the Prague group of the Socialist Revolutionary Party in 1931]. *Voprosy istorii*. 4. pp. 3–17.
25. *Sotsialisticheskiy vestnik*. (1952) 3.
26. Morozov, K.N. (2005) *Sudebnyy protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The trial of the Socialist-Revolutionaries and jail opposition (1922–1926): ethics and tactics of warfare]. Moscow: ROSSPEN.

Received: 28 April 2016

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, ПРОЦЕССЫ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ В АЗИИ И ПЛАН КОЛОМБО (1945–1951 гг.)

Рассматривается малоизвестный в отечественной историографии сюжет, связанный с созданием организации «План Коломбо». С инициативой такой структуры выступила Индия, идею которой поддержала и развила Британия, стремившаяся в условиях начавшихся после Второй мировой войны процессов деколонизации в Азии не допустить ослабления отношений с территориями внутри Содружества. Также показаны попытки Лондона подключить к участию в Плане США, проявивших заинтересованность в нем в условиях холодной войны.

Ключевые слова: Великобритания; деколонизация; План Коломбо; США; холодная война.

На парламентских выборах в Соединенном Королевстве в июле 1945 г. убедительную победу одержала Лейбористская партия во главе с К. Эттли. Новому правительству пришлось не только заниматься решением вопросов, связанных с хозяйственным восстановлением страны, но и отвечать на серьезные вызовы в колониальной сфере.

По своим экономическим возможностям Великобритания уже не могла осуществлять прежние обязательства в имперской сфере в полном объеме. За годы войны внешний долг страны увеличился на 3 млрд ф. ст., потери зарубежных активов составили более 1 млрд ф. ст., существенными были потери военного и торгового флотов [1. С. 21]. Трижды – в 1945, 1947 и 1949 гг. – Великобритания прибегла к крупным займам у своего заокеанского партнера США.

В условиях финансового ослабления и в связи с мощным всплеском национально-освободительного движения британское правительство было вынуждено принять решение об уходе с некоторых подконтрольных стране территорий. Речь, прежде всего, шла о регионе Ближнего и Среднего Востока и Азии.

В 1947 г. кабинет К. Эттли передал на рассмотрение ООН палестинский вопрос, и в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН территория подмандатной Палестины была разделена на два государства. Однако лидеры палестинских арабов выступили против этой резолюции, в то время как международная сионистская организация Еврейское агентство ее поддержало. На спорной территории возникли вооруженные столкновения между арабами и евреями. В 1948 г. было создано государство Израиль. Однако ввиду продолжавшихся военных столкновений, получивших название первой арабо-израильской войны 1947–1949 гг., палестинский вопрос вплоть до сегодняшнего дня стоит в повестке дня мировой политики.

В 1947 г. скованное в средствах британское правительство также решило подключить Соединенные Штаты к выполнению своих обязательств в отношении Греции и Турции. В марте на свет появилась Доктрина Трумэна, согласно которой Анкара и Афины получили помощь в размере 400 млн долл.

В Азии в том же году произошло этапное событие – была предоставлена независимость самой крупной британской колонии – Индии, на месте которой появились две республики – Индия и Пакистан. Од-

нако «яблоком раздора» в отношениях двух новых государств стали вошедшие в состав Индии княжества Джамму и Кашмир, преимущественно мусульманские по составу населения. «Кашмирская проблема» до сих пор осложняет отношения двух стран.

Еще одной «долгоиграющей» проблемой в азиатских владениях Великобритании стала Малайя. Во время Второй мировой войны эта территория была оккупирована японскими войсками, и в ней развернулось мощное освободительное движение против захватчиков, после войны трансформировавшееся в антибританскую борьбу. Соппротивление малайцев контролю метрополии будет продолжаться с 1948 до 1960 г.

В 1947 г. по следам произошедших изменений Министерство по делам доминионов было переименовано в Министерство по делам Содружества. Цепная реакция была запущена, и в 1948 г. суверенный статус обрели Бирма и остров Цейлон (Шри-Ланка). Все территории, за исключением Бирманской республики, вошли в состав Содружества. Эта организация в связи с вхождением в нее стран с республиканской формой правления перестала именоваться Британским Содружеством, в политический и научный обиход постепенно входят два новых термина: «Старое» и «Новое Содружество». Под «Старым Содружеством» понимают территории, вошедшие в состав организации на момент ее создания в 1931 г., – Австрию, Южно-Африканский Союз, Канаду, Новую Зеландию, остров Ньюфаундленд и Республику Ирландия. Последняя в 1948 г. вышла из состава организации, членство в которой носило добровольный характер. Под «Новым Содружеством» подразумеваются страны, которые пополнили организацию после Второй мировой войны.

Содружество, которое в Британии воспринимали и позиционировали как «уникальную ассоциацию», не могло стать равноценной заменой империи. В Лондоне хорошо понимали, что следует искать дополнительные способы укрепления отношений с обретшими независимость странами. Одним из таких средств по-прежнему выступала система имперских преференций, созданная в 1932 г. в условиях мирового экономического кризиса. Система представляла собой замкнутый взаимовыгодный торгово-экономический блок, внутри которого по сниженным ценам в метрополию ввозились сырье и продовольствие и, наоборот, из Великобритании в доминионы направлялись

промышленные товары. После Второй мировой войны началась эрозия этой системы – доминионы все больше переориентировались на рынки соседних государств, например, Канада, Австралия и Новая Зеландия проявили большую заинтересованность в развитии торговых отношений с Соединенными Штатами, которые, свою очередь, стремились оттеснить британские товары с рынков указанных стран. Тем не менее имперские преференции в первые послевоенные годы по-прежнему сохраняли значение в торговле внутри Содружества.

Другим способом укрепления отношений со странами Содружества и империи стал Акт о британском гражданстве 1948 г., облегчавший мобильность британских подданных внутри империи и Содружества. Для всех граждан колоний и Содружества подтверждался свободный въезд на территорию Соединенного Королевства, в будущем приведший к наплыву иммигрантов из бедных колоний Вест-Индии и выходцев из Индии и Пакистана.

Еще одним важным инструментом усиления связей между метрополией и колониями стала предтеча современной политики развития Европейского союза – политика колониального развития. В июле 1940 г. парламент Великобритании принял Акт колониального развития и благосостояния. Главной целью закона провозглашались защита и содействие интересам жителей колоний. Этот закон отражал попытки Министерства по делам колоний сделать упор на содействие социальному благосостоянию колоний посредством развития системы образования и сферы социальных услуг. По этому закону выделялось 5 млн ф. ст. в год на развитие колоний и 500 тыс. в год на проведение исследовательских работ в течение 10 лет [2. Р. 21]. Как отмечает Г.С. Остапенко, в содержании Акта присутствовала «утопическая мечта» – в законе реализация всех приоритетных задач возлагалась на «хорошее колониальное правление» [3. С. 45]. Однако в действительности колонии стремились не к улучшению системы управления ими, а к ее отмене.

Большое значение для пересмотра системы колониального управления имело создание ООН. Устав этой организации, принятый в конце июня 1945 г., предусматривал, что ее участники, «которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и, как священный долг, принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом» (Глава 11, Статья 73) [4].

Эти установки соответствовали общей риторике британских политиков периода войны и послевоенного времени, когда особое внимание стало уделяться политике развития как инструменту удержания зависимых территорий в орбите своего влияния.

Безусловным новшеством колониальной политики стал пересмотр системы опеки. Лейбористское руководство сделало акцент на функциях метрополии как

регулятора социальных изменений в зависимых территориях и отказалось от мысли о «естественном прогрессе» колоний. Был взят курс на развитие территорий с целью улучшения системы образования и демократизации политической жизни колоний посредством внедрения элементов Вестминстерской модели [3. С. 51].

В апреле 1945 г. был принят обновленный Акт колониального развития и благосостояния сроком на десять лет. Этот закон, вступавший в силу с марта 1946 г., предусматривал финансирование развития колониальных территорий на сумму 120 млн ф.ст. и стал первым в серии поправок к Акту 1940 г. [5. Р. 6; 6]. Документ был преподнесен общественности как «революция» в идеях Британии о колониальном развитии, которая изменит социальный и экономический облик колоний [7. Р. 21–22]. К поиску нового формата взаимоотношений с колониями метрополию подталкивали и внутривнутриполитические факторы: в декабре 1942 г. был опубликован уже упомянутый доклад Бевериджа, предполагавший разработку новой социальной доктрины не только в метрополии, но и на зависимых территориях.

Увеличению расходов на помощь колониям способствовала и утвердившаяся в стране кейнсианская модель. Идея британского экономиста Дж.М. Кейнса о необходимости вмешательства в экономику нашла широкую поддержку в стране. Британские политические круги, с большим интересом относившиеся к опыту «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта 1930-х гг., считали возможным применить кейнсианские идеи к имперской сфере и сделать государство посредником или выразителем реформ в колониях. После войны Министерство по делам колоний считало возможным в условиях наметившегося в годы войны консенсуса двух партий по вопросам внутренней политики инициировать ряд преобразований в колониальной сфере.

Безусловным новшеством Акта 1945 г. стало выделение 500 тыс. ф. ст. ежегодно на проведение «исследований». Эта формулировка подразумевала создание специального государственного фонда для финансирования разного рода научных программ, в том числе антропологических исследований в Африке, направленных на изучение самых разных аспектов жизни африканских обществ и проблем колониальных территорий. В рамках этого направления выделялись также средства на создание региональных институтов, индивидуальные стажировки в Африку для студентов и аспирантов и другие формы научного изучения колониальных обществ. Тем самым Акт 1945 г. закладывал основы новых подходов в британской антропологии и социологии в отношении колониальных обществ, обозначив начало отхода от их рассмотрения как примитивных народов [8. Р. 70–71].

В ходе дебатов по Акту 1945 г. депутаты палаты общин высказали идею о создании комитета в составе бизнесменов, «имеющих заморские интересы» для разработки рекомендаций правительству при осуществлении колониальной политики. Однако эти предложения были отклонены тогдашним правитель-

ством У. Черчилля. Идея, тем не менее, была взята на вооружение новым кабинетом министров под руководством лейбористов. Заместитель министра по делам колоний А. Крич Джонс считал целесообразным создание небольшого по составу, но с большими полномочиями комитета для координации работы существующих комитетов в колониальной сфере и выработке рекомендаций по соблюдению правильного баланса между экономическими и социальными аспектами колониального развития. В сентябре 1946 г. в рамках кабинета был создан Совет развития и колониальной экономики [5. Р. 38–42].

В феврале 1950 г. в Коломбо на острове Цейлон состоялась конференция министров иностранных дел стран Содружества. С инициативой такой встречи выступила Индия годом ранее, и Лондон охотно поддерживал эту инициативу по своим соображениям. Правительство К. Эттли рассчитывало на укрепление отношений с недавними колониями и доминионами в формате Содружества посредством увеличения расходов на азиатские территории по Акту о развитии и благосостоянии 1945 г.

Глава Форин оффис высоко оценивал итоги прошедшей конференции, рассматривая их как начало сотрудничества «между Востоком и Западом через Содружество» [9. Р. 141–142]. В ходе встречи ее участники, по его мнению, выразили «знаменательное единство взглядов на угрозу коммунизма и необходимость улучшения стандартов жизни и социального обеспечения народов Южной и Юго-Восточной Азии для того, чтобы эффективно бороться с коммунистической угрозой». В итоговом меморандуме Э. Бевин отмечал, что встреча позволила провести «обмен взглядами по международным делам» и начать выработку «рекомендаций правительствам по экономическому развитию в Южной и Юго-Восточной Азии» [Там же. Р. 141].

В мае 1950 г. в Сиднее состоялась первая встреча Консультативного комитета, созданного с целью координации действий участников в рамках Плана Коломбо. На заседании Комитета присутствовали все участники Содружества, за исключением Южно-Африканского Союза, географически отдаленного от охвата Плана, ориентированного в первую очередь на Индийский субконтинент. Тем не менее представители ЮАС выразили желание быть информированными обо всех деталях реализации плана.

На майской встрече Комитета было принято решение о подготовке каждой страной программы развития, рассчитанной на шесть лет. Также на встрече было принято решение о выделении финансовой помощи на проекты в области технического сотрудничества в размере 8 млн ф. ст. в следующие три года начиная с 1 июля 1950 г., из которых вклад Соединенного Королевства должен был составлять 2,8 млн ф. ст. [10].

Таким образом, суть Плана Коломбо сводилась к двум взаимосвязанным элементам. Первый представлял собой курс на осуществление программ технического и образовательного сотрудничества государств-участников [11. Р. 354]; второй элемент плана – широкую программу экономического развития, в том числе финансирование инфраструктурных проектов

(строительство дорог, железных дорог, проведение ирригационных и других работ).

В сентябре 1950 г. в Лондоне прошла вторая встреча Консультативного Комитета, на которой присутствовали представители от Австралии, Канады, Цейлона, Индии, Новой Зеландии, Пакистана, Соединенного Королевства и британских колоний в этом районе, Камбоджи, Лаоса, Вьетнама. Правительство Таиланда направило своих представителей уже в ходе встречи в начале октября. В качестве наблюдателей присутствовали делегаты от не вошедшей в состав Содружества Бирмы и Индонезии. По итогам этой встречи в ноябре был опубликован доклад в форме Белой книги. В ней вдобавок к общим целям Плана содержались детали осуществления уже сформированных программ развития Индии, Пакистана, Цейлона, Федерации Малайя, Сингапура, Северного Борнео и Саравака.

Участники конференции также решили не прибегать к поддержке Организации Европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), как первоначально предлагало правительство К. Эттли, а выстраивать помощь на двусторонней основе между донором и правительством-реципиентом. Такая формула была связана с тем, что в случае «привязки» плана к ОЕЭС, в которой лидирующие позиции занимала Великобритания, финансовая сторона вопроса также ложилась бы на плечи Лондона. На фоне продолжающегося ослабления фунта стерлингов и в условиях роста военных расходов в связи с участием в Корейской войне, правительство К. Эттли уже не было заинтересовано в такой модели.

Общая стоимость всех программ развития оценивалась в 1,868 млн ф. ст., из которых 1,084 млн ф. ст. предполагалось привлечь в форме внешнего капитала. В связи с таким механизмом действия Плана в Лондоне рассчитывали на привлечение Правительства Соединенных Штатов к участию в вырисовывающейся организации Коломбо. Только США, считало британское правительство, могли «заполнить пробел между общей потребностью во внешней помощи и суммами, которые страны – доноры Содружества могли предложить» [10].

Непосредственно вклад Соединенного Королевства в реализацию плана, по заявлению министра финансов, должен был составить 330 млн ф. ст. на шесть лет. Эти средства предполагалось добыть за счет фондов Акта колониального развития и благосостояния 1945 г. и использования стерлинговых активов.

Однако озвучены эти цифры на конференции были как предварительные в частном порядке, и только в ноябре 1950 г. в палате общин Х. Гейтскелл официально озвучил выработанный на конференции доклад Консультативного комитета Содружества по Плану Коломбо для экономического сотрудничества с целью развития стран Южной и Юго-Восточной Азии. Другое, более популярное, по мнению министра финансов, название доклада – «Новые горизонты на Востоке».

Х. Гейтскелл заявил о том, что правительство планирует направить в рамках Плана Коломбо 300 млн ф. ст. странам Содружества и еще 30 млн колониям и про-

текторатам в Юго-Восточной Азии вдобавок к уже обещанным 2,8 млн ф. ст. [12].

Эти планы лейбористов вызвали критику Консервативной партии. Один из депутатов тори К. Осборн поинтересовался у министра финансов, не приведут ли такие серьезные обязательства по улучшению стандартов жизни в других странах к «снижению уровня жизни» в самой Британии. Х. Гейтскелл заявил о том, что частично эти расходы будут произведены за счет остатков положительного стерлингового сальдо, однако признал, что при таком развитии событий расходы все же лягут «бременем на нашу экономику», и, следовательно, «мы должны стремиться к увеличению финансовой прибыли для выполнения своих обязательств» [Там же].

А. Иден в свою очередь допытывался у главы Казначейства, какая доля от этой суммы покрывается Актом о колониальном развитии и благосостоянии 1945 г., а какая часть – это «новые деньги». Х. Гейтскелл ушел от ответа, заявив, что отдельные детали плана находятся на стадии «доработки», и рекомендовал консерваторам «прочитать принятый на конференции Доклад». Один из парламентариев-тори поинтересовался также о позиции США по этому вопросу. Гейтскелл указал, что Вашингтон проинформирован о Плате Коломбо и правительство ожидает его реакции.

Белый дом первоначально без большого энтузиазма воспринял идею участия в Плате. В течение первой половины 1950 г. Лондон настойчиво пытался убедить заокеанского партнера в целесообразности его участия в оказании помощи странам Юго-Восточной Азии, сделав акцент на том, что вдобавок к мерам краткосрочного характера по борьбе с коммунизмом требуется долгосрочная программа для стабилизации ситуации в регионе.

Успеху дипломатических усилий Великобритании способствовала начавшаяся в июне Корейская война. США приняли решение о полноценном присоединении к Плате Коломбо с 1951 г. с целью «укрепить ресурсную составляющую организации» [13. Р. 213–214].

В феврале 1951 г. уже с участием США в Коломбо состоялась очередная встреча Консультативного комитета. На этой третьей конференции Комитет выработал рекомендации правительствам стран-участниц о будущей процедуре для продолжения взаимных консультаций и механизме выполнении плана. На встрече кроме семи стран Содружества (Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Пакистан и Шри-Ланка) и США в качестве участника присутствовал Вьетнам, как наблюдатели – Бирма, Индонезия, Филиппины и Таиланд. Приглашение к участию было также направлено Международному банку реконструкции и развития (МБРР).

США по итогам обсуждений согласились выделить 237 млн долл. на помощь странам Юго-Восточной Азии (включая Формозу) в рамках двусторонних Программ безопасности вместо первоначально обещанной ими суммы в 375 млн долл. Кроме этого, МБРР согласился предоставить Индии 60 млн долл., аналогичную сумму Пакистану и 25 млн долл. Таиланду [10].

Эти суммы были меньше тех, на которые рассчитывало правительство К. Эттли, однако остроту проблемы внешних займов для реализации Плана, несомненно, удалось снизить. Кроме США в 1951 г. к Плате Коломбо присоединился Лаос, в 1952 г. – Непал и Мьянма, в 1953 г. организацию пополнила Индонезия. Позднее к Плате присоединились Япония, Таиланд и Малайзия. В настоящее время организация насчитывает 27 государств.

Пришедшие к власти консерваторы в 1951 г. продолжили политику лейбористов по укреплению связей со странами Содружества посредством Плана Коломбо. Однако, с одной стороны, финансовые сложности Великобритании не позволяли существенно расширять объемы помощи азиатским странам, с другой стороны, внимание британских консерваторов в 1950-е гг. было переключено на развернувшиеся процессы деколонизации в Африке, ставшей наряду с Азиатским регионом полем соперничества двух сверхдержав в холодной войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пелипас М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003.
2. British Aid-5. Colonial Development. A factual Survey of the origins and history of British aid to developing countries. Overseas Development Institute. 1964. P. 21. URL: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/8077.pdf>
3. Остапенко Г.С. Британские модель деколонизации // Россия и Британия. М., 2000. Вып. 2.
4. Устав ООН. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
5. British Aid-5. Colonial Development. A factual Survey of the origins and history of British aid to developing countries. Overseas Development Institute. 1964. URL: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/8077.pdf>
6. What were protectorates, protected states, mandated territories and trust territories? URL: http://findlaw.co.uk/law/immigration_emigration/citizenship/30883.html
7. Godman J. Centuries of Human Progress Compressed into a Single Decade: Achievements Made Possible by Britain's Colonial Development and Welfare Act. // World Affairs. Spring 1957. Vol. 120, No. 1.
8. Mills D. Difficult Folk? A Political History of Social Anthropology. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2010.
9. British Documents on the End of Empire (BDEE). Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945–1951. Part II. Economics and International Relations / ed. by R. Hyam. L., 1992.
10. National Archives of the United Kingdom. Cabinet Papers (CAB). CAB 129-48. Colombo Plan. 20th December 1951. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-129-48.pdf>
11. Encyclopedia of Developing World / ed. by T.M. Leonard. L. ; N.Y., 2006. Vol. I.
12. Hansard. Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. Asia. (Commonwealth Economic Plan). 28 November 1950. Col. 950–952. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1950/nov/28/asia-commonwealth-economic-plan>
13. Remme T. Britain and Regional Cooperation in South-East Asia, 1945–1949. PhD in International History, London School of Economics. 1990. URL: <http://etheses.lse.ac.uk/1138/1/U048287.pdf>

Статья представлена научной редакцией «История» 1 июня 2016 г.

GREAT BRITAIN, DECOLONIZATION IN ASIA AND THE COLOMBO PLAN (1945–1951)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 152–156.

DOI: 10.17223/15617793/409/25

Elena V. Khakhalkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Keywords: Great Britain; Decolonization; the Colombo Plan; the United States; the Cold War.

After World War II, European metropolises were forced to go the way to decolonization. Processes of the collapses of European empires were caused by a surge of the national-liberation movement in the colonies during and after the war, an increase of the influence of the world's public opinion and the anti-colonial activities of the United Nations established in 1945. The Cabinet of Clement Attlee, which came to power in 1945, headed for a withdrawal from some territories of the British Empire. The article is devoted to a little-known episode in the Russian historiography connected with the establishment of the Organization of the Colombo Plan. The initiative to institute such a structure was initially sounded in India, and Britain supported and developed the Indian idea. The British governmental circles in the circumstances of decolonization processes in Asia after World War II sought to prevent the collapse of relations with the dominions and colonies that became independent. In 1947, the largest British colony in Asia, India, gained independence and two conflicting republics, India and Pakistan, appeared. In 1948, Burma and Ceylon became sovereign states. In 1947, the Attlee Cabinet handed the Palestinian question to the UN. In February 1950, a conference of foreign affairs ministers of the Commonwealth countries was held in Colombo, Ceylon. India made an initiative for such a meeting a year earlier, London willingly supported this initiative on its grounds. The Attlee Government hoped to strengthen relations with the recent colonies and dominions in the Commonwealth format by increasing spending on Asian territories under the Colonial Development and Welfare Act 1945. London also made a lot of diplomatic efforts to convince the United States in the necessity of their participation in the Colombo Plan. The White House expressed interest in the Plan after the start of the Korean War on 25 June 1950. US officially joined the Colombo Plan of the organization in 1951. The essence of the Colombo Plan included two related elements. The first was a course for the implementation of programs of technical and educational cooperation of the member states. The second element of the plan was a broad program of economic development, including the financing of infrastructure projects (roads, railways, irrigation and other activities). In 1951, Conservatives came to power and continued the Labor policy of strengthening ties with the Commonwealth through the Colombo Plan. However, on the one hand, the financial problems of the United Kingdom did not allow to significantly expand the amount of aid to Asian countries, on the other hand, the attention of the British Conservatives in the 1950s was switched to the unfolding decolonization processes in Africa, which became a field of rivalry, along with the Asian region, of two superpowers in the Cold War.

REFERENCES

1. Pelipas', M.Ya. (2003) *Skovannyye odnoy tsep'y: SShA i Velikobritaniya na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945–1956 gg.* [Chained: the United States and Great Britain in the Middle East in 1945–1956]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Overseas Development Institute. (1964) *British Aid-5. Colonial Development. A factual Survey of the origins and history of British aid to developing countries.* p. 21. [Online] Available from: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/8077.pdf>.
3. Ostapenko, G.S. (2000) Britanskaya model' dekolonizatsii [British decolonization model]. In: Trukhanovskiy, V.G. (ed.) *Rossiya i Britaniya. Chteniya pamyati Erofeeva N.A.* [Russia and Britain. Readings in memory of Yerofeyev N.A.]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
4. UN Charter. [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>. (In Russian).
5. Overseas Development Institute. (1964) *British Aid-5. Colonial Development. A factual Survey of the origins and history of British aid to developing countries.* [Online] Available from: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/8077.pdf>.
6. Findlaw.co.uk. (n.d.) *What were protectorates, protected states, mandated territories and trust territories?* [Online] Available from: http://findlaw.co.uk/law/immigration_emigration/citizenship/30883.html.
7. Godman, J. (1957) Centuries of Human Progress Compressed into a Single Decade: Achievements Made Possible by Britain's Colonial Development and Welfare Act. *World Affairs*. 120:1.
8. Mills, D. (2010) *Difficult Folk? A Political History of Social Anthropology*. New York; Oxford: Basic Books.
9. Hyam, R. (ed.) (1992) *British Documents on the End of Empire (BDEE)*. Series A. Vol. 2. Part II. London: HMSO.
10. National Archives of the United Kingdom. Cabinet Papers (CAB). *CAB 129-48. Colombo Plan. 20th December 1951.* [Online] Available from: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-129-48.pdf>.
11. Leonard, T.M. (ed.) (2006) *Encyclopedia of Developing World*. Vol. 1. London; New York: Routledge.
12. Hansard. (1950) *Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. Asia. (Commonwealth Economic Plan)*. 28 November 1950. Col. 950–952. [Online] Available from: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1950/nov/28/asia-commonwealth-economic-plan>.
13. Remme, T. (1990) *Britain and Regional Cooperation in South-East Asia, 1945–1949*. PhD in International History, London School of Economics. [Online] Available from: <http://etheses.lse.ac.uk/1138/1/U048287.pdf>.

Received: 01 June 2016

И.П. КУЗНЕЦОВ-КРАСНОЯРСКИЙ – ИСТОРИК И МУЗЕЕВЕД

Выявляется вклад И.П. Кузнецова-Красноярского в изучение Сибири. Показано, как по примеру отца, красноярского золотопромышленника П.И. Кузнецова, он коллекционировал предметы археологии, этнографии, сибирской повседневности, старинные документы и безвозмездно передавал их в фонды Археологического музея Императорского Томского университета. Освещен богатый опыт музеографических и археографических работ И.П. Кузнецова, представлена его концепция истории Сибири как неотъемлемой части России.

Ключевые слова: И.П. Кузнецов-Красноярский; сибирские исследования; музеография; археография.

Иннокентий Петрович Кузнецов, известный также как Кузнецов-Красноярский, не обделен вниманием исследователей. Его деятельность как археолога, археографа и коллекционера коротко освещена в некоторых монографиях и в наибольшей мере – в статьях, опубликованных в научных сборниках и энциклопедиях начиная от «Сибирской советской энциклопедии» и завершая «Энциклопедическим словарем по истории купечества и коммерции в Сибири» [1; 2. С. 59–60; 3–8; 9. С. 290–291]. Однако в силу краткости имеющихся публикаций многое в его работах до сих пор практически неизвестно. Считаем, что разнообразное и плодотворное участие И.П. Кузнецова в изучении Сибири требует более внимательного рассмотрения и развернутого исследования.

Выходец из богатейшей семьи сибирских золотопромышленников, славившейся своими пожертвованиями на церковные нужды, благотворительность, образование, Иннокентий Кузнецов с детства был свидетелем заинтересованности в культуре и истории. В доме Кузнецовых в Красноярске бывали самые образованные в те времена сибиряки – ссыльные декабристы и поляки, в нем устраивались вечера, обсуждались новинки литературы, звучала музыка. Глава семьи, купец 1-й гильдии П.И. Кузнецов, состоял членом Императорского Русского географического общества и его Восточно-Сибирского отдела. В 1854 г. он участвовал в Амурской экспедиции, организованной генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым; собирал коллекции сибирских древностей и впоследствии передал их в Иркутский и Минусинский музеи [10. С. 1]. П.И. Кузнецов широко известен тем, что оплачивал обучение в Императорской Академии художеств красноярского уроженца Василия Сурикова. Ставший виднейшим русским художником, В.И. Суриков поддерживал дружеские отношения с Кузнецовыми, гостил на их даче в верховьях Енисея [3. С. 36–37].

Пять сыновей П.И. Кузнецова продолжили дело отца и внесли свой вклад в сибирскую культуру: оказывали финансовую поддержку Императорскому Томскому университету и его библиотеке, Минусинскому городскому музею. По завещанию скончавшегося в 1886 г. Льва Петровича Кузнецова, в Томском университете были учреждены студенческие стипендии, а также премия «за лучшие печатные сочинения» по истории, антропологии и социологии Сибири [11. Л. 1, 24]. Премия имени Л.П. Кузнецова присуждалась

Томским университетом в продолжение 1903–1918 гг. с периодичностью раз в два года, ее лауреатами были видные исследователи – П.М. Головачев, С.М. Чугунов, М.И. Боголепов, М.Н. Соболев, С.И. Руденко и др. [12. С. 132–133].

Под влиянием отца Иннокентий Кузнецов занялся коллекционированием и позже писал об этом так: «Видя с ранней молодости у нас в доме разные древние предметы, впоследствии я начал заниматься собиранием местных древностей» [10. С. 1]. Систематического профессионального образования Кузнецов не имел. Известно, что он учился в частной гимназии Келлера в Петербурге, но полного курса не окончил. С августа 1888 г. по январь 1891 г., уже в достаточно зрелом возрасте (он родился в 1851 г.), состоял в числе «посторонних слушателей» медицинского факультета Императорского Томского университета [13. Л. 3, 13]. Недостаток образования И.П. Кузнецов активно восполнял самообразованием, много путешествовал, хорошо знал русскую и зарубежную историческую литературу (что видно из его работ). Он остро ощущал отсутствие нужного количества специальной литературы: «...Работать нам приходится в Сибири, где вообще весьма мало библиотек, заключающих в себе сочинения о Сибири, Средней Азии и Китае. Даже библиотека Томского университета не имеет многих сочинений об Азии». И прибавлял, опираясь на свой собственный опыт: «Иной раз бывает крайне необходимо приобрести какие-нибудь книги, и их нет возможности достать не только в России, а даже и за границей, потому что издания эти сделались ныне библиографической редкостью, как, например, сочинения Абель-Ремюза, Клапрота, Дегиня, Страленберга и многих других» [14. С. 1].

В Сибири И.П. Кузнецов все же сначала стал известен как жертвователю на нужды культуры и образования. Он состоял почетным блюстителем Аскызского инородческого училища, приобрел для него деревянный дом с земельным участком. Одновременно был назначен почетным смотрителем Красноярского уездного училища и за большие пожертвования в его пользу в 1887 г. был награжден серебряной медалью на станиславской ленте [13. Л. 3]. Характерно, что в 1874 г. Г.Н. Потанин сообщал в письме к Н.М. Ядринцеву о некоем Кузнецове и о том, что тот мог бы дать деньги на издание Камско-волжской газеты, с которой Потанин тогда сотрудничал. При этом спрашивал: «Кто такой Иннокентий Кузнецов? Моя жена

догадывается, что это Шушляев. Так ли?» [15. С. 86, 98]. Впоследствии Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев ближе узнали Кузнецова, общались с ним как с членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, как с одним из разработчиков программы Музея прикладных знаний в Томске [5. С. 142–144; 16. С. 13]. Известно, например, что Иннокентий Кузнецов перевел с немецкого языка интересовавший Ядринцева текст, который тот опубликовал в «Сибирском сборнике» [17. С. 347].

Думается, не без влияния Потанина и Ядринцева, а также и своего отца И.П. Кузнецов обратился к изучению Сибири. Прежде всего, он заявил о себе как о коллекционере-собирателе разнообразных материалов о Сибири. Интересны формы и способы его собирательской работы. Подобно многим другим исследователям-путешественникам своего времени, он много ездил с научными целями по своему родному краю – Минусинскому округу, бывал в Америке, в европейских странах. При этом он использовал разработанный еще в XVIII в. метод визуального наблюдения, что обеспечивало комплекс представлений об изучаемых им территориях и культурах. Так, в течение многих лет совершая поездки по Минусинскому округу, он фиксировал местоположения древних могил и применительно к ним определял и границы кочевий минусинских инородцев, замечал изменения в расположении водных источников, растительных сообществ, отмечал наличие археологических памятников, осматривал древние захоронения, делал их зарисовки [14. Паг. 2, с. 7–9; 18. С. 1–3].

Первую коллекцию минусинских древностей И.П. Кузнецов, по собственному признанию, собирал в течение 16 лет, в основном путем археологических раскопок. Во время путешествия по Северной Америке в 1876–1877 гг. он составил, по словам В.М. Флоринского, «редкую этнографическую коллекцию бытовых предметов американских индейцев», а также приобрел 53 фотографии – портреты индейцев, виды городов [19. С. XVI; паг. 3, с. 234]. В 1891 г. Кузнецов совершил научное путешествие по странам Скандинавии и привез оттуда небольшую, но весьма интересную археологическую коллекцию, которую, по предположению О.Б. Беликовой, приобретал у торговцев антиквариатом или получал в дар от коллекционеров [5. С. 160]. Находил интересные ему предметы, например медные кресты и складни, у томских старьевщиков [20. С. 228].

Наряду с археологическими и этнографическими материалами И.П. Кузнецов собирал старинные документы. С разрешения товарища министра внутренних дел В.К. Плеве летом 1889 г. он занимался «разбором бумаг» архива Аскызской степной думы (он писал – Аскыской), составил подробную опись дел и скопировал некоторые интересовавшие его документы [21]. Немало ценнейших документов XVII–XVIII вв. было приобретено им у томского коллекционера, бывшего окружного судьи П.А. Пушкарева (еще больше пушкаревских документов оказалось у его однофамильца и наставника, университетского библиотекаря С.К. Кузнецова) [22. С. III]. Некоторые

документы, например письмо тобольского губернатора Чичерина, отправленное в 1774 г. в Томск, он приобрел на томском базаре [23. С. III].

Все свои коллекции И.П. Кузнецов неизменно передавал в музеи. По его собственному признанию, около 100 медных и бронзовых предметов и 70–80 железных наконечников стрел он отправил в Императорский Исторический музей в Москве. В Императорскую археологическую комиссию были отосланы рисунки древних могил, выполненные художником А.В. Станкевичем во время экспедиции в долину рр. Абакан и Таштып. Обнаруженные в археологических раскопках предметы поступали также в Минусинский музей [10. С. 1; 14. Паг. 2, с. 24; 18. С. 3].

Наиболее весом вклад И.П. Кузнецова в пополнение фондов Археологического музея в Императорском Томском университете. По подсчетам Ю.И. Ожередова, он безвозмездно передал в музей почти 700 вещественных источников, а кроме того – фотографии и документы [4. С. 227]. По музейным каталогам, составленным В.М. Флоринским, видно, какие разнообразные предметы и коллекции Кузнецов передал в университетское хранилище. В октябре 1888 г. от него поступили шаманский круглый бубен, шаманский костюм, кремневое ружье и модель пчелиного улья. Тогда же на музейное хранение были доставлены серебряные памятные медали и кресты, охотничий нож в серебряной оправе, серебряные перстни. Все это были фамильные вещи, принадлежавшие предкам И.П. Кузнецова [19. Паг. 2, с. 153–154; 20. С. 164–166]. В 1889 г. И.П. Кузнецов принес в дар коллекцию бронзовых, медных и железных предметов, собранных им в Минусинском и Ачинском округах, а также собрание медных складней, образков, серебряных крестов, медали, золотую табакерку и четыре серебряных стакана, всего 500 предметов [24. С. 83]. В отделе этнографии, в специально устроенной американской витрине, размещались луки, стрелы, колчаны, томагавки, а также головные уборы из перьев, мокасины, замшевые шаровары, игрушечная ящерица и фотопортреты индейцев из штатов Колорадо, Юта, Невада, пожертвованные Кузнецовым. Тут же находились привезенные им фотографии с изображениями американских городов и железных дорог, Ниагарского водопада [19. Паг. 2, с. 97–103].

Позже, уже после смерти Кузнецова, последовавшей в 1916 г., его коллекция в количестве 1722 предметов, а также старинные документы, рукописи, гравюры, рисунки самого собирателя и В.И. Сурикова были переданы в археологический музей О.И. Иванниковой (предположительно гражданской женой И.П. Кузнецова) [4. С. 227–228].

Давая характеристику И.П. Кузнецову как музейведущему, важно заметить, что он не только собирал коллекции и передавал их в музеи, но и ревностно заботился об их описании, атрибуции, публикации. Первые его коллекции, принятые в Томский университет, были описаны В.М. Флоринским в двух выпусках каталога Археологического музея, вышедших в 1888–1890 гг. Издание получило высокую оценку в научном мире и вызвало большой интерес русских и зару-

бежных исследователей к собранию Археологического музея, в том числе и кузнецовским коллекциям. Тем более были досадны допущенные в каталоге опечатки и неточности. И.П. Кузнецов позже писал, что «обязательно сообщал» Флоринскому о месте обнаружения того или иного памятника, однако в «Прибавлении к каталогу» были не точно обозначены места находок. Коллекционер сетовал, что во время обучения в университете «бывал нередко у В.М. Флоринского и в Археологическом музее», но, по неизвестным для него причинам, составитель музейного каталога «не обращался к нему за разъяснениями» [10. С. 1].

Позже, когда И.П. Кузнецов составил новую коллекцию медных и бронзовых предметов, он сам принялся за ее описание. К тому времени, на рубеже XIX–XX вв., в научный обиход было введено понятие «музография» как описание музеев и содержащихся в них предметов [25. С. 36]. По всему видно, что Кузнецову, который живо интересовался научной литературой, стало известно это нововведение. В любом случае в описании коллекции он опирался на музографический подход, раскрывал информационные и аттрактивные свойства коллекционных предметов. Прежде всего, ввиду большого количества описываемых предметов он отобрал наиболее, по его мнению, представительные, провел их группировку и составил 200 таблиц [10. С. 1–2]. В первом выпуске издания «Минусинские древности» он охарактеризовал предметы, отраженные в 15 таблицах. (По каким-то пока неизвестным нам причинам начатое описание он не продолжил.)

Распределив описываемую часть коллекции по трем разделам, автор дал им названия: «Война. Охота. Рыбная ловля», «Предметы конского снаряжения», «Предметы домашнего обихода (ножи)». Уже по названиям видно, что он использовал не принятый в археологии способ подразделения находок по географическому признаку или археологическим эпохам и культурам, а опирался на музееведческий подход. В описательной статье относительно каждого предмета приводятся название, материал и техника изготовления, размеры, место обнаружения, место хранения, а также некоторые внешние особенности, степень сохранности. Важно отметить, что порой он сравнивал свои находки с теми, какие были найдены другими археологами, такими как А.С. Уваров, С.К. Кузнецов, И.Т. Савенков. Как пример музографической характеристики можно привести такое описание: «Нож желтой бронзы, окись черная, блестящая, частью отчищена находчиком, литье хорошее, сглажен, лезвие отбито. С одной стороны – украшение в виде птичьей (?) головки» [10. С. 24]. В каталог включены самые мелкие подробности о предметах, указаны физическое состояние, наличие дефектов, и это дает возможность представить время и обстоятельства создания и использования того или иного памятника, усиливает эмоциональное восприятие. Так, коллекционер сообщал: «Чекан желтой бронзы, довольно хорошего литья и отделки». Другой предмет характеризовал следующим образом: «Увесистый медный кинжал окись зеленая разных оттенков. Литье и отделка грубоваты.

В прорези рукоятки швы от формы не сглажены». А о втором кинжале замечал, что его лезвие «старательно отбито» [10. С. 7].

Хотим отметить, что в составлении собственного каталога И.П. Кузнецов руководствовался методологическими наработками В.М. Флоринского: описательные статьи сопровождаются примечаниями, в которых даются пояснения тех или иных особенностей найденных предметов, их состояния. Так, относительно украшений, внесенных в каталог со знаком вопроса, коллекционер-музограф отмечал, что «мастера плохо изображали животных, и их подобные изделия нередко похожи, как говорится, на всех зверей» [10. С. 22, 24]. Вслед за Флоринским И.П. Кузнецов пытался через призму артефактов провести историческую реконструкцию сибирской жизни. Так, характеризуя предметы медно-бронзово-железного периода, он обращал особое внимание на их выделку и по этому признаку идентифицировал с той или иной культурой – монгольской или китайской, одновременно подчеркивал формирование «своеобразной местной культуры». Точно так же находки старинных русских монет на территории Минусинского округа связывал с приходом русских в Сибирь. Используя весь комплекс имевшихся у него вещественных и письменных источников, рассказывал о торговых связях между минусинскими инородцами и русскими, о торговле в XVII в. различными русскими и западноевропейскими товарами, называя среди них медные кресты, серьги, чернильницы, пуговицы, стремяна, железные ножи, огнестрельное оружие. (Вскоре он издал небольшую брошюру, в которой осветил историю русского освоения южных территорий Енисейской губернии, опираясь на работы предшественников и собственные коллекции [26].)

Осмысление археологического материала позволило И.П. Кузнецову сделать некоторые выводы о культурной эволюции населения Минусинской котловины, выявить изменения и преемственность в его развитии. Он замечал, например, что при раскопках ему ни разу не встретились наконечники железных стрел с втулками для древка, столь распространенные в медно-бронзовый период. И высказал предположение: вероятно, первоначально делались попытки вырабатывать изделия из железа по образцам бронзового периода, но довольно скоро пришло убеждение, что гораздо удобнее делать наконечники железных стрел со стержнями для деревянных древков [10. С. 2–3]. И тут же объяснял, как металлические наконечники насаживались на древко копья или рогатины, как крепились элементы конского снаряжения, как использовались ножи разного размера и разного качества литья и отделки [Там же. С. 10, 14, 23]. Сравнивая свои находки с современным ему положением дел, И.П. Кузнецов констатировал «приверженность к старине»: обитатели Минусинского уезда относились с предубеждением к огнестрельному оружию и продолжали охотиться с кремневыми винтовками, мало в чем отличными от пищалей XVII столетия. Отмечал, что и на рубеже XIX–XX вв. инородцы среднего течения р. Аскыз «стреляют из луков рыбу» [Там же. С. 2].

По результатам своих археологических разысканий он пришел к выводу, что погребальный обряд местного населения бассейна р. Абакан сохранился почти без изменений с древности до конца XIX в. [18. С. 3].

Интерес Кузнецова к истории и культуре сибирских народов находил проявление и в его археографических занятиях. В течение 1890–1897 гг. он подготовил и издал восемь документальных сборников, содержащих рукописи XVII–XIX вв. [21–23; 27–31]. Думается, что издательская деятельность И.П. Кузнецова протекала в русле интереса к археографии в России, когда силами Общества истории и древностей российских и, в больше мере, – Императорской археографической комиссии, были развернуты работы по поиску, сбору и публикации различных документов, наработанный большой опыт археографических публикаций начиная с изданий Императорской археографической комиссии, включая публикации в «Чтениях Общества истории и древностей российских», «Вестнике Императорского Русского географического общества». Хорошим примером для И.П. Кузнецова, как и для Н.Н. Бакая, также занимавшегося публикациями документов, могли служить археографические занятия Г.Н. Потанина [9. С. 277; 32. С. 16–18]. И по документальным сборникам Кузнецова видно, что он был в курсе археографических разработок своего времени.

Следуя археографическим правилам, И.П. Кузнецов обязательно снабжал подборки документов предисловиями. В первом из сборников, содержащих документы XVII в., он коротко осветил состояние архивного дела в Сибири, констатировал факты гибели документов в пожарах и пришел к выводу, что в условиях «утраты, которая ничем не вознаграждаема в настоящее время», неоценимое значение получает «каждый исторический документ» [22. С. II]. Позже добавил к своим размышлениям новый аргумент в пользу предохранения архивов от уничтожения и, по сути, сформулировал задачу сохранения культурного наследия: «Не обязаны ли мы поэтому позаботиться о сохранении памятников сибирской старины, доставшихся нам по наследству от прошлых поколений?» [31. С. 2]. В предисловии, как правило, включались и элементы легенды, и сообщения об обстоятельствах и месте нахождения того или иного документа. Так, в предисловии к «Приходным окладным ясачным книгам» сообщалось, что публикуемые документы извлечены из объемной, до 500 листов, старинной рукописи, которая «сильно от времени попортилась» [30. С. 1]. Присутствовало обязательное указание на оригинальность или копияность публикуемых документов, чаще всего документы XVII–XVIII вв. публиковались по более поздним спискам. Так, письма губернатора Чичерина 1774 г. попали к И.П. Кузнецову в копии конца XVIII в. Относительно «ясачных книг» публикатор сообщал, что они написаны скорописью первых десятилетий XVIII в., и в качестве иллюстрации поместил в приложении страничку такой «скорописи». Он не сказал о том, кто перевел текст на орфографию конца XIX в., и поскольку всегда называл имена своих помощников и сотрудников, это дает основание считать, что сам осуществил этот перевод.

В отборе документов для публикации И.П. Кузнецов задавался вопросом о степени их новизны, проявляя при этом хорошее знание сибирской археографии. Он отмечал, что содержание некоторых документов повторялось, так как «одинаковые указы и грамоты рассылали всем отдельным воеводам, подобно циркулярам». Называл труды П.А. Словцова «Памятники сибирской истории», где встречалась информация, сходная с той, которая содержалась в найденных им документах. И далее сообщал: «...Справившись во всех изданиях актов по истории России, которые только можно было найти в библиотеке Томского университета, я пришел к тому убеждению, что эти исторические документы нигде не были напечатаны и, следовательно, должны иметь известное значение как материал для истории Сибири» [22. С. IV]. В то же время признавался, что он сам первоначально опубликовал фрагмент комплекса «ясачных книг» в виде небольшой подборки документов, содержавшей перечень комендантов Томска и приказчиков в острогах и слободах Томского уезда. При этом, возможно, имея в виду более полную публикацию всего документального комплекса, он только озаглавил публикуемый документ и сообщил в подстрочном примечании, что «сведения о комендантах и приказчиках извлечены из старинной рукописи», составленной во исполнение царских указов 1718–1719 гг. [27. С. 1].

Согласно основам научной публикации Кузнецов озаглавил каждый отдельный документ, расположив их по хронологическому принципу. В сборнике 1897 г. публикатор подразделил все документы на три отдела: «Грамоты, отписки, памяти», «Челобитные, сказки, разные дела» и «Отрывки». Названия отражают видовой признак и содержание документов, к тому же все они пронумерованы [31. Паг. 3, с. 1–37]. В некоторых публикациях приведены текстуальные примечания, в частности о том, что лист попорчен или почерк неразборчив.

Изданные подборки сопровождаются алфавитными указателями имен и географических названий, как правило, аннотированными. В ряде случаев имеются и «некоторые объяснительные примечания», в частности содержательные справки об Ачинском остроге, о Мангазее и о том, что подлинная царская грамота об основании Томска была передана С.К. Кузнецовым в Археологический музей университета. Сообщаются и другие важные для первоначальной истории Томска сведения, например, такие: «Качанов Федор, стольник и комендант г. Томска в 1717 году. Козлов Василий, исправлявший должность томского коменданта в 1718–1719 гг.» [22. Паг. 3, с. 103, 108–109; 30. Паг. 3, с. 1–3].

Важно отметить, что в рассматриваемых сборниках приведены списки изданий, послуживших «пособиями» для комментариев и идентификации документов. В списках и подстрочниках указаны работы С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, И.В. Щеглова, Г.Ф. Миллера, К.М. Голодникова, А.П. Степанова, а также «Полное собрание законов Российской империи», справочные и статистические издания.

В документальных подборках и научных публикациях И.П. Кузнецов сформулировал свою исследова-

тельскую позицию, высказал собственный взгляд на Сибирь как неотъемлемую часть России. Он писал: «Мы, сибиряки, ничто иное, как плоть от плоти, кость от костей русского народа, с которым никогда не теряли ни физической, ни духовной связи и с которым вместе пойдем по той дороге, которую судьба указывает всему русскому народу». Кредо И.П. Кузнецова, получившее особое одобрение М.Б. Шейнфельда (как аргумент против областничества), включало важное положение – «писать не историю завоевания Сибири, но историю развития гражданственности в этой стране...» [28. С. XI]. И подобно Г.Н. Потанину, которого, правда, ни разу не упомянул в своих работах, Кузнецов показывал всецелое чиновников, языком документов рассказывал об их злоупотреблениях и по отношению к царской казне, и к рядовым горожанам. В числе первых он раскрыл незавидное положение женщин, запечатлел сценки праздников, сватовства и другие проявления народной жизни в сибирских городах.

Важно отметить, что И.П. Кузнецов обязательно настаивал на критическом использовании исторических источников. Так, в статье о Федоре Кузьмиче он подчеркивал скудость источников, недостоверность сведений о сибирском старце. Проанализировав некоторые авторские тексты, имевшуюся у него копию записок купца С.Ф. Хромова и другие источники, он пришел к вполне определенному выводу. И его заключение не устарело до сих пор: «Личность старца, как мы уже сказали, пока еще не может быть выясне-

на вполне за отсутствием достаточного и достоверного материала для его биографии, и потому баяня, отождествляющая Федора Кузьмича с императором Александром Павловичем, продолжает существовать среди народа и едва ли скоро исчезнет» [33. С. 554].

В то же время в кузнецовских публикациях воспроизводятся прекрасные образцы документированного прочтения сибирской истории. Так, используя данные о сборе ясака в 1715 г., исследователь сообщал: «Тутальской волости князьцов Агуна да Василья поминку – пятнадцать соболей с пупки и с хвосты, да ясаку: восемь соболей с пупки и с хвосты, двадцать две лисицы красные, белодушки, в том числе одна черночеревая, двенадцать бобров рыжих, тринадцать лосин, – все за один сорок за тридцать три соболя. Приказной почести: коменданту – лисица белодушка, дьяку – выдра, сборщику – две выдры да восемь горностаев» [30. Паг. 2, с. 78]. В этом коротком сообщении и географическая привязка, и давно забытые имена тутальских князьков, и перечень пушных зверьков, на которых охотились обитатели Среднего Причумылья и чьими шкурками выплачивали ясак. И даже названа официально признаваемая мзда в пользу местного начальства.

Обращение к работам И.П. Кузнецова расширяет представления о его вкладе в комплексное изучение края с использованием разнообразных исторических знаний и подходов (и музееведческих, и архивоведческих), заметно обновляет и обогащает видение исторического прошлого Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов (Красноярский) Иннокентий Петрович // Сибирская советская энциклопедия. [Новосибирск] : Зап.-Сиб. отд-е ОГИЗ, 1931. Т. 2. Стб. 1103–1104.
2. Матюшенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов) : учеб. пособие. Омск, 1992. 138 с.
3. Ожередов Ю.И. История неизвестных рисунков В.И. Сурикова // Материалы научно-практической конференции Томского областного художественного музея / ред. Л.И. Овчинникова. Томск, 1994. С. 35–41.
4. Ожередов Ю.И. Фонд И.П. Кузнецова-Красноярского в Музее археологии и этнографии Сибири // История вузовских музеев страны : материалы науч. конф. / отв. ред. М.И. Бурлыкина. Сыктывкар, 1994. С. 225–229.
5. Беликова О.Б. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 140–162.
6. Ожередов Ю.И. Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 178–179.
7. Ожередов Ю.И. Кузнецов Иннокентий Петрович // Энциклопедия Томской области : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. Т. 1. С. 358–359.
8. Зуева Е.А., Комлева Е.В., Зуев А.С. Кузнецовы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Т. 1: А–Л. Новосибирск : Гео, 2012. С. 389–390.
9. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973. 399 с.
10. Кузнецов-Красноярский И. Минусинские древности. Медно-бронзовый и переходный периоды. Томск, 1908. Вып. 1. 30 с.: ил.
11. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 50.
12. Дмитриенко Н.М. Премии Императорского Томского университета за труды по истории, антропологии и социологии Сибири // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 129–134.
13. ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 2398.
14. Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа. С приложением 18 таблиц и рисунков. Томск, 1889. 3, 36, XII, II с.: ил.
15. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1988. Т. 2. 344 с.
16. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Т. 5. 272 с.
17. Головачев П. Воспоминания о друге молодежи // Литературное наследство Сибири / гл. ред. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1980. Т. 5. С. 343–353.
18. Кузнецов-Красноярский И. Отчет о раскопках, производившихся в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 году. Томск, 1907. 16 с.
19. [Флоринский В.М.] Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. XVI, 2, 155, 275 с.
20. [Флоринский В.М.] Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890. [82 с.].
21. Архив Аскыской степной думы. Томск, 1892. VIII, 27 с.
22. Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы для истории Сибири / собрал и издал И. Кузнецов. Томск, 1890. V, 91, 111 с.
23. Описание празднования в Тобольске Кучук-Кайнарджийского мира в 1774 году / издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1891. III, 19 с.
24. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 397. С. 81–90.

25. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С. Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 34–41.
26. Кузнецов-Красноярский И. Из истории южной части Енисейской губернии. Томск, 1908. 17 с.: карта.
27. С бытности губернаторской коменданты и Томского уезду в острогах и слободах приказчики кто были и в которых годах и по каким указам / издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1891. 14 с.
28. Томский сын боярский Федор Протопопов (материалы для истории Сибири) / издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1891. XI, 32 с.
29. Из записок доктора / Кузнецов-Красноярский. Б. м., б. г. [25 с.]. (Отд. оттиск из «Сибирского вестника», 1892.)
30. Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706–1718 гг. С приложением карты ясачных волостей и снимка с рукописи / издал Кузнецов-Красноярский. Томск, 1893. I, 117, 7 с.: ил.
31. Исторические акты XVII столетия (1630–1699 гг.). Материалы для истории Сибири. Вып. 2 / собрал и издал И.П. Кузнецов-Красноярский. Томск, 1897. II, 2, 100 с.
32. Дмитриенко Н.М., Родионова Т.В. О документальной публикации Г.Н. Потанина в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских» // Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина) / сост. Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 3–22.
33. Кузнецов-Красноярский И.П. Старец Федор Кузьмич // Исторический вестник. СПб., 1895. № 5. С. 550–554.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

I.P. KUZNETSOV-KRASNOYARSKIY AS A HISTORIAN AND MUSEOGRAPHER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 157–163.

DOI: 10.17223/15617793/409/26

Eduard I. Chernyak, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

Nadezhda M. Dmitrienko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru

Keywords: I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy; Siberian studies; museography; archaeography.

This article deals with the activities of I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, a prominent researcher and collector of the late 19th – early 20th centuries, who made a great contribution to the replenishment of funds of Siberian museums, to the study of history, archaeography and museum science in Siberia. In order to understand the origin of Kuznetsov's interest in the study of Siberia, it is necessary to refer to his own testimony in his works. Now we know that Innokentiy Kuznetsov was born in 1851 in a rich merchant family. His father was an owner of a goldmine; he donated to churches and culture. Besides, he formed collections, and was a member of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Innokentiy Kuznetsov had no special education. Nevertheless, he was engaged in self-education. Following the example of his father, he began to form collections. He conducted archaeological excavations, acquired archaeology and ethnography items while traveling across America and Europe. He collected old documents as well. Kuznetsov donated all his collections to the Minusinsk Museum, the Imperial Historical Museum in Moscow. Kuznetsov gave the bulk of his collections to the Archaeological Museum in the Imperial Tomsk University. Yu.I. Ozheredov, a modern author calculated that Kuznetsov had given about 700 real sources, as well as photographs and documents. After his death in 1916, his widow gave 1722 subject to the University's Archaeological Museum. It is important to say that Kuznetsov did not only form collections. He described and attributed all items. When describing the subjects of archaeology he found in the Minusinsk District, Kuznetsov used the museography approach. He showed the informative and attractive features of items. Through the prism of his collections, Kuznetsov presented the history of southern Siberia, and could talk about the impact of Chinese culture on the local population of the Bronze and Iron epochs. Besides, he noted that Minusinsk aborigines used archaic flintlock shotguns at the end of the 19th century, and he wrote that their funeral rites were preserved since old times as well. The article contains new information that in addition to museography Kuznetsov was engaged in archaeography. Using his collection of ancient papers, he published eight books of historical documents about Siberia in the 17th–18th centuries. Thus he saved a mass of historical information from destroying. Being a collector and archaeographer, the investigator particularly emphasized the importance of historical sources in the studies. He considered that an important task of history studies was people's life, not the conquest of Siberia. It is necessary to note that the materials of his documentary books allow us to look at the Siberian past from the view of its witnesses. There is a lot of information about the abuse of power in the Siberian towns and cities in the 18th century in his publications. He revealed the plight of women in his works. Among first in Siberia, I.P. Kuznetsov told about people's holidays, matchmaking, etc. A critical use of historical sources allowed him to have his doubt about the Royal origin of the Tomsk elder (*starets*) Fyodor Kuzmich. Reading Kuznetsov's works helps us to make a complete account of his contribution to the comprehensive study of Siberian territories; it renews and enriches the vision of the historical past of Siberia.

REFERENCES

1. Azadovskiy, M.K. (ed.) (1931) Kuznetsov (Krasnoyarskiy) Innokentiy Petrovich. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 2. Novosibirsk: Zap.-Sib. otdelenie OGIz.
2. Matyushchenko, V.I. (1992) *Istoriya arkhеologicheskikh issledovaniy Sibiri (do kontsa 1930-kh godov)* [The history of archaeological research in Siberia (until the end of the 1930s)]. Omsk: Omsk State University.
3. Ozheredov, Yu.I. (1994) [The history of unidentified drawings of V.I. Surikov]. Proceedings of the scientific-practical conference of the Tomsk Regional Art Museum. Tomsk. pp. 35–41. (In Russian).
4. Ozheredov, Yu.I. (1994) [Fund of I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy in the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia]. *Istoriya vuzovskikh muzeev strany* [The history of the country's university museums]. Proceedings of the conference. Syktyvkar. pp. 225–229.
5. Belikova, O.B. (2002) “Skandinavskaya” kollektsiya I.P. Kuznetsova-Krasnoyarskogo [The “Scandinavian” collection of I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Trudy Muzeya arkhеologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
6. Ozheredov, Yu.I. (2004) Kuznetsov-Krasnoyarskiy Innokentiy Petrovich. In: *Tomsk ot A do Ya. Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z. A brief city encyclopedia]. Tomsk: Izd-vo NTL.
7. Ozheredov, Yu.I. (2008) Kuznetsov Innokentiy Petrovich. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2 t.* [Encyclopedia of Tomsk Oblast: in 2 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

8. Zueva, E.A., Komleva, E.V. & Zuev, A.S. (2012) Kuznetsovy [The Kuznetsovs]. In: Rezun, D.A. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i komertsii v Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary of the history of merchants and commerce in Siberia: in 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Geo.
9. Sheynfel'd, M.B. (1973) *Istoriografiya Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [Historiography of Siberia (the end of the 19th – early 20th centuries)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.
10. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1908) *Minusinskie drevnosti. Medno-bronzovyy i perekhodnyy periody* [Minusinsk antiquities. The Copper-Bronze and transitional periods]. Vol. 1. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo T-va Pechatnogo Dela.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 50. (In Russian).
12. Dmitrienko, N.M. (1998) Premii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za trudy po istorii, antropologii i sotsiologii Sibiri [Imperial Tomsk University Award for works on the history, anthropology and sociology of Siberia]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri. K 30-letiyu laboratorii* [From the history of Siberia. On the 30th anniversary of the laboratory]. Tomsk: Tomsk State University.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 2398. (In Russian).
14. Kuznetsov, I. (1889) *Drevnie mogily Minusinskogo okruga. S prilozheniem 18 tablits i risunkov* [Minusinsk District. With 18 tables and figures]. Tomsk.
15. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1988) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University.
16. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1991) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University.
17. Golovachev, P. (1980) Vospominaniya o druge molodezhi [Memories of the youth's friend]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary legacy of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
18. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1907) *Otchet o raskopkakh, proizvodivshikhsya v Minusinskom uezde Eniseyskoy gubernii v 1884 godu* [Report of the excavations in the Minusinsk district of Yenisei province in 1884]. Tomsk: Parovaya tipo-litogr. P. I. Makushina.
19. [Florinskiy, V.M.] (1888) *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: tipogr. Mikhaylova i Makushina.
20. [Florinskiy, V.M.] (1890) *Pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo muzeya Tomskogo universiteta* [Addition to the catalog of the Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Tipo-Litografiya Mikhaylova i Makushina.
21. Archive of the Askyskaya Steppe Duma. (1892) Tomsk.
22. Kuznetsov, I. (1890) *Istoricheskie akty XVII stoletiya (1633–1699). Materialy dlya istorii Sibiri* [Historical Acts of the 17th century (1633–1699). Materials for the history of Siberia]. Tomsk: Tipo-Litografiya Mikhaylova i Makushina.
23. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1891) *Opisanie prazdnovaniya v Tobol'ske Kuchuk-Kaynardzhiyskogo mira v 1774 godu* [Description of the celebration in Tobolsk of Kuchuk Kainarji in 1774]. Tomsk.
24. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2015) Imperial Tomsk University Museums: the first years of establishment and activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 81–90. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/14
25. Dmitrienko, N.M. et al. (2015) Museology as complex of knowledge about museum science: historiography of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 34–41. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/7
26. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1908) *Iz istorii yuzhnoy chasti Eniseyskoy gubernii* [From the history of the southern part of Yenisei Province]. Tomsk.
27. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1891) *S bytnosti gubernatorskoy komendanty i Tomskogo uezdu v ostrogakh i slobodakh prikazchiki kto byli i v kotorykh godekh i po kakim ukazam* [Who, when and by which order were officers of governor and Tomsk district commandants in jails and large villages]. Tomsk.
28. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1891) *Tomskiy syn boyarskiy Fedor Protopopov (materialy dlya istorii Sibiri)* [Tomsk son Boyar Fyodor Protopopov (materials for the history of Siberia)]. Tomsk: tipo-lit. Mikhaylova i Makushina.
29. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (c. 1892) *Iz zapisok doktora* [From the notes of the doctor]. A print from Sibirskiy vestnik.
30. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1893) *Prikhodnye okladnye yasachnye knigi Tomskogo uezda 1706–1718 gg. S prilozheniem karty yasachnykh volostey i snimka s rukopisi* [Receipt accountant tributaries of Tomsk district in 1706–1718. With the maps of townships and images from the manuscript]. Tomsk: tipo-lit. P.I. Makushina.
31. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1897) *Istoricheskie akty XVII stoletiya (1630–1699 gg.). Materialy dlya istorii Sibiri* [Historical Acts of the 17th century (1630–1699). Materials for the history of Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tipo-Litogr. Kononova i Skulimovskogo.
32. Dmitrienko, N.M. & Rodionova, T.V. (2013) O dokumental'noy publikatsii G.N. Potanina v "Chteniyakh v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh" [About documentary publication of G.N. Potanin "Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities"]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoy retrospektive XVIII v. (po dokumental'nykh publikatsiyam G.N. Potanina)* [The space of Northern Kazakhstan and Siberia in the historical perspective of the 18th century. (by documentary publications of G.N. Potanin)]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I.P. (1895) Starets Fedor Kuz'mich [Elder Fyodor Kuzmich]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 550–554.

Received: 09 June 2016

ПРАВО

УДК 343.618

В.А. Демченко

ПОНЯТИЕ ХАЛАТНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Рассматривается дискуссионный вопрос о правильном понимании такого социально-правового явления, как некачественное оказание медицинских услуг пациентам медицинскими работниками. Данный вопрос является одним из наиболее сложных и актуальных в современной отечественной медицине и юриспруденции, в частности при производстве уголовно-правовой оценки ненадлежащего оказания врачебной помощи пациентам медицинскими работниками. В процессе изучения обозначенной проблемы автором анализируются имеющиеся в доктрине уголовного права и медицины подходы к пониманию указанного вопроса.

Ключевые слова: халатность; медицинский работник; врачебная ошибка; ненадлежащее оказание медицинской помощи; причинение вреда жизни и здоровью.

В ситуациях, когда в деятельности медицинских работников имеет место халатное отношение к возложенным на них обязанностям по сохранению жизни и здоровья пациентов, что в свою очередь приводит к причинению смерти или различной степени тяжести вреда здоровью, для обозначения данного явления в обиходной жизни широкое распространение получил термин «врачебная ошибка».

Законодательству Российской Федерации, несмотря на довольно частые факты проявления халатности среди медицинских работников, не известна дефиниция врачебной ошибки и иной аналогичной ей, чего нельзя сказать о юридической и медицинской доктрине.

Исследования по вопросу о толковании некачественного оказания медицинской помощи, приводящей к неблагоприятным для пациента последствиям, преимущественно осуществлялись учеными в области юриспруденции и медицины именно в рамках понятия «врачебная ошибка».

Однако в содержание данного термина специалисты в области права и медицины вкладывают диаметрально противоположные значения, что создает определенные трудности в правоприменительной деятельности.

Так, выдающийся отечественный патологоанатом, академик Академии медицинских наук СССР, доктор медицинских наук И.В. Давыдовский одним из первых представителей медицинской науки сформулировал определение врачебной ошибки, под которой понималось «добросовестное заблуждение врача, основанное на несовершенстве самой врачебной науки и ее методов, или в результате атипичного течения заболевания, или недостаточной подготовки врача, если при этом не обнаруживаются элементов халатности, невнимательности или медицинского невежества» [1. С. 61]. Приведенная точка зрения является наиболее традиционной в медицинских исследованиях, посвященных проблематике так называемых врачебных ошибок.

В юридической литературе существует немало позиций относительно определения сущности врачебных ошибок, однако все эти позиции условно можно разделить на две группы.

Например, представитель Саратовской школы исследования проблем некачественного оказания медицинских услуг А.В. Кудakov считает, что под врачебными ошибками следует понимать «избрание медицинским работником опасных для жизни или здоровья пациента методов и средств диагностики и лечения, вызванное незнанием либо самонадеянным игнорированием специальных юридически значимых требований, предъявляемых к профессиональному поведению в сложившейся ситуации» [2. С. 8]. Т.Е. Сучкова, в свою очередь, в понятие «врачебная ошибка» вкладывает несколько иное значение – «действия (бездействие) врача, в силу его добросовестного заблуждения, повлекшие причинение вреда жизни (здоровью) пациента или недостижение положительного эффекта врачебных мероприятий при отсутствии вины врача» [3. С. 40].

Схожее по смыслу толкование рассматриваемого определения в своем исследовании приводит С.Г. Стеценко, который считает, что «врачебная ошибка» представляет собой «дефект оказания медицинской помощи, связанный с неправильными действиями медицинского персонала, характеризующийся добросовестным заблуждением при отсутствии признаков умышленного или неосторожного преступления» [4. С. 30].

Таким образом, одна группа ученых при раскрытии сущности дефиниции «врачебная ошибка» указывает на наличие в действиях медицинских работников при оказании медицинских услуг элементов виновного причинения вреда жизни и здоровью пациентов. Другие авторы делают акцент на причинении вреда жизни и здоровью пациентам медицинскими работниками при осуществлении профессиональной деятельности в связи с:

- 1) неправильными действиями медицинских работников, в которых отсутствует элемент умышленного или неосторожного причинения вреда;
- 2) добросовестным заблуждением при выборе тактики и непосредственным оказанием медицинской помощи;
- 3) отсутствием или неполнотой специальных знаний по качественному оказанию медицинской помощи;
- 4) несовершенством врачебной науки.

Как было указано ранее, в отечественном законодательстве не содержатся нормы, в которых раскрывается определение ненадлежащих действий медицинских работников, повлекших смерть или причинение вреда здоровью пациентам. Это в свою очередь, при всем многообразии доктринального толкования указанной дефиниции, порождает определенные трудности в правоприменительной практике при производстве уголовно-правовой оценки некачественного оказания медицинской помощи, квалификации содеянного, привлечении виновных лиц к юридической ответственности. В связи с этим весьма необходимым представляется в первую очередь дать оптимальное определение дефективному оказанию услуг медицинскими работниками при осуществлении профессиональной деятельности.

Представляется, что использование существующего в отечественной медицинской и юридической доктрине определения «врачебная ошибка» для обозначения некачественного оказания медицинскими работниками помощи пациентам как в теории, так и в практике нецелесообразно.

Употребление понятия «врачебная ошибка» предполагает ненадлежащее оказание помощи пациентам именно со стороны врачей, т.е. лиц, имеющих высшее медицинское образование. Однако в судебно-следственной практике известны случаи, когда иными медицинскими работниками (например, медицинской сестрой и др.), не являющимися врачами, совершались действия по оказанию помощи пациентам, в результате которых последним причинялась смерть или различной степени тяжести вред здоровью. Например, по данным Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кабардино-Балкарской Республике, 16.04.2015 в амбулатории районной больницы г. Прохладный медсестра произвела несовершеннолетнему пациенту инъекцию антибиотика, не выяснив при этом, переносит ли пациент данный препарат и возможность аллергической реакции. После инъекции пациент был отпущен домой, где спустя полчаса скончался от анафилактического шока, вызвавшего асфиксию дыхательных путей [5].

Таким образом, пользуясь указанной дефиницией, правоприменитель лишен возможности давать адекватную юридическую оценку дефективным действиям медицинских работников, не являющихся врачами.

Под ошибкой в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова понимается «неправильность в действиях, мыслях» [6. С. 478]. Использование данного

термина для обозначения некачественных услуг, оказываемых медицинскими работниками, по сохранению жизни и здоровья пациентов, является абсолютно некорректным. При ненадлежащем исполнении должностных обязанностей, невнимательности и небрежном отношении к оказанию медицинской помощи пациентам со стороны медицинских работников приходится говорить о таком социально-правовом явлении, как халатность.

Под халатностью следует понимать «небрежное и недобросовестное выполнение своих обязанностей» [6. С. 859]. Приведенная дефиниция наиболее полно и точно подходит для обозначения некачественного выполнения медицинскими работниками своих обязанностей по отношению к пациентам.

Таким образом, использование такого термина, как «врачебная ошибка», является недопустимым, так как данным понятием в полной мере не охватывается сущность дефектного оказания медицинскими работниками помощи пациентам.

Решить возникшую проблему оптимального определения указанного явления возможно путем использования термина «халатность медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности».

Под «халатностью медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности» следует понимать ненадлежащее исполнение медицинским работником своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к профессиональной деятельности, если это повлекло причинение вреда здоровью различной степени тяжести или смерти пациента.

Представляется, что приведенное определение наиболее точно отражает сущность ненадлежащего оказания медицинскими работниками помощи пациентам. Кроме того, указанная дефиниция содержит в себе указание на субъектов, осуществляющих медицинскую деятельность, – медицинских работников в соответствии с п. 13 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», под которыми понимаются физические лица, которые имеют медицинское или иное образование, работают в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которых входит осуществление медицинской деятельности, либо физические лица, которые являются индивидуальными предпринимателями, непосредственно осуществляющими медицинскую деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сашко С.Ю., Балло А.М. Юридическая оценка дефектов оказания медицинской помощи и ведения медицинской документации. СПб. : Бис, 2001. 162 с.
2. Кудakov А.В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 185 с.
3. Сучкова Т.Е. К вопросу о квалифицирующих признаках врачебной ошибки // Медицинское право. 2014. № 6. С. 37–40.
4. Стеценко С.Г. Врачебная ошибка и несчастные случаи в практике работ учреждений здравоохранения : правовые аспекты // Эксперт-криминалист. 2006. № 2. С. 28–31.
5. Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кабардино-Балкарской Республике. URL : <http://kbr.sledcom.ru/news/item/928333> (дата обращения: 20.09.2015).
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 декабря 2016 г.

THE CONCEPT OF NEGLIGENCE OF HEALTH WORKERS IN PROFESSIONAL ACTIVITIES IN CRIMINAL LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 164–166.

DOI: 10.17223/15617793/409/27

Vasily A. Demchenko, Irkutsk Law Institution (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vasily.demchenko.1996@mail.ru

Keywords: negligence; medical professional; medical error; inadequate medical care; causing harm to life and health.

Situations where health workers have a negligent performance of their duties to preserve life and health of patients are commonly referred to by the term “medical error”. The legislation of the Russian Federation does not know the definition of “medical error” and other similar to it, which is not so for the legal and medical doctrine. However, experts in law and medicine understand the content of this term in opposite meanings, which creates difficulties in enforcement. For example, one group of scholars indicates the presence of elements of guilty infliction of harm to the life and health of patients when medical staff provides health services. Other authors emphasize the infliction of harm to the life and health of patients by health care workers in the exercise of professional activities in connection with: 1) improper actions of medical staff, in which there is no element of intentional or negligent harm; 2) an honest mistake in the choice of tactics and immediate medical care; 3) the absence or incompleteness of expertise in qualified health care; 4) the imperfection of medicine. The lack of standards in the domestic legislation which establishes the meaning of the definition under consideration creates certain difficulties in law enforcement in the manufacture of the criminal law assessment of substandard care, in the qualification of the offence, in bringing the perpetrators to legal liability. In this connection, it is necessary first of all to give the best definition of providing defective services to patients by medical personnel in the exercise of their professional activity. It seems that the use of the definition “medical error” existing in the national medical and legal doctrine to refer to the low-quality provision of health care services for patients both in theory and in practice is not appropriate. To solve the problem in the best definition of this phenomenon is possible by the use of such terms as “negligence of medical personnel in the exercise of professional activities”. “Negligence of medical personnel in the exercise of professional activity” should refer to the improper performance of a medical officer of his duties owing to an unfair or negligent attitude to the professional activity if it caused bodily injury of varying severity or death of the patient.

REFERENCES

1. Sashko, S.Yu. & Ballo, A.M. (2001) *Yuridicheskaya otsenka defektov okazaniya meditsinskoy pomoshchi i vedeniya meditsinskoy dokumentatsii* [The legal assessment of the defects of health care and of medical records]. St. Petersburg: Bis.
2. Kudakov, A.V. (2011) *Vrachebnaya oshibka i ee ugolovno-pravovaya otsenka* [Medical error and its criminal and legal estimation]. Law Cand. Diss. Saratov.
3. Suchkova, T.E. (2014) K voprosu o kvalifitsiruyushchikh priznakakh vrachebnoy oshibki [On the question of aggravating features of the medical error]. *Meditsinskoe pravo – Medical Law*. 6. pp. 37–40.
4. Stetsenko, S.G. (2006) *Vrachebnaya oshibka i neschastnye sluchai v praktike rabot uchrezhdeniy zdravookhraneniya: pravovye aspekty* [Medical error and accidents in the practice of health care institutions: legal aspects]. *Ekspert-kriminalist – Expert-Criminalist*. 2. pp. 28–31.
5. The official website of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Kabardino-Balkarian Republic. [Online] Available from: <http://kbr.sledcom.ru/news/item/928333>. (Accessed: 20th September 2015). (In Russian).
6. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow: A TEMP.

Received: 11 December 2015

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАНДАРТА ОБОСНОВАННОСТИ ПРИНЯТИЯ СУДОМ РЕШЕНИЯ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛИЦА, ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОД СТРАЖУ

Рассматриваются требования к обоснованности решения об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. На основе анализа доктринальных положений, решений российских судов, позиций Европейского Суда по правам человека выделены условия применения заключения под стражу и обязанности суда при решении данного вопроса.

Ключевые слова: заключение под стражу; разумное подозрение; обоснованность подозрения; международно-правовой стандарт; позиции Европейского суда по правам человека.

Ввиду исключительности меры пресечения в виде заключения под стражу Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) предъявляет повышенные требования к обоснованности принятого судом решения. При этом в подпункте «с» § 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод особое внимание обращается на наличие «разумного подозрения». Именно это понятие является ключевым для выработки международно-правового стандарта обоснованности принятия решения о заключении лица под стражу. Между тем необходимо отметить, что оно представляет наибольшую актуальность и дискуссионность как в теории, так и на практике.

Согласно позициям ЕСПЧ наличие разумного подозрения, что лицо совершило преступление, является необходимым условием для избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу [1. § 114]. Обоснованное подозрение является, по мнению руководства ряда судов субъектов Федерации, существенным и необходимым признаком, без которого невозможно применение какой-либо меры пресечения, особенно заключения под стражу. Это своего рода фильтр, который позволяет избежать необоснованного заключения под стражу.

По мнению некоторых авторов, первым условием для заключения под стражу является «оценка в определенной степени *обоснованности обвинений* (выделено нами. – А.З.)» [2. С. 271].

Обязанность суда проверить доказанность наличия обоснованного подозрения лица в совершении преступления при решении вопроса об избрании / продлении меры пресечения в виде заключения под стражу следует из правовых позиций как ЕСПЧ [3. § 202], так и Конституционного Суда РФ [4]. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 г. разъясняется, что обязанность проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению лежит непосредственно на самом суде при рассмотрении ходатайства о мере пресечения. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление (об имевшем место событии преступления и о причастности к нему подозреваемого).

Отечественная правовая доктрина испытывает определенные колебания относительно стандарта обоснованности подозрения (обвинения), при нали-

чий которого возможно принятие решения о заключении под стражу.

Уголовно-процессуальное законодательство и позиции высших судебных инстанций едины в том, что суды должны подходить к определению обстоятельств, указанных в ст. 97 УПК РФ, не формально, а по существу. Тем самым усиливается правозащитный эффект этих правовых предписаний и, значит, ограничивается применение заключения под стражу.

В уголовно-процессуальной литературе предложение о придании обоснованному подозрению (обвинению) значения самостоятельного «основания» не раз подвергалось критике [5. С. 80]. Между тем, на наш взгляд, вопрос о квалификации правовой конструкции «обоснованное подозрение»: условие или основание, не столь уж и важен. Важно то, что наличие обоснованного подозрения в любом случае не должно рассматриваться в качестве основания для заключения под стражу.

Как указывается в современной уголовно-процессуальной литературе, стандарт доказанности для определения обоснованного подозрения гораздо мягче, чем для постановления обвинительного приговора. Стандарт доказывания «разумного подозрения» для целей ареста значительно более низкий, чем стандарт доказывания в самом уголовном процессе [2. С. 271].

Некоторые специалисты под «разумным подозрением» понимают «возможную причастность лица к преступлению». Очевидно, что на данном этапе вина этого лица еще не доказана – не собрано достаточно доказательств, не проведено полноценное слушание и т.д. Достаточно косвенных улик, чтобы обосновать необходимость предварительного заключения лица, в то время как их может быть явно недостаточно для того, чтобы вынести обвинительный приговор [6. С. 57].

Это вполне соответствует позиции Конституционного Суда РФ, который в определении от 12 июля 2005 г. № 330-О указал: «Факты, обосновывающие подозрение при применении ареста, не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, что и те, которые необходимы для предъявления обвинения следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу».

Более близка к анализируемому стандарту позиция тех, кто является приверженцем теории о «стандартах доказанности», «степени убедительности» фактов, подтверждающих обоснованность подозрения, и фак-

тов, достаточных для постановления обвинительного приговора, которые имеют место в классическом учении о доказательствах. По словам М.А. Никонова, если виновность лица в совершении преступления должна быть доказана «beyond reasonable doubt» (вне разумных сомнений), то обоснованность подозрения проверяется «здесь и сейчас», что не предопределяет дальнейших решений по делу: если, например, суд при избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу счел, что обоснованность подозрения не установлена, это не препятствует сотрудникам правоохранительных органов продолжать расследование [6. С. 58].

В этом же направлении рассуждают и авторы «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России». В их определении «обоснованное предположение» – это «предусмотренный настоящим Кодексом (первый) необходимый доказательственный стандарт для производства следственных действий, ограничивающих конституционные права личности, или применения мер процессуального принуждения, представляет собой такую совокупность фактических данных, которые привели бы объективного здравомыслящего человека к выводу о возможности совершения преступления подозреваемым лицом» [7. С. 12].

Приведем примеры выполнения судами на практике этого стандарта, который в своей основе имеет положения ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решения ЕСПЧ. Так, в постановлении Борского городского суда Нижегородской области от 19.05.2015 г. об избрании подозреваемому Кириченко К.В. меры пресечения в виде заключения под стражу суд, обосновывая подозрения Кириченко в краже чужого имущества, указал следующее: «...обоснованность подозрения Кириченко подтверждается показаниями Волкова, Ионовой, Люлюкина, указавших на Кириченко как на лицо, совершившее преступление, а также показаниями свидетеля Панковой, указавшей, что Кириченко сбывал ей похищенное» [8]. В постановлении Кстовского городского суда Нижегородской области от 03.10.2015 г., в котором суд, избирая Ежову В.Н., подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного пунктом «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, в качестве меры пресечения заключение под стражу, надлежащим образом проверил обоснованность подозрения Ежова В.Н. в совершении инкриминируемого ему деяния. Так, в данном постановлении судья указал, что «обоснованность подозрения Ежова в инкриминируемом ему преступлении подтверждена представленными материалами, а именно показаниями потерпевшего Ежова Д.А., показаниями свидетеля Калашниковой А.И., протоколами осмотра места происшествия от 29.09.2015 г. и 30.09.2015 г., справкой Кстовской ЦРБ о наличии телесных повреждений у потерпевшего» [9]. Другим примером того же рода может выступать постановление Саровского городского суда Нижегородской области от 06.07.2015 г., в котором суд, избирая Чернышеву А.А. в качестве меры пресечения заключение под стражу, надлежащим образом проверил и обосно-

вал в постановлении подозрение Чернышева в совершении инкриминируемого ему деяния. В данном постановлении судья указал, что «помимо явок с повинной, причастность Чернышева к инкриминируемым ему преступлениям подтверждается протоколом допроса Чернышева, в качестве подозреваемого, протоколом проверки его показаний на месте, протоколами осмотра места происшествия, допроса свидетелей и потерпевших» [10].

В связи с анализируемым стандартом нельзя не упомянуть о том, что ЕСПЧ неоднократно отмечал недопустимость шаблонности мотивировки постановлений об избрании / продлении содержания под стражей [11. § 70]. Так что в продолжение темы о стандарте обоснованности надо специально отметить, что одно лишь упоминание в судебном решении оснований, перечисленных в ст. 97 УПК РФ, в отсутствие ссылки на конкретные факты и доказательства, обосновывающие эти основания, свидетельствует о его незаконности и необоснованности.

Действие этого стандарта мы можем проиллюстрировать следующими примерами из практики. Так, постановлением судьи Семеновского районного суда Нижегородской области от 15.05.2015 г. подсудимому Качалову А.А. продлен срок содержания под стражей на два месяца. Отменяя данное постановление, апелляционная инстанция обратила внимание на то, что суд не исследовал в судебном заседании материалы уголовного дела, необходимые для принятия решения о продлении срока содержания под стражей, которые свидетельствовали бы о реальной возможности совершения им действий, указанных в ст. 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении него иной меры пресечения, а также не заслушал по данному вопросу государственного обвинителя, подсудимого, защитника и явившихся в судебное заседание потерпевших. Апелляционным постановлением Нижегородского областного суда от 15.05.2015 г. данное постановление суда первой инстанции отменено, принято новое решение о продлении подсудимому Качалову А.А. срока содержания под стражей на два месяца, т.е. по 25.06.2015 г. включительно [12].

Продолжая тему об *обоснованности обвинения*, следует отметить, что судья не только может, но и должен рассматривать доказательства при решении вопроса о мере пресечения. В противном случае участие судьи в решении этого вопроса теряет смысл. Роль судьи состоит не только в проверке формальной законности заключения под стражу, включая возможность применить его в связи с обвинением по определенной статье УК РФ, на которую ссылается следователь в своем ходатайстве, такую меру пресечения. Несомненно, судья обязан убедиться, что по данному обвинению может быть применено заключение под стражу, что у задержанного нет статуса одного из лиц, указанных в статье, что срок его содержания под стражей не превысил допустимых пределов и т.д. Однако этим функции суда не исчерпываются. Судье следует рассмотреть доказательства, которые есть в

деле, и решить, достаточно ли их для «разумного подозрения» против лица, которое предполагается взять под стражу [2. С. 272].

В постановлениях от 30.08.1990 г. по делу «Фокс, Кэмбэлл и Хартли против Соединенного Королевства», от 28.10.1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства», от 19.05.2004 г. по делу «Гусинский против России» ЕСПЧ признал, что подозрение как необходимое основание заключения под стражу должно базироваться на фактах и информации, убеждающей объективного наблюдателя в причастности подозреваемого к совершению преступления.

Пленум Верховного Суда РФ № 41 обратил внимание на то, что в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 УПК РФ суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также наличию оснований и соблюдению порядка задержания подозреваемого (ст. 91 и 92 УПК РФ); наличию предусмотренных ст. 100 УПК РФ оснований для избрания меры пресечения до предъявления обвинения и соблюдению порядка ее применения; законности и обоснованности уведомления лица о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ; соблюдению порядка привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, регламентированного гл. 23 УПК РФ.

При этом появилось представление о том, что недопустимо при разрешении ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, которым предъявлено обвинение, утверждать, что проверяется обоснованность не подозрения, а обвинения. Иными словами, судам ставятся в упрек любые формулировки, прямо или косвенно указывающие на то, что проверялась «обоснованность обвинения», «совершения преступления» и пр. В решениях о заключении под стражу допустимо обсуждать тему об обоснованности не обвинения, а исключительно подозрения: в проверку обоснованности обвинения судья не может входить, так как тем самым якобы порождается угроза предрешиения вопроса о виновности. Иными словами, суду при избрании меры пресечения

в виде заключения под стражу как в отношении подозреваемого, так и в отношении обвиняемого необходимо проверять лишь обоснованность подозрения в совершении лицом инкриминируемого ему деяния.

Таким образом, на настоящий момент сложилось такое понимание данного стандарта, что проверять обоснованность обвинения суд на данной стадии уголовного судопроизводства не вправе, поскольку не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу, в том числе и об обоснованности обвинения. Иное поставило бы под угрозу самостоятельность и независимость суда, рассматривающего уголовное дело по существу. С этой позиции вышестоящим судом и оцениваются решения судов о заключении под стражу.

Приведем характерный пример применения данного стандарта. Дзержинский городской суд Нижегородской области в постановлении от 10.12.2015 г., избирая обвиняемому Бочкареву В.С. меру пресечения в виде заключения под стражу [13], в обоснование принятого решения сослался на то, что «Бочкарев В.С. совершил преступление, предусмотренное ст. 161 ч. 2 п. «г» УК РФ – грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья», тем самым вошел в обсуждение вопроса о доказанности инкриминируемого Бочкареву деяния, что на данном этапе расследования недопустимо. Апелляционным постановлением Нижегородского областного суда от 31.12.2015 г. данное постановление суда первой инстанции изменено, вышеуказанная формулировка из описательно-мотивировочной части постановления исключена [14].

Итак, судебные контрольные инстанции выработали применяемый на практике стандарт (исходя из международно-правового стандарта «обоснованности / доказанности подозрения»), согласно которому обсуждение в постановлении о мере пресечения вопроса о виновности лица в совершении инкриминируемого ему деяния является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и является основанием для отмены (изменения) этого постановления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление ЕСПЧ от 15.07.2002 г. по делу «Калашников против Российской Федерации», жалоба № 47095/99 // СПС Консультант-Плюс.
2. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т.Г. Моршковой. М.: Мысль, 2012. 584 с.
3. Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 г. по делу «Ананьев и другие (Ananyev and Others) против Российской Федерации», жалобы № 42525/07, 60800/08 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 8. С. 7, 96–152.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2004(2005) № 5(4)-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 14. Ст. 1271.
5. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 136 с.
6. Никонов М.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2006. № 4. С. 50–61.
7. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А.С. Александров, И.А. Александрова и др. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
8. Дело № 1-217/2015. URL: <http://borsky.nnov.sudrf.ru/>
9. Уголовное дело № 1-359/2015 (1-33/2016). URL: <http://kstovsky.nnov.sudrf.ru/>
10. Архив Саровского городского суда Нижегородской области
11. Постановление ЕСПЧ от 03.03.2011 г. по делу «Царенко (Tsarenko) против Российской Федерации», жалоба № 5235/09 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 4. С. 8, 66–79.
12. Дело № 1-48/2015. URL: <http://semenovsky.nnov.sudrf.ru/>
13. Архив Дзержинского городского суда Нижегородской области. URL: <http://dzerginsky.nnov.sugrf.ru/>
14. Уголовное дело № 22-6823/2015. URL: <http://oblsudnn.ru/>

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 июня 2016 г.

CERTAIN ASPECTS OF THE INTERNATIONAL LEGAL STANDARD OF THE VALIDITY OF THE COURT DECISION ABOUT THE DETENTION OF THE ACCUSED (SUSPECTED)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 167–170.

DOI: 10.17223/15617793/409/28

Alexander O. Zaytsev, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: zaytsev.aleksander@bk.ru

Keywords: detention; reasonable suspicion; validity of suspicion; international legal standard; positions of the European Court of Human Rights.

The court and parties take a different part in deciding the issue about detention. The degree of participation varies on the different stages of criminal proceedings. The main difference is the initiation of the application of this preventive measure. The article characterizes a standard based on international legal standards standard that determines modern jurisprudence in this area. The components of this standard are: the inadmissibility of the defendants' detention without a judicial decision; judge's duty to check whether the set term expires and grounds for changing the preventive measure; the decision about the preventive measure should be taken as a result of a court hearing involving the parties and the investigation of evidence presented by the prosecution and by the defense. It is noted that effective application of this standard is possible if there is a mechanism of legal regulation of relations arising from the court's decision on the preventive measure in the form of detention. The author examines several elements of this mechanism. Firstly, it is the general position of the court and the legal model of its activities. The impartiality and independence of the court are fundamental principles of this element. The article analyzes the thesis of the court's activity, the court's initiative in deciding on detention and its activity in the proving. It is noted that the court has the right to initiate legal proceedings to use detention. This thesis is one of the actual national standards. It is not directly fixed in international legal standards. Secondly, the author focuses on the institute of the removal of judge. Any circumstance that questions the impartiality of the judge is a ground for the rejection of the judge's participation in the criminal proceedings. Art. 61 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation establishes common grounds for removal of participants in criminal proceedings. The judge should abstain from making any estimates and conclusions on the criminal case. The participation of judges in the proceedings is not valid, if it is associated with the previously estimated circumstances of the case. The position of the ECHR and the existing judicial practice confirm this position. Thus, objectivity and impartiality of the court has particular importance and are a guarantee against unwarranted restrictions of rights and freedoms of the accused.

REFERENCES

1. SPS Konsul'tantPlyus. (2002) ECHR *Resolution of 15.07.2002 on the case "Kalashnikov v Russian Federation"*, complaint 47095/99. (In Russian).
2. Morshchakova, T.G. (ed.) (2012) *Standarty spravedlivogo pravosudiya (mezhdunarodnye i natsional'nye praktiki)* [Fair trial standards (international and national practice)]. Moscow: Mysl'.
3. Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. (2012) Postanovlenie ESPCh ot 10.01.2012 g. po delu "Anan'ev i drugie (Ananyev and Others) protiv Rossiyskoy Federatsii", zhaloby №42525/07, 60800/08 [ECHR resolution of 10.01.2012 in the case "Ananyev and Others v. Russia", complaints N 42525/07, 60800/08]
4. Russian Federation. (2005) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.03.2004(2005) № 5(4)-P [The decision of the RF Constitutional Court of 22.03.2004 (2005), N 5 (4)-P]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 14. Art. 1271.
5. Zinatullin, Z.Z. (1981) *Ugolovno-protsessual'noe prinuzhdenie i ego effektivnost'* [Criminal procedure compulsion and its effectiveness]. Kazan: Kazan State University.
6. Nikonov, M.A. (2006) *Primenenie mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu: pravovye pozitsii ESPCh i KS RF* [The use of a preventive measure in the form of custody: legal positions of the ECHR and the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 50–61.
7. Aleksandrov, A.S. et al. (2015) *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF i kommentarii k ney* [Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of the Russian Federation and the comments to it]. Moscow: Yurлитinform.
8. Case 1-217/2015. [Online] Available from: <http://borsky.nnov.sudrf.ru/>. (In Russian).
9. Criminal case 1-359/2015 (1-33/2016). [Online] Available from: <http://kstovsky.nnov.sudrf.ru/>. (In Russian).
10. Archive of Sarov City Court of Nizhniy Novgorod Oblast. (In Russian).
11. Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. (2012) Postanovlenie ESPCh ot 03.03.2011 g. po delu "Tsarenko (Tsarenko) protiv Rossiyskoy Federatsii", zhaloba № 5235/09 [ECHR resolution of 03.03.2011 in the case "Tsarenko v. Russia", complaint 5235/09]. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. Rossiyskoe izdanie*. 4. pp. 8, 66–79.
12. Case 1-48/2015. [Online] Available from: <http://semenovsky.nnov.sudrf.ru/>. (In Russian).
13. Archive of Dzerzhinsk City Court of Nizhniy Novgorod Oblast. [Online] Available from: <http://dzerginsky.nnov.sugrf.ru/>. (In Russian).
14. Criminal case 22-6823/2015. [Online] Available from: <http://obsudnn.ru/>. (In Russian).

Received: 21 June 2016

ОСНОВАНИЯ ПОВОРОТА К ХУДШЕМУ В СУДЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-03-00413 «Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и несистемные проявления, их предотвращение и пересечение».

Рассматривается современное закрепление понятия «фундаментальные нарушения закона». Анализируются научная литература, кассационная практика, которые свидетельствуют о том, что так и не были разработаны абсолютно-определенные критерии отнесения того или иного нарушения закона к числу фундаментальных. Делается вывод о необходимости отказаться от выделения в законе особых «фундаментальных нарушений закона» и допустить отмену приговора, вступившего в законную силу, по общим кассационным основаниям.

Ключевые слова: производство в суде кассационной инстанции; поворот к худшему; фундаментальные нарушения закона.

В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве, регулирующем кассационное производство, выделяются две группы кассационных оснований: общие кассационные основания (ст. 401.15 УПК РФ) и кассационные основания, являющиеся основанием для отмены приговора с последующим поворотом к худшему (ст. 401.6 УПК РФ). Исследование последней группы кассационных оснований представляется наиболее актуальным, поскольку вопрос об отнесении того или иного нарушения материального или процессуального закона к данной группе является дискуссионным в науке уголовного процесса и правоприменительной практике.

Согласно действующей редакции ст. 401.6 УПК РФ основания поворота к худшему в суде кассационной инстанции определяются как существенные нарушения закона, которые повлияли на исход дела и искажают саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Формулировка этого основания основана на правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации [1]. Соответственно, в дальнейшем данные основания будут именоваться также и «фундаментальными» исходя из терминологии указанного Постановления Конституционного Суда Российской Федерации.

Сравнение формулировок общих кассационных оснований (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) и данного легального определения фундаментальных нарушений закона приводит к выводу, что законодатель стремился ограничить основания поворота к худшему в суде кассационной инстанции, даже по сравнению с общими основаниями отмены или изменения приговора в данном производстве. Для этого им был установлен специальный критерий, отличающий фундаментальные нарушения закона, – «искажение сути правосудия и смысла судебного решения как акта правосудия».

Но формулировку данного критерия следует признать крайне «каучуковой», в связи с тем, что постановление любого неправомерного судебного решения, думается, так или иначе искажает суть правосудия. Этот вывод подтверждается конституционно-правовым пониманием сути правосудия: «Резюмируя приведенные выдержки из решений Конституционного суда РФ, заключаем, что Конституционным Судом под сутью правосудия понимается:

– установление обстоятельств происшедшего и его правильная правовая оценка, выявление причиненного вреда и степени вины лица в его причинении;

– реализация требований о справедливости;

– обеспечение эффективного восстановления в правах;

– предоставление возможности обвиняемому и потерпевшему довести до сведения суда свою позицию по существу дела» [2. С. 88].

Иными словами, любая ошибка, связанная с неправильным установлением фактических обстоятельств уголовного дела, дальнейшей квалификацией преступного деяния и назначением наказания, безусловно, искажает суть правосудия. Однако такое понимание критерия ограничения фундаментальных нарушений закона не только не влечет сужение их объема по сравнению с общими кассационными основаниями, но, напротив, расширяет его до объема апелляционных оснований к отмене или изменению приговора.

Если же обратиться к правовым позициям Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу отмены вступившего в законную силу приговора с последующим поворотом к худшему, то можно отметить следующее. Европейский суд по правам человека неоднократно отмечал, что «...право возобновить уголовное производство должно осуществляться органами государственной власти так, чтобы был максимально соблюден справедливый баланс между интересами лица и необходимостью обеспечить эффективность системы отправления правосудия по уголовным делам...» [3] и «...пересмотр вступившего в силу и подлежащего исполнению судебного решения не должен дозволяться только лишь для целей повторного пересмотра и нового рассмотрения дела, но, скорее, для исправления юридических ошибок и ошибок, допущенных при отправлении правосудия» [4]. Но в этих позициях Европейским судом по правам человека выражено отношение к основаниям отмены вступившего в законную силу приговора вообще, безотносительно того, идет ли речь о последующем улучшении или ухудшении положения осужденного.

Свое отношение к возможности ухудшения положения осужденного он высказал лишь применительно к делу «Эдуард Чистяков (Eduard Chistyakov) против Российской Федерации». В данном решении была

закреплена следующая правовая позиция: «В противном случае бремя последствий ненадлежащего проведения властями предварительного расследования было бы полностью возложено на заявителя, и, что более важно, одно только предположение о наличии недостатков или ошибок в процедуре расследования независимо от того, насколько малыми и незначительными они могут быть, создавало бы для стороны обвинения неограниченную возможность для злоупотребления процедурой путем требования о возобновлении производства по оконченным разбирательствам. Европейский суд полагает, что обвиняемый должен извлекать выгоду из ошибок национальных органов. Другими словами, ответственность за любую ошибку, допущенную органами преследования или судом, должно нести государство, и ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица» [5]. Таким образом, в качестве общего правила Европейским судом фактически был признан запрет на отмену приговора с целью последующего ухудшения положения осужденного, если такая отмена вызвана ошибками, допущенными национальными судебными органами и органами предварительного расследования.

В современном отечественном уголовно-процессуальном законодательстве в отдельный период также действовал абсолютный запрет на возможность поворота к худшему после вступления приговора в законную силу (ст. 405 УПК РФ в первоначальной редакции). Однако данное правило было признано неконституционным в связи со следующим: «...исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших. ...Применительно к личности потерпевшего это конституционное предписание предполагает обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы уменьшение чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством» [1].

Таким образом, формулируя понятие фундаментальных нарушений закона в том виде, в котором оно в общем воспроизведено в ст. 401.6 УПК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации исходил, прежде всего, из положения о несправедливости лишения потерпевшего права на защиту своих прав и законных интересов. При этом целью закрепления понятия фундаментальных нарушений закона была необходимость их ограничения по сравнению с общими кассационными (в настоящее время – апелляционными) основаниями. Однако ни Европейский суд по правам человека, ни Конституционный Суд Рос-

сийской Федерации не требовали отграничения фундаментальных нарушений закона от действующих в настоящее время кассационных оснований для отмены или изменения вступившего в законную силу приговора.

В научной литературе отдельные авторы, основываясь на данных позициях Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации, предпринимали попытки обоснования особых критериев, которые бы позволяли оценивать то или иное нарушение закона как фундаментальное либо как не имеющее такого значения. В частности, были высказаны предложения о следующих возможных критериях:

1) нарушения закона, которые влекут несправедливость судебного решения [6. С. 51];

2) нарушения, выразившиеся в лишении или ограничении права участников уголовного судопроизводства на справедливое судебное разбирательство [7. С. 87];

3) нарушения, которые извращают основные принципы уголовного процесса и наносят существенный вред авторитету суда [8. С. 51–52];

4) нарушения, не требующие особых усилий сторон и суда по их выявлению, и без их исправления невозможно восстановление нарушенных прав [11. С. 182];

5) процессуальные нарушения, затрагивающие принципы равенства сторон и независимости суда, а также наиболее грубые ошибки применения уголовного закона [10. С. 205–207];

6) нарушения, затрагивающие принцип сбалансированности публичных и частных интересов [11. С. 55].

В свою очередь, например, Н.Н. Ковтуном вовсе не выделяются никакие критерии, а лишь подчеркивается, что фундаментальные нарушения уголовного закона ни в коем случае не должны отождествляться с существенными нарушениями закона [12. С. 51].

Однако, положительно оценивая перечисленные точки зрения о формулировании определенных критериев, которые будут позволять решать практические вопросы отнесения того или иного нарушения закона к числу фундаментальных, следует признать, что в них лишь заменялись «каучуковые» формулировки закона другими синонимичными формулировками. Это приводит к тому, что, в принципе, любое конкретное нарушение закона может быть истолковано как фундаментальное, или как не имеющее такого характера, в зависимости от того значения, которые авторы придают той или иной норме закона. Таким образом, объективный критерий выделения фундаментальных нарушений так и не был сформулирован.

Думается, что такое положение в науке уголовного процесса оказало прямое влияние и на судебную практику. В частности, если обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, то в нем можно обнаружить следующие разъяснения относительно фундаментальных нарушений закона: «Неправильное применение уголовного закона, являющееся основанием для пересмотра судебно-

го решения в кассационном порядке с поворотом к худшему, может выражаться, например, в квалификации содеянного по уголовному закону о менее тяжком преступлении. К числу нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, могут быть отнесены, в частности, нарушения, указанные в пунктах 2, 8, 10, 11 части 2 статьи 389.17, в статье 389.25 УПК РФ, а также иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такое лишение либо такие ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда» [13].

В данном случае Верховный Суд Российской Федерации привел четыре примера фундаментального нарушения уголовно-процессуального закона и один пример фундаментального нарушения уголовного закона. Однако сформулированный им критерий отграничения фундаментальных нарушений закона общих кассационных оснований нельзя признать приемлемым по следующим причинам. Во-первых, Верховный Суд вновь заменил оценочные понятия уголовно-процессуального закона на другие оценочные понятия, которые были закреплены в ранее действовавшей редакции ч. 3 ст. 405 УПК РФ и относительно которых так и не было достигнуто единообразие в судебной практике. Во-вторых, пример фундаментального нарушения уголовного закона (неправильная квалификация) ничем не отличается от соответствующего апелляционного основания к отмене или изменению приговора (п. 2 ч. 1 ст. 389.18 УПК РФ) и общего кассационного основания (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). А значит, в отношении нарушений материального уголовного закона вообще не был сформулирован никакой критерий, позволяющий решить вопрос об отнесении ошибок в его применении к числу фундаментальных.

В свою очередь, проведенное изучение кассационной практики Верховного Суда Российской Федерации, а также президиумов нескольких областных судов позволило выявить следующие нарушения закона, которые признавались судами фундаментальными:

- 1) неверное определение рецидива преступлений и вида исправительного учреждения [14];
- 2) назначение наказания ниже минимально возможного предела [15];
- 3) необоснованное изменение категории тяжести преступления и применение положений ст. 64, 73 УК РФ [16];
- 4) нарушение условий условного осуждения [17];
- 5) неверное применение акта об амнистии [18];
- 6) неопределение размера дополнительного наказания [19];
- 7) неназначение окончательного наказания по совокупности приговоров [20];
- 8) немотивированность и необоснованность выводов областного суда, их противоречие фактическим обстоятельствам дела [21];

9) прекращение уголовного дела судом апелляционной инстанции по нереабилитирующему основанию при отсутствии согласия осужденного [22];

10) одновременное прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию и оправдание подсудимого [23];

11) неосуществление судом апелляционной инстанции проверки и оценки доказательств, приведенных в приговоре, при рассмотрении доводов апелляционной жалобы потерпевшего в части ненадлежащей оценки вышеприведенных доказательств, фактических обстоятельств дела и квалификации содеянного [24].

Для подтверждения противоречивости судебной практики определения того, относится ли то или иное нарушение закона к фундаментальным, как представляется, можно обратиться к ранее действовавшей практике применения ч. 3 ст. 405 УПК РФ. Ведь, как уже было указано до этого, несмотря на различия в формулировках оснований поворота к худшему в ч. 3 ст. 405 УПК РФ и ст. 401.6 УПК РФ, они имеют одну правовую природу – это фундаментальные нарушения закона. Следовательно, анализ применения положений ч. 3 ст. 405 УПК РФ является полезным и для настоящего исследования.

Ранее Верховный Суд Российской Федерации придерживался позиции о необходимости исключения из числа фундаментальных следующих нарушений закона:

«1) вопросы об обоснованности выводов суда первой и второй инстанций относительно доказанности тех или иных обстоятельств дела не могут являться основанием для пересмотра судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного;

2) сомнения в обоснованности выводов суда первой и второй инстанций относительно доказанности тех или иных обстоятельств дела не могут являться основанием для пересмотра судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного;

3) отсутствие мотивированных выводов суда о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, а также надлежащей оценки собранных по делу доказательств, в том числе в части назначения наказания ниже низшего предела без применения ст. 64 УК РФ, не может рассматриваться в качестве фундаментальных нарушений;

4) факт необоснованности в части меры наказания должен рассматриваться в качестве основания к его отмене при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции, но не в порядке надзора (где действие судебного усмотрения ограничено безусловными основаниями отмены приговора);

5) ошибка, допущенная судом первой инстанции при назначении осужденному виду исправительного учреждения, не может быть отнесена к существенным (фундаментальным) нарушениям закона, поскольку данное нарушение не повлияло на исход дела, т.е. на выводы суда о виновности осужденного и назначение ему наказания» [11. С. 48–52].

Сравнение тех нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, которые признаются фунда-

ментальными в настоящее время с перечнями существенных нарушений уголовно-процессуального и уголовного закона (общими кассационными основаниями), приводит к выводу, что никакого общего критерия их разграничения так и не было выработано практически. Напротив, изучение судебной практики свидетельствует, что одни и те же нарушения закона признаются в одних случаях фундаментальными, а в других суд кассационной инстанции не считает их таковыми. Более того, прослеживаются противоречия между определением фундаментальных нарушений закона в судах кассационной инстанции и ранее действовавших судах надзорной инстанции.

Таким образом, очевидно, что подобные формулировки закона за весь период их применения так и не были однозначно истолкованы судебной практикой и им не было дано единообразное доктринальное толкование. Такое положение вещей приводит к состоянию правовой неопределенности, когда участники судебного разбирательства не могут быть уверены в том, что постановленный приговор не будет отменен после его вступления в законную силу в связи с теми или иными нарушениями закона. В данном случае особо нарушаются права осужденных, поскольку речь идет о повороте к худшему, т.е. об отмене приговора с возможной последующей переквалификацией деяния на более тяжкое или назначением более строгого наказания.

Следовательно, возможность модернизации современной законодательной формулировки фундаментальных нарушений закона не представляется возможной. Предложение же установить конкретный закрытый перечень таких нарушений также трудно поддержать, поскольку никем в уголовно-процессуальной доктрине так и не было выработано такого перечня, авторы лишь приводят основные примеры нарушений из судебной практики. И выработать такой перечень не представляется возможным, поскольку судебные ошибки крайне разнообразны, в связи с чем предусмотреть их все в законе заранее не представляется возможным.

Более того, сохранение особого понятия «фундаментальных нарушений» не оправдывается и действующими правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека. Ведь вышеназванные позиции были сформулированы к ранее действовавшему надзорному производству, в котором основаниями отмены или изменения приговора выступали общие апелляционные (в современной терминологии) основания. В настоящее же время в уголовно-процессуальном законодательстве закреплены особые кассационные основания к отмене приговора, вступившего в законную силу, отличные от апелляционных оснований.

Соответственно, более определенным является критерий отнесения тех или иных нарушений уголовно-процессуального закона к числу общих кассационных оснований – их влияние на существо дела. Такой критерий позволяет судам кассационной инстанции каждый раз подробно аргументировать, почему то или иное нарушение оказало влияние на существо дела.

Причем эта аргументация может быть проверена вышестоящими судебными инстанциями. Как уже было показано выше, критерий фундаментальных нарушений – искажение сути правосудия и смысла судебного решения как акта правосудия – не получает достаточного раскрытия в конкретных актах судов кассационной инстанции.

Таким образом, современное состояние неопределенности нормативного закрепления оснований поворота к худшему, как представляется, может быть исправлено тремя основными способами. Первый способ – это отмена всяких ограничений на поворот к худшему, связанных с выделением особых кассационных оснований. Это положение приведет к тому, что любой приговор, несмотря на существо нарушений уголовного или уголовно-процессуального закона, может быть отменен в течение года с момента его вступления в законную силу и при новом рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции положение осужденного может быть ухудшено. Но данное решение привело бы к существенному ущемлению прав осужденного, поскольку в течение одного года после вступления приговора в законную силу он не будет уверен в своем правовом положении. Более того, такое решение вопроса противоречит правовой позиции Европейского суда по правам человека и фактически приводит к тому, что в течение одного года после вступления приговора в законную силу судебные ошибки будут исправляться за счет осужденного.

Другой способ состоит в том, чтобы запретить во все отмену приговора в связи с поворотом к худшему. Данное решение обеспечит большую стабильность обвинительных приговоров и абсолютную недопустимость отмены оправдательного приговора, вступившего в законную силу. Такое решение обеспечит в максимальной степени права осужденных и их уверенность в своем правовом положении после вступления приговора в законную силу. Однако данное решение противоречит действующей позиции Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку может привести к ущемлению прав потерпевшего. Исходя из положений Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, причем речь идет о правах любого участника уголовного процесса, а не только осужденного. Кроме того, в Конституции Российской Федерации специально закрепляется право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52).

Третье решение можно считать компромиссным между двумя вышеописанными. Оно предполагает, с одной стороны, недопустимость отмены приговора после его вступления в законную силу с целью ухудшения положения осужденного, а с другой – возможность такой отмены, если имели место нарушения, отнесенные к общим кассационным основаниям, только по волеизъявлению потерпевшего. Иными словами, такое решение позволит обеспечить стабильность приговоров, вступивших в законную силу в случае, если конкретное преступление не нарушило частных инте-

ресов. В случае же если преступлением был причинен имущественный, физический или моральный вред конкретному лицу, то именно оно и может оценивать вступивший в законную силу приговор как несправедливый и требовать его отмены перед судом кассационной инстанции. В данном случае учтена как позиция Европейского суда по правам человека, так и позиция Конституционного Суда Российской Федерации.

Действительно, осужденный не должен расплачиваться за ошибки, допущенные органами уголовного преследования и судами первой и апелляционной инстанции. Но за такие ошибки не должен отвечать и потерпевший в том случае, если он посчитает, что вынесенный приговор не в полной мере восстанавливает его права.

С позиций нарушения именно частных интересов рассматривает фундаментальные нарушения закона и А.В. Смирнов: «Следовательно, фундаментальными следует считать лишь такие нарушения закона, которые: 1) неправомерно приносят в жертву интересам государства права и свободы личности, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права и Конституции РФ; 2) неправомерно ущемляют права, свободы и законные интересы лица в пользу других лиц» [25. С. 5].

Таким образом, как представляется, фундаментальные нарушения уголовного или уголовно-процессуального закона как особое кассационное

основание должны быть устранены из действующего уголовно-процессуального законодательства, поскольку данное понятие является неопределенным. Соответственно, отмена приговора с поворотом к худшему должна производиться судом кассационной инстанции только по тем уголовным делам, по которым участвуют частные лица и только по волеизъявлению этих лиц, причем основаниями такой отмены должны выступать общие кассационные основания. Это позволит обеспечить надлежащий баланс между правами и законными интересами осужденного и потерпевшего и не допустит возможность перекладывания ответственности за судебные ошибки, допущенные государственными органами, на осужденных.

Следует отметить, что в научной литературе И.С. Дикаревым уже было высказано предложение о необходимости установления единообразия между существенными и фундаментальными нарушениями закона [26. С. 37]. Однако им было отдано предпочтение именно фундаментальным нарушениям. Представляется, что в данном случае принципиальных расхождений с позицией данного автора нет, поскольку суть не в используемом термине, а в его содержании. Автор настоящей работы выступает за сохранение уже привычного термина – существенное нарушение закона, но, как думается, оно может быть названо и фундаментальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие» общества с ограниченной ответственности «Карелия» и ряда граждан: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.05.2005 № 5-П // Консультант Плюс (дата обращения: 25.04.2016).
2. Колмаков П., Обухов И. Что понимать под существенными (фундаментальными) нарушениями, повлиявшими на исход дела? // Уголовное право. 2007. № 6. С. 87–91.
3. Фадин (Fadin) против Российской Федерации (жалоба № 58079/00): Постановление Европейского суда по правам человека от 27.07.2006 // Консультант Плюс (дата обращения: 25.04.2016).
4. Афанасий Семенович Братякин (Afanasiy Semenovich Bratyakin) против Российской Федерации (жалоба № 72776/01): Решение Европейского суда по правам человека по вопросу приемлемости жалобы от 09.03.2006 // Консультант Плюс (дата обращения: 25.04.2016).
5. Эдуард Чистяков (Eduard Chistyakov) против Российской Федерации (жалоба № 15336/02): Постановление Европейского суда по правам человека от 09.04.2009 // Консультант Плюс (дата обращения: 25.04.2016).
6. Дикарев И.С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 49–52.
7. Никитина Л.В. Недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в кассационном и надзорном порядке // Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: сб. науч. ст., посв. памяти проф. Б.А. Познанского / отв. ред. В.М. Корнукова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2010. С. 80–89.
8. Петрухин И.Л. Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе // Государство и право. 2006. № 3. С. 46–53.
9. Потапов В.Д. Категории «существенное нарушение закона» и «фундаментальное нарушение закона» в контексте оснований для отмены окончательных судебных решений в суде надзорной инстанции // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2. С. 181–182.
10. Борисевич Г.Я. О существенных, неустраняемых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 2 (20). С. 199–210.
11. Ярцев Р.В., Гордеева Н.А. Надзорное производство в контексте принципа правовой определенности // Уголовный процесс. 2008. № 4. С. 43–55.
12. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 44–51.
13. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 (ред. от 03.03.2015) // КонсультантПлюс (дата обращения: 25.04.2016).
14. Постановление суда кассационной инстанции от 24.02.2015. Дело № 44у-24/2015 // URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1097352&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=342517 (дата обращения: 25.04.2016).
15. Постановление суда кассационной инстанции от 11.04.2014. Дело № 44у-70/2014 // URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1088135&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=337895 (дата обращения: 25.04.2016).
16. Постановление суда кассационной инстанции от 25.04.2014. Дело № 44у-71/2014 // URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1087620&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=337822 (дата обращения: 25.04.2016).

17. Постановление суда кассационной инстанции от 05.05.2014. Дело № 44у-78/2014 // URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1087693&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=338498 (дата обращения: 25.04.2016).
18. Постановление суда кассационной инстанции от 06.11.2015. Дело № 44у-174/2015 // URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1104941&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=346909 (дата обращения: 25.04.2016).
19. Постановление суда кассационной инстанции от 30.01.2015. Дело № 44у-4/2015 // URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1097355&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=342307 (дата обращения: 25.04.2016).
20. Постановление президиума Томского областного суда от 10.12.2014. Дело № 44у-84/2014 // Архив Томского областного суда.
21. Определение суда кассационной инстанции от 28.05.2015. Дело № 30-УДП15-4 // URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1339350 (дата обращения: 25.04.2016).
22. Постановление суда кассационной инстанции от 12.02.2016. Дело № 44у-1/2016 // URL: https://oblsud--mag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=836691&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=824743 (дата обращения: 25.04.2016).
23. Постановление Президиума Омского областного суда от 20.04.2015. Дело № 44у-23/2015 // URL: https://oblsud--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1149208&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=159419 (дата обращения: 25.04.2016).
24. Постановление Президиума Иркутского областного суда от 28.12.2015. Дело № 44у-125/2015 // URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1203068&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=1069533 (дата обращения: 25.04.2016).
25. Смирнов А.В. О понятии фундаментальных нарушений закона в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 4–6.
26. Дикарев И.С. Об основаниях пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 35–37.

Статья представлена научной редакцией «Право» 23 мая 2016 г.

GROUND FOR A TURN FOR THE WORSE IN COURTS OF CASSATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 171–177.

DOI: 10.17223/15617793/409/29

Mikhail E. Nekhoroshikh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihanekh_92@mail.ru

Keywords: procedure in courts of cassation; turn for the worse; fundamental violations of law.

In the article, the author examines the modern term “fundamental violations of the law”. The author analyzes the decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation in the question of establishing special grounds for a turn for the worse after the sentence comes into force. Particularly, it is noted that the European Court of Human Rights takes the position that it is impossible to reverse a sentence and turn to the worse, if such a reversal is caused by mistakes made by a court or by investigative bodies. On the other hand, the Constitutional Court of the Russian Federation affirms that the impossibility of a reversal of a sentence in force violates the constitutional rights of the victim. Furthermore, the article analyzes specific scientific literature and cassation practice of courts which witness the absence of the criteria for the definition of violations of the law as fundamental. It is noted that such a situation in law enforcement negatively affects the legal status of a convict and leads to legal uncertainty in the question of a reversal of a sentence that is in force. This situation may be overcome in different ways, in particular: 1) the removal of all restrictions of a turn for the worse a year after a sentence has come into force; 2) the prohibition of a turn for the worse after the sentence has come into force, regardless of the produced violations of the law; 3) the possibility of a reversal of a sentence in force on the general cassation grounds, but only on the basis of an appeal of a victim. The analysis of the pros and cons of all options to solve this problem leads to a conclusion that in modern Criminal Procedure Code of the Russian Federation it is necessary to abandon the practice of picking out “fundamental violations of the law” and allow a repeal of a sentence in force on the general cassation grounds. Legal stability must be achieved by limiting the parties who may appeal against a sentence, and not by special grounds for a turn for the worse. This solution will allow taking into account the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, and providing a proper balance between the constitutional interests of a convict and a victim.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2005) *The case on the constitutionality of the Article 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the request of Kurgan Regional Court, the Commissioner's for Human Rights in the Russian Federation, the Industrial and Technical Co-op's "Sodeystviye", the Limited Liability Company's "Karel'ia" and number of citizens' complaints: Resolution № 5-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 05, 2005* [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=53471>. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
2. Kolmakov, P. & Obukhov, I. (2007) Chto ponimat' pod sushchestvennymi (fundamental'nymi) narusheniyami, povliyavshimi na iskhod dela? [What is meant by essential (fundamental) violations that affected the outcome of the case?] *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 87–91.
3. The European Court of Human Rights. (2006) *Fadin v. Russia, no. 58079/00, July 27, 2006*. [Online] Available from: KonsultantPlus. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
4. The European Court of Human Rights. (2006) *Afanasiy Semenovich Bratyakin v. Russia, no. 72776/01, March 09, 2006*. [Online] Available from: KonsultantPlus. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
5. The European Court of Human Rights. (2006) *Eduard Chistyakov v. Russia, no. 15336/02, April 09, 2009*. [Online] Available from: KonsultantPlus. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
6. Russian Federation (2005) *The case on the constitutionality of the Article 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the request of Kurgan Regional Court, the Commissioner's for Human Rights in the Russian Federation, the Industrial and Technical Co-op's "Sodeystviye", the Limited Liability Company's "Karel'ia" and number of citizens' complaints: Resolution № 5-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 05, 2005*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=53471>. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).

7. Dikarev, I.S. (2009) Ponyatie "fundamental'noe narushenie" v ugovnom protsesse [The concept "fundamental violation" in criminal procedure]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 6. pp. 49–52.
8. Nikitina, L.V. (2010) Nedopustimost' povorota k khudshemu pri peresmotre sudebnogo resheniya v kassatsionnom i nadzornom poryadke [The prohibition of turning for the worse in the revision of judgement in cassational and supervisory procedures]. In: Kornukov, V.M. (ed.) *Aktual'nye probl'emy obespecheniya prav lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve: Sbornik statey, posv'ashchennykh pam'ati prof. B.A. Poznanskogo* [Topical problems of ensuring the individuals' rights in criminal procedure: Collection of articles dedicated to memory of prof. Poznanskogo, B.A.]. Saratov: Saratov State Law Academy.
9. Petrukhin, I.L. (2006) Zapret povorota k khudshemu v rossiyskom ugovnom protsesse [The prohibition of turning for a worse in the Russian criminal procedure]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 46–53.
10. Potapov, V.D. (2011) Kategorii "sushchestvennoye narusheniye zakona" i "fundamental'noye narusheniye zakona" v kontekste osnovaniy dlya otmeny okonchatel'nykh sudebnykh resheniy v sude nadzornoy instantsii [The terms of "essential violation of law" and "fundamental violation of law" in the context of the grounds for reversal final judgments in the court of supervisory instance]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*. 2. pp. 181–182.
11. Borisevich, G.Ya. (2013) O sushchestvennykh, neustranimykh, fundamental'nykh narusheniyakh zakona kak osnovaniyakh otmeny ili izmeneniya sudebnykh resheniy po ugovnym delam [On essential, irremovable and fundamental violations of law as the grounds of reversal or changing the judgements in criminal actions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki*. 2 (20). pp. 199–210.
12. Yartsev, R.V. & Gordeyeva, N.A. (2008) Nadzornoye proizvodstvo v kontekste printsipa pravovoy opredel'ennosti [The supervisory procedure in the context of the principal of legal certainty]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 43 – 55.
13. Kovtun, N.N. (2011) Appelyatsionnoye, kassatsionnoye i nadzornoye proizvodstvo v ugovnom protsesse: izyany zakonodatel'nykh novell [Appeal, cassation and supervisory procedures in criminal procedure: the defects of legislative developments]. *Ugolovnyy protsess*. 3. pp. 44–51.
14. Russian Federation (2014) *On application by the courts of the rules of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, regulating cassational instance: Resolution 2 of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation of January 28, 2014*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=176029>. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
15. Novosibirsk Regional Court. (2015) *Resolution of the court of cassation of February 24, 2015. Case no. 44u-24/2015*. [Online] Available from: https://oblsud-nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1097352&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=342517. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
16. Novosibirsk Regional Court. (2014) *Resolution of the court of cassation of April 11, 2014. Case no. 44u-70/2014*. [Online] Available from: https://oblsud-nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1088135&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=337895. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
17. Novosibirsk Regional Court. (2014) *Resolution of the court of cassation of April 25, 2014. Case no. 44u-71/2014*. [Online] Available from: https://oblsud-nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1087620&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=337822. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
18. Novosibirsk Regional Court. (2014) Novosibirsk Regional Court. (2015) *Resolution of the court of cassation of May 05, 2014. Case no. 44u-78/2014*. [Online] Available from: https://oblsud-nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1087693&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=338498. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
19. Novosibirsk Regional Court. (2014) *Resolution of the court of cassation of November 06, 2014. Case no. 44u-174/2015*. [Online] Available from: https://oblsud-nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1104941&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=346909. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
20. Novosibirsk Regional Court. (2014) *Resolution of the court of cassation of January 30, 2014. Case no. 44u-4/2015*. [Online] Available from: https://oblsud-nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1097355&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=342307. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
21. Archive of Tomsk Regional Court. *Resolution of the Presidium of the Tomsk Regional Court of December 10, 2014. Case no. 44u-84/2014*. (In Russian).
22. Supreme Court of the RF. (2015) *Decision of the court of cassation of May 28, 2015. Case no. 30-UDP-15-4*. [Online] Available from: URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1339350. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
23. Magadan Regional Court. (2016) *Resolution of the court of cassation of February 12, 2016. Case no. 44u-1/2016*. [Online] Available from: URL: https://oblsud-mag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=836691&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=824743. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
24. Omsk Regional Court. (2015) *Resolution of the Presidium of the Omsk Regional Court of April 20, 2015. Case no. 44u-23/2015*. [Online] Available from: URL: https://oblsud-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1149208&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=159419. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
25. Irkutsk Regional Court. (2015) *Resolution of the Presidium of the Irkutsk Regional Court of December 28, 2015. Case no. 44u-125/2015*. [Online] Available from: URL: https://oblsud-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1203068&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=1069533. (Accessed: 25th April 2016). (In Russian).
26. Yartsev, R.V. & Gordeyeva, N.A. (2008) Nadzornoe proizvodstvo v kontekste printsipa pravovoy opredelennosti [The supervisory procedure in the context of the principal of legal certainty]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 43–55.
27. Smirnov, A.V. (2008) O ponyatii fundamental'nykh narusheniy zakona v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [On the term of fundamental violations of law in the practice of the Constitutional Court of Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 6. pp. 4–6.
28. Dikarev, I.S. (2014) Ob osnovaniyakh peresmotra prigovorov, opredeleniy i postanovleniy suda v kassatsionnom i nadzornom poryadke [On the grounds of the review of sentences, decisions and court regulations in cassation and supervisory procedures]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 3. pp. 35–37.

Received: 23 May 2016

О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ОСОБЕННОСТЯМИ ПАПИЛЛЯРНОГО УЗОРА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ

Раскрывается теоретическое обоснование и приводятся результаты проведенного коллективного исследования, направленного на установление закономерностей между особенностями строения папиллярного узора и психологическими свойствами человека. Психотипологический подход, используемый в работе, позволил вывести его на уровень поиска корреляционных взаимосвязей с достаточно высокой степенью надежности. Результаты проведенного исследования явились и пониманием необходимости нового взгляда на классификацию общих дактилоскопических признаков, а также предложения, содержащие новации в вопросе этой классификации.

Ключевые слова: психологический тип; психика; генотип; фенотип; тип папиллярного узора; дерматоглифика.

Фактор «личность» в системе «психология – дактилоскопия». В рамках изучения взаимосвязи особенностей папиллярного узора с психологическими свойствами личности необходимо, прежде всего, вычленив из всего многообразия, что называется личностью, элементы, значимые для решения криминалистических задач.

Будучи биологическим механизмом передачи информации, «генотип, как известно, определяет фенотипические, в том числе и психологические, особенности человека» [1. С. 173–176], влияя «на поведение через ряд уровней: биохимический, морфологический, нейрофизиологический» [2. С. 191; 3. С. 191].

Результатом длительного развития психики стало индивидуально осознаваемое, саморегулируемое поведение, способностью к которому характеризуется человек. Сложность и энергозатратность психической деятельности компенсируется результативностью, в которой каждый волевой акт достигает максимума полезного действия.

Закрепление целесообразных сочетаний способов действий для достижения цели с оптимальной энергозатратностью привело к образованию относительно однородных групп поведенческих реакций в рамках психологических типов личности.

Классификацией, характеризующейся достаточно четкими различиями в наблюдаемом поведении как внешнем выражении психической деятельности человека, является типология акцентуированных личностей (П.Б. Ганнушкин, К. Леонгард, А.Е. Личко), разработанная в рамках решения криминалистических задач. Данная типология включает 10 психотипов: циклоид, истероид, эпилептоид, застревающий, параноид, шизоид, сензитив, гипотим, гипертим, конформный [4. С. 282–290].

В процессе проводимого исследования определение психологического типа производилось в три этапа.

1-й этап. С помощью характерологического опросника К. Леонгарда, Г. Шмишека определялась акцентуация личности. Акцентуация участника определяется по шкале, в которой набрано наибольшее количество баллов. В процессе проводимого исследования учитывалось, что, отвечая на вопросы, человек не объективен в собственной оценке. Кроме того, на самооценку человека значительное влияние оказывают факторы социальной среды и ситуативные.

2-й этап. В связи с вышесказанным для достоверности установленной акцентуации, наряду с основной методикой определения психологического типа, применялись дополнительные проективные методики. Каждая из них ориентирована на обнаружение определенных свойств личности, соответствующих психотипической характеристике выявляемых акцентуированных личностей. Отдельные психологические свойства в структуре личности исследуемого выявлялись с помощью методики неоконченных предложений Джозефа М. Сакса и С. Леви, методики «Дом-Дерево-Человек» Дж. Бука, методики «Несуществующее животное» М.З. Дукаревича, восьмицветового теста М. Люшера.

3-й этап. В рамках определения акцентуированного типа посредством анализа вокальных, тональных и смысловых составляющих речи, алгоритм которого был предложен Т.А. Алексеевой [5. С. 116–118; 6. С. 124–125; 7. С. 159–161], проводилась финальная идентификация акцентуированного типа.

Фактор «папиллярный узор» в системе «психология – дактилоскопия». В силу сложной структурной организации кожа представляет собой огромное рецепторное поле, осуществляющее разносторонние функции организма: защитную, иммунную, экскреторную, дыхательную, терморегуляционную, аналитическую.

Структурными единицами кожного рельефа являются папиллярный (кожный) гребень и межгребневая (кожная) борозда. Гребни образуют различные рисунки, которые не изменяются в онтогенезе. Индивидуальная вариативность гребневых рисунков чрезвычайно велика.

Для целей проведенного исследования значимо то, что плод, достигнув определенной стадии развития, делится на устойчивые слои клеток, которые называются зародышевыми листками. Всего зародышевых листков три: эктодерма (наружный), энтодерма (внутренний) и мезодерма (средний). Из эктодермы образуются кожный покров (эпидермис) и нервная система. Эктодерма – самый внешний из трех зародышевых листков. Она делится на две части: покровная эктодерма и нейроэктодерма. Из покровной эктодермы образуется эпидермис, из нейроэктодермы – центральная нервная система. Покровная эктодерма локализуется на наружной поверхности будущего

организма. Что касается нейроэктодермы, то она сначала представляет собой расположенную на будущей спине нервную пластинку, которая потом погружается, сворачивается и замыкается в нервную трубку. Эта трубка и становится центральной нервной системой, т.е. головным и спинным мозгом [8. С. 3–26]. По времени процесс образования узоров папиллярных линий (как сложная структура эпидермиса) совпадает с процессами дифференцировки центральной нервной системы. Из этого следует, что изучаемая взаимосвязь заключается не только во времени зарождения в эмбриогенезе, но и в единстве реализации генетической программы.

Далее, в течение жизни, папиллярные узоры остаются неизменными. Из этого следует, что генетическую предрасположенность, запрограммированные на постепенное развитие свойства и параметры индивида, возможно определить в самом раннем возрасте при помощи дерматоглифических исследований.

Современная наука исходит из системного подхода к анализу общей конституции человека. Организм обладает целостностью, что обуславливает взаимосвязь конституционных и генетических свойств. Различные уровни функционирования человека имеют устойчивые взаимосвязи и потому доступны для объективного научного исследования своих проявлений. «В общем плане основой для этого служит факт генетического единства дерматоглифических структур с другими признаковыми системами организма» [9. С. 42].

Поиск взаимосвязи между папиллярными признаками и психотопологическими свойствами не просто происходит из утверждения о возможности генетического и эпигенетического анализа поведения [10. С. 179], но из значительного количества современных состоявшихся исследований, в фокусе которых находилась схожая взаимосвязь [11. С. 105–108].

Проведенное исследование включало сбор образцов, содержащих информацию о психологических свойствах и дактилоскопических признаках исследуемых, их анализе, фиксацию выявленных закономерностей и систематизацию полученных результатов.

На базе криминалистической лаборатории юридического института Томского государственного университета было проведено исследование взаимосвязи узоров папиллярных линий с психотопологическими свойствами личности. В исследовании приняли участие 250 человек (в возрастном диапазоне от 18 до 45 лет) женского и мужского пола, давших согласие на обработку и хранение необходимых для исследования персональных данных.

По завершении всех этапов определения психологического типа установленная акцентуация считалась достоверной в случае отсутствия противоречий в полученных психодиагностических результатах на всех трех этапах (122 человека). Участники с достоверно определённой акцентуацией делились по психотипу на 10 групп соответственно: гипертимы, гипотимы, застревающие, истероиды, конформные, параноиды, сензитивы, циклоиды, шизоиды, epileптоиды.

В ходе изучения дактилоскопических карт было выявлено внешнее сходство узоров участников, представителей одной акцентуации. К примеру, у участ-

ников гипотимной акцентуации под номерами 19111/2-4 и 240515/2-1 на безымянном пальце правой руки узоры завиткового типа. Оба узора вертикально ориентированные, вытянутые, с внешним расположением центрального (завиткового) потока папиллярных линий относительно дельты (рис. 1, 2).

4. Безымянный

Рис. 1. Папиллярный узор участника № 19111/2-4

4. Безымянный

Рис. 2. Папиллярный узор участника № 240515/2-1

На безымянном пальце левой руки у тех же участников исследования также наблюдаются схожие узоры. Оба узора завиткового типа, вертикально ориентированные, вытянутые, с внутренним расположением центрального (завиткового) потока папиллярных линий относительно дельты (рис. 3, 4).

9. Безымянный

Рис. 3. Папиллярный узор участника № 19111/2-4

9. Безымянный

Рис. 4. Папиллярный узор участника № 240515/2-1

На следующей паре (рис. 5, 6) представлены узоры папиллярных линий двух участников шизоидной акцентуации под номерами 190116/01-68 и 210116/01-70. Оба узора дугового типа, простого вида. Визуально наблюдается деформация в центре узоров на участке папиллярных линий, описывающих уменьшающийся радиус вписанной окружности. На указанном участке наблюдаются такие детали строения узора, как: асимметричное левостороннее разветвление, асимметричное правостороннее слияние, начало и окончание папиллярных линий.

7. Указательный

Рис. 5. Папиллярный узор участника № 190116/01-68

7. Указательный

Рис. 6. Папиллярный узор участника № 210116/01-70

Внешнее сходство было выявлено не только на уровне участников попарно, но и у всех представителей одной акцентуации. Это можно увидеть на примере петлевых узоров участников циклоидной акцентуации (рис. 7–12).

Представленные узоры характеризуются внешней правильностью: папиллярные линии, составляющие наружные и внутренний потоки, образуют хорошо различимую дельту, расположенную горизонтально в нижней половине узора, вертикально – в половине узора противоположных ножкам петель.

Рис. 7. Папиллярный узор участника № 210116/02-75

Рис. 8. Папиллярный узор участника № 151115/1-23

Рис. 9. Папиллярный узор участника № 280315/1-14

Рис. 10. Папиллярный узор участника № 050216/02-3.13

Рис. 11. Папиллярный узор участника № 020216/02-1.22

Рис. 15. Папиллярный узор участника № 240216/02-113

Рис. 12. Папиллярный узор участника № 210116/01-71

Рис. 16. Папиллярный узор участника № 211115/2-12

Сходство папиллярных узоров также видно на примере завитковых узоров участников эпилептоидной акцентуации (рис. 13–18). Отличительной особенностью данных узоров являются вертикальная ориентированность, а также частую деформацию (сжатость) центрального потока папиллярных линий.

Рис. 13. Папиллярный узор участника № 210116/01-79

Рис. 17. Папиллярный узор участника № 110116/01-53

Рис. 14. Папиллярный узор участника № 041215/2-18

Рис. 18. Папиллярный узор участника № 020216/01-1.25

Помимо типа, вида и расположения изучались иные признаки узоров. В частности, большое количество белых линий, типичных для представителей сензитивной акцентуации (рис. 19–24). Вертикально и горизонтально ориентированные, они в некоторых случаях деформировали узор до невозможности определения типа.

Примечательно, что в дерматоглифике белые линии свойственны эмоциональным людям. Вместе с тем представители сензитивной акцентуации характеризуются самой богатой эмоциональной насыщенностью из 10 психотипов.

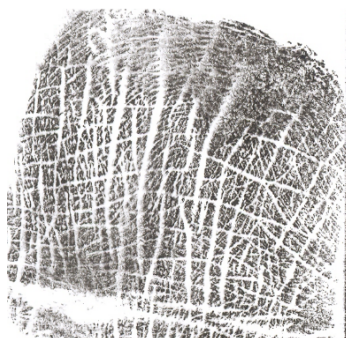

Рис. 19. Папиллярный узор участника № 270216/01-8.24

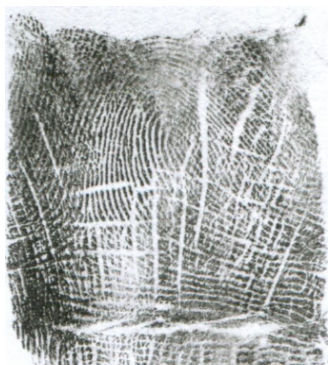

Рис. 20. Папиллярный узор участника № 020116/01-51

Рис. 21. Папиллярный узор участника № 140316/01-112

Рис. 22. Папиллярный узор участника № 311215/01-48

Рис. 23. Папиллярный узор участника № 250316/01-117

Рис. 24. Папиллярный узор участника № 250316/01-118

В рамках исследования изучались не только сходства узоров в каждой акцентуации, но и уникальность, отличающая их друг от друга. Для каждого из психотипов свойственно определенное строение узоров. Можно заметить, как внешне схожи они между собой у представителей одной акцентуации. Это внешнее сходство можно описать определенной совокупностью часто встречающихся признаков. Вместе с тем узоры значительно отличаются у разных групп. Это можно рассмотреть на примере петлевых узоров, типичных для психотипа (рис. 25–34).

Для гипертимов часты сложные петли половинчатого вида (рис. 25).

Рис. 25. Папиллярный узор участника № 040216/02-2.4

У гипотимов тонкие, но четкие папиллярные линии узора. Петли узкие, сильно изогнутые вверх в сторону ножек петель (рис. 26).

У застревающих узору изогнуты меньше остальных. Вершины петель обращены к верхней части противоположного края фаланги (рис. 27).

Рис. 26. Папиллярный узор участника № 050216/02-3.22

Рис. 27. Папиллярный узор участника № 110116/02-62

Истероидов отличают низкие петли, относительно которых высоко поднята дельта (до середины центральной линии) (рис. 28).

Конформным свойственны сложные петли замкнутого вида (рис. 29).

Рис. 28. Папиллярный узор участника № 110116/02-55

Рис. 29. Папиллярный узор участника № 020116/01-50

Петли параноидов в центре узора имеют крутой изгиб, образуя угол до 90 градусов (рис. 30).

Папиллярные линии сензитивов тонкие и нечёткие, центр петлевого узора часто деформирован (несколько линий центра сходятся) (рис. 31).

Рис. 30. Папиллярный узор участника № 050316/02-110

Рис. 31. Папиллярный узор участника № 201115/1-4

У циклоидов в петлевых узорах много таких деталей строения, как: разветвление, слияние, начало и окончание линий. Также свойственны крупные поры, которые при рассмотрении узора невооруженным глазом создают впечатление неровности линий (рис. 32).

У шизоидов ножки петель сходятся у ногтевого края узора (рис. 33).

Рис. 32. Папиллярный узор участника № 050216/02-3.13

Рис. 33. Папиллярный узор участника № 230316/02-115

Петли эпилептоидов самые низкие. Линия в центре узора доходит только до 1/3 высоты узора (рис. 34).

Рис. 34. Папиллярный узор участника № 020116/02-49

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что у представителей акцентуаций имеются схожие признаки в узорах папиллярных линий. Основное внимание в исследовании было сконцентрировано на изучении общих признаков – типов и видов узоров. Из результатов видно, что в рамках рассмотренных групп (акцентуированные типы) имеются тенденции к схожим признакам и особенностям строения узоров.

Таким образом, можно говорить о ценности дактилоскопической информации для групповой идентификации по психотипическому основанию, в дальнейшем использовать данную информацию об узорах папиллярных линий для установления генетически определённых свойств человека, а также о перспективе дальнейших исследований взаимосвязи генотипических и фенотипических характеристик человека.

О необходимости модификации классификации папиллярных узоров. В процессе проведенного исследования было выявлено, что существующая на данный момент классификация папиллярных узоров, основанная на работах Ф. Гальтона и Э. Генри, во многом отвечает нуждам практической работы с пальцевыми отпечатками. В то же время при всех неоспоримых достоинствах эта классификация является недостаточно дифференцированной для использования в процессе научных исследований, требующих более точной формализации внутривидовых различий папиллярных узоров того или иного типа. Для решения данной задачи был предложен простой в практическом использовании метод геометрической дифференциации.

Отправной точкой создания предлагаемого метода, основанного на геометрических построениях, послужило само название одного из видов дуговых узоров – «пирамидальные». Исходя из того что сам термин, скорее всего, изначально был основан на сугубо образном восприятии, было решено взять за основу метода геометрические пропорции классических пирамид – архитектурных сооружений, основанных на так называемом золотом сечении (пропорции). Золотая пропорция – это равенство отношений целого a к большему b и большего b к меньшему c ($a:b = b:c$). Деление целого по золотой пропорции с давних пор известно как золотое сечение. Универсальное число 1,6180339... получило обозначение Φ в честь древнегреческого зодчего Фидия (490–430 гг. до н. э.) [12. С. 9]. Отношение длины

основания классической пирамиды к её высоте равно 1,618 и обозначается символом Φ (рис. 35, 1). Именно это соотношение было изначально положено в основу дифференциации простых и пирамидальных дуговых узоров, но может успешно применяться для дифференциации и точной формализации любых видов дуговых узоров по степени кривизны их дуг. Принцип геометрических пропорций был использован и для дифференциации завитковых узоров, также рассматриваемой в данной статье.

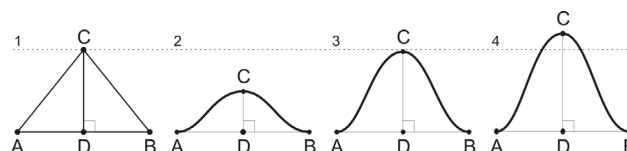

Рис. 35. Геометрические пропорции классической пирамиды и различных видов дуговых узоров:

1 – пирамида; 2 – пропорции простого дугового узора; 3 – пропорции дугового узора, полностью соответствующие правилу «золотого сечения»; 4 – пропорции пирамидального дугового узора

Все описываемые ниже геометрические построения рекомендуется производить на увеличенных копиях исследуемого узора, для чего возможно использование как бумажных копий, так и компьютерных программ – редакторов векторной графики (CorelDRAW, Inkscape и т.п.). Увеличение масштаба никоим образом не влияет на соотношение измеряемых величин и только способствует повышению точности производимых расчётов.

Для дифференциации дуговых узоров геометрические построения и расчёты предлагается производить на базе срединной линии верхнего (дистального) потока папиллярных линий, формирующего основной рисунок узора. Выбор срединной линии в качестве базовой обуславливается тем, что нижние линии дистальных потоков простых и пирамидальных дуговых узоров, как правило, имеют приблизительно одинаковую кривизну, а верхние линии тех же потоков слишком удалены от основной части рисунка и по своей кривизне мало ему соответствуют, являясь, по сути, его «отдалённым эхом».

Суть метода геометрической дифференциации применительно к дуговым узорам состоит в следующем:

1. Определяются две базовых точки на срединной линии верхнего потока в местах начала её так называемого взёма (на рис. 35, 2–4 обозначены как А и В), после чего измеряется расстояние между ними (длина отрезка АВ).

2. Третья базовая точка берётся на вершине срединной линии (на рис. 35, 2–4 обозначена как С) и через неё проводится прямая, перпендикулярная отрезку АВ, точка пересечения с которым является четвёртой базовой точкой (на рис. 35, 2–4 обозначена как D). Измеряется длина отрезка CD.

3. Вычисляется коэффициент k соотношения длин отрезков АВ и CD:

$$k = \frac{|AB|}{|CD|}.$$

В случае, если $k > \Phi$ ($\Phi = 1,618$), данный дуговой узор предлагается относить к простым. Если $k \leq \Phi$, то узор предлагается относить к пирамидальным.

На основе вычисленного коэффициента k возможна формализация данных о степени кривизны дуг типа папиллярного узора в дополнение к существующим методам [13. С. 43], что может найти своё применение в различных научных исследованиях.

Для дифференциации *завитковых* узоров геометрические построения и расчёты предлагается производить на базе дельт и наиболее удалённых от центра узора точек крайней верхней и крайней нижней линий потоков, образующих центральную часть узора (рис. 36).

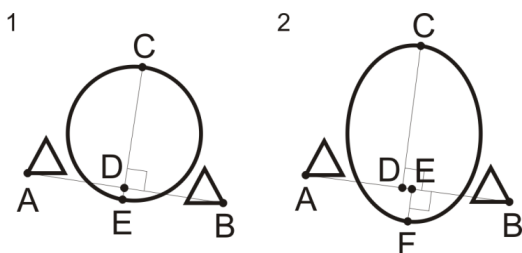

Рис. 36. Геометрические пропорции завитковых узоров:
1 – узор с центральной частью, близкой по форме к окружности;
2 – узор с центральной частью, близкой по форме к эллипсу

Последовательность действий по практической реализации метода состоит в следующем:

1. Определяются две базовые точки на дельтах узора (на рис. 36 обозначены как А и В), после чего измеряется расстояние между ними (длина отрезка АВ). Данные точки определяются по тем же прави-

лам, которые используются при дифференциации петлевых ульнарных узоров при выведении дополнительной части дактилоскопической формулы. В узорах, имеющих более двух дельт, построения выполняются по крайним из них.

2. Определяются базовые точки на крайних папиллярных линиях центральной части узора, примыкающих к верхнему рукаву верхней по расположению дельты и нижнему рукаву дельты, находящейся по своему расположению ниже. Рукава дельт определяются по правилам, которые используются при дифференциации дельт по взаимному расположению при выведении дополнительной части дактилоскопической формулы. Точки берутся в местах, максимально удалённых от отрезка АВ (на рис. 36, 1 обозначены как С и Е, на рис. 36, 2 – как С и F).

3. Через точки, определённые в предыдущем пункте, проводятся прямые, перпендикулярные отрезку АВ. В местах пересечений берутся последние базовые точки (на рис. 36, 1 обозначена как D, на рис. 36, 2 – как D и E) и проводятся соответствующие отрезки (на рис. 36, 1 обозначены как CD и DE, на рис. 36, 2 – как CD и EF). Измеряется длина полученных отрезков.

4. Длина отрезка АВ принимается за единицу, длина остальных отрезков вычисляется пропорционально. Формализованное соотношение геометрических пропорций узора выглядит как $|CD|/|AB|/|DE|$ (рис. 36, 1), например: $1,6/1/0,2$.

Данное формализованное соотношение может использоваться для дополнительной дифференциации различных видов завитковых узоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономарёв С.Б., Пустовалов А.Р., Горохов М.М. Информационные и математические подходы к построению поисковой криминалистической модели преступника с помощью медицинской дерматоглифики // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 2-2. С. 173–176.
2. Атраментова Л.А., Филиппова О.В. Введение в психогенетику. М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт, 2004. 472 с.
3. Александров Ю.И. Психофизиология. СПб.: Питер, 2007. 496 с.
4. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 294 с.
5. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика вокальности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 116–118.
6. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика тональности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 124–125.
7. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159–161.
8. William A. Muñoz, Paul A. Trainor. Neural Crest Cell Evolution: How and When Did a Neural Crest Cell Become a Neural Crest Cell // Current Topics in Developmental Biology. 2015. Vol. 111. P. 3–26.
9. Божченко А.П. Возможности определения идентификационно значимых признаков человека посредством анализа дерматоглифических структур пальцев рук // Проблемы экспертизы в медицине. 2004. № 4 (16). С. 42–47.
10. Генетика и наследственность: сб. статей: пер. с фр. М.: Мир, 1987. 300 с.
11. Мазур Е.С., Звягин В.Н., Дергач Н.С., Ахмедшин Р.Л. Дерматоглифика ладоней: Новые данные и перспективы исследования в плане идентификации личности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 105–108.
12. Цветков В.Д. Золотая гармония и сердце. Пушино: Фотон-век, 2008. 204 с.
13. Мазур Е.С. Дерматоглифика в исследованиях личности: криминалистический и судебно-медицинский аспекты / под ред. В.Н. Звягина. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. 150 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 июня 2016 г.

ON THE CORRELATION BETWEEN THE PROPERTIES OF FINGERPRINTS AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF A PERSON

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 178–186.

DOI: 10.17223/15617793/409/30

Alyona S. Skorevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skorevich.a.s@mail.ru

Ilya S. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fomis2001@mail.ru

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: psychological type; psyche; genotype; phenotype; type of fingerprint; dermatoglyphics.

The article describes the theoretical basis and the results of a collective research aimed at establishing a correlation between the evidence of fingerprint and psychological properties. A psychotypological approach used in the study made it possible to bring the search of correlations to a high degree of reliability. The result of the study is the understanding of the need in a new look at the classification of fingerprint features, as well as new suggestions in their classification. The result of the long development of psyche was an individual, self-regulating behavior, which is an ability characteristic for people. The complexity and energy consumption of psychic activities are compensated for by their productivity, with every act of will achieving a maximum effect. Securing the appropriate combination of modes of action to achieve the goal with optimal energy consumption has led to the formation of relatively homogeneous groups of behavioral reactions in the framework of psychological personality types. Classification characterized by quite clear differences in the observed behavior as the external expression of human mental activity is a typology of accented personalities (P.B. Gannushkin, K. Leonhard, A.E. Lichko), modified as part of the solution for forensic tasks. This typology includes 10 psychological types: cycloid, hysteroid, epileptoid, purposeful, paranoid, schizoid, sensitive, hypothetical, hyperthym, conformal. Modern science is based on a systematic approach to the analysis of the general constitution of a human. The body is integral, which leads to the relationship of constitutional and genetic properties. Different levels of human functioning have stable relationships and, therefore, are accessible to an objective scientific study in its manifestations. In general terms, the basis for this is the fact of the genetic unity of dermatoglyphic patterns with other attributive systems of the body. The result of the study is a conclusion that representatives of accentuation have similar signs in the patterns of papillary lines. The focus of the study was concentrated on the study of general characteristics: types and kinds of patterns. The results show that the examined groups (accentuated types) tend to have similar characteristics and features of the structure of patterns.

REFERENCES

1. Ponomarev, S.B., Pustovalov, A.R. & Gorokhov, M.M. (2013) Information and mathematical approaches to construction of search criminal model of the criminal by means of medical dermatoglyphics. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*. 2-2. pp. 173–176. (In Russian).
2. Atramentova, L.A. & Filipstsova, O.V. (2004) *Vvedenie v psikhogenetiku* [Introduction to psychogenetics]. Moscow: Flinta; Moscow Psychological and Social Institute.
3. Aleksandrov, Yu.I. (2007) *Psikhofiziologiya* [Psychophysiology]. St. Petersburg: Piter.
4. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [The tactics of communicative investigation]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Alekseeva, T.A. (2013) The criminalistic description of vocalicity as a structural element of oral speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 375. pp. 116–118. (In Russian).
6. Alekseeva, T.A. (2013) The criminalistic description of vocalicity as a structural element of oral speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 376. pp. 124–125. (In Russian).
7. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic description of richness of content as a structural element of speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 159–161. (In Russian).
8. Muñoz, W.A. & Trainor, P.A. (2015) Neural Crest Cell Evolution: How and When Did a Neural Crest Cell Become a Neural Crest Cell. *Current Topics in Developmental Biology*. 111. pp. 3–26. DOI: 10.1016/bs.ctdb.2014.11.001
9. Bozhchenko, A.P. (2004) Vozmozhnosti opredeleniya identifikatsionno znachimyykh priznakov cheloveka posredstvom analiza dermatoglicheskikh struktur pal'tsev ruk [Possibilities of identifying important human traits by analyzing dermatoglyphic structures of fingers]. *Problemy ekspertizy v meditsine*. 4 [16], pp. 42–47.
10. Vasetskiy, S.G. (ed.) (1987) *Genetika i nasledstvennost'* [Genetics and Heredity]. Translated from French by A.V. Akulichev. Moscow: Mir.
11. Mazur, E.S. et al. (2008) Dermatoglifika ladoney: Novye dannye i perspektivy issledovaniya v plane identifikatsii lichnosti [Dermatoglyphics of palms: New evidence and perspectives of research in terms of identification of the person]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 312. pp. 105–108.
12. Tsvetkov, V.D. (2008) *Zolotaya garmoniya i serdtse* [Golden harmony and heart]. Pushchino: Foton-vek.
13. Mazur, E.S. (2014) *Dermatoglifika v issledovaniyakh lichnosti: kriminalisticheskiy i sudebno-meditsinskiy aspekty* [Dermatoglyphics in personality research: forensic and medico-legal aspects]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 01 June 2016

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВА Евгения Константиновна – учитель истории и обществознания гимназии № 1 (г. Стрежевой Томской области). E-mail: antonovatomsk@gmail.com

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Лариса Васильевна – соискатель кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: arhangellar@gmail.com

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БЕЛОУСОВА Елена Викторовна – ст. науч. сотр. отдела научно-исследовательской работы Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (г. Тула). E-mail: helenyaspol@yandex.ru

ДЕМЧЕНКО Василий Александрович – студент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: vasiliy.demchenko.1996@mail.ru

ДИМОНИ Татьяна Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: dimonitm@yandex.ru

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Анатолий Владимирович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политологии Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск). E-mail: dobr@sgups.stu.ru

ДОЛИДОВИЧ Олеся Михайловна – канд. ист. наук, доцент кафедры современных образовательных технологий Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: dolidovich@mail.ru

ДУНБИНСКИЙ Илья Александрович – магистрант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dunbunskiy@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Александр Олегович – аспирант кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина. E-mail: zaytsev.aleksander@bk.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КОВАЛЕВСКИЙ Сергей Алексеевич – канд. ист. наук, зав. кафедрой истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачёва (г. Кемерово). E-mail: koval71@mail.ru

КОЗЛОВА Дина Сергеевна – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dina.my-mail@yandex.com

КОНЬКОВ Дмитрий Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: dkonkov@mail.ru

КОСТЕРИН Сергей Владимирович – аспирант кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: kosterin-sergey2014@yandex.ru

КРЫЛОВА Диана Дмитриевна – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: diana.krylova90@mail.ru

МОРОЗОВ Денис Александрович – аспирант кафедры истории России Удмуртского государственного университета (г. Ижевск). E-mail: dr.oprichnik@yandex.ru; dr.oprichnik@gmail.com

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна – канд. ист. наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

НЕКРЫЛОВ Сергей Александрович – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: medicinahistory@yandex.ru

НЕХОРОШИХ Михаил Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: mihaneh_92@mail.ru

НИКИТАШИНА Светлана Олеговна – директор библиотеки Национального минерально-сырьевого университета «Горный» (г. Санкт-Петербург). E-mail: svnikita65@mail.ru

НИКИТИН Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, библиограф Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: nikitds33@gmail.com

НИКУЛИН Даниил Олегович – аспирант сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: nikdanya@mail.ru

ОГУДОВ Сергей Александрович – искусствовед отдела биофильмографии и международных связей Госфильмофонда России (г. Москва). E-mail: ogudovs@mail.ru

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

СКОРЕВИЧ Алена Сергеевна – студентка юридического института Томского государственного университета. E-mail: skorevich.a.s@msail.ru

СОКОВ Илья Анатольевич – канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Волгоградского государственного университета. E-mail: isokov@mail.ru

СОКОЛОВА Татьяна Леонидовна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: taniavol@yandex.ru

СПИЧАК Александра Владимировна – науч. сотр. научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований, преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета. E-mail: spichak-89@mail.ru

СУСЛОВ Алексей Юрьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского технологического университета. E-mail: plusha131333@yandex.ru

ФОМИНЫХ Илья Сергеевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: fomis2001@mail.ru

ФОМИНЫХ Сергей Федорович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович – д-р ист. наук, зав. кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2016 г. был выпущен 401 номер. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д. А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2016 № 409 Август

Председатель научно-редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 августа 2016 г.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 22. Тираж 250 экз. Заказ № 2024.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина

Корректор – Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28